Куплена. 5 / 332. Ша

ПБ 31

Ил

Петра Стојадиновића
ген. директора „Заставе" д. д.
у Новом Саду
5. IV. 1923.

Робїнзонѣ у одѣянїю.

Р 642
БИБЛИОТЕКА
И. Бр. 53 912

ЖИВОТЪ
И
ЧРЕЗВЫЧАЙНА ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВНАГО АНГЛЕЗА
РОБІНЗОНА
КРУССЕ
ОТЪ
ІОРКА
СОБСТВЕННОМЪ РУКОМЪ
НѢГОВОМЪ СПИСАННА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изъ Нѣмецкаго Н. Лазаревичемъ преведенна.

ВЪ БУДИМѢ

Печатана писмены Кралевск. Всеучилища.

1799.

Полно увѣренъ, што ты благоразсудни Читателю отвеличине Книге ове уплашитисе нећешъ; таковую до конца прочитати, кое воистинну и труда заслужава. Сви Европейски Народи и данасъ Книгу ову съ великимъ услажденїемъ читаютъ, и обще разширена похвала нѣйзина преходитъ отъ отца на сына, отъ сына на унука и тако отъ рода въ родъ.

Овде хоћешъ наћи све сами порядокъ чудесъ провидѣнїя Небесногъ, кои не само штоће тебе отмѣнно увеселити, и благоразумно сердце твое рѣкомъ сладости, него їошъ и самому вѣчному существу тебе ближе привести. —

Видећешъ далѣ, тко съ случаи свѣта овога управля, кое о тебе истина и досадъ познато было, али можетъ бити,

не овако ясно, како штоћешъ у дивной повѣсти овой читати.

Знамъ добро, како штосе отъ благоразсудности твое и очекивати можетъ; да ты прехвалнога *Робїнзона* перво: аки страдалца; второ: аки истинаго Пустиника разсмотраваши будешъ. Писатели Нѣмецки нису до то доба престали, докле годъ нису прави нѣговомъ собственомъ рукомъ списани *Оригїналъ* у кралѣвской *Англїйской* Бібліотеки изнашли, и неотложнимъ трудомъ у чистоћу свога Языка довели.

Я отъ стране мое несматраюћи нато нимало, штоће преводъ Книжице ове, као што э обыкновено, общой Крітїки подложанъ быти; труда отнюдь щадїо нисамъ народни Языкъ мой съ едномъ странномъ и воистинну примѣчанїя достойномъ повѣсти аки криномъ украсити: и желїобы и унапредакъ, и баш до конца жизни мое у дѣлу оваковому себе упражнявати, и коликобы годъ крѣпости Разума и сила мнѣнїя мога досегнути могла, изъ найкрасніихъ *Ауторово* и писателей нѣмсцкихъ, отъ годъ до годъ баремъ съ двема новима Книгама Матерни Языкъ мой украсити. Истина да вѣкъ садашни, тако да рекнемъ: доволно съ просвѣщеномъ разними Языцы украшеномъ Юности, као какова лепа башча съ разними цвѣти украшена есть; али тога ради неваля опетъ ову нашу истину, и многихъ иныхъ Языковъ Матеръ тако презырати; него валя да нїойзи опетъ нове халине скроимо, и примѣру другихъ просвѣщеныхъ Народовъ слѣдуемо, све учити, али Народню свѣщу свою угасити недопустити. И то мыслити неваля, да я преводъ овай не бы у состоянїю бїо, и како мыслимъ, іошть лакше вышимъ штїлусомъ сочинити, алисамъ отъ племениподушнаго Книге ове Фунтора произволенїю ню просто, дабы сватко све ясно разумѣвати могао, къ тому обвязанъ бїо, овако просто составити, кое како што мыслимъ, и више обще похвале заслужити можетъ. Желити бы было, дабы башча Славено-Сербска съ выше оваковыхъ Народолюбцевъ насаждена была,

кои

кои бы примѣру нѣговому подражавали и языкъ свой съ красними моралъ и увеселенїе простирающими Книгами украшавати непрестали.

Преводчикъ.

БЛАГОРОДНОМУ

ГОСПОДИНУ

ПЕТРУ

ОТЪ

АСІМАРКОВИЧЬ

ЖИТЕЛЮ БУДИМСКОМУ,

МОЕМУ

ВЫСОКОПОЧИТАЕМОМУ

БЛАГОДѢТЕЛЮ.

БЛАГОРОДНЫЙ

ГОСПОДИНЕ,

МНѢ

ВЫСОКОПОЧИТАЕМЫЙ БЛАГОДѢТЕЛЮ!

Ево данасъ найблагощастный и найрадостный данъ, когасамъ я текаръ еданъ кратъ у цѢлому самомъ бѢдомъ, и разними противными случаи обтерећеномъ животу моему доживїо, и кадъ небы мене чрезъ овыхъ полныхъ 7^мъ лѢтъ Ваша свудъ проспирающа помощь, и благодѢтелна десница непрерывно защищавала, и овако великодушно у свакому пропивному случаю укрѢплявала, я бы воиспинну на овой пучини страшнаго Океана већь давно нѢговими яросптними таласми погруженъ быо! Разсмотраваюћи *РОБІНЗОНА* аки великаго страдалца купно и пуспинника, и

видећи

видећи да їошть и већи страдалцевъ на свѣту есть него штосамъ я; имаосамъ велику волю нѣга, да бы съ тимъ и моимъ утѣсненіямъ облегчаніе учинїо, на Славено-Сербскїй языкъ превести, и великодушному имени Вашему посвятити; ербое рѣдко наћи было, кто бы 1500 форїнтовъ на общу ползу ову тако радостно жертвовао; како штосте Вы племенитодушный благодѣтелю! кадсамъ Вамъ первый предлогъ за книгу ову учинїо, драговолно жертвовали мени овако говорећи: „ Могу-
„ ли я ползу, или поне увеселеніе
„ каково любимому роду моему
„ учини-

„ учинити, ако я преводъ книге
„ пакове собственнымъ трошкомъ
„ моимъ на свѣтъ издадемъ; на
„ мой Вамъ познани отговоръ ве-
„ ликодушно рекли: не само 1500
„ форїнтовъ, него їошть и све
„ имѣнїе мое у свакому случаю за
„ ползу рода Сербскаго жертвова-
„ ти готовъ есмь.“ О похвали вѣчныя достойный примѣре! О драгоцѣнна рѣдкости вѣка сего! И скоробысамъ быо, кадсамъ већь испину ову исполнену видѣо, чувствомъ радости преобладанъ у обморокъ пао, кадсте Вы къ мени дошли, и у самой златной монети 1500 форїнтовъ аки чистую жертву
народу

народу нашему принели, и мени за трудъ мой 300 готовыхъ форінтовъ отъ тихъ отброили; съ тимъ прилогомъ патріотїческомъ любовїю упалѣни мени говорили: їошпъ и то хоћу да буде, да Вы изъ старога Оріґінала оныхъ 7.мъ образцовъ овога пустинника изсѣћи дадете, да іошпъ и съ тимъ Славено-Сербскій *РОБИНЗОНЪ* аки невѣста вѣнцемъ украшенъ будетъ.

Гдѣ э то право Сербско сердце, кое овде не бы чувствомъ сладости упоено бисеръ радости изъ очїю испустило? слушаюћи овакове племенитодушне рѣчи, кое самаго Демокрита Аѳинскаго застыдяваю!

Овде

Овде свакому ревнителному патріоту перси отъ радости валя да играю; и я Васъ великодушный благодѣтелю! полно увѣрити могу: да Вы отъ цѣлаго нашего славнаго народа Вашему племенитому духу умѣренную похвалу задобити будете. Выстe у свима мени и обще познанымъ явнымъ способамъ, гдѣ э обще добро помощь какову изискивало, первый къ жертвованію готови были. Я воистинну онаго великодушнаго и рѣдкаго благодѣтелства, коестe Вы кромѣ другихъ способовъ како своей единовѣрнѣй нищей учащейся юности, тако истo и Римо-каѳолїческой, не само

къ

къ науки изискуемымъ вещма, него їошть и разнымъ потребнымъ одѣянїемъ радостно чинили, и таковую снабдѣвали, аки чувствителна душа безъ пролитїя слезъ опоменутисе не могу!

Овосу драгоцѣннїи и свѣтлїи, овосу великодущнїи поступцы, коису Ваше древле кровїю заслуженое благородство на ново осведочили, и таковое отъ самыхъ лорберовъ исплетенимъ вѣнцемъ предъ Богомъ и человѣки украсили! и мыслимъ да овакове сїятелне добродѣтели, као штосу ове Ваше, нећеду безъ краснаго награжденїя остати, и Ваша Мати Фортуна, коя э досадъ точїю съ едномъ Факлїомъ предъ Вами свѣтлила, бытиће сада принуждена две упалити и у напредакъ Вашему прехвалному, и до самыхъ облаковъ превознесенному духу їошть ясніе свѣтлити! а я исцину да рекнемъ, да э праведно и достойно, да она десять а не само две упалитъ; ербо какова э полза свѣту и человѣчеству, ако бы Мїдасъ *) нечувственный, како што явни примѣра доволно предъ очима видимо, и мїллїоне имао, а отъ ныхъ ни новчића просяку прегорети не можетъ, а камоли дабы онъ за об-

ще

*) Нѣкїй древный сребролюбацъ кои э отъ Боговъ за свою глупость магареће уши добїо.

ще добро и славу народа свога што-
годъ жертвовао! али нека Мїдасъ
съ онымъ цвећемъ, съ коимсу нѣга
Богови мудрости и добродѣтели
нѣгове ради накитили, свагда као
Мїдасъ украшенъ останетъ, доброе
познато, кудаће онъ съ Наслѣдницы
своими поћи, и предъ ныма съ зла-
тномъ сикиромъ путъ къ Плуто-
ну крчити! али садъ дасе већь ма-
немъ овога славнога мужа — него
да уведемъ истинно слово языковъ
учителя Павла Апостола, кои ясно
говоритъ: Да звѣзда отъ звѣзды,
како што и явно на тверди небес-
нѣй видимо, во славѣ разнствуетъ;
онъ истина овде о воскресенїю
мер-

мертвыхъ бесѣди, а я ово нѣгово
слово безъ сумнѣ и у примѣръ жи-
выхъ узепи могу; ербосу они разн-
ствене звѣзде на земли, кои ме-
жду человѣчествомъ добродѣтелїю
сїяютъ, и судећи нравно, да сви они,
коису овога свѣта добро чинити
могли, али хотѣли нису, неће во-
истинну ни онога звѣзда нына сїя-
ти, него їошть и оно мало свѣтло-
сти, што э имала, бытиће отъ нѣ
отузето и она вѣчно помрачена
остати!

Немыслите великодушный
Господине! да овде искренный
обитатель персѣхъ моихъ, кога
више на овомъ суетномъ свѣту,

ни-

ништо ни опечалити, нити развеселити можетъ, изъ каковаго ласкателнаго намѣренія говори, него башъ све саму и чисту истину исповѣда.

А што э Вашему племенитому сердцу найкраснїю и вѣчную честь учинило, есть то, што э и мой духъ чувствомъ сладости упоило, и истину да рекнемъ: криломъ любкости башъ до верха аѳмосфере восхитило; да Вы нисте на книгу ову изъ страха, да небысте штогодъ штетовали напредъ пренумерантовъ тражили, него башъ изъ саме чисте любови къ народу нашему таковую собственнымъ трошкомъ

комъ Вашимъ, коесамъ веѣь горе сказао, на тѵпъ издали. Далѣ Васъ полно увѣрити могу, даѣедусе сви ревнителнїи народолюбцы самномъ заедно о издатку книге ове душевно радовати, и на славу и честь племенитаго духа Вашего пѣснь Амфїонову согласити. А найпослѣ да искренне мысли сердца мога овако говореѣи цѣлому свѣту явимъ, дасе неѣе знати Кедръ на Лѵвану тако поносити, нити Апполо тако гордо у струнѣ лѵре свое ударати, као штоѣусе я имаюѣи таковаго великаго духа за благодѣтеля своего величати, коему я и све прочее зрѣлаго разума человѣчество, кое

онъ

онъ тако исто све вообще искренно какогодъ и мене любитъ, на общу ползу народа лѣта Несторова доживити желитъ; и сожалуемъ што далѣ вечь писати немогу, ербо э башъ у овому часу шумъ нагле радости перо изъ руке мое исторгао, и сердце мое рѣкомъ сладкихъ чувствованій пловити почело.

ВАШЕГО БЛАГОРОДІЯ

покорный слуга
Н. ЛАЗАРЕВИЧЬ.

ПРЕД-

ЖИВОТЪ
И
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВНАГО АНГЛЕЗА
РОБІНЗОНА
КРУССЕ.

Ясамъ лѣта 1632-го у Граду *Іорку* *) отъ добре фамілїе рожденъ, башъ ако и не изъ оне землѣ, ербо э Отацъ мой пришелацъ изъ *Бремена* **) было, коисе найпре у *Уллу* ***)

А оку-

*) Англїйскаго Прінца Іорка Градъ и Варошъ у Англїи.

**) Такожде Градъ и Варошъ Кралѣвства Англїйскаго.

***) Тако исто Хановеру принадлежащъ.

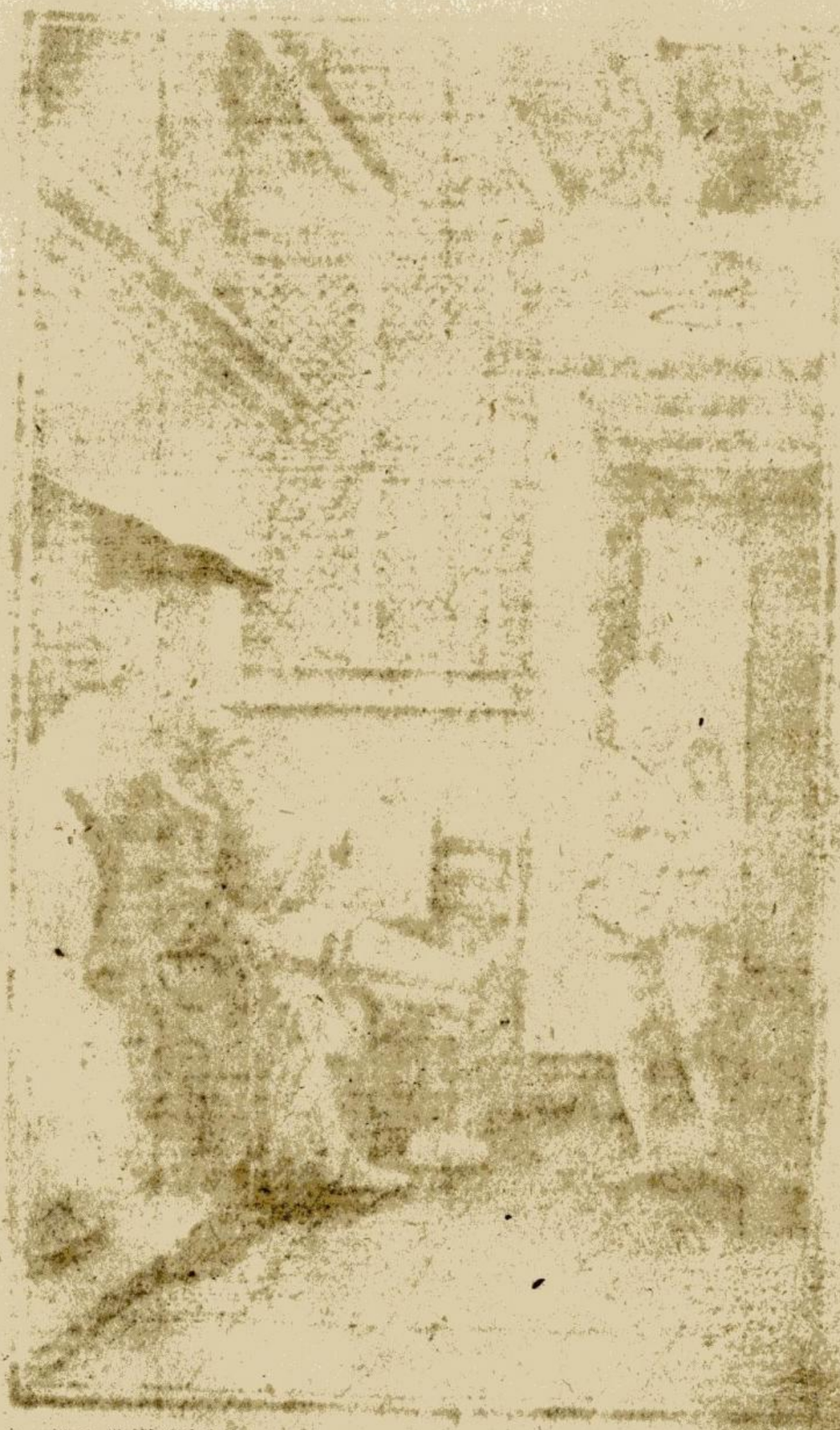
НАУЧНА БИБЛИОТЕКА

окуħio. Онъ э съ терговиномъ себи приличанъ Капïталъ стекао, и после їоштъ болѣ терговати почео; и у вышереченный Градъ *Іоркъ* аки мое матере мѣсто рожденія после преселїосе, коея сродницы све славнїи и храбрїи мужи име *Робїнзоново* водише, отъ когасамъ и я послѣ *Робїнзонъ Крайцнеръ* названъ быо. Садъ обаче обыкновенымъ превраħанѣмъ Англїйски речи именую, и пишу другїи, а такожде и мы сами наше име *Круссе*. И такосу исто послѣ и мои содружницы мене звали.

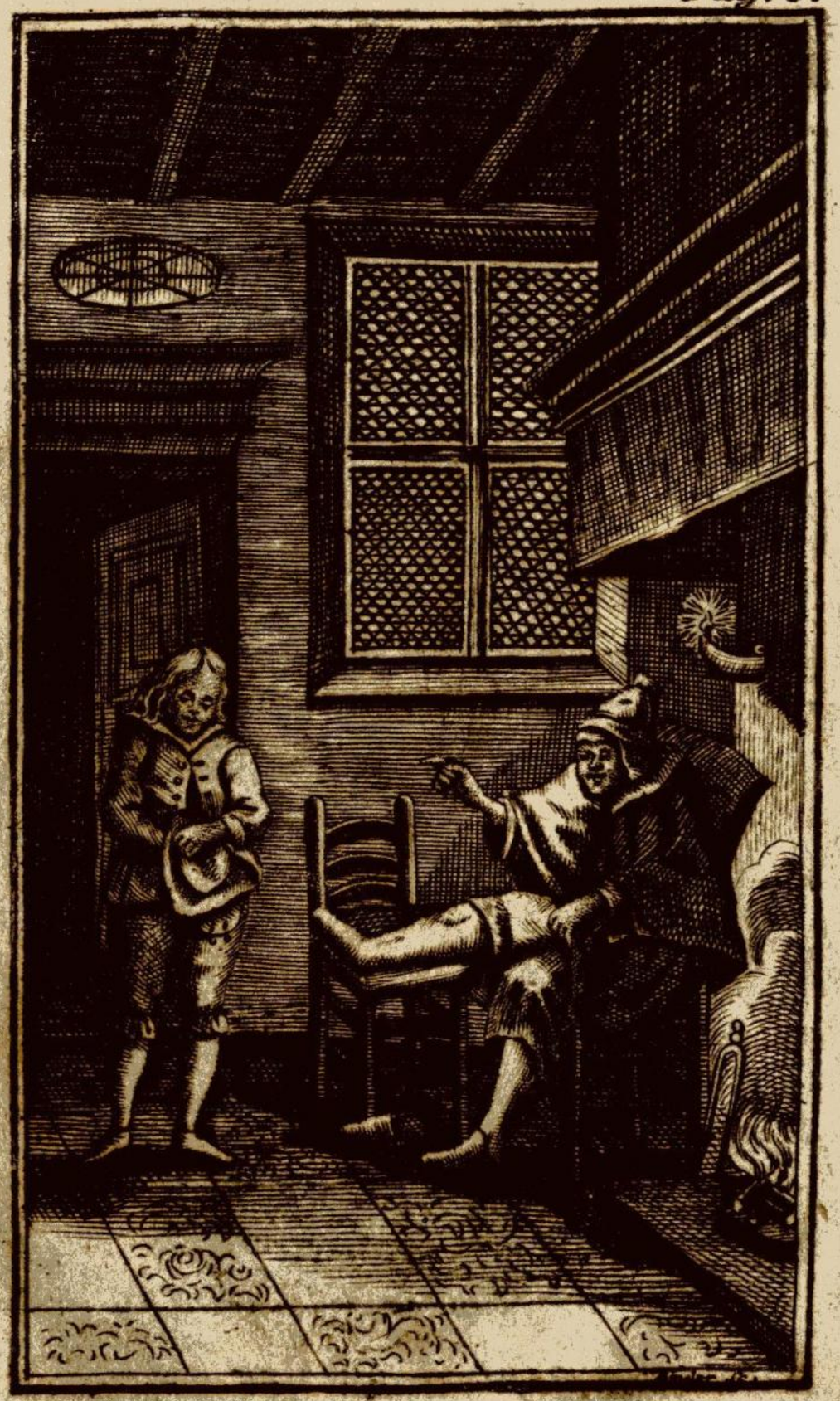
Отъ моихъ двоице старїе браħе бяше еданъ Обрїст-Лайтїнантъ кодъ едногъ Англїйскогъ пешачкогъ полка, кога э преħе славный Обрїстъ Локхартъ управляо (командїрао) овай э у сраженїю съ Шпанїери подъ Градомъ *Дїнкірхенъ* животъ свой изгубїо; а шпосе съ другимъ случило, нисамъ о нѣму никадъ ништа разумео, као што и родители мои о мени ништа чули нису, гдисамъ я доспео, или гдисамъ умрео.

А будуħи да мене аки треħега и послѣднѣга сына къ никаковой терговини учити дали нису, тосе глава моя їошть верло рано съ различними раскошними мнѣніями напунила, Отацъ мой, кои э веħь старость

глубо-



Pag. 3.



Совѣтъ отъ Отца Робинзону.

глубоку достигао быо, дао э мене доволно учити, коликосе годъ чрезъ простpано у дому воспитанїе и отъ части у явноме училищу доћи могло; и хотяше отъ мене Адвоката (Ходатая) учинити. Мени обаче у цѣлому свѣту ништа недопадесе тако сладко, као Мореплаванїя животъ; и ово излишнѣ пожеланїе ополчаваше мене противо волѣ, а такожде и противо заповѣсти и закпеваня Отца мога, и противо свега отговараня Матере мое и другихъ пріятеля, да рекнемъ: тако силно, да ова природна склонность и желя моя, коя э мене у слѣдующу предсрѣтшу бѣду и несрећу башъ аки за власи вукла, нѣчто особно ужасно видится.

Отацъ мой аки постояный и мудрый мужъ дао э мени многократно зрѣлій и изрядный совѣтъ на противъ мога већь нѣму напредъ познатаго намѣренїя. Онъ э зовнуо мене еданъ кратъ рано у ютру у свою собу и мене ради мога намѣренїя остро изобличїо. Онъ э запитао мене, какове узроке имамъ далѣ нежели скитатисе, да я домъ Отца мога, и Отечество мое оставлямъ, у коме я уживанѣ мое верло лако наћи; и надежду предъ собомъ имамъ, трудомъ и прилѣжанїемъ щастїе мое у малотрудномъ и у доволному живота провожденїю снискати?

Онѣ э представїо мени, да нитко нежели люди крайнѣга отчаянїя, или такови, коибы далеко отъ другихъ доћи ради, есусе усудили далеко у свѣтъ поћи, да бы чрезъ предпрїятїя, коя отъ обыкновени пупова други люди далеко отступаю, къ великимъ богатствамъ, къ особной каковой славы достигнути могли.

Све ове вещи есу за мене верло велике, или верло малене; я среднѣму чину или ст ю люди принадлежимъ, о коемъ онѣ изъ долгога искусства добро знаде, да есть найболѣ станѣ на свѣту, и у коемусе э найболѣга человѣческаго благополучїя надати, и што э їошть болѣ, нити у бѣдному тешкому дѣлу, и труда полному животу занатлїе и надничара, нити пакъ отъ высокоумїя, неистовства, честолюбїя и ненависти више Классе люди узнемирено есть. Я дакле благополучїе таковыхъ само изъ тога да разсудимъ, да э ово еданъ начинъ уживания, коему многїи завидили есу, за коимсу и сами Кралѣви многократно узданули, и желили, дабысу средный путь, или стазу међу малимъ сиромашнымъ Народомъ и вышомъ Классомъ людей имати могли; и да э Соломонъ овай чинъ или станѣ; аки истинное щастїе чрезъ то описао: ербо кадсе э

се э онъ Богу молїо овако говорећи: Боже! недайми нити сиромашства нити богатства!

Я само добро да разсудимъ; рекао э онъ далѣ: тоћу свагда наћи, да трудности овога свѣта и живота по међу вышомъ и нижомъ Классомъ людей раздѣлене есу; на противъ тога средня Класса или станѣ людей ни найманѣга неспокойства нейма; нити таковымъ многимъ премѣнамъ, као выше и ниже станѣ или Класса люди подложно есть, нити пакъ многимъ душевнымъ и тѣлеснымъ недостаткомъ подвержено; ербо вышїй чинъ отъ раскошнога живота, неспокойства и неумѣренности на едной; нижїй обаче изъ недостатка разныхъ потребностехъ, тешкога и трудногa дѣла, и слабаго и недовольнаго препитанїя на другой страни, себе наравнимъ слѣдствомъ нынога живота у болесть и бѣду бацаю; да средня Класса людей или станѣ за све начине добродѣтелей и удоволствїяхъ способна есть; да среднѣму щастїю миръ и изобилїе на руку долази, да умѣренность, удоволствїе, здравїе, и доброе содружество; найдражайшее времена провожденїе, и найжелателнѣйшее увеселенїе овому среднѣму щастїю у стопе стае. Да на оваковый начинъ люди цѣлый

свѣтъ

свѣтъ мирно прођу, и изъ нѣга опетъ лако изиђу; и тако нитисе тешкимъ рукодѣлїемъ, нитъ їоштъ што э горе, главоболїомъ муче; нити пакъ за насущный хлѣбъ себе у робство продаю; или отъ несносныхъ обстоятелствъ, коя душу мира и тѣло покоя лишаваю, утруждени, нити дѣйствителномъ завистїю, или тайно горящимъ честолюбїемъ за већимъ станѣмъ и вещма упалѣни бываю, но много выше са свимъ мирно угодно свѣтъ прећу, сладость живота безъ свакога еда уживаю, и дасу сасвимъ благополучни доволно чувствую, и повседневнымъ искусствомъ їоштъ пространіе познавати научаваю.

За тимъ почео э онъ мени живо и безъ шале говорити, да я небы ума лишеный ветрогоня быо, нити себе своеволно у различне бѣде бацао; отъ коихъ мене самое естество и станѣ, у коемусамсе родїо, доволно сохраняваю. Да я никакове нужде неймамъ хлѣбъ мой далѣ тражити. Онѣесе за мене старати, и къ овому начину уживаня мога руку помоћи драговолно дати, и ако я после у свѣту и странствованїю несрећанъ будемъ, тоѣе сами случаи, или собствена погрѣшка моя проузроковати, и да онъ за то нигди отговора дати нейма, напослѣдокъ онъ

онъ рече: да э излишнымъ отговаранѣмъ своимъ за отвратити мене отъ онаковаго намѣренія, о коемъ знаде, даѣе оно мени зѣло убиточно и погибелно быти, већь отеческимъ должностемъ своимъ доволно удовлетворїо. Кратко: како годъ што онъ о свему доброму ништа изоставити хотяше, кадбы я кодъ куѣе остао и по нѣговомъ мнѣнїю и заповѣсти себе управляо; тако исто нехотѣвъ спрећу шога къ моему нещастїю и отшествїю ни у найманѣму чему што помоћи.

Напослѣдокъ э онъ мени мога старїега брата примѣръ предъ очи ставїо, кога э онъ тако исто отъ военне службе у Нїдерланду отвраћао, али спрећу нѣгове младости и жестоке желѣ на войску ићи; гди э онъ после и живота лишенъ бїо, ништа распрaвити нїе могао (еще къ тому придао э) нехотећи престати мене молити; и рекао э: да онъ ређи може, да ако я овай безпутный поступокъ учинимъ, мене Богъ икадъ благословити буде, и даћу я кадгодъ доволно приморaня имати о презрѣнїю нѣговогъ совѣта плачевно размышляваши, и то кадъ већь къ спасенїю и избавленїю моему никакове помоћи человѣческе не буде.

При

При овой послѣднѣй части нѣговогъ слова, кое э воистину нѣчто пророческое было, несматраюћи да мой Отацъ тако мыслїо ніе, примѣтїосамъ я, да нѣму грозне сузе една за другомъ преко лица полетише, а особито кадъ э онъ о моему у сраженїю подъ *Дїнкїрхномъ* погибшему брату проговорїо; и како э онъ на то дошао; и даћу нужде и времена къ раскаянїю доволно имати; нѣга э таково сожалѣнїе неспокоя напало; да э онъ слово свое сасвимъ пресѣкао и мени рекао: да се э сердце нѣгово тако жалости напунило, да онъ више самномъ ништа говорити не можетъ.

Ово э слово мени како стрѣла крозъ сердце прошло; ербо кога овде небы возбудила и заболела душа! заключїосамъ дакле, ни-накаково путешествїе далѣ мыслити, него по желанїю Отца мога у моему Отечеству заостати. Али све забадава, у нѣколико дана изчезнуло э то све.

И кратко: да небы Отацъ мой съ нѣговимъ мени досаднимъ совѣтованїемъ їошћъ еданъ кратъ на вратъ дошао; то намыслїосамъ болѣ преће неколико недѣля отъ нѣга побећи. Али я нисамъ више тако напрасно къ намѣренїю моему спѣшїо, као щто э мене перва наглость къ тому побуждава-

ждавала, него узеосамъ Матерь мою, кадсамъ ю већъ видѣо, да э она съ проћу мене милостивїя нежели преће на страну, и ей обявїо, дасу мнѣнїя моя на томъ твердо основана свѣтъ и люде видѣти, и ако я десетъ коекакви вещи предузмемъ никодъ какве постоянъ остати нећу; и Отацъ мой хоће много болѣ учинити, ако онъ путешествїе мое позволи, нежели да мене принуди и безъ таковаго отити. Ясамъ већъ 18. година старъ, слѣдователно, нитисамъ већъ за терговачкогъ служителя, нити пакъ за Адвокатскогъ ученика способанъ.

И ако башъ то учинимъ, то я доиста време мое одержати нећу; негоћу їошћъ преће истеченїя времене отъ Майстера побећи, и на море отићи. Замолїосамъ ю: да ако она хоће съ Отцемъ моимъ о томъ говорити, да онъ мени путешествїе у стране землѣ позволи, хоћеми дакле особну матерню любовь указати, — и акосе мени тамо недопадне, и несвикне, то кадъ я натрагъ дођемъ, више никаковаго странствованїя закпевати нећу, него оно изгубљѣно време са сугубимъ трудомъ попунити истинно обѣщавамъ.

Моя Мати чувшїй ово пала э абїе у велико душевно неспокойство, и рекла э мени;

да

да она већь све добро знаде, и да штоће годь она о томь отцу моме говорити, ништа друго быти неће, него само едань суетный трудь, отаць мой есть већь о свему тому доволно увѣрень, да намѣреніе мое ништа друго ніе него самая погибель моя, кь чему онь мога собственнаго добра и благостоянія ради никада позволити неможе, и чудиласе, да я съ Отцемь моимь, кое э и ей добро познато, доволни и острый разговорь о томь имао есамь, и кои э мене съ таковима умилителнима речма отъ тога отговарао; икадь на таково штогодь помыслити могу. Кратко: ако хоћу я самь себе у погибель опровергнути, да заме већь на свѣту никакова совѣта нейма, и я преко свега увѣрень да будемь, да я кь путешествію моему отъ ныхь обадвоице дозволенія никада добити нећу. И она отъ нѣзине стране ни найманѣ што, штобы на погибель мою было, учинити неће, и да я никадь доживити нећу, дањесе она у штогодь найманѣ упустити, штобы Отцу моему неповолно было.

Несматраюћи на то што э она прошеніе мое сасвимь отбацила съ Отцемь моимь о томь ништа говорити, то э она опетъ, како штосамь послѣ разумео, нѣму

савь нашь разговорь исказала, и Отаць мой съ великомь жалостію, и глубокимь воздыханіемь ове речи изговоріо: Юноша тай могао бы срећань быти, кадбы онь кодь куће остао; поскиталисе онь у странне землѣ, то воистину мора онь найнесретнїи человѣкь подь Небомь быти. Я дакле соизволеніе мое кь тому никадь дати немогу!

Тако дакле прошло э цѣло лѣто докле-самсе я опетъ на ново узбуніо, и несматраюћи на савь совѣтъ на занатъ каковь поћи; уши мое сасвимь затворіо, и съ родители о томь честосе инатіо, коису наравну склонность мою знали, да я ни кь чему другому никадь склонитисе нећу. Него онамо кудсамь намѣріо противо свію случая поћисамь морао.

Кадсамь я дакле едань кратъ у *Уллу* быо, заиста случайно и безь свакога намѣренія онда побећи, сусрео э мене едань отъ моихь содружниковь, кои на нѣговога Отца Лаћи у Лондонь поћи намѣраваше, и мени съ обыкновенима ласкателныма речма Морепловцевь говорити почео; да ако я хоћу съ нимь на Лаћи поћи, мене ово путешествіе ништа стаяти неће, пошаосамь дакле непитаюћи ни Отца ни Матере, далѣ башь нитисамь ныма што о томь на знанѣ дао,

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ

нити-

нитисамъ я браніо есули они што о томъ чули или какоћеду чути? нисамъ я нити за Небесный, нити за Отчинскій благословъ више браніо, нисамъ ни найманѣ моя обстоятелства, и злая слѣдства промотріо, и отишаосамъ у нещастному часу перваго Септемврія лѣта 1651. на ону већь къ плаванію у Лондонъ готово стоящую лађу. Никада по моему разсужденію едногъ безразсуднаго юноше несреће ніесе раніе започела, нитіе дуже траяла нежели моя. Како э дакле Лађа изъ рѣке *Хумбера* на море изишла, то э силный вѣтарь абіе дыхати, и море страшно шумѣти почело. А будући да я преће тога на мору никада био нисамъ, то самсе дакле абіе съ почетка и разболіо; и притомъ іошћъ и сердечну нѣку ужасну болесть добіо. Садъ дакле стаосамъ башъ заиста размышляваши, штосамъ учиніо, и како праведно судбина Божія мене казни, зато штосамъ изъ дома Отца мога побѣгао, и мою дѣтску покорность погазіо. Сви они добріи совѣти мои любезни родителя, слези Отца мога и мое любезне Матере сердечно и подвизателно увѣщаніе доћошеми скоро на памет, и моя совѣсть, коя онда іошћъ ніе угаснула была, као штосе после случило; мени презрѣніе оногъ доброгъ совѣта и пренебре-

небреженіе моихъ должностей спроћу родителей моихъ чувствително предъ очи ставила!

Мало помало дижесе буря іошћъ већа, и море, на коемсе я преће никадъ возіо нисамъ, нарасло э верло высоко; ако башъ и не онако како штосамъ я послѣ у мало дана доживіо. Но то э више него доволно было мене аки младога морепловца у страхъ и трепетъ метнути, помисліосамъ даће насъ сваки таласъ абіе прогутати, колико годъ крати Лађа по моему мнѣнію себе у просѣлину моря ниспущаваше, и мисліосамъ дасе неће никада више у высину дигнути. У овому сердечному страху учиніосамъ я полный завѣтъ; да ако Богъ на овому точію единому морепланаванію животъ мой сохрани, и я ногу мою кадъ годъ іошћъ еданъ кратъ на суво метнемъ, я управо дома ко отцу моему, и никада више на Лађу ићи нећу, совѣтъ нѣговъ примити, и себе никада више у овакову бѣду упустити нећу. Ясамъ садъ текаръ ясно и добро видіо, како э онъ мудро и истиннито средный чинъ, или состояніе людей хвалио! Како э онъ мирно и спокойно дневе живота свога провео, и да онъ себе нипши на морю бурнимъ погодамъ, нити

на

на суву каковомъ тешкомъ рукодѣлїю подложити дао; заключїосамъ дакле у себи, аки изгублѣни али садъ већь къ покаянїю склонни сынъ себе исправити и кь моему Отцу паки прибѣгнути!

Овай разумный помыслъ траяше толико дуго, колико годъ и буря на морю или да рекнемъ: нѣчто мало дуже, слѣдующїй данъ престала э буря и вѣтаръ, и ясамъ започео море и бурю привикавати. Несматраюћи на све то содержаваосамсе цѣлъ и миранъ, и у размышлѣнїю; али їоштъ свагда воденомъ болестїю одержимъ.

Навече исчистїосе воздухъ, престала э буря и вѣтаръ; и за тимъ было э верло свѣтлый и славный Вечеръ. Солнце свѣтлости полно, и чисто сѣло э у море, и сутра данъ уютру тако исто опетъ изъ нѣга изишло. Мы тадай слаби или башъ никакови вѣтаръ имадосмо, него чисто и равно море како огледало, на кое Солнце ясно и свѣтло сїяше; чиняшемисе лице моря тако нѣчто увеселително, што очи мое їоштъ никада невидѣша!

Настоящу ноћь верлосамъ добро спавао, и више нисамъ болешливъ него весео было; и разсмотраваосамъ со особнимъ увеселенїемъ море, кое э ючерь тако бурно и

страшно было, и тако у кратко време овако кротко и увеселително постаде. Да небы дакле мое прежнѣ заключенїе и обѣтъ мѣста уфатити могло; дошао э онай истїй содружникъ мой къ мени, кои э мене на мореплаванїе навео; куцнуме порамену говорећи: како э, како э, ты плашливїй зече! Ябысе обкладїо; даси ты прећашню ноћь у великоме страху было! гди э само една пуна капа вѣтра дыхала, шта само една пуна капа вѣтра запитаосамга я? та то э была една страшна буря? то э буря ты глупоглаве? рекао э онъ: зовешъ ты оно бурю, што ни труда бурѣю назвати незаслужава!

Дай намъ само дебелу и тверду Лаћу, пакъ їоштъ къ тому чисто и пространo море, то мы за свиранѣ оваковога вѣтрића ни задлаку запитати нећемо; я видимъ брате! даси ты наученъ само у чуну по малима рѣкама, и коекакови потоцы возитисе. Оди да сготовимо, и да пїемо едну чашу пунча; пакъ и друго у тому да попїемо, и погледай какое лепо време! Дакле да ову тешку часть повѣспи мое кратко скажемъ; мысмо учинили дакле онако како штосу морепловцы већь чинити навикли; пунчъ бяше готовъ, и ясамъ отъ нѣга

довол-

довольно пио, и попїосамъ такожде у раскошеству ове едне ноћи све мое раскаяніе, и размышлѣніе о моему пређашнѣму животу, и сва добра расположенія ради мога будущега живота. Да рекнемъ кратко: да какогодъ море, кадъ э буря престала, у свою пређашню равнину и тихость дошло, тако э исто и непорядокъ моихъ мыслей прешао мое трепетанѣ и єтрахъ у море погруженъ быти; заборавїосе, и волна мое пређашнѣ жестоке желѣ опетъ возбуниласе; ясамъ абїе мою бѣду, мой учинѣный обѣтъ, и сва моя обѣщанія, коясамъ учинїо, сасвимъ загладїо. Но преко свега појавилесусе кадъ кадъ опетъ нѣке мале мысли; а кадъ кадъ башъ и дѣйствителнїи помысли, хотѣлисусе у мою паметъ натрагъ повратити; но ясамъ ны абїе сь врата мога отпресао, и чуваосе отъ тога аки отъ куге, держаосамсе крѣпко пића, и веселога дружства, и дочепаосамсе натрагъ пришедше топлоте (такосамъ я називао свагда добре мысли) опетъ верло фришко тако, дасамъ я у 5 или 6 дана надъ совѣсти моей совершену побѣду одержао; онако како младъ человѣкъ, кои э већь у паметъ узео, да себе ничимъ уплашити неда, желити може, алисамъ я морао їошть друго искушеніе одер-

одержати. Провидѣніе, како што оно у овакови случаи чинити обычествуетъ, заключило э мени отнюдъ никакова извиненія далѣ изоставити.

Ербо ако їошть и ово за мое избавлѣніе иѣговога провидѣнія примитибы нехотѣлъ, то слѣдующее тако устроено быти мора, да такожде найупорнїи бездѣлникъ међу нама како годъ величину погибели, тако исто и величину Божїя милосердія исповѣсти и признати бы морао.

Шестїй дань нашега мореплаванія дошлисмо у пристанище отъ Ярмота; а будући да намъ э вѣтаръ свагда противанъ и море тихо было, тосмо дакле послѣ бурѣ верло маленъ и кратакъ путь учинили. Овдесмо дакле на мачкахъ стаяти морали, и будући да намъ э вѣтаръ їошть свагда противанъ быо, ербосмо їошть свагда югъ имали, дакле моралисмо овде до 7 или 8 дана стаяти, у коесу време їошть многе Лађе отъ Нефкастела у ово пристанище аки общїй конакъ, гди Лађе, кое у Темсу пућую, на добаръ вѣтаръ чекаю, дошле.

Мы овде небысмо толико дуго заостали были, негобы насъ пласъ све

помало далѣ горе отерао био, кадъ небы вѣтаръ тако яко дыхао, како штое послѣ 4 *ри* или 5 *тъ* дана нашега овде бытїя верло упоранъ био. Несматраюћи на то, ербо зашкулине овогъ брега былесу башъ свагда како добро и безбѣдно пристанище почитоваше, такоћеръ и за мачке добаръ темель имале; наша ужета отъ Мачака былесу верло яка, и наши Лаћары ни найманѣ погибели нисусе бояли, него по обычаю ныному у увеселенїю и у спаваню време свое проводили. Али 8 *ми* данъ уютру почео э вѣтаръ силнїе дыхати, и свисмо труда и посла доволно имали, доксмо платна и ужета съ Катарки свукли, и све у порядокъ довели, дабы Лаћу баремъ на Мачкахъ удержати могли. Около полдне нарастло э море верло высоко, и Лаћа наша покварилась на преднѣмъ краю, послѣ ударилису нѣколико пута верло страшнїи таласи преко цѣле Лаће, и мыслилисмо, дасусе већь башъ и саме Мачке, коесу їоштъ Лаћу держале, съ темеля и мѣста свога кренуле. На кое э нашъ Лаће управитель главну Мачку извући дао тако, дасмо їоштъ на две Мачке напредъ стаяли, и ужета отъ Мачака на дуже спустили.

Садъ

Садъ доиста дигласе э страшна буря и я на лицу наши Лаћара шта него самый страхъ и ужасъ усмотри! А Лаће управителя колико э онъ у труду своме бодръ био Лаћу сохранити, кадъ э онъ у свою собу покрай мене ишао, нѣколико пути полагано у себи говорећи чуо: Боже и Господи буди намъ милостивъ, мыћемо сви погинути: мысмо већь прошли.

Кодъ перве ове буне и страха, ясамъ сасвимъ нечувствен подъ фаромъ у моей собицы лежао, и самъ описати незнамъ какоми э было. Садъ э већь перво раскаянїе мое касно было, коесамъ я свакога часа ногама газїо, и на противъ нѣга сердце мое сасвимъ затворїо био. У моима мыслима была э већь перва горкость смерти претерплѣна и страхъ и бѣда нїе тако велика као преће была. Али ево жалости! Кадъ э Кормановъ таковимъ образомъ самъ къ мени дошао, и рекао: мысмо већь прошли! Нападао э на мене страхъ и трепетъ неописаный. Изишаосамъ изъ мое собице наполѣ, и погледаосамъ наоколо себе, али воистину овакови ужасни взоръ їоштъ у моме животу нїе се никада предъ очи мое ставїо! Море дизашесе како годъ брда высоко, и сваки прећи четвер-

тверти минутъ бацило э оне страшне таласе свое преко наше Лаће.

Кадсамъ їоштъ еданъ кратъ у наоколо погледао очима моима, ништа друго, него сама бѣда и жалость представисе! Две отъ насъ не далеко стояще Лаће, коесу яко натоварене быле, моралису главну катарку подсећи и на лаћу положити, и наши Лаћари повикаше, дасе една Лаћа, кояе едну Англїйску мїлю предъ нама стаяла, већь потопила. Іоштъ две друге Лаће, кое э вѣтаръ съ Мачака отерао быо изъ пристаница, на срећу или на несрећу, и башъ безъ едне стояще катарке моралесусе на пространно море пустити. Съ малима Лаћама было э болѣ нежели съ онима, коесу тешко движенїе имале, али преко свега опетъ две или три такове дотералесусе до насъ, и проћоше вѣтромъ гониме послѣ по край преднѣга края наше Лаће у пространность и пучину морскую.

Предъ вече замолїо э Корманошъ Лаће (*Коменданта*) повелителя, дабысу велику напредъ стоящу катарку подсећи смели, кое онъ отнюдъ дозволити нехотяше. Али преко свега кадсе напослѣдокъ Корманошъ заклео, да ако онъ то недопусти,

Лаћа

Лаћа рупу добыти и цѣло потопитисе хоће. Докле они съ преднїомъ катаркомъ готови быше, средня э велика тако зло и колеблемо стаяла, и сву цѣлу Лаћу верло растресла, да ню такожде подсећи и на Лаћу спустити морадоше. Сваки разсудити може, у каковомсамъ состоянїю я овде аки младый мореплавацъ быти морао, и да я скоро предъ тимъ овакови истый страхъ претерпїо есамь!

Но када бы я прећашнѣ мысли мое, коесе нису давно приключиле садъ исказати могао, то трепеташе сердце мое десятъ кратъ выше отъ страха, о моимъ прећашнима увѣренїяма, и о чемусамъ я къ моему первоурећеному безбожному заключенїю ступїо, како предъ правомъ и извѣстномъ смерти самомъ; и башъ о томъ и ради страшне и нечувене бурѣ, паосамъ я у таково состоянїе, кое никаквима речма описати немогу, Али што э їоштъ найгоре, нїе їоштъ овде было, него їоштъ буря непрерывно съ отмѣнномъ ярости дыхаше, и морепловцы самису сказали, да они цѣлаго живота нынога ништа горе претерпѣли нису. Мысмо истинна имали добру и тверду лаћу, коя э тако верло натоварена была, дасе она верло дубоко у море углублявала и Лаћары

(Матр

(Матроси) нѣколико крати повыкаше, Лађасе мора пробити. Съ едне стране за мене э добро было, што я ову речь разумео нисамъ, докъ нисамъ ныхъ запитао. Буря непосредственно дыхаше и видіосамъ овде штосе рѣдко видѣти даетъ, да Лађаръ, верховный Корманошъ и іоштъ нѣколико другійхъ коихсе э ова стваръ выше дотицала неголи другїихъ, гди они у полной молитвы часъ онай очекиваше кадђесе лађа утопити у море. Башъ у полноћи и у нашой найвећой нужды повикао э еданъ (Матросъ) Лађаръ ясно, кои э на дно Лађе сишао быо, дабы видѣо како стваръ стои: Већь э лађа продерта: други э повыкао, да э на дну лађе већь вода 4 стопе высока, на кое сви на плюсканѣ лађе позвани бысмо. На ову речь такомисе учинило, да э сердце у перси мои отъ страха умерло, и опровергнуосамсе съ кревета мога, на коемсамъ седіо, у внутренность лађе. Несматраюћи на то (Матроси) Лађари мене изъ несвестице опетъ пробудише и рекоше: да будући я преће ни къ чему нисамъ потребоватъ бытти могао, садъ баремъ како и други лађю плюскати могу. На коемсамсе я укрѣпіо и къ плюсканю поспѣшіо, гдисамъ изъ све крѣпости и пословао. По међу овимъ дѣломъ

ломъ заповедіо э главный Лађаръ (Комендантъ) кадъ э нѣколико съ углѣмъ лако натоварени лађа усмотріо, кое такожде отъ бурѣ силне на мачкахъ нисусе одержати могле, но управо на пучину моря упустилесе, и къ нама близко дођису могле, топъ еданъ аки знакъ наше садашнѣ велике нужде опалити. Я кои ни знао нисамъ што то значаше, такосамсе уплашіо, дасамъ мыслїо, лађа э већь пропала, или што друго страшно моралосе э догодити. Кратко да рекнемъ: ясамсе тако уплашіо быо, дасамъ абіе у несвестицу пао. Садсе э сваки за свой собственный животъ узео у паметъ, а о мени ниедна душа неимађаше попеченія; него еданъ Матросъ, кои э ишао да плюска, ударіо э мене ногомъ у бокъ, и оставїоме аки мертва лежаща, после коего э доста времена прошло, доксамъ опетъ къ себи дошао.

Мысмо плюскали са свомъ крѣпостїю, али све всуе, ербо э вода на пропивъ тога на дну Лађе све выше растла, и сваки э часъ очекивати было, дађесе Лађа погрузити; и ако э башъ море и мало тишїе бывати почело, то опетъ ніе могуће было съ таковомъ раздертомъ Лађомъ толико дуго на води удержатисе, докбы у каково пристанище приспѣти могли,

дакле

дакле *Комендантъ* за помоћь їоштъ свагда пуцати преспао нїе, на кое э една лака Лађа, коя э већь бурю одержала была, нами еданъ морски чамацъ на помоћь послала. Чамацъ э съ великомъ погибели дошао къ нама, но опетъ нїе было могуће у нѣга ући, докле годъ нису Матроси съ трудним весланѣмъ, и съ погибелїю ныногъ собственогъ живота, за содержати нашъ, къ нами близу дошли и наши Лађари ныма отъ долнѣга края Лађе уже надугачко спущено добацили, коесу они послѣ едва трудно дочепали, и такосмо ны подъ фару наше Лађе довукли, пакъ онда сви у чамацъ ушли. Садъ и мы и они коисмо годъ у чамцу, нисмо ни мыслити могли, даћемо ныну собствену Лађу достигнути моћи. Дакле намыслимо чамацъ терати и коликое могуће къ брегу управляти, при коемъ э ныма нашъ верховный Лађарь, акосе чамацъ гдигодъ разбїе и на комаде отиде, таковый полно платити обѣцао. Овимъ э начиномъ дакле нашъ чамацъ ово весланѣмъ, ово управлянѣмъ, и теранѣмъ подъ сѣверну страну къ брегу кодъ тако называемаго мѣста *Вінтертоннесса* щастно приспѣо.

Само

Само после еднога ферталя сата какосмо изышли изъ чамца, видѣлисмо дасе онъ самъ и празанъ абїе потопїо. Право говоримъ, само штосамъ очи онамо бацїо быо, када э Матросъ еданъ къ мени дошао, Лађа на коейсмосе возили рекао э онъ: већсе э потопила. Ербо отъ онога часа кадсу мене у тай чамацъ выше бацили, него дабы казати могао, дасамъ у нѣга самъ ушао, сердце мое ово отъ страха, ово отъ душевнога неспокойства, и мысли ради будущега мога случая равно аки мертво было э.

У овоме нашему стаю, и гдису Лађары трудомъ и весланѣмъ све возможно чинили, дабысмосе брега и суве землѣ дочепати могли, и кадъ э нашъ чамацъ на таласи засѣдао, видѣлисмо многе люде на брегъ изашкулине терчеће, дабы намъ, кадбысмосе болѣ приближили, руку помоћи дати могли. Но съ дѣломъ овимъ верло э трудно было, и нисмо могли преће брегу достигнути, докле годъ нисмо свѣтилну Кулу отъ *Вінтертона* прошли, ербосусе брегови къ южной страни спроћу тако называемаго мѣста *Громмера* окраћавали, и тако докъ высокость землѣ и жестокость вѣтра нїесе утолила. Овдесмо повезли

остро

остро, и у везлисмосе сви совокупно, али сѣ великомѣ тягостїю но благощастно на суво, и пешке у *Ярмутѣ* опишли, гди намѣ э аки морестрадалцемѣ како годѣ отѣ власти мѣста чрезѣ уреждение добрыхѣ конаковѣ, тако и отѣ особни терговаца и Корабле-притяжателя много добра учинѣно было, и толико новаца дато, сѣ чимсмо могли путь нашѣ по произволенїю или у *Лондонѣ* или у *Уллѣ* натрагѣ предузети.

Я дасамѣ паметѣ имао у *Уллѣ* и послѣ у мое отечество возвратитисе, тобы я щастанѣ быо, и мойбы отацѣ безсумнѣно по причти Евангелской мене ради телца упитаннаго заклати дао.

Башѣ акое онѣ послѣ первога извѣстїя, дае она *Лаћа*, на коїойсамѣ я изѣ *Улла* опишао, кодѣ бреговѣ отѣ Ярмута потопиласе, дуго времена чекати морао, докѣ э право извѣстїе добїо, дасе я уславїо нисамѣ.

Али све забадава, несрећа э моя мене у овомѣ часу кѣ таковой твердокорности и жестокосердїю развратила, коесе ничимѣ отвратити нїе могло. Башѣ акосамѣ я и много яснога противорѣчїя у моей памети и зрѣлому разсужденїю осетїо, паки кѣ дому

дому моему возвратитисе, то опетѣ силе неимадо то учинити. Я незнамѣ какоћу то назвати, а не закпевамѣ башѣ нидоказати, као дабы насѣ нѣки самовластни дерзновени совѣтѣ побуждавао, очевидно нашу собствену несрећу снискати. Доволно кадсу мысли мое мирне быле, совѣтовалесу мене, да э мени Богѣ две явне науке дао кодѣ первога мога искушенїя. Но преко свега мораосамѣ я у несрећу мою башѣ слѣпо поћи.

Мой содружникѣ Господара отѣ Лаће сынѣ, кои э мене преће кѣ тому развратїо, іоштѣ э невеселїй быо него я. Первый кратѣ, кадѣ э онѣ у *Ярмуту* самномѣ говорїо, (найманѣ послѣ два дана, какосмо у овой Вароши у различне конаке раздѣлени были) учинимисе дасе и нѣговѣ величанїя говорѣ сасвимѣ премѣнїо, читао э верло смутно книге, вртїо э главомѣ, и запитао э мене какоми э? Онѣ э казао отцу своме ткосамѣ я, и какосамѣ я само пробе ради ово путешествїе предузео быо, и сѣ тимѣ намѣренїемѣ іоштѣ далѣ странствованїе искусити, окренуосе нѣговѣ отацѣ са спостоянимѣ и ужаснимѣ лицемѣ кѣ мени, и рекао: Юноше! немой више никада на море ићи, него то за ясни и очевидни

видни знакъ узми, да отъ тебе никада вредни Морепловацъ быти неможе. Зашто то? мой Господине, запитаосамъ я нѣга натрагъ; Да нећешели и вы више никадъ на море: тое штогодъ друго рекао э онъ: тое мое званїе, тосу мое должности.

А будући даси ты ово путешествїе аки за пробу или искушенїе учинїо, што видишъ дакле добро, каквоти э омерзѣнїе Богъ отомъ дао, и шта очекивати имашъ, ако при томъ останешъ. Може быти, дае ова несрећа тебе ради на насъ дошла; као штое сбогъ Іоне на Лађу Ѳарсисъ дошла; кажими ктоси ты? предначео э онъ далѣ, каковси занатлія и изъ коихъ узрока пошаоси на море: на коесамъ я нѣму провожденїе мога живота исказао, прикоемъ окончењи онъ нѣкомъ особномъ страстїю пробудїосе, уздануо и рекао э: штасамъ я согрѣшїо, да овакови неваляли бездѣлникъ на мою Лађу доће. Ябысамъ радїе нѣколико 1000 талира волео прегорети; неголи мою ногу выше съ тобомъ у Лађу метнути. Но ово э нѣкимъ начиномъ была раскошность нѣговога духа, къ чему э нѣга чувство нѣговогъ изгубитка развратило, и спроћу мене тако грубо показатисе никакова причина нїе была.

Было

Было то какому драго, овако э говорїо онъ мени їоштъ еданъ крашъ башъ истинито, и дао э мени совѣтъ дасе я натрагъ кући и ко отцу моему повратимъ, и да далѣ Божїе провидѣнїе на мою собственну погибель нераздражавамъ. И вѣруйми Юноше истинито (заключїо э онъ на послѣдокъ) да ако ты натрагъ дома не отидешъ, можешъ поћи кудти драго, то хоћети свагда бѣда и несрећа башъ по стопамъ твоимъ слѣдовати, доксе годъ оно слово твога отца на теби неисполни. Мысмосе скоро дакле сви разышли, ербосамъ я отговорїо нѣму кратко, и послѣ ниписамга кадъ видїо, нити знамъ кудъ э онъ доспео. Я съ мое стране имаюћи мало новаца у жепу предузеосамъ путъ мой сувимъ у *Лондонъ*, и путемъ идући имаосамъ многу распрю у самъ себи, каковъ бы начинъ уживаня у напредакъ предузео, да илиће куће или опетъ на море иће.

Въ смотренїи дома возвращенїя спала э на противъ моима найболима движенїяма, коясусе у моима мыслима представила, срамота, и то э особинто мени тешко было, какоћу я отъ моихъ комшїя изсмеянъ быти, и съ каковимъ стыдомъ и поруганїемъ я не само родителѣмъ моимъ,

него

него и свакоме другоме мораћу себе предъ очи представляти? прикоемсамъ я отъ того времене много крати примѣтїо, како э гадно, и лудо показиванѣ Люди вообще, особитто обаче Юности спроћу разума, коябы ныма у таковима случайма за управителницу служити имала, дасе стыде кадъ штогодъ погрѣше; дасе стыде кадсе раскаяваю, а дѣла самаго, коесу учинили, нестидесе отнюдъ, негосе само-напрагъ враћаня сраме, кое ныма истинно име честны Люди снискати можетъ.

У оваковоме стаю изостаосамъ я дуго времена, и неизвѣстанъ штоћу започети, и каковићу начинъ уживаня себи избрати. Алисе э кодъ мене свагда силно противоволїе нашло, дасе кући невратимъ, и мало э затимъ траяло, паксамъ я опетъ сву ону претерплѣну бѣду и бывше страданїе на зной истерао, кадсамъ то заборавїо, прошло э сотимъ и оно мало заоставше слабо-движенїе у памети моей о домувозвращенїю моему, докъ я нисамъ напослѣдокъ све шакове мысли на страну баџїо, и гледао какоћу опетъ на море поћи.

Злое намѣренїе, кое э мене найпре изъ дома родителя мои истерало, и кое у мени дивїе и безумне мысли, дабы я щастїе мое

мое у странствованю учинїо, насеяло, и кое э мени такожде сва чувства преобладало, дасамъ я спроћу свега доброга совѣта и отговараня, и башъ противо заповѣсти отца мога глувъ остао, то исто злое напоенїе или могло э што друго быти, представило э мени найблагополучнїе отъ свїю другїйхъ предвзятїяхъ дѣло, и я отишаосамъ на едну Лађу натоварену, коя э у *Афрїханскe* стране пошла, или како наши морепловцы вообще зову, путешествїе у *Гвїнеу* учинити.

Моя э найвећа несрећа кодъ свїю ови чудовища была, да я себе ни за правога веслара на Лађи погодїо нисамъ, чрезъ коебы я, несматраюћи штобы я мало теже нежели иначе радити морао, должность и послуженїе едногъ нижнѣгъ Оффїцыра кодъ клупе научїо; слѣдователно съ временемъ за Корманоша или Лађе Хаднаћа, и башъ ако небы за верховногъ Повелителя отъ Лађе (*Коменданта*) способанъ быти могао. Али несрећа моя хотѣла э, да я свагда оно изберемъ, што э найгоре, како штосе э и овде случило; ербосамъ я новаца у жепу и лепе и красне Халине на себи имао, дакле-самъ я тако и на Лађу отишао, на коей и никакова посла нисамъ имао, слѣдователно

телно нисамъ ништа ни пословати научїо.

Пре свїю други вещи была э моя срећа абїе съ почетка у *Лондону* у верло лепо сдружество дођи, кое оваковога безобразнога разпущеннога и ветрогоню, како штознога сатана прилѣжно свимъ вообще мрежу простире. Алисе э самномъ болѣ случило, ясамъ учинїо познанство съ *Калетаномъ* едне Лађе, коя э већь на *Гвинейскихъ* брегахъ и пристанищахъ была, и будући даму э тамошня терговина срећно пошла, тосе онъ опетъ тамо оправляше. И будући дасе мое обхожденѣ, кое э у оно време їошть добро было, нѣму особито допало; и онъ э чуо отъ мене, дабы я радъ свѣта видѣти; то рекао э онъ мени, ако я волю съ нимъ поћи имамъ, да мене путь ништа коштовати неће. Я съ нимъ могу свагда ручати, у соби нѣговой спавати; и ако што Хеспапа понети хоћу, то дамїе свободно, и могу сопимъ себи штогодъ прибавити, и може быти, даће за мене тамо штогодъ добитка быти, на коећу я и выше крати волю имати онамо путовати.

Ясамъ

Ясамъ драговолно прїимїо ово понућенѣ, учинїосамъ велико и добро прїятелство съ овимъ морепловцемъ, кои э честный и искренный Мужъ быо, узеосамъ такоћеръ и мой мали Капиталъ собомъ, коисе послѣ за мене прїятномъ искренности мога благодѣтеля отъ Лађе *Калетана* доволно умножїо. Ясамъ 40 фунти штерлинговъ (*една фунта штерлинга чини 9 фор.*) у коекакви Хеспапъ, кои тамо пролази, уложїо, кога э мени *Калетанъ* купити сказао.

Съ ови 40 фунти прибавїосамъ я съ помощїю нѣкоихъ моихъ сродниковъ, съ коимасамъ писмени разговоръ водїо, и коису, како штосамъ мыслїо, Отца или Матерь мою къ тому принудили мени толико за почетакъ первога мога предвзятія изложити. Ово э было едно путешествїе, кое я отъ другихъ моихъ противностей срећно наређи могу, а наимено я честному, и искренному сердцу мога благодѣтеля *Калетана* благодарити морамъ, подъ коегосамъ надзырателствомъ я доволно вѣжество у *Математїки*, у мореплаванія правиламъ, како теченїе Лађе описати, како высину солнца узети, съ едномъ речу вещи, кое еданъ морепловацъ необходимо знати мора, научїо. Ербо какогодъ онъ имадяше

дяше радость мене обучавати, тако исто я добїосамъ волю драговолно пріимати и учити, и овимъ начиномъ я на овомъ путешествїю обое, и морепловацъ и трговацъ постадо, ербосамъ я 5 фунти и 9 драма чистога злата собомъ донео, закоесамъ я послѣ у *Лондону* 300 фунти штерлінговъ добїо. Али башъ то исто напунило э мени главу коекаквима высоко и далеко простираюћима мыслима, чегарадисамъ я послѣ и пао у крайню нужду.

На овомъ истомъ путешествїю имаосамъ бѣду, ербосамъ свагда болестанъ быо, особито отъ жестоке грознице, и то ради велике топлоте ондашни предѣловъ, и странахъ, ербосе наша найважнїя трговина при брегахъ и пристанищахъ отъ 15-*га* градуса сѣверне ширине башъ до саме Лїніе простирала.

Већь садъ постаосамъ я правимъ *Гвїнейскимъ* терговцемъ, и да э на мою велику несрећу благодѣтель мой абіе послѣ нѣговога дому-пришествїя умрео, то заключїосамъ я ово исто путешествїе іошть еданъ кратъ предузети, и отишаосамъ на ону исту прећашню Лађу съ онимъ истимъ, кои э при первомъ нашемъ путешествїю аки Корманошъ служїо, а садъ прави-

правителство отъ целе Лађе добїо. Ово э было найнесрећніе путешествїе, коеэ икадъ кои човекъ на свѣту имао. И несматраюћи да я отъ онога мога преће добитога Имѣнїя нисамъ выше него 100 фунти штерлинговъ са собомъ узо, а 200 кодъ удовице мога умершаго благодѣтеля столеће оставїо, то падаосамъ я опетъ преко свега тога на овому путешествїю у неисказанну и страшну несрећу! а наимено ова э перва была: кадъ э Лађа наша теченїе пута свога измећу Канарїчески острова, или правіе казати, измећу ови острова и бреговъ *Афрїканскихъ* держала, у ютру у свануће усмотрилисмо мы едногъ турскогъ морскогъ пустаію отъ тако называемаго мѣста *Салее*, кои съ полно натегнутимъ платнамъ на Капаркахъ за нама у потеру идяше. И мысмо абіе натегнули сва наша платна, коликосу годъ мопке широке и Капарке яке быле поднети, дабысмо отъ лица пустаіе овога избѣгнути могли. Али мы примѣтисмо, да ће пустаія насъ предобити, и у николико сати безъ сумнѣ стигнути, мысе дакле сви на битку преправисмо, а Лађа наша нїе выше нежели 12 Топова имала, а турскога пустаіе 18 Топова собомъ водила. Около 3

сама послѣ полудне достигао э онъ къ нами, а може быти изъ невѣжества на мѣсто дабы онъ насъ обышао, управо на фару наше Лађе идяше, мысмо съ Лађомъ варахнули на страну, и кадсмо ватру изъ наши Топова повторили, онъ э покрай насъ измакнутисе принужденъ био, онъ э съ Людма своима, коихъ э число изъ 200 состояло, изъ пушака ватру на насъ дао, алису наши сви покрывени были, и ни едно-га кугла потрефила нїе, на кое э онъ изъ нова на насъ напао, и мысмосе крѣпко бранили. А кадсу они послѣ тога подруги кратъ съ друге стране къ Лађи нашой приступили, скочилису абїе до бо пустаи на кровъ Лађе наше, и тако све Капарке на Лађи нашой абїе подсекоше. Мысмо ны съ ватромъ изпушака дочекали, са съ дреколми, и разнимъ оружїемъ, и такосмо ихъ подруги кратъ съ крова наше лађе отерали. Но да жалостну часть повѣсти наше кратко искажемъ: кадсу већъ садъ наше Капарке, платна, и сва ужета уничтожена была, три отъ нашихъ Люди убїени и 8 *мъ* ранѣни были, моралисмосе предати, и као робови у *Салуу* нѣкое Арапское пристанище отведени были.

Но

Но мени ни тамо нїе онако бѣдно было, као штосамъ я испочетка помислїо. Самномсе нїе случило онако као съ другима, коису унутра у землю къ двору царевомъ отведени были, него э пустаиски *Калетанъ* мене за собствени добитакъ свой удержао, и као едногъ способна и фришка младића, кои э нѣму послугу чинити могао, за свога правилнога роба учинїо. Рѣдкое премѣненїе мога состоянїя, да я отъ терговца бѣднимъ робомъ постанемъ, мораосамъ савимъ аки убїенъ быти, и садми э пао на умъ мога отца пророчески разговоръ, дађу я у найвећу бѣду и несрећу пасти, и никога за помощника имати нећу, коесе, како я помысли, садъ башъ дѣйствително совершило, да горе и бѣдніе быти нїе могло. Ахъ! али ово э їошть само предсказанѣ мое будуще їошть веће бѣде и неволѣ было, као штоће далѣ предначинанїе ове повѣсти ясно казати.

А будући да э мой нови *Калетанъ* и Господинъ мене са собомъ дома повео, была э у сердцу моме надежда, да кадъ онъ опетъ на море поће, даће и мене собомъ узети, гди нѣга каква Шпанска или Португалска воена Лађа ухватити можетъ, и тако я себе опетъ освободити буду.

Но

Но ова э надежда скоро исчезнула, ербо кадъ э онъ у пустайлукъ на море пошао, оставїо э онъ мене на суву у нѣговой бащи радити, и обыкновено дѣло робско у дому совершавати; а када э изъ пустайлука кући дошао, мораосамъ я на Лаћи спаваши и шакову чувати.

Садъ ни нашто друго нисамъ мыслїо нежели какоћу побѣгнути. Но всуе, на каковъ годъ начинъ я о овоме помысли, ни наймања искрица могућности непоявисе, башъ и саме мысли о чему шаковомъ нису нимало памети сходне быле. Ербо я неимадо башъ ни едне живе душе, коейбы я казао и съ коїомбы я на море поћи могао. У робсшву самномъ ніе ни еданъ Англезъ ни еданъ Шошлендеръ нити Іррлендеръ быо, него я само единъ. Две пуне године пребываосамъ я овако, и акосамъ са сладкимъ Воображеніемъ себи о шаковоме чему многокрашно радосшь учинїо, но ни найманѣга пуша шаково шшогодъ у дѣйсшво довесши предъ собомъ нисамъ имао.

Текаръ послѣ две године приключилосе нѣка рѣдка прилика, коя э мени мое прећашнѣ мысли бежаня опешъ у главу довела.

Буду-

Будући да мой Господинъ садъ дуже неголи обыкновенно, Лаћу свою опнюдъ никчему преправляо ніе, кое э, као шшосамъ чуо, недосшашакъ новца проузроковао, кодъ куће заосшао, шо предузео э онъ у недели два, а при добромъ времену и три крашъ къ шому преправлѣни Чамацъ, и излазїо э у нѣму на приличне зашкулине рыбу ловиши. Онъ э дакле мене, нѣкога малога шако называемаго Морешка (Moreſco) свагда са собомъ узео, да на Чамцу весламо, и мысмо нѣму сопимъ многа увеселенїя чинили, и я се у риболовиши добро извѣсши шако, да э онъ мене послѣ съ еднимъ сродникомъ своимъ Арапомъ, и съ Морешкомъ многокрашно на ловишву пошиляо, дабысмо за ело рыбе уваши ли.

Кадсмо дакле еданъ крашъ у нѣкоемъ зѣло шихомъ юшру на рыболовъ изишли, пала э шакова велика магла, да мы, башъ ако нисмо выше нежели еданъ сашъ себе отъ брега удалили были, већсмо шаковый изъ очїю изгубили, возилисмо дакле непресшано незнаюћи ели напрагъ или напредъ, возилисмо шай цели данъ, и целу слѣдующу ноћь, и шекаръ у свануће у юшру видѣлисмо, да мы на мѣсшо шшобысмо

Чамацъ

Чамацъ къ брегу управляли, такови многовиште у далность терали, и найманѣ две нѣмецке мїлѣ отъ брега удалѣни бысмо. Несматраюћи на то, мысмо напослѣдокъ опетъ благощастно, но съ великимъ трудомъ и съ особномъ погибели, и несматраюћи штое вѣтръ овогъ ютра нагло дыхати почео, къ брегу приспѣли. Али могу казати, дасмо башъ здраво огладнили были.

Нашъ Господинъ, кому э овай случай за науку служїо, заключїо э унапредакъ не више себе оваковой погибели подвергавати, и будући да э онъ велики Чамацъ (*Шалупнъ*), кога э съ нашомъ Лаћомъ добїо, имао, такови на то употребити, пакъ безъ (*Компаса*) солнечнога Часа, и штогодъ ране више на рыболовъ не исходити. Дакле заповѣдїо э онъ Лаће (*Дунћерину*) строителю, кои э такожде Англейски робъ био, усредъ тога Чамца едну малену кућицу или колебицу на подобїе оне рыбарске начинити, за коїомъ еданъ на веслу стаяти, и главнимъ ужетомъ платна управляти можетъ, а напредъ мѣсто за два человѣка, коиѣему платна дизати и окрепати. Платно э овогъ Чамца было горе уско, а доле широко, или како Лаћари называю (Spri) висяще управо преко коле-

колебице, коя э доста уска и сниска была, тако да э онъ самъ съ двои робови унутра спавати, и за еданъ Асталчићь, на коемъ э ручао, мѣста имао, їоштъ къ тому нѣколико мали Сандучића, у коима э онъ свой напитакъ поволни, особито хлѣбъ, пїрїнчъ и Кафу содержавао.

Мысмо дакле на Чамцу овоме прилѣжно на рыболовъ исходили, а будући дасамъ я у дѣлу овоме зѣло добро искусанъ био, то э онъ мене свагда сасобомъ узео. Еданъ кратъ намыслїо э онъ съ двоицомъ знатнихъ изъ мѣста *Араповъ*, или увесељенїя или рыболова ради известисе, къ чему э онъ особну уредбу учинїо. Къ овому намѣренія Концу онъ э навече средства къ препытанїю на Чамацъ послао, мени такожде заповѣдїо *3ри* пушке съ барутомъ и съ сачмомъ у приправности держати, дабы како съ рыболовомъ тако и съ пуцанѣмъ на птице себе увеселити могли.

Ясамъ на заповѣсть нѣгову све вещи у приправность поставїо, и ожидаваосамъ съ Чамцемъ, когасамъ лепо исплюскао, и на коме како бандїеръ тако платна и барякъ зѣло увеселително веяхуся, и све ко

уго-

угожденїю нѣговихъ гостей готово было, радостно на нѣга очекивао.

Али етоти нѣга сасвимъ сама на лађу съ тимъ гласомъ, што гости нѣгови ради приключившихся дѣлъ съ нама поћи отказали есу, я да имамъ дакле съ Арапомъ и съ малимъ Морешкомъ, како штое обыкновенно, съ чамцемъ изыћи, и рыбе за нѣгове гостпе, коиђеду данасъ на вече кодъ нѣга быти, уфатити, и како што уфатимъ, абїе дасе имамъ куђи вратити, къ чемусамъ я сей часъ сву уредбу учинїо и на море отишао. У овоме истоме часу дошлесу мени мое прећашнѣ мысли ради мога бѣгства на паметъ, ербосамъ я видѣо. да садъ едну малу лађицу по моей воли имати могу: кадъ э Господинъ мой отишао, уредїосамъ све не къ рыболову, него къ путешествїю, несматраюћи што я нисамъ знао, ниши помыслїо, камо пловити имамъ. Ербо э мени напослѣдокъ све едно было, кудъ пловїо да пловїо, точїю само дасе изъ овы предѣла удалити могу.

Овде э мой первый помыслъ было, какоћу я Арапїну добрымъ начиномъ заповѣдити моћи, за наше содержанїе у чамцу штогодъ изъ мѣспа донепи, ербо по моему мнѣнїю небяше упутно, да бы мы отъ нашега Госпо-

Господина штогодъ за рану искали. Нѣговъ э отговоръ было, да я имамъ право. Тоэ онъ донео дакле едну велику Котарицу Симита Арапски, и три бокала фришке воде на лађу. Ясамъ знао, гдису мога Господина (шишепа) стакла за пиће спаяла, и коя изъ посла видећи мораласу отъ Англїйскаго добитка быти, и метнуосамъ бутеле, докъ э Арапинъ на полю было, у сандучићь, како дабы оне баш за нашага Господара їоштъ найпре тамо поставлѣне быле. Тако исто унсосамъ я велику груду воска отъ 50 фунти тешку на лађу, їоштъ съ еднимъ великимъ комадомъ платна за бандїере, жице или канапа за везанѣ, сикирицу, пилу, и чаканацъ, кое намъ после све зѣло полезне и потребне ствари быше, а особито восакъ за светленѣ.

Далѣ заврнуосамъ я Арапїну носомъ, какосамъ годъ хотео, и онъ се э дао преварити. Нѣгово име бяше *Исмаилъ*, кое они Мулей зваху, проговорїосамъ я дакле Мулею съ другољубнима речма, ербосу нашега Господина пушке већь на лађи быле, неможели онъ мало баруша и сачме добити, може быти дађеду на насъ (Alcames) еданъ видъ великїй морски птица налетити, можемо убити, и ясамъ знао, да нашега Господина Матерїалъ за пуцанѣ у великой лађи спои.

Съ

Съ драге волѣ отговорїо э Арапїнъ; и онъ э абїе донео едну велику кожну кесу съ полъ другомъ фунтомъ баруша и више, и другу съ 5 и 6 фунти сачме и їошть къ тому нѣколико танета, и сложїо све лепо у лађу. У то исто време нашаосамъ и я у мога Господина соби по доста баруша. Съ овимъ напуніосамъ я едну отъ найвећи флаша, коя э праздна была, изасуосамъ оно мало, што э у таковой было, у другу, и тако описли-смосе мы, после какосмо са свима потребностми снабдѣни были, изъ пристанища на рыболовъ. При уходу отъ пристанища зналису у Кастелю ткосмо мы, и тако насъ безъ задержанїя пловити пропустише. Кадсмо мы едну Англїиску мїлю далеко отъ пристанища были, дакле абїе спустилисмо платна и почелисмо ловити. Вѣтаръ почео э изъ подъ сѣверне стране башъ моему желанїю напротивъ дыхати, а кадбы онъ было изъ подъ юга дыхао, я бы Шпанске брегове или найманѣ пристанище отъ *Кадїкса* достигнути могао. Али э намѣренїе мое тверд-до было изъ овогъ безчеловѣчногъ и гнусногъ мѣста, могао э вѣтаръ дыхати башъ изъ коему драго рупе, са свимъ избѣгнути, а друго све самой судбыни у руке препоручити.

Послѣ

Послѣ нѣкоего времена, како мы ловисмо и ништа не уфатисмо (ербо кадсе э штогодъ на мою удицу и заденуло, то я, да Арапїнъ невиди, нисамъ ни извуѣи хотео) рекаосамъ я Арапїну: нейма прокопїе, неможемо ништа уфатити, а нашъ Господинъ хоће рыбе да има. Мысе морамо отъ брега далѣ отиснути нїе файде ништа. Онъ ништа зло ни мыслїо нїе, ербо э онъ напредъ у Чамцу сѣдїо, и распегнуо э абїе платна, я коисамъ на думену стаяо, управїосамъ Чамацъ едну добру нѣмецку мїлю болѣ на пространость и высину моря. Окренуосамъ послѣ, аки дабы опетъ ловити хотео, даосамъ оному младому думенъ у руку, и потерчаосамъ напредъ ко Арапїну; учинїосамъ, као дабы изанѣга нѣчто усмотрїо бїо, уфатїосамга изъ ненада изъ подъ руке и колена, и бацїосамга преко Лаће у воду. Но онъ э зачасъ опетъ наверхъ искочїо, ербо э онъ као гнюрацъ пливати знао, повыкао э, и замолїо мене, дага опетъ прїимимъ, и рекао э, даће самномъ преко цѣлогъ свѣта иѣи. Онъ э доиста за Чамцемъ тако яко пливао, дабы мене башъ скоро стигао было, ербо э вѣтръ верло слабъ было. На то потерчаосамъ скоро у Колибу, узеосамъ мою пушку, напегнуо-

тегнуосамъ на нѣга и рекаосамъ: чуешъ, яли досадъ никакова убитка нисамъ учинїо, и далѣ ако ты што незапочнешъ, ништа ти учинити нећу, и будући даси изрядни пловацъ, Море э тихо, моћићешъ къ брегу доспѣти, него садъ све крѣпости употреби и пливай къ сувоме, и у овомъ случаю отъ мене теби ни найманы вредъ приключитисе неће. Аколисе усудишъ за Чамацъ уфатити, яћути главу абїе съ тапетомъ продрети: ербосамъ я сасвимъ заключїо освобожденїе мое добити. На коесе онъ окренуо и почео э живо пливати, а я знаюћи да э онъ отмѣнни пловацъ, то несумнямъ нимало да онъ башъ и безъ великога труда ніе на брегъ испливао.

Ябы доиста овога Арапїна са собомъ было узео, и на место нѣга младога утопити могао; но я нѣму никоимъ начиномъ повѣритисе немогохъ. Кадъ э овай већь отпливао, окренусе я къ младоме, коисе (Хигеу) *Ксурей* называо, и рекаосамъ нѣму, да ако хоће онъ мени вѣранъ быти, тоће онъ чрезъ мене великимъ човекомъ постати, и акосе онъ неће по обычаю рукомъ по образу ударити, мени вѣрность завѣщати, съ Мухамедомъ и нѣговога отца брадомъ полно заклетисе, тоћу я нѣга онако исто како што-

штосамъ и онога, у море бацыти. Но юноша овай смѣяшеся дружески на мене, и тако э невинно самномъ говорїо, да я на вѣрность нѣгову ништа сумняти немогохъ. Дакле и заклеосе онъ мени благъ и вѣранъ быти, и самномъ преко цѣлогъ свѣта прећи.

Гледаюћи я за онымъ пловущимъ Арапомъ управїосамъ чамацъ управо на высину моря, и выше горе преко вѣтра дабысу мыслили я пливамъ управо къ концу пута мећу Шпанїомъ и Африкомъ, коебы доиста и сваки други, коибы на мѣсто ны быо, мыслити морао. Ербо ктое вѣровати могао, даћемо мы подъ южну страну и управо къ варварскимъ брегомъ и странамъ доћи; гди насъ читави народи (*Негровъ*) черни люди дивяцы съ ныовими чамцы обколити и убити хоћеду, и башъ гди мы ни на землю изићи неможемо, да небысмо у очевидну погибель дошли, отъ дивыхъ звѣровъ растергани, или отъ дивыхъ людей изѣдени быти.

Али какосе навече смеркнуло, премѣнїосамъ я абїе путь мой, и пловїосамъ управо юже-восточно, и выше къ востоку, дабы свагда кодъ землѣ отъ морске стране остао. А будући дасамъ я фришакъ вѣтръ, равно и тихо море имао, тосамъ тако

фриш-

фришко ишао, да я супра послѣподнe около 3. сата, кудсамъ по други кратъ землю усмотрїо, више отъ 150 Англїискїй мїля на страну подъ югъ отъ *Салее* и тако отъ державъ Мароканскаго Цесаря или сосѣдныхъ другихъ земель и предѣлъ иныхъ Кралѣвъ много далѣ быти морао.

Мы нисмо видѣли никакови люди, а ясамъ таковы великїй страхъ отъ Арапа добїо, и такови э велики ужасъ у сердцу моме быо, да я ныма небы опетъ у руке пао, дасе нисамъ ниусудїо нигди чамацъ задержати или на суво изыћи и їоштъ манѣ мачку у море спустити. Вѣтръ э быо їоштъ свагда тихъ, и ясамъ на овай начинъ петъ пуны дана на мору возїосе. Алисе садъ средственнымъ начиномъ вѣтръ окренуо къ югу, ондасамъ я већь знао, башъ акосу и послали были у потеру замномъ, да бы мене стићи могли, у овому часу моралису оставити. Садсамсе усудїо къ земли приближити, спустїосамъ мачку у заливу или у ходу едне рѣке незнаюћи ни каква э, незнаюћи такоћеръ подъ каквомъ ширином, земљомъ, Народомъ или рѣкомъ. Исто тако нисамъ видѣо никакови люди, и нисамъ зажелїо никакови ни видѣти. Найважнїя вещь была э, кое неймадо, фришка вода. У овай уходъ рѣке

дошли-

дошлисмо мы предъ вече, и наумилисмо какосе смркне на суво испливати, дабысмосе о овомъ предѣлу извѣстити могли. Али какосе ноћь сасвимъ спустила, чулисмо сасви страна страшни звукъ лаяня, урликаня, рыканя, дивїй нами незнани звѣрова, тако да э млади *Ксурей* отъ страха и ужаса скоро као мертавъ быо, и мене тужително замолїо до дана на суво неићи. Добро *Ксурей*, рекаосамъ я на то: нећу дакле ићи, али може быти кадъ сване, даћемо видѣти Люди онакови, коиће ду намъ више шкодити него сви Лафови. Хе мыћемо онда на ны, рекао э *Ксурей*: смѣюћисе пуцати и свїю у бѣгство растерати. Ясамъ о томъ радость имао, гди э овай юноша тако весео быо, и дабы нѣга їошть болымъ юнакомъ учинїо, дадо нѣму изъ нашега Господина бывше чутуре ракїе напитисе. Али при свему тому совѣтъ *Ксурейевъ* быо э добаръ, когасамъ я и примїо. Мысмо спустили нашу малу мачку (*Ленћеръ*) и лежалисмо цѣлу ноћь мирно; говоримъ бѣдно мирно: ербо мы неспавасмо нимало, но послѣ 2 сата видѣлисмо, гди э множество великихъ и страшнихъ, дивїихъ звѣровъ, (*коихъ познавали нисмо*) и коису отъ различни видовъ были, съ брега

дошло,

дошло, и скочило у воду, дабысе у води разладило и увеселявало, гдису они такови страшни рикъ, выку и урликанѣ дигли, да я што годъ таково їоштъ мога живота никада чуо нисамъ!

Ксурей было э верло уплашенъ, а и я съ нимъ равно. Алисе мы їоштъ већма уплашисмо, кадсмо еднога ови звѣрова управо къ нашему Чамцу пловуща чули, мы нѣга видѣти нисмо могли, али отъ персканя и дуваня разумѣлисмо, да то нѣки страшни и яростни дивїи звѣрь быти мора. *Ксурей* э рекао, да э Лафъ, а тако э и было, коликосамъ я примѣтїо. Овай сирома повикао э, да извучемо мачку, пакъ дасе описнемо далѣ на воду. Не *Ксурей* рекаосамъ я: мы можемо наше уже отъ мачке на дуже спустити, и далѣ на воду себе содержавати, и звѣри намъ толико далеко немогутъ слѣдовати. Само штосамъ я то изговорїо, видїосамъ, да звѣрь ніе далѣ него два весла далине отъ насъ далеко было, на коесамъ я малко повезао, и къ колиби моей потерчао, узеосамъ пушку и бацїо ватру, на коесе звѣрь опетъ возвратїо и къ брегу отпливао.

Но могуће ніе описати, какову э ужасну буну и страшни шумъ урликаня, како на-

напредъ на брегу тако и на суву далѣ овай отъ пушке гласъ проузроковао; ербо што годъ таково по моей мысли ови звѣрови їоштъ никада чули нису. Ово э увѣрило мене совершено, да ноћу на суво излазити за насъ есть погибелно, а можелимосе преко данъ усудити, то э было друго питанѣ. Ербо э еднако погибливо было, или међу Лафове и Тїгре, или међу дивїе Люде пасти, мысмосе отъ обадвога врло страшили.

Могло э то быти какому драго, мысмо принуждени были на коемъ годъ мѣсту ради фришке воде изићи, ербо у Лаћи већь ни едну Четвертъ бокала нисмо имали. Када игди отомъ э їоштъ питанѣ было. *Ксурей* э рекао: ако я нѣга на суво пустимъ съ бокаломъ, тоће онъ наћи фришке воде и донести. Ясамга запитао, заштобы радъ онъ на суво изићи. Зашто я небы ишао, а онъ у Лаћи да остане. Но Юноша э овай мени тако юначки отговорїо: дасамъ я нѣга отсадъ їоштъ выше любити морао. *Ксурей*! рекаосамъ я: дакле да идемо обадва онамо, и акобы дивяцы дошли, мыћемо ны свїю потући, и они отъ насъ никаковога печеня правити нећеду. Даосамъ нѣму две симите, и сданъ

напи-

напитакъ ракïе изъ выше сказане Чутуре, и дошлисмо съ Чамцомъ врло близу къ брегу, колико э годъ намъ потребно было, и изышлисмо съ ничимъ другимъ, нежели съ нашимъ оружïемъ и съ двема бокали за воду на суво. Али ясе нисамъ усудïо нашъ Чамацъ изъ очïю изгубити, ербосамъ мыслïо, данебысу какови дивяцы на ныни Чамцы рѣкомъ доле сишли.

Ксурей э на нѣко усмотренïе едногъ ниского мѣста реци едну Англейску Мïлю землѣ у нутра потрчао, а я идући усмотрïосамга, да онъ опетъ къ мени трчи. Помыслïосамъ, дага какови дивякъ тера, или онъ бѣжи отъ страха предъ каковимъ яростнимъ звѣромъ, поспѣшïосамъ нѣму на помощь. Али кадсамъ я ближе къ нѣму дошао, видïосамъ, даму нѣчто низъ леђа виси, то есть нѣко зверче, што э онъ убïо. У виду э было као зецъ, но друге фарбе (бое) и дуже у тѣлу и ногу. Былисмо дакле врло весели, ималисмо поштенъ ручакъ, а найвећа радость была э намъ о томъ, ербо э *Ксурей* фришке воде донео, и нигди дивяка нïе видïо.

Послѣ видѣлисмо, да нисмо за сладку воду таковаго великаго труда мы отпо-

требе имали, ербо мало горе кодъ ухода, гди-

гдисмо стояли, кадъ э море натрагъ уступило, кое нïе высоко было ни изышло, сладке воде доволно добити э было. Мы дакле напунисмо наше бокале, ручалисмо добро нашъ Ловъ, приправилисмосе къ далшему путешествïю, послѣ како мы у овому предѣлу землѣ не само дасмо кога человѣка видѣли, него ни стопе человѣческе нисмо нигдѣ нашли.

А будући дасамъ я на овыхъ брегахъ їошћъ еданъ кратъ преће быо, то знаосамъ добро, да *Канарïчески* Острови, а такожде и *Циландъ* отъ туду далеко не отстои. Али я нисамъ имао кодъ себе водени Іншпрумента, дабы высину моря знати могао, такожде нисамъ совершено ни знао, нитисамсе башъ право опоменути могао, подъ коïомъ ширином ови Острови лежаху, то нисамъ знао дакле какоћу я къ ныма поћи, и каколићу Лаћу къ ныма управляти знати; тобы я можетъ быти съ малимъ трудомъ еданъ отъ ови Острова лако наћи могао. Овде э една моя надежда была, да кадбы я покрай ови брегова и острова доле до страна, гди Англези тергую, пловити могао, може быти, дабы я жакву отъ ныни Лаћа на ныномъ обыкно-

венимъ

венимъ путешествїю потрефїо, и отъ ныхъ радостно пріимлѣнъ быо.

По моему опасному хесапу, морала э земля ова, гдисамъ я садъ быо, онай предѣлъ мећу державама Цесаря Мароканскога и мећу (*Негри*) црнимъ быти; коя э пуста (окромъ дивїихъ звѣровъ) и не обытана лежала, коюсу *Негри* отъ страха Арапскога изоставили, и далѣ къ Югу отвуклисе, и неплодїя ради за обытаніе неспособну держали, и ради множества звѣровъ Тїгровъ, Лафовъ, Леопардовъ, и прочихъ лютыхъ звѣровъ, коисусе тамо задержавали, сасвимъ изоставили, тако дасу ю Арапи само за Ловъ держали, на коису они съ полкомъ отъ 2 до 3 тисяще Люди на еданъ кратъ излазили. Послѣ какосмо выше отъ 100 Англїйски Мїля пловили, и ништа друго видѣли, него даньомъ пусту и не обытану землю, а ноћомъ ништа друго него само рыканѣ и урликанѣ дивїихъ звѣровъ чули.

Преко дана два три кратъ усмотрїосамъ я по моему мнѣнїю тако называемо высоко брдо, *Пїко отъ Тенеріффе*, како найвыши верхъ отъ планинъ Тенеріффе, на *Канарїческимъ* Островамъ, и имаосамъ у памети усудитисе тамо поћи, небыли мо-

може быти, тамо доплити могао. Но кадсамъ други кратъ учинїо пробу, мораосамъ ради противногъ вѣтра, а и море э за мою малу Лаћицу врло высоко было, опетъ при моемъ первомъ намѣренїю; то есть по край бреговъ пловити, остати.

Послѣ какосамъ изъ ови страна изышао, мораосамъ їоштъ нѣколико кратъ ради фришке воде къ сувоме пристати. Еданъ кратъ у ютру рано сталисмо подъ еднимъ малимъ верхомъ землѣ, кои э доста высокъ быо, на Мачки, а будући да э море почело долазити, тосмо їоштъ кои часъ очекивати морали. *Ксурей* э очима болѣ и далѣ видїо, нежели я, прикучїосе полагано къ мени и рекао: мыбысмо найболѣ учинили, кадбысмо Лаћицу далѣ отъ брега держали, и рекао э: погледай само каково гнусно страшилище подъ онимъ малимъ брдашцемъ спава! Ясамъ погледао, гдїе онъ мени прстомъ показао, и усмотрїосамъ оно страшилище (звѣра) дѣйствително.

Али э то башъ и быо еданъ страшный великїй Лафъ, кои э на брегу у сѣну (ладку) едногъ одронка, кои э башъ преко нѣга высїо, дубоко спаваюћи лежао. Ксурей рекаосамъ я: ты морашъ изыћи на суво, и оногъ пса убыти. Али э младићь показао страхъ

на

на лицу, и рекао: Я дага убїемъ? таћеме онъ у еданъ путъ прогутати; што мыслишъ. Дакле я у нѣга далѣ нисамъ дираонего рекао: само ты мирно стой, узеосамъ нашу найвећу пушку, коя э велико тане примала, набїосамъ ю добро барутомъ, и двѣма парчети гвозћа, и метнуосамъ ю на мѣсто. У другу метнуосамъ два мушкетна танета, равнѣ и у трећу, ербосмо имали три, петъ танета. Натегнуосамъ пушку, и наперсїосамъ нѣму у право у главу, но онъ э лежећи ногу преко носа держао тако, да она парчета гвозћа нѣму кости у куку расприскаше. У почетку дигаосе онъ букаюћи, а кадъ э осѣтїо, даму э кукъ расцопанъ, стровалїосе опетъ доле, дигнуосе опетъ на свое три ноге, и урликао э ужасно. Ясамсе забринуо малко, дага у главу трефїо нисамъ. Фришко дакле узеосамъ мою трећу пушку и бацїосамсе на нѣга, акое онъ башъ и бѣжати почео, їоштъ еданъ кратъ, и ударїосамга башъ у главу, и имаосамъ радость о томъ, какосе онъ извали, и никакове ларме неучини, него душу пустити хотяше. На тосе мой Ксурей весма ободрїо, и быобы радъ, кадбы онъ на суву быо. А кадсамъ я то дозволїо, узео э онъ малу пушку у едну руку, скочїо э у воду, и другомъ рукомъ испливао на брегъ,

опи-

отишао э къ звѣру, наслонїому э уста отъ пушке на ухо, и пробїому э тако скрозъ главу, да э онъ сасвимъ мертавъ остао.

Садъ већь ималисмо дивячине, али што э файда, нисмо ести могли; и жаомїе было, дасамъ на овогъ неполезногъ звѣра два мертика барута и олова потрошїо. Али э Ксурей хотѣо отъ нѣга штогодъ имати, того ради дошао э онъ на лаћу, заискао отъ мене сатару, да звѣру главу отсѣче, звѣрь э доста тежакъ быо; но онъ э нѣга опетъ къ мени довукао, и ясамсе о величини звѣра доволно чудити морао.

Преко свега помыслїосамъ, може быти, даће намъ кожа, ако не у едномъ, а оно у другомъ случаю кадгодъ потребна быти? И намѣрїосамъ ако доста якъ будемъ, такову съ нѣга свући. Дакле засукалисмо и я и Ксурей рукаве, али э Ксурей болѣ овай посао разумѣвао него я, съ коимъ я никадъ готовъ быти небы могао. Мысмо доиста обадвоица читава два дана съ щимъ посла имали. Напослѣдокъ учинилисмо и то, свуклисмому кожу са свимъ, распелисмо ю на крову отъ Колибе, - - - - коя э у два дана сува была и мени послѣ за простирачь служила.

После нашега овде задержаня пловилисмо 10 и до 12 дана отъ юга на страну, чували-

смо

смо рану нашу опасно, коя э већь све мани бывати почела, неисходисмо често на суво, него кадсмо фришке воде потребовали. Мое намѣреніе было э рѣку *Камлію* или *Сенегалъ* (Campia Senegali) то есть страну и предѣле около *Капо Верде* (Capo Verde) достигнути, гди я какову Европейску лађу трефити надаосамсе. Ако бы то несрећно было, то онда небы знао, штоћу започети далѣ, него Островъ тражити, или тамо отъ Негровъ погинути. Знаосамъ да све Европейске лађе, кое годъ или къ странамъ *Гвінее* или *Бразіліе*, или у восточну Індію путую, ова мѣста и острове посѣщаваю. Съ едномъ речи ставіосамъ савъ мой случай на ову едну срећу. - - - Или я морамъ какову лађу наћи, или отъ глада умрети.

Кадсамъ я по овому моему намѣренію выше реченномъ мѣромъ іоштъ 10 дана дуго слѣдовао, видіосамъ, да э она земля поселѣна и на нѣки мѣсти, кудсмо прошли, люде на брегу стоящце, коису за нама гледали. Тосмо дакле и видѣти могли, дасу они са свимъ церни, наги и голи были. Ясамъ имао волю на суво изыћи, али э Ксурей мой добрый Совѣтникъ мене отъ тога отвратіо. Но несмапраюћи на то, управіосамъ я чамацъ ближе къ брегу, дабы съ ныма говорити

ти могао, и видіосамъ дасу они по край мене у нѣки бучакъ отъ брега поперчали доста по добро. Оружія у рукахъ нису имали никакова, окромъ да э еданъ штапъ у руцы имао, кои, како што э Ксурей рекао, да э Копіе, съ коимъ они доста далеко и извѣстно у нишанъ трефити могу.

Дакле держаосамъ лађу на воду далѣ отъ брега, и съ ныма колико э годъ можно было, съ рукама, очима, и изображеніями знаковъ говорio. Особито даосамъ ныма разумѣти, дабысамъ радъ штогодъ ести. Онису дали мени разумѣти съ показыванѣмъ рукама, да я съ лађомъ моіомъ станемъ, и такоћедуми штогодъ за ело донети. На тосамъ я спустіо плашна моя сниже, и спаосамъ; двоица отъ ныхъ отперчалису скоро у нупра у землю, и за полъ сата дошлису опетъ натрагъ, донелису два комада сува меса и жита, како штосу у ныной земли имали. Одашта и каково э ово сугубо ело было, мы знали нисмо, алисмога опетъ прiимили. Како дакле вещь ову примити отъ ныхъ, што э проузроковало другу бригу. Ербо я нисамъ смѣо на суво изыћи, а и ныма э кика отъ страха нашего растла. Но оны изнађоше найболѣ средство за обадве стране; ербосу они доле што штосу донели, на брегъ снели,

мет-

метнулису на землю, пакъ онда доста подалеко себе оттудъ удалили, доксмо мы то на лађу донели, пакъ онда опетъ близу съ нама дошли.

Мысмо благодарность нашу ныма знакама показали, ербо мы ны ничимъ обдарити нисмо имали. Алисе у овому истому магновенію ока случїо способъ, ныма особну службу и поволность учинити. Ербо доксмо іошть кодъ брега стояли, дошласу два велика дивїя звѣра, коису еданъ другога са жестокомъ яросги, како штосмо мы мислили, терали изъ планинъ къ морю доле. Ели мушко было, кое э женско терало, или ели то изъ шале или гнѣва было, мы знали нисмо, тако исто, ели то штогодъ обыкновенно, или необыкновенно было, но то необыкновенно бяше, ербо овакови губящи, и похитителни звѣрови, никада другоячїе нежели ноћу себе видѣти даютъ, а друго люди, и особито жене отъ ныхъ неисказани страхъ и трепетъ имаду. Онай, кои э у руцы копїе держао, нїе побѣгао отъ ныхъ како други, какосу дакле къ брегу дошли, абїесу и у воду скочили, показалисусе аки да они Негромъ ништа жао учинити незакгневаю; него берчкашесе гнюраше и пливаше по води, бащъ како дабысе увеселявати хотѣли. На послѣдокъ почео э еданъ къ лађи моей пливати, пре него штосамъ я помыслїо. Но ясамъ добро позорствовао на нѣга, ербосамъ я скоро пушку набїо, и Ксурей рекао съ онима двѣма другима то исто учинити. А кадъ э онъ мени на око дошао, опалїосамъ я, и трефїосамга башъ у главу. Онъ се абїе у воду погрузїо, али э опетъ скоро на воду искочїо, гнюраосе э часъ горе, часъ доле, аки да небы манькати хотѣо, него само дасе ачи. Онсе доиста упутїо къ брегу пливати, али смертоносна рана, и много прогутана морска вода нѣму пре него што э онъ на суво дошао, животъ окончаше.

Страхъ и удивленїе ови сироти и Люди о звуку или грмлявини моего ватренаго Оружїя небяше могуће описати. Нѣки мало нису отъ страха помрли, а нѣкису отъ ужаса башъ мертви къ земли пали. Кадсу они звѣра убїена и поражена а мене ныма знакъ дающа, дабысу доле на брегъ сишли, видѣли, ондасу они добили храброст и бодрость, скочилису доле, и почелису звѣра тражити. Ясамъ нѣга нашао по крви, съ коїомъ э онъ воду офарбао, опасаосамга ужетомъ по тѣлу, и баџїосамъ уже *Негромъ*, дабыга са свимъ на брегъ извукли.

Садъ

Садъ видѣлисмо дакле, да э то оптмѣнно красный *Леолардъ*, све самима чистима Шарами поцѣломъ тѣлу украшенъ быо; а *Негри* отъ тешкога чуда диглису руке кь Небу, чимсамъ я таковога Звѣра убити могао.

Другисе отъ мунѣ барутне и отъ звука пушке зѣло уплашїо, испливао на суво, и побѣгао э управо горе у планину, откудъ э и дошао, а я у такомъ великомъ одалѣнїю познати нисамъ могао, што э? и каковъ э звѣръ то быо. Я смотрїосамъ абїе, да *Негри* волю и склоность кь лову имаду. Даосамъ ныма знакъ, даимъ мой Ловъ покланямъ. Онису благодарно примили, предузелису дѣло абїе, и башъ ако ножа и нису имали, тосу знали они парчетомъ остра дрвета кожу тако лепо и скоро свући, кое мы съ нашимъ ножемъ никадъ лепше учинити небы могли. Онису давали мени меса, но я узети нехотѣвъ, него нека они за себе задерже, даосамъ имъ обаче разумѣти, дабысамъ кожу радъ имао, коюсу они мени абїе съ драге волѣ дали, и къ тому їоштъ коекакви ствари за ело мени донели; ясамъ и незнаюћи каковесу опетъ ихъ примїо. Послѣ показаосамъ имъ извернутъ празанъ бокалъ, дабысу они мой недо-

недостатокъ воде видѣти могли. На коесу они абїе зовнули нѣкое своихъ познатыхъ, и послѣ таки дошлесу две жене съ еднимъ земляним сосудомъ воде, кои э, какомисе учинило, на солнцу испеченъ быо; метнулису онако исто како и преће предаме, и ясамъ рекао Ксуреи, да наша три бокала напуни. И ове жене былесу онако исто голе наге, како годъ и мужеви!

Садсамъ дакле са средствами препитанїя, съ различними корени ове землѣ, равнѣ и фришкомъ водомъ снабдѣнъ быо. Дакле оставїосамъ мое просподушне *Негре*, путоваосамъ 11 *тѣ* дана далеко, гди небы прилике нигдѣ стати, нити на суво изыћи, докъ нисамъ видѣо, дасе земля до 4 или 5 Нѣмецки мїля далеко предамномъ у море простираетъ, и будући да э море тихо и равно было, управїосамъ лађу мою на пространость моря далѣ, да бы Уголъ овай мимоићи могао. Послѣ какосамъ я овай речени бужакъ 2 Нѣмецке мїлѣ за собомъ оставїо, усмотрїосамъ такожде и на другой страни моря врло близу землю, изъ чега и дознадо, како што э и безъ сумнѣ морало быти, да э оно *Калъ-Вердъ*, или зелено предгорѣ, ово э дакле тако называеми *Калъ-Фердіше Цїландъ* быо. Но обадве ове землѣ

дале-

далеко отъ мене отстояше, и мислїосамъ штобы найболѣ чинити было, кадбы мене вѣтаръ ухватїо, да небы ни на едну овыхъ земль ударїо.

Кадсамъ у овой неизвѣстности пунъ различни мисли у колибицу нашу сишао, и само штосамъ сѣо, повыкао э *Курей*, когасамъ на думену оставїо, што э годъ могао, да онъ види едну Лађу съ велико разширипимъ платномъ, и быо э отъ страха полакъ изванъ себе, мыслећи да то мора Лађа нашега бывшега Господина быти, коя занама у потеру иде; ясамъ знао, дасмо мы зѣло далеко оттуду, и они насъ стигнути немогу. На коесамъ я берзо изъ колибе изишао, и абїе не само лађу провидѣо, него їоштъ знао чїя э и каква э, то есть: Португалска, кою я ради купованя Негровъ у *Гвїнейска* пристанища опредѣленну быти мыслюсамъ. Далѣ кадсамъ я путъ ове лађе добро разсмотрїо, и примѣтїо, да она на другу страну иде, то я нехотѣ на суво изыћи. На коесамъ я са свима крѣпостми лађу далѣ на море управїо, да акобы могуће было, съ людма отъ ове лађе говорити.

Видїосамъ обаче, да акобы я башъ сву силу мога платна употребїо, ны опетъ стигнути небы могао, и онибы преће отишли,

нишли, него штобы я ныма знаменїе дати могао. Но преко свега кадсамъ я вѣтаръ по воли уфатїо, и платна, како годъ што э болѣ быти могло, полно управїо, али опетъ надежда моя при свему тому почеласе умаливати, тосу они мене опетъ на пусулъ видѣти морали, и мыслили, да э моя лађица каковегодъ Европейске на мору разбїене и у несрећу падше Лађе была. Ондасу они попустили платна, и чекали на мене. Ово э дало мени бодрость, имаосамъ мога Господина отъ Лађе (*бандїеръ*) барякъ кодъ себе, когасамъ я за знакъ мое садашнѣ нужде на видѣнїе на Катарку заденуо и едну пушку избацїо, коесу они обадвое видѣли, али какосуми послѣ казали, да гласъ отъ пушке нису чули, него само димъ видѣли. На ово знаменїе нужде управилису они сожалително управо къ мени; и башъ мене ради Лађу на страну окренули, тако дасамъ я до три сата благощастно къ ныовой Лађи дошао.

Онису француски, португалски, и шпански мене запитали, ткосамъ я? Но я отъ сви трїю вопроса ниеднога нисамъ разумѣо. На послѣдокъ повыкао э еданъ Шотландскїй отъ лађе Матросъ къ мени. Ясамъ отговорїо нѣму, дасамъ я Англезъ, коисамъ изъ *Салее*

изъ Арапскогъ робства тайно побѣгао. Дакле реклисуми, дасе на лађу попнемъ, и примилису мене и све мое добро дружески къ себи.

Мени э у овому магновенїю ока, како што сваки разумѣти може, была неописанна радость, оваковымъ начиномъ, по моему мнѣнїю, изъ мога ондашнѣга жалостнога и скоро изгублѣнога стања спасену быти; и рекаосамъ за благодарность мога избављенїя Капетану све добро мое примити.

Но онъ э великодушно рекао: онъ незакптева ништа, него све што э на лађу донешено, кадъ благополучно у *Бразилїю* дођемо, опетъ мое будетъ. Ербо нѣгове речи быше: я ни у каквоме другоме намѣренїю животъ вашъ нисамъ спасао; него да и я самъ у таковомъ случаю избављѣнъ и спасенъ желити бы было, и кадбымисе можетъ быти кои кратъ то случило, да бы и я равно прїимлѣнъ быти могао. Іоштъ къ тому рекао э онъ, кадбы я Васъ отъ Отечества тако далеко отвео, како што э *Бразилїа*, и то што имате отъ васъ покупїо, выбысте онде отъ глада умрети морали, и тимъ образомъ бы вамъ опетъ животъ вашъ, когасамъ спасао, узео! Не мой любезный! Ђу тебе за бадава онамо отвести, отъ ови

ови ствари можешъ ты онде како содержанїе твое, тако и на твой путни прошакъ, кадсе дома вратишъ, прибавити што годъ. Колико э онъ себе любезна у обѣту своме показао; толико э онъ у исполненїю истинъ было, ербо э онъ свимъ Матросомъ остро заповѣдїо, да у мое ствари ни еданъ ни найманѣ додирнутисе не усуди. Затимъ э онъ како велике тако и мале вещи мое све подъ свою руку узео; и даоміе точно описанїе отъ свега; дађу я све, башъ и она 3 земляна бокала опетъ натрагъ добити.

Штосе мога Чамца дотицало, онъ э было башъ добра Лађица. То э онъ видѣо самъ добро, и запитаоме, нећулига нѣму продати? ясамъ отговорїо нѣму: кадъ э онъ племенитодушно, и любовно себе у свима случаи спрођу мене показао, то я Чамацъ мой ниушто хесапити немогу, него нѣму сасвимъ покланямъ. Напо э онъ мени писмено дао, кадъ у *Бразїлїю* дођемо, дађе занѣга 80 Златицъ платити, съ тимъ придаткомъ, да акосе тко нађе да за нѣга и више што даде, іоштъ и оно што э отвыше мени попунити хоће. Затимъ даваоми э за мога младога *Ксурею* 60 Златицъ, кое я узети немогохъ, не зато

 што

што я нѣга *Калетану* дати небы претерео, него што я мога сиромаха и доброга *Ксурею* свободу, кои э онъ моей собственной тако вѣрно и ревнително помогао, радо продати нехотѣвъ. И кадсамъ я *Калетану* узроке казао, то э онъ мнѣніе мое за честно почитавао, али э абіе средство предложіо моме *Ксурею*, акога 10 година узслужи, и хрістіанинъ буде, совершену свободу даровати; кое э онъ све писмено учинити обѣщао. На кои обѣтъ я *Ксурею*, и видећи да онъ самъ къ тому волю имаде, нашему *Калетану* предадо.

Мысмо до Бразіліе врло благополучно путовали, и дошлисмо послѣ три недељ къ мѣсту (Babia de Todoslos Santos) или у пристанище всѣхъ святыхъ срећно. Садъ я већь полно отъ найбѣдніега живота себе спасена видѣвъ, и садсамъ морао мыслити, што у напредакъ почети имамъ.

Я на векодушно спроћу насъ показиванѣ оногъ доброгъ *Калетана* мыслити престао нисамъ. Онъ за путь мой ни новца узети нехотѣвъ, даоміе за кожу отъ Леопарда 20, а за ону отъ Лафа, коесамъ на Лаћи имао, 40 Златицъ, пакъ э затимъ све ствари, коесамъ на лаћи имао, комадъ по комадъ мени честно изручіо. Штосамъ

іошть

іошть продати у памети имао, као Фланше, две Пушке, комадъ отъ оне груде воска шпоміе отъ свећа остало, то э све *Калетанъ* самъ за себе купіо. Кратко: ясамъ добіо отъ свега мога имѣнія 220 шпански Талира, и дошаосамъ съ Капіталомъ овимъ у *Бразіліу* на суво.

Мало затимъ препоручіо э мене *Калетанъ* у домъ едногъ тако исто честногъ Мужа, као што э и онъ самъ быо, кои э Шећерницу, (*фабрїку*) и ктому принадлежащу землю имао. Кодъ овога задержаосамсе я дуго времена, и чрезъ време ово мало помало научиосамъ я како Шећеръ садити и кувати валя: и видѣосамъ, како при томъ жители добро стое, то заключіосамъ и я, акобы дозволеніе добити могао, овде заостати, землѣ купити, и мое у *Лондону* изостављше новце приликомъ овамо принести дати; къ овому концу даосамъ я себе писмено овде окућити, купіосамъ толико землѣ, коликосу новцы мои досягнути могли; прохесапіосамъ, какоћу я садъ и домоспроеніе ономе моме изъ *Англіе* ожидаемому Капиталу умѣренно предузети.

У комшилуку имаосамъ я нѣкогъ португїза изъ *Лізабона*, кои э такожде отъ

Ан-

Англейски родителя быо, именемъ *Веллсъ*, кои э толики исти Капїталъ имао, као и я, ясамга тога ради комшїомъ называо, ербосу нѣгове ныве поредъ моихъ лежале, и мысмо врло любовни содружницы были. Мой Капиталъ быо э нѣговому раванъ, и доста маленъ, сеялисмо и радилисмо 2 године дуго, и то выше за собственну нашу рану, нежели штобысмосе штогодъ помоћи могли. Но преко свега почелисмо мы напредни бывати, и све у добро станѣ довести, тако дасмо мы већь у трећой години нѣчто мало дувана насадили, и сваки подобаръ комадъ ныве за разсаћиваня Шећера на будущу годину прибавили. Алисмо мы помоћи лишени были, и ясамъ садъ искусїо выше него преће, какосамъ врло фалїо, штосамъ мога *Ксурею* отъ себе пустїо.

Ахъ! то нїе ни было никаково чудо, дасамъ я зло учинїо, ербо нисамъ никадъ ништа добро ни учинїо. И овде нїе помогло мени ништа друго, нежели любимо терпѣнїе, и прилѣжно дѣланїе. Ясамъ себе дакле на онакови посао дао, кои э сасвимъ нарави моей противанъ, о коемъ никадъ волѣ нисамъ имао, и когасамъ ради я домъ моихъ родителя изоставїо, и савъ нынъ

добрый

добрый совѣтъ у вѣтаръ бацїо. Равно садъ дошаосамъ я у оно среднѣ станѣ, или у найвыши степень раболѣпногъ живота, о чему э мене мой отацъ їоштъ преће совѣтовао, и кадбысе я быо къ тому склонїо, свагда лепо кодъ куће остати могао, и себе не тога ради по свѣту тако бѣдно трти и мучити дао. Ясамъ у себи многократно рекао, дасамъ я то исто међу мои прїятели и сродницы у Англїи чинити могао, и не зато 5000 Англейски Мїля у странствованю међу дивяцы и пустиняхъ, и тако далеко отъ куће отишао, и да я о овима частма землѣ нитисамъ каковога извѣстїя имао, нити икадъ штогодъ о ныма разумѣо.

Овакимъ образомъ навыкаосамъ я состоянїе мое съ крайнѣйшомъ досадомъ расмотравати. И нискимъ нежели съ моимъ сосѣдомъ содружество имати. Штосамъ годъ имати хотѣо, моралое дѣломъ руку мои быти, и рекаосамъ често, да я као еданъ морестрадалацъ, кои э на какови пусти Островъ дошао, и кодъ себе никакове живе душе нейма, живити морамъ. Али како э праведно и достойно то было, и како небы сви прочи о томе расмотравали, да кадъ они садашнѣ свое станѣ съ ны-

нимъ

нимъ пређашнымъ їоштъ горимъ сравняваю, да Богъ съ ныма у овому случаю премѣну чини, и ны о нынимъ пређашнимъ али већь изгубльнимъ щастію увѣрити може. — И како праведно ніе рекаосамъ я: да самоћни животъ, на каковомъ сасвимъ пустомъ Острову, кое э мени башъ у памети было, мени кадъ годъ за животъ опредѣленъ быти мора, когасамъ я многократно неправеднимъ начиномъ съ моимъ садашнимъ станѣмъ сравнявао, у коему, кадбы я при нѣму остао быо, по свой прилицы отвыше благополучанъ, и доволно богатъ быти могао.

Ясамъ ныве мое отъ части по воли моей и на лепъ начинъ уредїо быо, и пре неже-ли што э мой услужни благодѣтель Капетанъ, кои э мене на мору пріимїо и животъ отъ смерти избавїо, опетъ на путъ пошао. Ербо э съ товаренѣмъ лаће и къ путу приправности выше отъ 3 месеца посла было.

Како штосамъ нѣму пре казао, дасамъ я у Лондону нѣки мали Капіталъ изоставїо; дао э онъ мени оваковый дружескій и искреный Совѣтъ: ако я нѣму посланицу и точно полномоћіе съ писменымъ порядкомъ на притяжателницу моихъ новаца ради овамо донешеня у готову у *Лїзабонъ* на кога годъ,

или

или у онаковому хеспапу, кои у овой земли пролази, дадемъ, тоће онъ съ Божїомъ помоћи изъ тогъ примлѣни новацъ, кадъ натрагъ доће, мени изручити безъ сумнѣ, а будући да овога света све вещи человѣческе премѣнамъ и разнимъ нещастїямъ и неугодностемъ подложене есу: небыли болѣ было, да я само 100 штерлїнговъ како полакъ Капїтала донести дамъ. Доћели то щастно, то я свагда оставше оваковымъ истимъ начиномъ опетъ после донести дати могу. Аколисе какова несрећа случи, то свагда она друга половица за нуждный случай безбѣдна остае.

Ово э быо тако полезный, и по свой прилицы искренный Совѣтъ, да я не иначе него сасвимъ увѣренъ быти морадо, и ништа болѣ учинити немогу. Даклесамъ я посланицу на ону Госпожу, кодъ коесу мои новцы были, и полномощіе Португейскому пловцу дао.

Писаосамъ Англїйскаго Капетана удовицы точно извѣстіе о свима рѣдкима моима приключеніяма, о моме робству, бѣгству, и какосамъ Португейскога морепловца на мору трефїо, нѣговъ человѣколюбны поступокъ, и у каковомъ станю садъ пребывамъ, и цѣлый нуждный порядокъ ради

овамо

овамо пренесеня мои новаца, и кадъ э овай честь любящій Капетанъ у *Лїсабонъ* дошао, нашао э онъ кодъ нѣкихъ тамо живущихъ Англїискихъ купцевъ прилику, не само уредбу ради новаца, него їоштъ и полно извѣстїе о моима случаи, на нѣкога извѣстнога купца у Лондонъ послати, кои э послѣ ей полно и совершено и све изручїо. На кое она не само што э честно новце изручила, него їоштъ отъ свога собственнога добра Португалскому пловцу еданъ лепъ даръ за ону нѣгову мени указану любовь и услугу драговолно послала.

Лондонски купецъ уложїо э ови 100 штерлїнговъ у онакови Англїйскїй Хеспапъ, кога э нѣму Португалацъ казао, послао э хеспапъ овай управо у *Лїзабонъ* на нѣга, а онъ све читаво и благополучно къ мени у *Бразїлїю* донео, по меѣу коимъ э и кромѣ мога закпеваня (ербосамъ я їоштъ младъ было такове ствари дознати) различити потребни халапъ отъ гвожђа, и друго покућство, кое э домостроенїю и послу моме све потребно было.

Кадъ э овай хеспапъ дошао, помыслїосамъ я, да э щастїе мое полно учинѣно, и быосамъ пунъ радости, и мой добрый домостроитель Капетанъ они 5 фунти штерлїнговъ

лїнговъ, коему э моя пріятелица на даръ послала, къ тому приложїо и на то употребїо, да э онъ за ны мени на 6 година дуго еднога слугу купїо, а за благодарность отъ мене башъ отнюдъ ништа узети нїе хотео, него едну малу балу дувана, коямусе забегенисала, отъ мога собственнаго сада.

Пакъ што э їоштъ выше; будући дасе Хеспапъ мой изъ сами Англїискїй рукодѣлїя, а наименно: Чоа, Штофова, за лаће ужета, и у такови ствариа состояо, коесу у овима земляма особито пролазиле и тражене быле, добїосамъ я способъ такове съ великомъ ползомъ продати тако, дасамъ, рећи могу, изъ тога 4 кратъ толико, како што э мой первый товаръ быо, пріимїо, и постаосамъ отъ мога нищега комшїе много ячи и богатїи; тосе разумева у саду и домостроенїю. Ербо э перво штосамъ я учинїо быо, дасамъ я едногъ Негрскогъ роба и їоштъ едногъ Европейскогъ слугу купїо о кромъ онога, когами э *Лїзабонскїй* Капетанъ купїо и довео.

Равно онако како што злоупотреблѣно благополучїе често къ средству наше найвеће несреће быва, то исто случилосе такожде и самномъ.

Имао-

Имаосамъ у слѣдующему лѣту верло велику ползу и приходъ отъ мога Сада. Скупїосамъ до 50 велики бала дувана на моме собственноме хатару или ныви, окромъ онога штосамъ моимъ комшїяма изъ разне нужде поклонїо И ови 50 бала, коя э свака по 100 центи тешка была, было э аки Капиталъ уложено, докъ э Флота (Корабль) изъ Лїзабона натрагъ дошла. А кадсамъ я садъ трудомъ, рукодѣлїемъ и богатствомъ предуспѣвати почео, започеосамъ главу съ различними предлоги и предвзятїями, коесу разумъ мой превосходиле, напунявати, и коебы доиста често найразумнїе главе и кои штогодъ у руку имаду, у несрећу бацыти могле.

Кадбы я быо свагда у садашнѣму станю остао, то бы я и све мени припадшее щастїе уживати могао, о коемъ э мени Отецъ мой тихїи и мирнїи животъ тако верло препоручїо, и кое онъ за средни начинъ уживаня полно щастїе быти мени ясно описао.

Али све бадава, на менесу їоштъ друге вещи очекивале, и свагда мораосамъ самоволни Ковачъ свое собствене несреће быти, и особито погрѣшке мое умнюжити, и такове мысли у глави, коесамъ я у будущему бѣдному состоянїю моему доволно при-

принужденїя имао, усугубити. Сва ова несрећа изышла э изъ очевидне и тврдокорне прилѣпности о моей лудой склоности їоштъ свагда выше и далѣ по свѣту блудити, и овой злой и неваляной склоности далѣ слѣдовати, несматраюћи на ясно и очевидно противорѣчїе, коесамъ у самоме себи чинїо; кадбы я онай начинъ уживаня держао, кога э мени самое Естество и провидѣнїе Божїе прописало, и должностемъ ныовимъ умѣрено служити имао.

Равно онако, као штосамъ еданъ кратъ, кадсамъ отъ родителей моихъ побѣгао, учинїо, тако исто нисамъ могао я ни садъ смиромъ сѣдити, него мораосамъ далѣ поћи, и истино щастїе богатъ и великоможанъ Человѣкъ отъ моихъ ныва и сада быти изъ сердца избацїо, дабы опакой и не умѣренной жели моей, и выше него што состоянїе мое дозволява попетисе, слѣпо слѣдовати могао. И тако опровергаосамъ самъ себе опетъ у найдублю пропасть человѣческе несреће, коя никадъ ни еднога Человѣка нїе постигла, и при коей ни еданъ Человѣкъ на свѣту нитибы животъ нити здравїе свое удержати могао.

Дакле да садъ помало на особне вещи мога животъ описанїя доћемъ, може благосклон-

госклонни Читатель ласно видѣти, будући дасамъ я у *Бразїлїи* скоро две године живїо, и у моему саду све срећно и изрядно бывати започело, и я не само дасамъ Языкъ научїо, него и помежду жители, како годъ терговцы отъ (St: Salvatora) тако и нашега пристанища многе познате пріятелѣ добїо, и ныма у разговору често казивао, какосамъ двакратъ у *Гвїнейски* пристанищахъ быо, и какосе тамо съ *Негри* (црнима) тргуе, и какое лако за багателне ствари, као стакла или лажне бисере, ножеве, маказе, сатаре, комаде стакла, и тимъ подобне не само прахъ златни, (руду) *Гвїнейско* жито, кости Елефантовъ, него їоштъ и робове *Негрске* за посао у *Бразїлїи* у множеству купити.

Особито кадсамъ о Негры споменуо, протреслису и диглису сви главе горе, а такожде и о други Матеріали или Хеспапу, коя терговина тадай їоштъ нїе дигнута была, него само толико, подъ полезнымъ управленїемъ Шпанскаго Краля, и то само на ползу Кралѣвске Кассе водима была; слѣдователно и оно мало Негровъ, што э овамо доводито, есть за скупу цѣну продавато было.

Кадсамъ я еданъ кратъ у дружству нѣколико мени познатыхъ терговаца и жителя,

ля о овима стварма стално разговорїосе, сутра данъ дошлису отъ ныхъ троица къ мени съ тимъ гласомъ на посѣщенїе, дасу они прешедшу нощь о моему разговору прилѣжно разсмотренїе имали, и затосу дошли мени еданъ предлогъ учинити. Послѣ какосамъ я ныма чисто и истинно обећати морао, рекоше они да имаду волю едну лађу у Гвїнеу приправити. Они имаду, рекоше, сви такове исте саде и ныве како годъ и я, и ништа на свету тако потребно неймаду, како слуге и дѣлателе. А будући да то никаква терговина быти неће, да они Негре, ако кое добїю и овамо донесу, явно продати могу, то желише они, само едно путешествїе учинити, и Негре тайно у землю донети и ны послѣ помежду своихъ собственыхъ садовъ и ныва̀хъ раздѣлити.

Съ едномъ речи: вопросъ э быо, нећули я аки нынъ терговацъ у Лађи, и за управленїе ове терговине съ ныма у Гвїнейска пристанища и стране поћи? И обећалисуми равну часть Негровъ дати, и то безъ свакога уложенїя Капїтала.

Истину да рекнемъ: ово э преизрядный предлогъ быо, кадбысе онога допицао, кои никакова сада и ныве небы имао, коясе мало помало расплодила, и Капіталъ добаръ обѣщавала

щавала, да болѣга очекивати ніе могао. Али за мене, коисамъ я свое собствено добро имао, и само дасамъ іошть 2 или 3 године тако терао, и такожде послѣдни 100 штерлінговъ изъ Англіе донети дао, кои бы я онда и съ овимъ малимъ прилогомъ свободно и безъ сумнѣ еданъ Капіталъ отъ 3. до 4000 Штерлінговъ и іошть выше предъ собомъ видѣти могао, за мене рекаосамъ: на таково какво путешествіе онда и помыслити штогодъ найгоре, коебы икадъ кои Человѣкъ мога стаия учинити могао.

Али я коисамъ на собствену несрећу рожденъ, нисамъ могао овай предлогъ и понуѣнѣ равно тако отбити, као и мое прећашнѣ раскошне мысли, и поступке, кадае већь добры совѣтъ отца мога кодъ мене сасвимъ исчезнуо было, кратко рекаосамъ я, даћу радостно тамо поћи, ако они само у отсутствію моему на мой садъ и ныве позоръ узимаду, и у случаю смерти мое, онога кога я поставимъ, у добро мое за наслѣдника уведу. Овосу они сви обећали, и обвезалисе къ тому писмено и заклетвомъ. Ясамъ учиніо дакле мою послѣдню волю полно, како на изслѣдующи смертни случай мой съ моимъ добромъ поступити валя, и поставіосамъ *Капетана*

аки

аки мога благодѣтеля, коими э животъ спасао, за главнога наслѣдника; но съ тимъ придаткомъ да онъ полакъ добра за себе удержи, а полакъ у Англію да пошлѣ.

Кратко: ясамъ уредіо све возможно провидѣніе, мое ствари, садъ и ныве у добромъ состоянію удержати моћи. Дасамъ было само полакъ памети употребіо, у мой собствени інтересъ (користъ) погледати и разумно разсудіо што чинити, или изоставити имамъ, то я доиста отъ мога благополучнога предзатія никадъ небы отступіо было, я да нисамъ све оне истине знаке предстоящаго богатства изъ очію ставіо, и мою ногу не выше къ новому Мореплаванію у лаћу метнуо, причемусамъ се я свію обыкновени погибели страшити морао. А узроке да и неказуемъ, коесамъ имао себе самога у нещастіе бацыти.

Такосамъ я залућенъ было, и слѣдоваосамъ слѣпо моимъ собственнимъ умствованію выше, нежели чистой памети, и кадъ э лаћа по учинѣному уговору преправлѣна была, и товаръ на ню донешенъ, я сравненіемъ моихъ соучастниковъ овогъ путешествія све вещи у преправности ставіо было, опишаосамъ

опетъ у несрећному часу первога Септемврїа 1569. на лађу, кое э исти онай данъ быо, у коемусамъ я пре 8. година отъ моихъ родителя изъ *Улла* побѣгао, и тако мене противо родителске власти како бунтовчикъ, а спроћу мога собственога добра како *Юродъ* показао! Лађа наша повезла э около 120. буради Хеспапа, 8. Топова, 14. люди лађара, нѣногъ Настойника и мене неброећи. Мы нисмо никаковога тешкога товара на лађи имали, о кромъ онакови лаки и багателни вещи, коесу за терговину съ Негры способне быле, како стаклене бисере или броянице, различне Школке, особито обаче мала огледалца, ножеве, маказице, сикирице, и тимъ подобная.

Іоштъ онай данъ, кадсамъ на лађу дошао, отишлисмо мы на путь, управилисмо лађу подъ сѣверъ кодъ нашихъ бреговъ, мыслећи послѣ тако до Афрїканскихъ бреговъ доспѣти. Кадъ већь подъ 10. или 12. степеномъ сѣверне ширине будемо, кое онда нашъ путъ онамо быти чиняшесе. Верло э лепо али отъ выше топло време покрай свїю нашихъ бреговъ было, докле годъ до высине или брега свяшаго *Аугустїна* дошли нисмо; откудсмо себе далъ

били,

ка море упустили, и нѣга изъ лица изгубили, и тако исто путъ предузели, како дабысмо управо ко Острову *Фернандо де Норона* Fernando de Noronha ишли свагда сѣверно-восточно держећи, и речени Островъ свагда на восточной страни оставляющъ. На овому теченія путу прошлисмо мы лїнїю у 12. дана, и былисмо по нашему послѣдньму примѣчанію подъ 7. степеномъ и 22. мінутовъ подъ сѣвернома ширином, гдѣ э насъ на еданъ путъ нагли (Орканъ) вѣтръ съ нашега пута са свимъ сбаціо.

Онъ се дигао изъ юже востока и управїосе сѣверно-западнѣ, и ставїосе крѣпко сѣверно-восточнѣ, онъ э тако страшно дыхао, да мы полни 12. дана ништа друго чинити немогосмо, него возисмо свагда отъ нѣга нападаеми, и моралисмосе воли судбине, и ярости вѣтра у руке предати. У ови 12. дана мораосамъ свагда очекиваши, дађеме море поглотити, и ни една душа на цѣлой лађи ніе помислила, дађе отъ овогъ случая животъ свой спасти.

У овой бѣди умре намъ отъ страха и бурѣ еданъ галїашъ (Матросъ) отъ врућичине, а други съ настойникомъ страшними шаласми съ лађе похићени быша.

При концу ови 12 *тѣ* дана, кадъ э време и вѣтръ малко престао, предузео э лађе Управитель висину моря, колико э тодъ могао, и видѣо э, да э онъ около 11 *тѣ* степени сѣверне ширине а 22 *ва* степена у дужину западнѣ отъ тако называемаго *Калъ С. Аугустїна* далеко отстояо. Да э онъ по нѣговоме исчисленїю лакле къ пристанищамъ отъ Гвинее, или сѣверной страни отъ Бразїлїе, съ ону страну рѣке *Амазоне* спроћу *Оронохо*, коесе велика рѣка назива, отеранъ быо, и самномъ совѣтоватисе почео, кои путь предузети имамо, ербо э лађа пуна рупа, и зло рас тресена была, и садъ управо доле опетъ къ Бразїлскимъ пристанищамъ пловити хотяше:

Ясамъ овомъ нѣговомъ намѣренїю со свимъ противостао, међу коимъ смо мы Карпу отъ Афрїканскихъ пристанищъ прогледали, и дознализмо, да предъ нама ни гдѣ никакове землѣ обитане, гдибисмо прибѣжище добити могли, неима, докле годъ мы у Кругъ Карїбїческихъ Острововъ недођемо; заключилисмо дакле *хъ Барбаду* поћи (пристанищу отъ Барбада) когабысмо, кадбысмо ускоћу пристанища *Мехсїханскогъ* обышли, и на ширини Моря остали, по нашой

нашой надежды у 15 *тѣ* дана достигнути могли, на противъ коего мы безъ свакє помоћи како за насъ, тако и за лађу путешествїе наше къ пристанищамъ Афрїканскимъ никоимъ начиномъ учинити немогосмо.

У оваковому намѣренїю премѣнилисмо мы нашъ путъ, и пошлисмо сѣверо-западнѣ къ западу, дабысмо кою отъ нашихъ Англїйскихъ поселенїяхъ (Collonien) докучити могли, гдисамсе якакове помоћи добыти надао. Али ево бѣде, садъ э напала на насъ на ново подъ 12 *мъ* степеномъ и 18 *мъ* мїнутомъ опетъ такова буря, коя э насъ съ онаковомъ истомъ силомъ отъ запада натрагъ терала, отъ нашегъ пута, и по входу чоловѣческому тако далеко отбацыла, да мы башъ, кадбысмо отъ Моря избавлѣни были, свагда їоштъ у погибели стаяли пре отъ дивихъ люди изѣдени быти, нежели кадгодъ выше у землю нашу доћи.

У овой бѣди и неволи, и їоштъ непрестано и люто грмящимъ вѣтромъ гоними повыкао э у ютру рано еданъ отъ нашихъ Матросовъ, ево суво, суво! и само штосмо мы изъ наше собе изышли, у той надежды дабысмо видѣли, у коейсе

части свѣта находимо, то насукаласе наша лађа на прудѣ тако яко, дасе ту абїе свсвимѣ зауставила, и отрагу море тако силно бацыло таласе преко лађе, дасмо сви вообще сваки мїнутѣ животѣ изгубити мыслили, и фришко у заклоне, и покрывене угле поспѣшили, дабысмосе отѣ пѣне и прсканя воденога сакрыти могли. Нитко, него ткое кадгодѣ у оваковой нужды еданѣ кратѣ већь быо, неможе себи страхѣ, и ужасѣ люди у оваковому стаю нити вообразити нити описати. Мы незнадосмо ни гдѣ бысмо, ни на какову землю натерани бысмо? Ели островѣ или тверда земля бы? Ели поселѣна или пуста бяше? и ако э башѣ ярость вѣтра їоштѣ свагда силна была; но нѣчто манѣ нежели преће, то мы опетѣ надежду имати нисмо могли, дађесе лађа їоштѣ нѣколико мїнута держати моћи, и дасе у тисящу комада разцѣпати неће: и вѣтарѣ нѣкимѣ особнымѣ чудомѣ свакогѣ магновенія ока около насѣ завеяваше. Съ еднимѣ словомѣ мисмо стоећи гледали еданѣ другога, и сваки часѣ самую смерть очекивали; къ чему э себе сваки, ербосе вѣчности (смерти) тицало, по обычаю своему преправити морао; Ерѣ на овоме мало или башѣ ни-

никакове надежде за насѣ небяше. Наша садашня и едина ушѣха была э и то противо свакога чаянія, да лађа їоштѣ абїе со свимѣ ніе пропала; и по сказаню лађара вѣтарѣ мало престаяти започео.

Садѣ акосмо башѣ и примѣтили, дасе вѣтарѣ мало примирїо, мы їоштѣ свагда, ербо э лађа тако на песакѣ насукана была, и тако твердо на нѣму стаяла, да мы никакове надежде имали нисмо ню оттудѣ оттиснути, доиста у жалостноме стаю были, и ништа намѣ друго остало ніе, него како годѣ што э можно, да животѣ нашѣ избавимо. Ималисмо еданѣ чамацѣ острагу за лађомѣ, али онѣ несамо штосе непрестанимѣ лупанѣмѣ о думенѣ са свимѣ изразбїяо негосе їоштѣ послѣ и одрешїо, пакѣ илисе удавїо или э таласомѣ на ширину моря отеранѣ бїо.

Дакле ни на нѣга никакве надежде имали нисмо. Истина да э быо їоштѣ еданѣ чамацѣ на лађи, али э то была мука, какоћесе онѣ на воду спустити. Ербосмо сваки часѣ мыслили, ето садће лађа пропасти, а други рекоше, да э већь пропала.

У овой крайнѣй нужды счепао э нашѣ Корманошѣ чамацѣ, и бацыога э

съ

сѣ помоћи нѣколико матроса преко лађе у воду, и мы у числу 11 *тб* у нѣга сиђосмо, почелисмо возити и тако предалисмосе милости Божїей и ярости моря у руке. Ербо якое вѣтарѣ већь и доста было престао, то э море опетъ страшно высоко таласе на брегъ избацывало, и моглосе э, како што Холендери нѣга у оваковомъ случаю называю, праведно дивіе и неукротимо море назвати.

Али іоштъ и садъ сѣ нама свагда зло стаяше, ербосмо видѣли, да э море верло высоко излазити почело, кое нашъ чамацъ ни коимъ начиномъ одержати неможаше, и мы безсумнѣно утопитисе морамо. Штосе платна и катарке дотицало, тога неимадосмо, а кадбысмо имали, небысмо ни сѣ тимъ ништа учинити могли. Дакле возилисмо сѣ веслама кѣ сувоме, али онако како люди, коису у желапови руку, и сѣ убїенимъ сердцемъ, ербосмо знали, да ако чамацъ гдѣгодѣ кѣ брегу и дотерамо, то нѣга талась моря башъ и онде на мѣсту у тысящу комада разлупати хоће. Но далѣ ништа овдесмо препоручили душе наше сви сердечно у руке милостивомъ Богу, и снискалисмо, ербо э вѣтарѣ и безъ тога насъ кѣ брегу терао, наше изгу-

гублѣнїе сѣ нашими истими руками, ербосмо са своимъ снагомъ кѣ брегу веслали.

Ели брегъ каменитъ, песковитъ, стрмъ или раванъ быо, мы знати нисмо могли. Една едина надежда, коя намъ э разумнимъ начиномъ последню сѣнку щастногъ чаянїя дати могла, была э ова: да мы, можетъ быти, гдигодѣ пристанище или уходъ (устїе) какове рѣке потрефити (погодити) сѣ нашимъ Чамцемъ изненада унутра утератисе, подъ высину землѣ подићи, и можетъ быти равну и тиху воду наћи. Но отъ свега овога ништа небы, него коликосмо выше кѣ брегу долазили, толико выше гора и страшныя замля него само море бяше.

Послѣ какосмо по нашему мнѣнїю едно полѣ другу нѣмецку мїлю веслали, или сѣ Чамцемъ много выше терани были, дошао э еданъ страшный како брдо высоки таласъ острагу занама ужасно шумящъ, и предстао э аки дабы нама послѣдни ударацъ дати хотѣо. Кратко онъ э ишао сѣ таковомъ хитростїю и наглостїю на насъ, да э онъ Чамацъ на еданъ кратъ извратїо, и мы коисмо у томъ истомъ Часу како опъ Чамца тако и еданъ отъ другога расставлѣни были, неимадосмо вре-

мена

мена ни милосердїе Божїе призвати, него у едномъ магновенїю ока свїю насъ море прогута.

Ништо нїе способно смущенїе моихъ мысли описати, кадсамъ я већь у воду пао! и башъ акосамъ и добро пливати знао, то я опетъ отъ толикихъ таласа бранитисе немого; дабы само пару у себе узети могао, докле годъ мене велики таласъ къ брегу нїе отерао, или много выше баџїо, а кадсе э натрагъ вратїо, мене э сува на пруду лежаща оставїо. И коликосамъ я полакъ мртавъ отъ гутаня гадне морске воде быо, толикосамъ іоштъ разума и паре имао, да я къ сувому выше, него штосамсе надао, прикучїосе есмь; и фришко, колико э годъ могуће было, суво дочепати трудїосамсе, то есть: преће него што други таласъ натрагъ доћи, и мене опетъ сасува похитити може. Али всуе ербосамъ я видѣо, дасе отъ тога никоимъ начиномъ ошаяти немогу. Ербосамъ смотрїо, да море како велико брдо и тако яростно аки раздражени непрїятель, спроћу кога я нити крѣпости, нити средства имамъ бранитисе, замномъ иде. Садсамсе трудїо пару у себе увући, само кадсамъ могао изъ воде изыћи, послѣ съ пливанѣмъ колико э годъ

можно

Pag. 91.

Binder Sc.

Кораблѣкрушеніе Робїнзоново.

можно кѣ сувоме спѣшити, ербосамъ я о томъ мыслїо, да море, кадъ оно мене кѣ брегу баци, у уступку своме натраг мене опетъ сасобомъ не отвуче.

Таласъ, кои э опетъ на мене дошао, закопаоме на еданпутъ 20 и до 30 стопа у нѣдро свое, и я осети, дасамъ овомъ силомъ и хитростїю доста далеко кѣ брегу баченъ быо. Ясамъ пару у себи удержао, и помогаосамъ себи пливанѣмъ кѣ брегу изъ свїю крѣпостей. Кадсамъ вечь съ другимъ задржанѣмъ паре скоро скапати имао; осетїосамъ, да у высину идемъ, и кѣ моему великому укрѣплѣнїю главомъ и рукама по верху воде разманую. И ако я себе не выше него еданъ мїнутъ овако држати мого; то э ово мени опетъ чистъ воздухъ, изрядну помоћь, и нову бодрость дало. Запимсамъ опетъ нѣкои Часъ у води закопанъ быо, но ясамъ и то одержао, докъ проће, и натрагъ уступити поче таласъ; ясамъ на противъ мени идущега таласа изъ свїю крѣпостей пливао, и опетъ подъ ногомъ дно осетїо. Стаосамъ 2, 3 мїнута, почерпа фришки воздухъ, оцедїосамъ съ тѣла гнусну морску воду, стаосамъ на ноге, и потекао, коликосамъ годъ могао, кѣ брегу. Али и ово мене отъ яро-

сти

сти злобнога мора нïе сохранило, кое э їоштъ свагда замномъ ишло, и таласъ э мене їоштъ 2 кратъ у высину дигао, а будући да э брегъ раванъ быо, то э онъ мене їоштъ далѣ напредъ бацïо.

Послѣдный кратъ былобими скоро смерть учинило. Ербо э море похитило и бацило мене онако далеко, како и прѣе, али на нѣки кеменити брегъ, и тако силно, дасамъ я безъ чувствень быо, и самъ себи помоћи нисамъ могао. Оно э мени тако-вый лютый удараџъ у слабину и уперси дало, дами э сва пара на уста изишла, и кадбы затимъ абïе їоштъ еданъ кратъ дошло было, тобы я безъ сумнѣ у мору скапати морао. Алисамсе я мало подкрѣпïо, прѣе него што э таласъ натрагъ дошао, и кадсамъ видѣо, дањесе онъ моратн опетъ на моей глави разлупати; намыслïосамъ за еданъ комадъ камена, докъ удараџъ проће, живо ухватитисе, и ако можно буде, пару у себи удержати. А будући да таласи ради блискоће землѣ недизашесе тако высоко како прѣе, држаосамсе я живо, докъ э ярость мора прошла, поступïосамъ їоштъ еданъ корачай, и съ тимъ прикучïосамсе тако близу къ брегу, да найближи таласъ, баштъ ако э онъ и преко мене ударïо; мене вы-

выше, кадъ э натрагъ уступïо, сасобомъ похитити нïе могао, пакъ затимъ учинïосамъ послѣдный скокъ, и дочепаосамсе суве землѣ, попеосамсе съ великомъ радостïю на брегъ горе, сѣосамъ на праву, и садъ толико живота погибель, и ярость и неукротимость моря претрпïо.

Садъ већь кадсамсе на суву у безбѣдности видïо, посмотрïосамъ около себе, и благодарïо Богу, кои э онъ животъ мой изъ онакове погибели, кое прѣе нѣколико мïнути ни надатисе нисамъ могао, тако милостиво избавïо. Описатисе неможе, какову радость и веселïе душа чувствуетъ, кадъ тѣло тако да рекнемъ: баштъ изъ гроба натрагъ донесесе. И нечудимсе выше о ономъ обычаю, да кадъ осућеникъ, коме већь штранка на врату выси, на лотра стои, и баштъ дасе већь съ лотре тури, али изненада милость добïе, онда кадмусе освобожденïе живота докаже, абïе кровь пустити даду, даму страхъ и ужасъ одушевленïя отъ сердца растерао, и онъ отъ несвестице небы мртавъ остао.

Ербо нагло сбившаяся радость
Чини мятежъ како и наглая жалость.

Прохо-

Проходїосамъ предѣлъ ове землѣ горе и доле, дигаосамъ руке и тако рећи, цѣло существо къ Небу отъ самыхъ мысли о моему избавленїю са тысящомъ внутрени побужденїя, кое описати немогу, почеосамъ разсмотравати о удавленїи мои содружника, и да окромъ мене, ни една жива душа тамо спасласе ніе: ербо я доиста нисамъ ни еднога ни видѣо, нити каковаго знаменїя усмотрїо, окромъ 3 шешира, едну капу, и еданъ паръ различни (неравни) ципела по води пловуще. Кадсамъ я очи дигао, и погледао на нашу разбїену Лађу, ишао э врплогъ и пѣна морска тако далеко и высоко преко нѣ, дасамъ я ню, ербо э далеко отстояла, едва усмотрити могао, и само чудитисамсе морао, какосамъ я овако далеко на овай брегъ доћи могао.

Послѣ какосе душа моя мало умирила была, почеосамъ свудъ у наоколо моштрити, на каковомъ мѣсту у свѣту я стоимъ, и што отъ садъ почети имамъ. Али э мужество мое опетъ скоро пало, и мое избавленїе небы у состоянїю мене особито развеселило. Ербосамъ я мокаръ быо, неимадо никакови други халина, нити ела ни напитка за мое укрѣплѣнїе, и нисамъ ништа друго себи представити могао, него

или

или отъ глади умрети, или отъ дивїихъ Звѣровъ растерганъ быти; а што э мене особито тиштало, было э то: да я никаковога Оружїя, чимбы или за нужду мою дивячи убити, или акобысе гдигодъ штогодъ изъ злога намѣренїя на мене ополчило, бранитисе могао, у рукахъ неимадо. Съ едномъ речу ништа другогъ кодъ себе нисамъ имао, него еданъ ножъ, Лулу, и нѣчто мало дувана у бурмутицы. То э было цѣлое Имѣнїе мое, то исто ставило э духъ мой у такови страхъ и смущенїе, дасамъ я доста задуго аки бѣснуемъ тамо и овамо ходїо. Кадсе ноћь приближила, почеосамъ съ великомъ тяготомъ сердца разсмотравати, штоће самномъ быти, ако у предѣлу овомъ дивїихъ Звѣровъ будетъ, ербо они свагда ноћу на похищенїе исходе.

Никаково болѣ средство ніе пало мени на умъ, нежели на едно дебело чаму подобно али трновито дрво, кое э не далеко отъ мене стаяло, попетисе; цѣлую ноћь тамо пресѣдити, и сутра размыслити, каковомъ смертїю умрети имамъ, ербосе досадъ ништа появило ніе, даћу я бѣдни животъ мой продужити моћи. Рецы до едно 100 коракляи отъ брега прошетаосамсе, небыли гдигодъ фришке воде

на-

нашао, и нашаосамъ такове на мою велику радость доволно. Кадсамсе ове воде напїо, и сотимъ себе укрѣпїо, отишаосамъ къ дрвету и попеосамсе горе, преправїосамъ себи на нѣму аки столицу мѣсто, дасе небы у сну отъ озго стровалїо, отсѣко еданъ кратакъ штапъ на подобїе башине, чимбысе бранити могао, сѣосамъ на мое преправлѣно мѣсто отпочиваня, садъ э напао санъ на мене, и заспаосамъ тако сладко, коебы тешко тко други мога стања учинити могао, и добїосамъ сотимъ отвыше ново укрѣплѣнїе.

Кадсамсе пробудїо, већь э быо свѣтли данъ, чисто и лепо време, буря престала, море већсе тако утолило, да оно выше нїе яростно было, нити растяше выше како прѣе. Ясамсе отвыше зачудїо, дае Лађа ноћомъ съ прѣашнѣга пруда, на кои э насѣла была, движенїемъ моря дигнуласе, и отъ болѣ части къ ономъ каменитомъ брегу, на коисамъ я, како штосамъ казао, онако немилосердно баченъ быо, доперана была. А будући да э она їошть само едну *Англїйску* мїлю отъ мога брега далеко отстояла, и свагда їошть управо стояла, зажелїосамъ на Лађу отићи, дабы баремъ нуждне

нуждне ствари оттуду узети, и собомъ донети могао.

Кадсамъ изъ мое собе съ дрвета долѣ сишао, погледаосамъ на ново свудъ унаоколо, паомїе найпре Чамацъ, кога э вода и вѣтаръ две *Англїйске* мїлѣ съ десне стране на прудъ бацила была, у очи. Ишаосамъ по води тако близу до нѣга, колико-косамъ могао, и нађо рецы: за едно полъ *Англїйске* мїлѣ међу мною и Чамцемъ едну шыроку рѣку. Вратїосамсе дакле за овай кратъ опетъ натрагъ, и садсамъ мыслїо їошть выше, какоћу на Лађу моћи доћи, дабысамъ штогодъ нуждно за содержанїе мое оттудъ узети могао.

Мало затимъ послѣ полудне трефїосамъ море сасвимъ тихо, и равно, и воду тако далеко отъ брега удалѣну (усохнуту) дасамъ само за еданъ четверть мїлѣ къ Лађи доћи могао. Овдесамъ добїо поводъ ко обновленїю мое жалости, ербосамъ абїе видѣо, да кадбысмо мы сви у Лађи остали были, дабысмосе сви спасли, и живи на суво изишли, а не у онаково неутѣшимо, и отъ света свѣта изостављѣно состоянїе пали были. Овай ужасный взорь облїо лице мое сузама. Кадъ то мени ништа помоћи нїе могло, заключїосамъ, акое мо-

 гуће

гуће на Лаћу поћи. На овай конаць свукаосамь халине сасебе, ербо э и онако врло топло было, и упливаосамь на воду. Кадсамь я већь башь до Лаће допливао, то э іошть теже было на ню попетисе. Ербо э она тврдо на темелю лежала, и изь воде высоко стаяла тако, дасе я рукомь нигди ухватити немого. На послѣдокь кадсамь два кратъ около Лаће опливао, усмотріосамь еданъ комадъ ужета, о чемусамсе зачудіо, дага ома первый кратъ видѣти нисамь могао, напредъ наполю отъ лаће (кодъ тако называеме дебеле даске) доле висящъ, дасе я нѣга ако башъ и съ великимъ трудомъ дочепа, и средствомъ нѣга напредъ на клупу узпужасе. Садсамъ видѣо, дасе Лаћа са свимъ потопила, и да силну воду у долнѣмъ патмосу имаде, да она на тврдому пруду или многовыше на тврдому темелю лежи, и да стражня часть башъ отозго на пруду стои, а предня равна съ водомъ бяше. Овимъ начиномъ быо э дакле кровъ или горня часть Лаће свободна и свудъ унаоколо сува; ясамъ дакле найпре све вещи добро извидѣо, коесу отъ воде покварене, и коесу іоштъ добре быле. А наимено нашаосамъ найпре, да э сва отъ Лаће храна зело сува и отъ морске воде са свимъ сохра-

хранѣна была, и будући гладанъ отишаосамъ у хлѣбницу, узеосамъ симита, напуніосамъ съ нима жепове, негубећи времена еосамъ разгледаюћи и друге ствари. Послѣ отишаосамъ у велику собу, нашаосамъ тамо мало сладке ракіе, нагнуосамъ чутуру и живо потегао, коеми э башъ и отъ врло велике нужде было, дабы себе сотимъ на предстояще вещи укрѣпіо. Садми выше ништа ніе нифалило, него еданъ чамацъ, дабы себе съ различнима нужднима вещма, коесамъ примѣтіо, снабдѣти могао.

Ніе дакле паметно было овде дуго сѣдити и кодъ саме желѣ остати, и башъ ова садашня моя нужда пробудила э мой попечителный трудъ. Мысмо имали различни мостака, отъ платновъ и Катарки доволно, и два три дебела балвана, іоштъ къ тому еданъ парь велики Катарки у преправности на лаћи, овесу мени требовале башъ како валя, и толикосамъ ихъ на воду спустіо, коликое годъ тегота допустила, али сваку свезаосамъ ужетомъ, да ихъ вода не отнесе. Кадсамъ то све учиніо, сишаосамъ съ Лаће доле, привукаосамъ ихъ къ себи, свезаосамъ ихъ четири на краеви, како штосамъ могао, добро заедно, и начиніосамъ аки нѣки сплавь, метнуосамъ нѣколико дасака по-

 преко,

преко, видѣосамъ, дасе на нима може ходити, а будући дасу дрвета лака была, и немогоше терет на себи носити, препилїосамъ дакле съ тестеромъ нѣколико балвана, у три равне дужине, и донесао их съ великимъ трудомъ и посломъ на мой сплавъ, при чему э мени надежда различне нуждности добити мужество у сердце дала оно чинити, што я у каковоме другоме стаю и способу никадъ чинити небы хотѣо.

Мой э сплавъ већь способанъ быо доста тежакъ товаръ понети, садсамъ имао бригу, чимћуга натоварити, и какоћу оно, што на нѣга метнемъ, отъ заплюскиванд моря сачувати моћи? Но я о томъ дуго несовѣтовасе нити мысли. Наипре све даске, коесамъ годъ добити могао, метнуосамъ попреко на сплавъ, и разсмотрїосамъ добро, штомїе наипотребнїе узети, узеосамъ три галїашка сандука, коесамъ отворїо и испраздніо, и спустїосамъ их на мой сплавъ доле. Перви отъ ови сандука напунїосамъ съ храномъ, то есть; съ хлѣбомъ, пиринчомъ, съ трима комадми Холландскога сира, и съ петъ комади сувога козїега меса (пастрме) кое э главни нашъ ужитакъ было, и еданъ мали остатокъ Европеискогъ жита, коесмо ради живине на лаћи, коюсмо собомъ

собомъ узели, чували, живина обаче была э сва удавлѣна. Быо э ечамъ и жито заедно помешано, али послѣ на мою велику жалость видѣосамъ, дасу то парцови скоро све исчарвали и покварили. Отъ напитка нашаосамъ различне чутуре, и шишета, коесу нашега лаћара быле, међу коима николико шишета (Cordial) Шпанскога сладкога вїна и у свему 5. или до 6. сосудовъ *Арраха* было. Ове метнуосамъ особито, еръ ніе было можно ны у сандукъ метнути, и гдѣ они такожде мѣста неимадоше. Доксе я съ тимъ забаля, примѣтїосамъ, да волна, ако башъ и верло тихо, дизатисе и расти поче, и забринуосамсе мою халину, кошулю, и перслукъ, коесамъ на брегу на песку оставїо бїо, отпливаеме видѣти, чакшире мое, коесу само (прпене) платнене и отворене быле, а чарапе задержаосамъ на себи, и съ нымасамъ на лаћу допливао быо. Мораосамъ преће свїю други ствари на халине позоръ имати, коихъ я истина на лаћи доста нашао есамь, али отъ нихъ ништа узео нисамъ, него башъ штосамъ садашни кратъ нуждно и необходимо требовао. Ербосу їоштъ и друге многе вещи быле, на коесамъ я очи бацыо быо, а наимено различни халатъ, чимъ землю радити ваља.

Мо-

Мораосамъ дуго тражити, доксамъ дунѣерски сандукъ нашао; и овде э за мене отъ выше нуждни и полезни добитакъ быо, и за мене выше вреднїе, него што бы онда пуна лађа самога злата наповарена была. Овесамъ тако, како штосу быле, спустїо на сплавъ, да не бы съ отворанѣмъ времена губїо, ербо и безъ тога отъ прилике знаосамъ, што у ныма лежи.

Садсамъ за оружїе, барутъ, и олово имао бригу, у великой прегради былесу две лепе птичарице пушке, и два пиштоля, овосамъ найпре спремїо, и іоштъ къ тому нѣколико рогова за барутъ, едну кесу са сачмомъ, и две старе захерђане саблѣ. Знаосамъ такожде, дасу 3. бурета барута на лађи была, но знао нисамъ, гдѣ э ны нашъ Управитель метнуо быо. Послѣ дугога траженя на послѣдокъ нашаосамъ и то. Два отъ ови буради быласу са свимъ сува, а треће э мокро было. Обадва сува бурета съ оружїемъ заедно донеосамъ на сплавъ, садсамъ помыслїо, да доста тежакъ товаръ имамъ, и стаосамъ мотрити, какоћу съ нимъ на брегъ доћи, ербо я нитисамъ платна, нити весла, нити думена имао, и само една пуна капа вѣтра моглае овоме цѣломе товару конацъ учинити.

Међу

Међу тимъ су три вещи мене ободриле. Перво тихо и равно море, волна коя э къ брегу ишла, и наипослѣ оно мало вѣтра, што э дуало, мене э управо къ суву терало. Окромъ оногъ халапа, кои э у сандуку быо; имаосамъ две тестере, сикиру, еданъ чаканаћъ, іоштъ къ тому два три сломлѣна весла отъ чамца, штосамъ на лађи нашао, и со овимъ товаромъ пустїосамсе дакле на воду, едну мїлю рецы: ишао э сплавъ мои преизрядно, него само да э, на штосамъ смотрїо, отъ онога первога мѣста, гдисамъ я стао быо, ниже мало отеранъ быо. Изъ тогасамъ заключїо, да онамо каковъ годъ водени потегъ быти мора, слѣдователно надаосамсе гдигодъ какову зашкулину онде наћи, коїомбысе аки пристанищемъ, дабы съ товаромъ къ земли дошао, послужити могао.

Како штосамъ себи вообразїо быо, такое исто и было. Ясамъ предсобомъ усмотрїо отворену дверъ отъ землѣ, и видїосамъ, да волна у нѣку яку, и велику рѣку у ходяше. Ясамъ управїо мой сплавъ, како штосамъ найболѣ могао, дабысе свагда посредъ рѣке держати могао. Но прежко свега я бы доиста и овде кораблѣкрушенїе терпѣти морао, о чемубысе быо,

кад-

кадбымисе то случило было, до смерти разгнѣвао, и будуħи да я брегъ нисамъ знао, наишао э мой сплавъ съ еднимъ краемъ на плитки темель, а будуħи да на другоме твердо стаяо нïе, то башъ нïе нифалило много, да мой цѣли товаръ отъ оне стране, гдѣ э на темелю нестаяо, нïе страдао, и у воду опроверженъ быо. Упресамсе съ леħма о брегъ и учинïосамъ послѣднѣ мое, дабы сплавъ на мѣсту нѣговомъ удержати могао; али за бадава, са свима крѣпостма, коесамъ употребïо, нисамъ я у состоянïю быо сплавъ отурити, а съ мога мѣста кренутисе башъ отнюдъ несмѣдо. На овому стаяосамъ я ïоштъ свагда са своmъ силомъ у брегъ подупируħи скоро пуно полъ сата стоящъ. Меħу тимъ э мене приливъ мора на мало равни темель донео, и кадъ э ïошть скоро затимъ вода више нарасла, то э мой сплавъ опетъ пливаню способанъ быо. Ясамга абïе съ весломъ, коесамъ имао, отиснуо у каналъ (рѣку) потераосамга више горе, и нашаосамсе на послѣдокъ у уходу едне мале рѣке, коя э са землïомъ са обедве стране и съ крѣпко текущымъ приливомъ окружена была. Нисамъ радъ быо далеко горе у [illegible] у поħи, ербосамсе време-

временомъ какову лаħу на мору видѣти надао, тосамъ радъ быо свагда кодъ бреговъ близу изостати, колико э годъ могуħе. Погледаосамъ дакле на обедве стране, гдѣħу каково угодно мѣсто видѣти, да станемъ, и смотрïосамъ на послѣдокъ едну малу зашкулину на десномъ брегу, кудасамъ мой сплавъ съ великимъ трудомъ и дѣломъ управïо, и веħьсамъ тако близу быо, дасамъ весломъ моимъ дно доватити, и съ сплавомъ управо унутра уħи могао: али и овдебы цѣли товаръ мой опетъ подруги кратъ у воду пао быо. Ербо э брегъ отвише стрмъ; то есть, отдѣлено высящъ быо, дакле нïесе могло нигдѣ стати. Предня часть сплава, коя э къ брегу ишла, былабы, кадбы я то быо учинïо, верло высоко, а друга верло дубоко дошла тако, дабы мой товаръ опетъ на ново краинѣй погибели подверженъ быти морао.

Све штосамъ я чинити могао, было э очекивати, докъ приливъ моря (волна) найвише нарасте, ербосамъ я сплавъ мой веломъ равно аки мачкомъ къ брегу твердо, а наимено кодъ наиравнïе части землѣ, гдисамсе я надао, даħе приливъ моря скоро излитисе, держао. И тосе тако случи-

ло.

ло. Какосамъ я добїо воду (ербо э сплавъ мой скоро едну стопу дубоко ишао) оттураосамга на овай равни темель, и утвердїосамга съ онима двѣма пребіенима весли, отъ коихсамъ едно на едномъ а друго на другомъ краю у землю ударіо, и тако стаяо, докъ э вода на трагъ уступила, и мой сплавъ съ цѣлимъ товаромъ на суву остао.

Перво штосамъ чинити имао, было э предѣлъ овай разсмотрити, и угодно мѣсто како за обитанїе мое, тако и добро мое у безбѣдность ставити, изабрати. Іоштъ свагда знао нисамъ, гдисамъ, ели на твердой земли или на каковомъ острову? ели у каковомъ обипаемомъ или необипаемомъ предѣлу? Ели у погибели дивихъ звѣровъ или не? Не выше отъ едне мїлѣ было э предамномъ едно брдо, кое э врло стрмо и высоко стаяло, и отъ нѣкихъ другихъ, коису еднако у едному реду отъ нѣга къ сѣвѣру лежали, высиномъ своїомъ отличествовало. На верхъ брда овога пошаосамъ я съ едномъ пушкомъ, пиштолѣмъ, и съ еднимъ барутнимъ рогомъ снабдѣнъ, дабы штогодъ смотрїо, и ту видѣосамъ, кадсамсе съ великомъ тягости и трудомъ горе попео, на мою велику жалость

лостъ мою неумитну судбину, и ужасни случай; да я на едномъ отъ свїю страна моремъ окруженомъ острову стоимъ, и ништа друго отъ суве землѣ видѣити небяше, окромъ нѣкой далеко отъ овудъ отстоящи каменити пећина (гудура) и двїю мали острова, кой около 3. мілѣ къ западу у морю лежаху.

Такожде извѣстїосамсе, да э островъ или Ада, на коей я стоимъ, са свимъ пустъ и неплоданъ, и како штосамъ причину вѣровати имао, ни отъ кога другога него само отъ нѣкихъ дивихъ звѣровъ обитаемъ, истина отъ овихъ звѣровъ нисамъ видѣо ни еднога, него едно велико множество птицъ, кое я познавао нисамъ, нити знао, башъ акобы кою и убїо, есули за ело способне или не; кадсамсе повратїо натрагъ, бацыосамсе на едну велику птицу, коя э на едномъ древету близу едне велике шуме сѣдила. Ово э дойста отъ созданїя свѣта перви звукъ пушке у овои части землѣ было. Само штосамъ избацїо пушку, алисе отъ свїю страна шуме неизброено множество птицъ са смущенимъ крикомъ и цвркутанѣмъ свака по своему обичаю дигло, изъ међу кой я ни едну отъ мени познате версте видѣо ни-

нисамъ. Ону, коюсамъ убїо, держаосамъ ю по нѣномъ клюну и фарби за нѣки видъ ястребовъ, но нѣзини и персти нису были већи, него и у други птица. Месо нїе за употребльніе было.

Задоволянъ со овимъ извидѣнїемъ повратїосамсе я опетъ къ моему сплаву натрагъ, и почеосамъ мой товаръ и ствари на полѣ износити. И сотимъ э прошао прочи остатокъ дана. Али штоћу ноћомъ почети, или гдиђу мѣсто отпочиванія наћи, я то знао нисамъ, ербо на саму землю лећи бояосамсе погибели отъ дивихъ звѣровъ разтерганъ быти, коликосамъ послѣ видѣо, дасе отъ тога нишше бояти нїе было.

Међу тимъ оградїосамъ себе, какосамъ болѣ могао, са сандуцы, и даскама, коесамъ на суво изнео быо, и начинїосамъ као нѣку колибицу за мой конакъ. Али знао нисамъ, гдиђу што за ело добити, окромъ штосамъ два или тры зверчета, кои као зецови быше, изъ оне шуме, гдисамъ птицу убїо, исходяще видѣо.

Садсамъ почео размышляваши, какоћу и їошшъ многе мени полезне и потребне вещи изъ лађе добити моћи, особито ужета, платна (отъ парусовъ) и другихъ

выше

выше штоми годъ у руке доће, заключїосамъ дакле, ако можно буде, їошшъ едно путешествїе къ лађи предузети, и то преће свїю други вещи, и преће ништа друго непредузети, докъ све, што годъ на лађи наћи могу, на суво неизнесемъ; ербосамъ знао, да перва буря, коятесе дигнути, лађу сву на комаде разбыти мора. Садсамсе самъ у себи совѣтовао, хоћули опетъ со овимъ сплавомъ натрагъ поћи, и томисе учинило, да неће добро быши, заключїосамъ дакле съ отпливомъ моря као и перви кратъ онамо поћи. Тосамъ и учинїо, точїю дасамъ преће халине мое у моей колибицы свукао, и ништа выше на себи, нежели едну шарену кошулицу, едне гаће, и еданъ паръ цыпела безъ пешахъ удержао.

Дошаосамъ на лађу као и преће, и себи други сплавъ приправїо, да я обаче, ербосамъ искусство отъ первога имао, нитисамъ шако тягошно учинїо, нити онако верло сплавъ преповарїо, и абїе различне мени верло полезне и потребне ствари на сплавъ донесо. Међу дунђерскимъ халашомъ нашаосамъ наипре три вреће пуне ексера и различна оштрляша гвожђа, еданъ велики гвоздени клинъ (ћускїю) и еданъ

парь

парЪ тестета сатарица (сикирица) а отЪ прочи вещи, коесу наинуждніе быле — еданЪ тоцылЪ. Ово э све было за мене изрядни добитакЪ, їоштЪ сЪ нѣкима другима вещ-ма, коесу нашега лаће Управителя быле, еданЪ парЪ шестаровЪ, два буренца танета пушчани, седамЪ пушака, едну птичарицу, нѣчшо мало баруша, едну велику кессу са сачмомЪ, и едну велику балу шанко иско-вана олова, али э ова была шако тешка, да я ню нитисамЪ дигнути, нити преко лаће на сплавЪ спустити могао.

Окромъ ови вещи скупїосамЪ све халине за облаченѣ, коесамЪ годЪ наћи могао, едно што э у приправности стаяло (ядро) плат-но сЪ преднѣ капарке, шатру отЪ лаће, и спаваће халине. СотимЪ наповарїосамЪ мои други сплавЪ, и све ове вещи за мою велику успѣху щастно на брегЪ изнесо.

Имаосамъ страхЪ, да моя храна у вре-ме мога отсутствія на суву изядена небу-де; али кадсамЪ натрагЪ дошао, невидѣвЪ никакова знаменія отЪ каковога посѣщенія, окромЪ да едно зверче, кое э дивїой мачки подобно было, на едному отЪ сандука сѣ-дяше. Ово, кадсамсе я приближїо, побѣгло э мало натрагЪ, пакЪ э опетЪ сѣло, ста-яло э са свимЪ мирно и безЪ бриге сѣдећи,

и

и гледало э управо у очи, башЪ аки дабы во-лю имало самномЪ познатисе. ЯсамЪ дигао пушку на нѣга, али оно при свему тому мирно и тихо стояше, и ни наимены знакЪ показа, даћесе смѣста кренути. Бацыо-самму еданЪ комадЪ симите, ако башЪ кодЪ мене онда и ни э было ништа за издаванѣ; ербо э храна моя и безЪ тога была слаба и малена: Но међу тимЪ како каза, ба-цыосамЪ нѣму опетЪ еданЪ комадићЪ, кои э онЪ узео, преломїо, и изѣо, паксе опетЪ невѣштЪ учинїо, ербому э то угодно было, и закшевало э їоштЪ выше. Али я захвали на томЪ, ербому выше дати немого, и тако оно своимЪ путемЪ опетЪ отиде.

СадсамЪ имао већь и мой други товарЪ на суву, и видѣосамЪ себе принуждена барутну брадЪ отворити, и у манѣ ча-сти раздѣлити, ербосу то велка и шешка брадЪ была. Садсамсе дао у посао сред-ствомЪ платна и нѣколико мошки, коесамЪ на овай конацЪ приправїо, едну малу шатру начинити, и у овай шаторЪ донеосамЪ све мое вещи, о коихсамЪ знао, дабысе отЪ кише и солнца покварити могле, около ове шапре пометаосамЪ я све празне сан-

дуке

дуке и ормане, дабы себе отъ свакога наглога нападенія како люди тако и звѣровъ утвердіо.

Кадсамъ ово учиніо, затворіосамъ изъ нутра врата отъ шатре съ нѣколико дасака, а съ поля съ еднимъ празнимъ извраћенимъ сандукомъ. Затимъ положіосамъ едну даску на землю, метнуосамъ моя 2. пиштоля кодъ главе и покраи себе мой трость, и тако быосамъ перви кратъ на моме кревету, и спаваосамъ цѣлую ноћь зѣло мирно и спокоино. Али ни э чудо, ербосамъ и труданъ и санливъ быо, зашто прошедшую ноћь, мало или башъ ништа спавао нисамъ, и преко цѣлога дана трудно радіо вещи мое изъ лаће узимати и на суво износити.

Садсамъ имао наивећи магазинъ различити ствари, кои никадъ за еднога человѣка ніе тако напунѣнъ быо; но я преко свега тога іошћъ никадъ доволянъ быо нисамъ, ербо докле э годъ лаћа на мѣсцу своме управо стаяла, помисліосамъ све изъ лаће, штогодъ іошћъ наћи могу, изнести морамъ, и сваки данъ кадъ э вода уступила, ишаосамъ на ню и свагда са собомъ што было, да было, донео.

Осо-

Особито трећи кратъ кадсамъ на лаћу отишао, донесаосамъ толико ужета и танки штранчица, коликосамъ годъ наћи могао, и еданъ комадъ конофоса чимбы у каковой прилицы платна (ядра) искрпити могли, и буренца мокрога барута съ тимъ сохранили, кратко ясамъ сва платна отъ найвећега до найманѣга собомъ узео. Но жао ми э было, дасамъ ихъ у комаде изсећи морао, и никадъ на еданъ кратъ собомъ толико узети нисамъ могао, како штосамъ желіо. Я ихъ дакле нисамъ ни могао выше за танка платна него само за дебело платно употребити.

А штоми э найвећу радость учинило, было э то, дасамъ я башъ найпосле, кадсамъ већъ пето или шесто путешествіе таково учиніо, и већъ ништа на лаћи наћи нисамъ надаосе, што бы вредно было, іошћъ велики пунъ сандукъ хлѣба, три бурета сладке Англійске водке (ракіе) едну кутію фінога шећера, и едно буренце брашна нашао. Овоми э пало сасвимъ изненада у руке, ербосамъ, како што каза, већъ сву надежду изгубіо іошћъ штогодъ хране, коя небы отъ воде покварена была, тамо наћи. Повадіосамъ дакле хлѣбъ изъ сандука, и

завїосамъ све сомунъ по сомунъ у комаде отъ платна, коесамъ за то скроїо быо, и донеосамъ све на еданъ кратъ щастно на суво.

Слѣдующїй данъ учинїосамъ опетъ путешествїе онамо. Лаћусамъ отъ свега, штосе годъ дигнути и понести могло, сасвимъ опустїо; садсамъ предузео велико уже отъ мачке спремати, изсекаосамъ највеће у онакове комаде, како штосамъ понести могао, пакъ тако и она два танка едека отъ мачке, и едно мало уженце отъ Чамца са своимъ гвожћарїомъ, штосамъ годъ наћи могао, собомъ понесао. Затимъ подсекаосамъ средню велику Катарку, како годъ и мотке на стражнѣй, и све што э за мой велики сплавъ требовало, и натоварїосамга са свимъ овимъ тешкимъ добромъ, паксамсе отискао. Али ево бѣде, моя добра срећа почела э мене оставляти, ербо э сплавъ садашни кратъ сасвимъ неспомогателанъ, и тако врло натоваренъ быо, да я, кадсамъ већь у ону малу зашколину, гдисамъ и друге ствари принесао, ушао, нѣга онако лако како прће управляти нисамъ могао. Онсе э извратїо, и бацїо мене съ цѣлимъ товаромъ у воду. Мени за себе

ніе толико было; ербосамъ я доста близу брега быо; али съ моимъ товаромъ зло э было, отъ кога э боля часть пропала; особито гвожћарїя, отъ коесамсе я велике ползе надао. Но преко свега кадъ э вода уступила, изнеосамъ я многе комаде великога ужета отъ мачке, и такожде нѣчто мало гвожћарїе али съ великимъ трудомъ на суво; ербосамсе морао у воду загнюривати, кое э мене отвыше утрудило. Послѣ отходїосамъ сваки данъ на Лаћу, и донеосамъ, штосамъ годъ нашао, на суво.

Кадсамъ већь 13 *тъ* дана на суву а 11 *тъ* крати на Лаћи быо, и међу тимъ свесамъ изнео, штосе годъ отъ двею руку икадъ очекивати могло, и мисліосамъ, кадбы їоштъ свагда тихо време было, цѣлу Лаћу комадъ по комадъ на суво изнети. Кадсамъ я већь 12 *ти* кратъ на Лаћу поћи себе преправляо, тосе онда почео и вѣтаръ дизати. А будући да э море ниско стаяло, ясе сотимъ нисамъ уплашїо, него отишаосамъ на Лаћу. И коликосамъ годъ тражећи вещи цѣлу собу преметнуо, и да небы могуће выше што тамо наћи, тосамъ я опетъ їоштъ еданъ Орманчићь съ Фїокама тамо нашао, у коима э три бритве, едне велике маказе, и до 12 *тъ*

пари добри ножева и вилюшака было. У другой фіочицы нашаосамъ до 36. фунти Штерлінговъ у новцу, отъ коихъ э полакъ *Европейскихъ* а полакъ *Бразілскихъ* монетовъ было, и нѣколико комада *Шпански* талира, и другихъ златныхъ и сребреныхъ монетъ.

На смотренѣ ови новаца мораосамсе самъ у себи смѣяти. Неваляна ствари! повыкаосамъ я, на каковуси ползу? за мене ниси вредна, дапе са землѣ дигнемъ! само еданъ отъ ови ножева више э вреданъ него та цѣла хрпа. Къ ничему, али башъ отнюдъ къ ничему незнамте я употребити! Остани и пропадни ту како создание, кое незаслужава избавлѣно быти. Но ясамсе промислїо опетъ и завїосамъ нѣколико комада у елно парче крпе. Садсамъ започео за други сплавъ мыслити, доксамсе я сопимъ забаляо, наоблачилосе небо, и вѣтаръ започеосе дизати, и за еданъ ферталь сата вечь э отъ брега къ лаћи доста яко дыхао. Мени э абіе у памепъ дошло, даће суетно дѣло быти каковъ сплавъ правити, ербо э вѣтръ на противъ мене дыхао, и да самъ себе што пре ће што болѣ отовудъ отправимъ и пре ће времена приплива (волне) ербо иначе нећу у состоянію быти, къ брегу приплива-

вати.

вати. Дакле спустїосамсе у воду и пливао самъ каналомъ међу лаћомъ и пескомъ упреко. Но мени э ово отъ теготе, коюсамъ съ собомъ носїо, ово движенія моря доволно зноя дало; ербосе вѣтаръ дигао нагло, и пре ће него што э припливъ савимъ дошао, учинилосе совершена буря.

Али сре ћомъ ясамъ до то доба већь кодъ куће подъ моїомъ маломъ шатромъ быо, гдисамъ я савимъ моимъ богатствомъ окруженъ безбѣдно стаяо. Буря э цѣлу драгу ноћь жестоко дуала, и кадсамъ я уютру на море погледао, небы ништа више отъ какове Лаће видѣти, о томсамсе я мало забринуо; алисамсе опетъ овимъ утѣшителнимъ разсмотреніемъ охрабрїо, да нисамъ нимало времена изгубїо, никакова прилѣжанія щадїо све оно што э годъ за мене полезно было изнети; и да э доиста мало што у нупра было, што-бысамъ изнети могао, башъ акобы и више времена къ тому имао. Ясамъ дакле Лаћу, и све оно штобы їошъ изъ нѣ добити могао, избацїо изъ главе савимъ. Окромъ акобы комади отъ разлупане лаће къ брегу припливомъ дотерани были, кое э и доиста съ различними вещми было, кое э обаче за мене отъ мале ползе было.

Садъ

Садъ мое мысли ни нашто друго него само на то управлѣне быше, себе отъ дивяковъ, акобы кои дошли, или отъ дивиихъ звѣровъ, ако ихъ на овой Ади буде, у безбѣдность ставити. Мисліосамъ и мислїо, какоћу то започети, и каквогћу вида обитаніе за себе начинити, ели яму какову у земли? или шатру на земли? Ясамсе склоніо на послѣдокъ за обадвое. Описаніе о виду и начину какосамъ я то начиніо; можетъ быти, даће теби любезни Читателю угодно быти. Видѣосамъ абїе, да мѣсто, гдисамсе до садъ задержавао, низакаково постояно обитаніе способно ніе; и то отъ части тога ради, ербо э оно на блатномъ мѣсту близу моря, слѣдователно, какосамъ я мыслїо, нездраво было, особито обаче, ербо нигдѣ на близу фришке воде добити небяше. Предузеосамъ дакле гдигодъ здравїе и угодніе парче землѣ потражити.

Притомсамъ я многе вещи у разсмотреніе довео, на коесамъ, као шпосамъ мыслїо, у моему состоянїю добро смотрити морао. Као перво здрави воздухъ и фришку воду, друго, щитъ и обрану спроћу солнечне жеге, треће, безбѣдность отъ похитителнихъ вещей, Человѣковъ и

звѣ-

звѣровъ; иайпослѣ незатворени видъ (изгледъ) къ морю, да я, акобыми Богъ Лаћу какову усмотрити дао, никакови способъ за мое освобожденіе, за кое я сву надежду изгубити їоштъ волѣ имао нисамъ, изъ руке испустїо небы.

Међу тимъ тражећи я къ тому каково способно мѣсто, нашаосамъ едну малу равнину, кодъ едногъ узвишенога бердашца, кое э къ равнини аки на подобіе дома, и верло стрмо спаяло тако, да отъ озго къ мени ништа доћи ни э могло. На страни овогъ каменитогъ бердашца была э една яма, башъ аки уходъ или врата отъ каквогъ подрума, но у пећини самой ніе было никакова подрума или пута. Управо предъ овимъ дуплѣмъ отъ яме на трави на мыслїосамъ шаторъ мой разапети. Мѣсто ово ніе выше, него 100 аршина широко, два кратъ толико дугачко было, и не иначе него аки една зелена и увеселителна башча, предъ врати мой лежало при коего концу свудъ непорядочни путови къ низини и къ морю доле растерти быша. Шаторъ мой лежао е къ сѣверо-заднѣй страни тако, да э онъ свагда отъ жара солнечногъ закривенъ было, кромѣ кадъ э солнце западоюжнѣ дошло,

кое

кое у ови страна предъ заходомъ солнца быти обычествуетъ.

Преће него штосамъ я шаторъ разапео, повукаосамъ предъ отворенимъ мѣстомъ полукружни ендекъ, кои э у свему около 10 аршина отъ пећине доле, а 20. отъ почетка до края у цѣой мѣри узео.

У овай полукружни ендекъ ударїосамъ я два реда яки али дебели тачака, коесамъ тако дуго у землю ударао, докле годъ нису тако твердо као стубови стаяле, дебли краеви стаялису выше него 6. стопа отъ землѣ высоко, и на верху островерляти обадва реда нестаяще едно отъ другога далѣ него 6. цоли (членовъ).

Затимъ узеосамъ они дебели ужета отъ мачке, коясамъ на лаћи на комаде изсекао, и метнуосамъ ихъ међу овима двѣма редови стубова едно на друго башъ до верха, ударїосамъ и страгъ друго колѣ полъ трећу стопу высоко, подобно каковому банку, или внутренѣму насипу, и овай насипъ (шанцъ) тако э быо крѣпокъ, да ни человѣкъ ни звѣръ унутра или преко нѣга ући нїе могао. Ово э мене доиста времена, и доволногъ труда стаяло, особито панѣве у шуми ископавати,

ны

ны на мѣсто доносити, и послѣ у землю закопавати.

Уходъ къ овому мѣсту нїе имао врата, него преко едне кратке лѣствице моралосе унутра и на полѣ исходити. Ову лотрицу свагда, кадсамъ унутра ушао, мораосамъ за собомъ унутра увући, и такосамъ я, као штосамъ мыслїо, спроћу цѣлога свѣта ограћенъ и утвержденъ быо, слѣдователно спаваосамъ цѣлу ноћь мирно, кое други кратъ и преће нисамъ чинити могао; башъ акосе послѣ и дознало, да я сву ову учинѣну наредбу безбѣдности противъ непрїятелей, отъ коихсамсе я какове погибели бояо, нимало отъ потребе нисамъ имао.

У ову ограду, или градъ унеосамъ съ великимъ трудомъ све мое богатство, храну, барутъ и прочая, о коимсамъ горе рекао; начинїосамъ такожде шаторъ доста повелики, дабы подъ нымъ отъ кише сохранѣнъ быти могао, коя едне четверти године овде врло плавна быва. Овай начинїосамъ сугубъ, унутра маню шатру. А преко ове другу већу, преко коесамъ еданъ велики комадъ слеплѣнога дебелога беза прострео, коесамъ (съ ядрами и парусамъ) изъ лаће изнео.

Послѣ

Послѣ нисамъ лежао задуго на ономъ кревету, когасамъ на суво изнео быо; него у едной лаѣарской правой постели, коя э верло добра и преѣе нашега корманоша была.

У овай шаторъ донеосамъ сву мою храну, и што годъ мокроѣу трпити нїе могло, и кадсамъ сва ова моя добра спремїо, ондасамъ и онай уходъ, кои э досадъ отворенъ стаяо, сасвимъ затворїо, и прелазїосамъ, како штосамъ рекао, преко оне мале лѣствице у нутра и на полѣ.

Кадсамъ то све совершїо, започеосамъ послѣ путъ у каменитту пеѣину прокопавати, износїосамъ сву ону ископану землю и каменѣ крозъ шаторъ, и сипаосамъ свудъ унаоколо закопа изнутра, и начинїосамъ као нѣку отъ землѣ клупу, тако да э внутрени темель до полдругу стопу выши быо. На овай начинъ ископаосамъ за моїомъ шатромъ едну такову магазу, коя э моему дому на мѣсто подрума служила.

Ово э мене труда, зноя, и много дана стаяло, доксамъ сасвима овима стварма у право станѣ дошао, како што э быти морало. Садсе морамъ къ нѣкима другима вещма натрагъ вратити, съ коимасу мысли мое отъ части посла имале. Башъ у то вре-

време, кадсамъ я съ намѣренїемъ шаторъ разапети, и за нимъ яму ископати готовъ быо, случилосе, дасе врло плавна киша изъ нѣкогъ страшногъ црногъ облака спустила, за коїомъ э хитра муня синула, и заньомъ, како што э наравно, жестокъ громъ пукао. Хитро аки муня сама просече на еданъ кратъ тай помыслъ душу мою, о мой барутъ! Сердце ми э у перси трепетало, кадсамъ о томъ помыслїо, даѣу я еднимъ точїю ударцемъ свега мога барута лишенъ быти, отъ когасамъ я не само свободу и безбѣдность, како штосамъ мыслїо, него башъ и само содержанїе и препитанїе мое имати надаосе. Мени одавно нїе тако мучно было о моей собствевной погибели, несматраюѣи кадбы вапра барутъ доватила была, дабы веѣь сасвимъ погинуо быо.

Овай э случай тако велики страхъ у сердце мое уселїо, дасамъ я како э олуя прошла, савъ други посао то есть дѣло града мога лежащъ оставїо, и преѣе свїю други вещи то предузеосамъ кесе и купїе преправляти, дабы барутъ мой съ едногъ мѣста расположїо, и сѣмо и овамо у манѣ части раздѣлїо, и ны тако едно отъ другога удалїо, дасе едно отъ другога небы

запа-

запалило и све на еданъ кратъ ватру уфатити могло. Ясамъ съ овимъ дѣломъ у 14 *тъ* дана готовъ быо, и барутъ мой, кои э у 140. фунти состояо, быо э у выше него 100 сосудовъ спремлѣнъ, и у толико мѣста раздѣленъ. Ради мокре буради нисамсе бояо никакове погибели; ову метнуосамъ у мой нови подрумъ, когасамъ самъ моїомъ кухиномъ называо: а прочесамъ овде и онде по дуплямъ пећине сакрїо, гдисамъ видїо, да отъ мокроће свободно быти можетъ.

Съ тимъ забавляюћисе излазїосамъ опетъ сваки данъ съ пушкомъ моїомъ на полѣ, отъ части за увеселенїе мое, отъ части обаче дабы видїо, небыли штогодъ за храну мою убити могао, и дабы себе сасвимъ возможнимъ опасно познао, шта ова самоћна пустиня содержава и произноси. Перви кратъ, кадсамъ изышао, усмотрїосамъ абїе на мое велико утѣшенїе, да на овой Ади коза има. Али несрећомъ овосу тако плашливе быле, тако хамишне и на ногахъ брзе, да э крайнѣ тешко было къ ныма приближитисе. Ясе съ тимъ нисамъ уплашити дао, и сумню неимадо, да нећу опетъ едну на пушку добити, и тосе башъ скоро случило. Ербо доксамъ я ныня мѣста и обиталища малко болѣ пронашао, тосамъ

я

я себе за ны слѣдующомъ мѣромъ преправїо. Смотрїосамъ, да како оне мене у долини виде, абїе съ великимъ страхомъ оттудъ побѣгну, и тако исто башъ кадсу и на брду быле, а кадсу оне у долинахъ пасле, а я на брду быо, то онда оне мене ни найманѣ смотрити нису могле. Изъ тога примѣтїосамъ я, да нынъ образъ и очи морао э тако созданъ быти, само доле гледати а предмѣте, коису надъ ныма были, лако усмотрити нису могле. Ясамъ послѣ свагда тако учинїо, попеосамсе найпре на пећину и отъ тудсамъ многократно богатъ добитакъ учинїо. На первый ударацъ пушке, коисамъ мећу ову марвинчадъ бацїо, убїосамъ едну козу, коя э сасобомъ мало на сиси яре водила, и то ми э отъ сердца жао было. Како э дакле стара пала, остало э младо како окаменѣно кодъ нѣ стоећи, доксамъ я онамо дошао и дигаосамъ ю, али не само то: кадсамъ я козу на лећа метнуо и понео, слѣдовало э и младо яре башъ устопце замномъ до мое ограде, гдисамъ я стару спустїо на землю, я яре на руке узео и преко мое ограде пренео, у той надежды нѣга питомо воспитати моћи. Алига никоимъ начиномъ къ елу привикнути

викнути нисамъ могао. Обадва ова зверчета дакле снабдѣлису мене съ месомъ за нѣко време доволно. (Ербосамъ и яре, кадъ већь ести нїе хотело, принужденъ быо заклати,) ербосамъ и тщателно храну мою трошїо, особито хлѣбъ, колико э годъ можно было, чувао.

Тврдо и постояно обиталище већсамъ садъ имао. Садъ обаче нашаосамъ за врло нуждно, и необходимо быти, мѣсто за ватру или огныще, гдисе ватра непрестано содержавати може, и дрва доволно къ тому изнаћи. Какосамъ то уредїо, яму разширїо, и іоштъ друге многе угодности уредїо, о томећу на мѣсту, гди валяло буде, обылно извѣстїе дати. Преће обаче о самъ себи о моима мыслима, о моемъ уживаня начину, коихъ, како што лако знати можемо, много э было, извѣстїе дати морамъ.

Мышлѣна и изгледъ, коесамъ у моемъ станю имао, былесу страшне, ербо, кадъ небы я нагломъ и страшномъ волномъ на ову Аду или Островъ баченъ быо, и данебы чрезъ то отъ теченїя нашега предузетога путешествїя, и нѣколико 100 міля отъ обыкновеннога мѣста тргowине отеранъ быо; тобы доволно узрока имао ово аки нѣко Божїе опредѣленїе разсудити,

да

да я на овому мѣсту, и у овому сасвимъ заборавлѣнному стаю животъ мой окончати морамъ. На ово размышлѣнѣ менису сузе многократно преко лица потекле, а многократно опетъ промотрїосамъ, заштобы провидѣнїе Божїе созданїе свое овако сасвимъ у пропасть бацало, овако безъ сваке помоћи изоставляло и сасвимъ газило, да едвабы разумно быти видѣлося нѣму за такови животъ благодарити. — И многократно паломи э штогодъ фришко у паметъ, што э моей небодрости удержанѣ учинило, дасамъ я самъ таковую отбацїо. Особито то э учинїо разумъ мой, кадъ я единожди съ моїомъ пушкомъ у рукахъ по край моря шетаписе изыћо, и у малодушнима мыслима мога садашнѣга станя сасвимъ изгубїосе. Истину да рекнемъ (аки дами э нѣчто пришаптало) тыси у верло бѣдномъ и заборавлѣномъ станю; али помысли на то, гдису твои содружницы? ніели васъ 11 *тѣ* у чамацъ ушло? гди э дакле оныхъ 10 *тѣ*, зашто ны 10 *тѣ* нїе избавлѣно, а ты даси погинуо? зашто башъ ты самъ отлученъ бы? ели болѣ овде него онде быти? (показаосамъ на воду кадсамъ ово изрекао) свако зло съ онимъ добромъ, штосе у нѣму содержава, разсудити валя, и

іоштъ

їоштъ съ онимъ горимъ, што отъ насъ нїе далеко удалѣно было, и насъ лако потрефити могло, у сравненїе ставити.

Далѣ разсудїосамъ, какосамъ я сасвимъ, што э за мое содержанїе потребно, снабдѣнъ быо, и штобысе самномъ случило было, кадъ како што отъ сто тысящь кратъ само еданъ кратъ быва, лаћа небысе отъ оногъ мѣста, гдисе разбила, отпустила и овако близу къ брегу дотерана была, гдисамъ я времена доволно имао све ове вещи на полѣ изнети? штобысамъ почети имао, кадбы я у оному станю, у комесамъ первый кратъ на брегъ дошао, живити морао, и безъ найнуждніега што къ животу надлежи, и безъ свакогъ средства нѣга содержати могао? и особито (рекаосамъ гласно, башъ ако и не за другога, него за самъ себе) што бысамъ почео быо безъ пушке, и безъ барута, безъ ватреныхъ оружїи, безъ разногъ халата свашто начинити, безъ халина, кревета, шатре или гдигодъ каковаго покрова? Отъ свїю ови ствари имаосамъ я доволну хрпу, и кромъ тога їоштъ добру надежду такоћеръ скоро и безъ пушке содержанїе мое наћи моћи, башъ ако барута и олова временемъ и нестане, тако дасамъ я о не-

о недостатку докле годъ живимъ у доволной безбѣдности быо.

Ербосамъ я абїе у почетку разсудїо, какоћу нападенїямъ, и случаямъ, коиме предсрести могу, избѣгнути, и себе за будущая снабдѣти моћи; и то не само, да акобы барута и олова нестало, него и акобысе здравїе и крѣпости мое умалявати почеле.

О томе доиста морамъ право казати, преће нисамъ ни помыслїо, дасамсе точїю еднимъ ударцемъ мое хране лишити могао, и барутъ мой само едномъ искрицомъ савъ на еданъ кратъ у воздухъ дигнутисе могао: оттудъ э произишло, да э мене, како штосамъ рекао, тай помысль тако устрашїо, кадае грмѣло и сѣвало, а друго э све їоштъ преће урећено было.

Садъ приходимъ на чудну и замышлѣну повѣсть, и поступке тако тихога, и самоћнога живота, коясе їоштъ ни откога на свѣту никадъ чула нїе.

Яћу дакле изъ перва почетакъ учинити, и тако до края порядочно поступити.

Быо э по моему исчисленїю 30 *ти* данъ месеца септемврїа, кадсамъ онимъ начиномъ, као штосамъ горе сказао, мою ногу на ову самоћну пустиню метнуо, кадъ э

 солнце

солнце, кое э онда кодъ насъ у есенѣ ноћи равно было, мени управо выше главе стаяло, ербо по моему примѣчанїю быосамъ я 9 *тъ* степени, и 22 *ва* мїнута у ширину къ югу на страну отъ лїнїе.

Послѣ кадсамъ већь 10 и до 12 *тъ* дана овде быо, паломи э на умъ, даћу времена численїе сасвимъ заборавити, ербо книга, мастила и пера нисамъ имао, и да суму Недѣля отъ тежатни дана нећу раззнавати моћи. Дабы то воспятствовао, узеосамъ еданъ дебео дирекъ, и начинїосамъ отъ нѣга еданъ велики Крстъ, и ударїосамга на брегу, гдисамъ найпре допливао, и урезаосамъ на нѣму съ ножемъ моимъ овако писмена: Овде на землю дошао 30 *гъ* септемврїа 1659 *га*: На страни овогъ четвероуголногъ дирека урезаосамъ сваки данъ съ ножемъ по едну уреску, и свака седма уреска (бележка) была э опетъ тако дугачка као и проче, и сваки первый данъ месеца быо э паки тако исто дугачакъ, као и оне Неделне уреске. На овай начинъ држаосамъ я мой мѣсяцословъ, или недѣлно мѣсячно и годишнѣ времена численїе.

И то примѣтити морамъ, да помећу многима вещма, коесамъ у овима разнима путешествїяма изъ Лаће донео, такожде нѣке

нѣке вещи отъ манѣ цѣне, алису мени на велику ползу быле, о коимасамъ горе сказати заборавїо.

Помећу овима вещма было э особито папира, пера, мастила, разни свезки писама, коесу у Капетановой, Корманошевой, настойниковой, и дунћериновой соби хранѣне быле, три или четыри компаса, и нѣкои математическїй Інштрументи, солнечни сати, пусули, Карте, лаћарске книге, коесамъ я све смешано едно съ другимъ бацїо, или ихъ кадъ требовао или нетребовао. Нашаосамъ такоћеръ три врло лепе Бїблїе, коесу мени изъ *Англїе* послате быле, и коесамъ я съ другима стварма спремїо быо, такожде и нѣке *Португалске* книге, мећу коимасу два три каѳолическа молитвеника, коесамъ я све опасно сачувао. Да незаборавимъ, мысмо на Лаћи едногъ пса и две мачке имали, о коихъ примѣчанїя достойной повѣсти я на принадлежащему мѣсту све сказати способъ имати хоћу. Мачкесамъ собомъ узео быо, и пасъ э самъ скочїо съ Лаће у воду, пакъ други данъ, кадсамъ я већь съ первимъ моимъ товаромъ на суву быо, на брегъ испливао. Овай э пасъ много година мой вѣрный служитель быо. Ербо што э

 годъ

годъ донести требовало, онъ э донео, и мене особито игромъ, и забавомъ своїомъ увеселявао. И далѣ ништа желїо нисамъ, него кадбы онъ самномъ говорити могао; али ево жалости то онъ чинити нїе могао. Како штосамъ рекао, нашаосамъ папира, мастила, и пера, съ коимсамъ я крайнѣ тщателно поступао; и видѣесе, дасамъ я, докле э годъ мастила траяло, све опасно назначїо и описао. А кадъ э тога нестало; то дакле выше ништа описивати и назначивати нисамъ могао. Ербо фришко мастило са свима средстви, коесамъ годъ у власти моей имао, начинити немого.

Ово э мене опоменуло, да мени несматраюћи на све оне вещи, коесамъ изнео, іоштъ многе вещи недостаю: изъ међу кои э найважнїя мастило было; равно будацы, мотике, и лопате, чимбы землю ископавао и на страну метао, различне игле и концы. Штосе платна дотицало, штосамъ я скоро и безъ велике бриге заборавляти привикао.

Овай недостатокъ халата нуждного учинїо э, да све штосамъ годъ радити предузео, врло э задуго и полагано ишло, и скоро цѣло э лѣто прошло, прећи него што-

штосамъ я съ моїомъ оградомъ или съ затворенимъ обиталищемъ у состоянїе дошао. Стубови и прошће, коису тако тешки были, дасамъ ихъ едва дигнути могао, изыскавалису дуго времена такове у шуми сећи, тесати и преправляти, и іоштъ выше кући доносити, тако дасамъ я многократно два читава дана потребовао, дабы само едно овыхъ стабла посѣкао и кући донео; и еданъ цео данъ доксамга у землю укопао. У почетку послужаваосамсе ко овому дѣлу еднимъ комадомъ тешка дрвета, послѣ паоми э на паметъ оній Казукъ (коль на краю острымъ гвожћемъ окованъ) когасамъ нашао и употребити могао, но и тай къ дѣлу овоме зѣло неугодни халатъ бяше, тако да э мени све тешко радити было.

Али я зато ништа браніо нисамъ, акоми э то башъ и горко пало, или времена спояло! тосамъ я опетъ преко тога времена доволно имао. И перво коликосамъ провидѣти могао, нисамъ другога дѣла имао кадъ већь то совершимъ, окромъ по моей Ади ходити, и средства къ препитанїю тражити, коесе и досадъ сваки данъ еданъ или выше крати случило.

Сад-

Садсамъ почео о моме станю стална разсмотренїя чинити, и како э са стварма моима стаяло писмено ставити; не тога ради, дабы коме другоме, коибы послѣ мене на ову пустиню дошао, изоставити могао, — ербо на то нїе никакова промотреня было, као кадбы я многе наслѣднике имао, — но многовыше съ тимъ мысли мое разабрати, и воспятствовати, данебы непрестано о тому мыслїо, и духъ мой съ тимъ мучїо и утѣснявао. И кадъ э разумъ мой малодушїе мое предобивати започео, тосамъ и я самъ, како годъ штосамъ болѣ могао, себе утѣшавати стао, доброе спроћу зла ставляти и мѣрити, дабы штогодъ имати могао, чимбы садашнѣ станѣ мое їоштъ отъ горегъ каковогъ раздѣлявати могао. Садъ ставїосамъ дакле сасвимъ непристрастно благостоянїе и угодность, коюсамъ уживао, и бѣду, коюсамъ претрпїо, аки долгъ и повѣренїе слѣдующею морою.

ЗЛОЕ	ДОБРОЕ.
1	1.
Ясамъ на едну страшну и пусту Аду баченъ, и безъ надежде икадъ отъ овудъ избавлѣнъ быти.	Али я живимъ и нисамъ, како сви мои други содружницы утопїосе.
2.	2.
Ясамъ отъ цѣлога свѣта отлученъ и отдѣленъ, дабы свагда у бѣди быо.	Али ясамъ такоћеръ отъ цѣлога мога содружества отдѣленъ, отъ смерти избавлѣнъ быти, и онай, кои э мене оваковимъ чудеснимъ начиномъ отъ смерти спасао, може мене опетъ изъ овогъ станя избавити.
3.	3.
Ясамъ отдѣленъ отъ цѣлога человѣчества, пустиникъ, изгнанъ отъ свакога человѣческогъ содружества.	Али я їоштъ нисамъ отъ глади умро, и погинуо, на оваковоме неплодноме мѣсту, кое отнюдъ никаковогъ средства къ препитанїю недаетъ.

ЗЛОЕ

4.

Я неймамъ никакови халина, чимбы себе одѣяти и покрити могао.

5.

Ясе безъ свакога средства ко обрани находимъ, дабы противъ насилствїя человѣковъ, и звѣровъ вооруженъ быо.

6.

Я неймамъ никога, съ кимбы говорїо, или ткобыме утѣшити могао.

ДОБРОЕ.

4.

Али я подъ врло топломъ части Неба стоимъ, гди, акобы и халине имао, едва-бысамъ ихъ носити могао.

5.

Али ясамъ на онакову Аду баченъ, гди я никаковихъ дивїихъ звѣровъ невидимъ. коибыми убиточни были, како штосамъ на брегахъ *Афрїке* видѣо: дакле како кадбы я онде кораблѣкрушенїе трпїо?.

6.

Али э Богъ чудеснимъ начиномъ Лаћу къ мени близу брега послао, дасамъ я толике многе потребне вещи изъ нѣ узети могао, какогодъ моему садашнѣму недостатку помоћи, тако исто мене и у станѣ ставити, себи оно штоми э за препитанїе нуждно, доксамъ годъ живъ снабдѣти моћи.

Све заедно узимаюћи было э овде дакле истинно доказателство, да на свѣту едва едно станѣ тако бѣдно быти може, кое у себи штогодъ добра, или поне освобожденїе їоштъ отъ другихъ горихъ небы содержавало; кое благодарность нашу изыскуе. И овосе може као истинна наука о искуству бѣднога станя на свѣту допустити, да мы такоћеръ у оваковима содержанїяма свагда штогодъ наћи можемо, што къ нашему утѣшенїю служи, кое мы у исчисленїю о добру, и злу свагда на повѣрителну страну ставити морамо.

Кадсамъ я већь духъ мой по болшей части къ тому склонїо са станѣмъ моимъ удоволянъ быти, и выше онако бѣдно и жалостно на море негледати, нећули гдигодъ какову Лаћу усмотрити моћи; почеосамъ я начинъ уживаня мога порядочно установляти, и себе све тако лако и угодно прибавляти, како годъ што э могуће было.

Ясамъ обиталище мое већь описао. То э была шатра, съ едне стране пећине крѣпко съ прошћемъ и съ ужети отъ Лаће ограћена; а садъ већь могаосамъ то правимъ зидомъ называти; ербосамъ я начинїо съ поля нѣки начинъ зида отъ плоча

до

до две стопе дебео; и послѣ нѣкоего времена — да рекнемъ полтрећу годину — наслоніосамъ отъ зида на пећину греде попреко, коесамъ гранама отъ дрвета и са шушњемъ, штосамъ годъ добити могао, покріо, дабы съ тимъ кишу задержавао, коя овде у нѣкоему времену године врло нагла и плаовита быва.

Какосамъ имѣніе и вещи мое у ову ограду и подрумъ, когасамъ за собомъ ископао, унео, тосамъ већь назначіо; али и то да кажемъ, съ почетка су све ствари мое на едномъ мѣсту на хрпи смешане и безъ свакога порядка тако лежале, дасу оне мени све мѣсто закрчиле. Науміосамъ дакле подрумъ мой распространити, и копаосамъ дублѣ у землю у нутра, ербо и пећина шупликава и песковита была, за коимъ и дѣло лакше идяше, коесамъ на то употребіо. Кадсамъ већь видѣо, дасамъ отъ похитителныхъ звѣровъ доволно сохраненъ, ударіосамъ съ десне стране греде у дуваръ, ставіосамсе послѣ іоштъ еданъ кратъ на десно, и прокопаосамъ сасвимъ скрожћу, начиніосамъ врапашца, дабы съ внѣшнѣ стране мое ограде приходити могао.

Овимъ

Овимъ способомъ нисамъ получіо само то, дабысамъ само наполѣ и унутра къ шапри и къ добру моме острагу приходити могао, него такожде и мѣста доволно сва добра моя у порядокъ ставити имао.

Ясамъ дакле къ дѣлу поступіо. Разумъ есть особито существо, и источникъ мѣреня. Сваки дакле, кои годъ све разумно разсмотрава и мѣри, и правилно разсуждава, може временемъ учитель у свима механическима художестви быти. Я у животу моме никаковога халата у руке узео нисамъ, али временемъ, дѣломъ, прилѣжаніемъ и размышлѣніемъ примѣтіосамъ, да ништа на свѣту нейма, што я себи небы начинити могао, а особито кадбы къ тому нуждни халатъ имао, но ясамъ и преко тога многе ствари начиніо, и нѣкое никаковимъ другимъ халатомъ, него стругачемъ и сикирицомъ (съ великимъ трудомъ истина) кое можетъ быти, отъ како свѣтъ стои, овимъ начиномъ начинѣне нису быле. Кадсамъ на примѣръ едну даску отъ потребе имао, то другога средства небяше, негосамъ морао едно дрво посећи, намѣстіосамга предасе, и съ сикиромъ са обадве стране тако дуго

те-

тесао, докъ э оно као платина танко было, пакъ онда мораосамъ са стругачемъ моимъ сасвимъ остругати, и равно начинити. На овай начинъ немого дакле изъ цѣлога дрвета никадъ више него само едну даску начинити, али свему тому ніе ничимъ другимъ помогнуто было, нежели терпѣніемъ, равно тако мало, како многимъ временемъ и трудомъ, когаме э стаяло едну платину или даску добити. Штосе труда тицало, зато ми ніе нимало было, ербо э све едно было, или я нѣга на ово, или кое друго дѣло употребіо.

Но несматраюћи на све Асталъ и столица моя доћоше благощастно у состояніе. Ясамъ ны отъ онихъ кратки комада дасака, коесамъ на сплаву изъ Лаће изнео, начиніо. Послѣ какосамъ горе сказанимъ начиномъ самъ нѣколико дасака начиніо, начиніосамъ дакле велики едну стопу и полъ широки банакъ, еданъ надъ другимъ, около свега подрума унаоколо (рафове) дабы на нѣга савъ мой халатъ ексере, гвожћарію, кратко све на свое мѣсто метнуо и у свакой потреби абіе наћи могао. Тако исто ударіосамъ яке клине у дуваръ пећине, дабы моє пушке и све што э за вешанѣ обесити могао.

По-

Подрумъ мой ніе было иначе, него као еданъ обіци Магазинъ свію потребнихъ ствари, и све при руцы угодно имаосамъ, кое э мени велико услажденіе было све мое добро у таковому порядку особито доволность свію нуждныхъ вещи у таковоме множеству видѣти.

У ово исто време почеосамъ такожде дневную книгу (записку тефтеръ) о мои повседневни дѣли держати; ербо э съ почетка мое неспокойство было, у коемусамсе находіо, доиста врло велико, и несамо неспокойство и дѣло, него іоштъ и велико смущеніе душевно, чинилису мене сасвимъ неспособна къ тому, и мое каттадневно описаніе небы ничимъ другимъ, него самимъ неважнимъ и непорядочнимъ вещма напунѣно было. Него само то, н: п: штобысамъ казати имао, *30га* септемврія. „ Какосамъ на суво дошао, и изъ погибели „ удавлѣнъ быти избѣгао, множество морске слане воде, коіомъ э утроба моя „ напунѣна была, изблювао и малосе укрѣпіо; и на мѣсто штобы Богу за избавлѣніе мое благодаріо, трчао по брегу, „ плѣскао рукама, и тукосе по лицу, плакао „ и съѣтовао о моей нужди и бѣди, и

„ толи-

„ толико дуго изгублѣнъ! Изгублѣнсамъ
„ викао! докле сасвимъ утрудженъ и осла-
„ блѣнъ на землю пасти мора, дабы от-
„ починуо, али себе сну предати усуди-
„ тисе нисамъ смѣо изъ страха отъ звѣровъ
„ изѣденъ быти. Послѣ затимъ нѣколико
„ дана, кадсамъ већь на Лађи быо, све
„ оттудъ узео, штосе годъ узети и по-
„ нети могло, нисамсе удержати могао,
„ дасе непопнемъ на верхъ едногъ брда
„ у той надежди гледати на море, небыли
„ какову Лађу усмотрїо, себи вообразити
„ већь видимъ изъ далека едну Катарку
„ съ полнимъ платномъ (парусомъ) себе
„ съ надеждомъ овомъ питати, и послѣ
„ какосамъ заньїомъ тако дуго и непре-
„ сѣчно гледао, дасамъ скоро ослепїо, ню
„ на еданъ кратъ изгубимъ, и онда сѣ-
„ днемъ као мало дѣте плакати, и тимъ
“ начиномъ мою бѣду и лудость умножимъ.

Садъ кадсамъ већь што доволно забо-равїо, имаосамъ мое покућство и обита-лище у порядку, начинїосамъ Асталъ и столицу и све около себе лепо и угодно, како э годъ могуће было. Садъ текаръ могаосамъ о томъ мыслити и еданъ по-рядочанъ Тефтеръ держати, о коемъ овде Читателю описанїе сообщавамъ, башъ ако онъ

онъ и све ове ствари їоштъ по други кратъ читати мора. Ясамъ писао ову книгу или Тефтеръ докле э годъ мастила траяло, а кадъ э тога нестало, ондасамъ и я принужденъ быо съ описанїемъ пре-стати.

Записка или Тефтеръ.

Данъ 30гъ септемврїа 1659 дошао-самъ я бѣдни и нещастни *Робїнзонъ Круссе* послѣ страшне бурѣ на пространности моря и претерплѣнога Кораблѣкрушенїя, на брегъ ове страшне и нещастне пу-стинѣ, коюсамъ я Аду или Островъ от-чаянїя назвао.

Сви мои содружници удавилисусе, и я самъ быосамъ више мртавъ нежели живъ. Цѣли други остатокъ дана пробавїосамъ съ тимъ, дасамъ я о нещастїю моему сѣ-товао и плакао, да я никакова средства къ препитанїю, никаковога обиталища, никакови халина, никакова Оружїя, и башъ никаковога мѣста, гдибысамъ прибѣжище мое узео, неймамъ. Полнъ отчаянїя и без-помощенъ невидѣвъ предъ собомъ ништа нежели смерть, да я или отъ дивїихъ звѣровъ изѣденъ, или изъ недостатка хране отъ глади умрети морамъ. Кадае ноћь дошла, мораосамъ отъ страха дивїихъ звѣ-

ровъ

ровѣ на едномѣ дрвету спаваши; и спаваосамѣ сасвимѣ мирно, башѣ акое и киша сву ноћь падала.

Перваго Октовріа уютру видѣосамѣ кѣ моему великому удивленію, дасе э Лаћа сѣ високимѣ припливомѣ сѣ мѣста дигнула, и кѣ брегу Острова много више дотерана была. Ово э сѣ едне стране было за мене нѣкое утѣшеніе, (ербо кадсамѣ я ню управо стоящу и цѣлу видѣо, тосамсе надао, кадѣ вѣтарѣ престане, онамо отићи, и штогодѣ средства кѣ препитанію и други вещи за мою потребу оттудѣ добити,) сѣ друге стране сѣ тимѣ паки жалость о изгублѣню моихѣ содружниковѣ обновиласе, кои, као штосамѣ мислїо, кадбысмо сви на Лаћи остали были, Лаћу куртализати могли, и сви непогинули, и да кадбысу люди спасени были, мыбысмо отѣ остатковѣ Лаће еданѣ Чамацѣ начинити могли, на комебысмо у какву годѣ другу часть свѣта доспѣти могли. Найвећу часть дана я сѣ жалости о ови вещма размышляваюћи проведо. А напослѣдокѣ, кадсамѣ Лаћу сасвимѣ суву усмотрїо, ишаосамѣ пескомѣ до нѣ тако близу, коликосамѣ годѣ могао; и отпливаосамѣ послѣ сасвимѣ на ню; и овай э цѣли данѣ

данѣ киша цепала, ако э она башѣ и безнайманѣга вѣтра была.

Отѣ первога до 24 *га* Октовріа. Све ове дневе на различними путешествїями пребавїосамѣ, коясамѣ учинїо, све штосамѣ могао изѣ Лаће и у време приплива на сплавови на суво донети. У свима овима дневи падала э киша, изѣ мећу кои э такожде и лепа времена было: и чиняшемисе дае ово обыкновено годишнѣ кишно време у ови предѣли и мѣсту было.

Октовріа 24 *га* извратїосамѣ сплавѣ мой са свимѣ, што э годѣ на нѣму было, у воду; али будући да э вода плитка и вещи тешке быле, тосамѣ я опетѣ, кадѣ э оттливѣ натрагѣ уступїо, изѣ воде многе вещи извадїо.

Октовріа 25 *га* киша цѣлую ноћь, и цѣли данѣ сѣ нападеніемѣ вѣтровѣ, у коемѣ, будући да э вѣтарѣ іоштѣ яче нежели преће дуао, Лаћасе сва на комаде разбила, и ништа выше отѣ нѣ нежели комаде оставше, кои по води пливаше, видѣти бяше. Ясамѣ овай цѣли данѣ сѣ тимѣ пребавїо, ова избавлѣна добра покривао, и у безбѣдность ставляо, да ихѣ киша покварила небы.

Октовріа 26 *га* ходїосамъ цѣли данъ свудъ по брегу наоколо, дабы гдигодъ каково мѣсто за обитаніе нашао, крайнѣ оскорблѣнъ; себе отъ свїю ноћни нападенія, дивїихъ звѣровъ и человѣковъ у свободу и безбѣдность ставити. Предъ вечерь већь изабраосамъ мѣсто, кодъ когасамъ остати намыслїо, и полукружно мѣсто къ моему конаку измѣрїо, когасамъ съ нѣкимъ начиномъ зида или ограде утвердити заключїо, кои изъ сугубога реда отъ коля и прошћа и съ ужети отъ мачака изнутра, и съ поля изъ плоча испунѣнъ и ограћенъ быти э морао.

Отъ 26 *га* до 30 *га* радїосамъ врло трудно, дабы сва добра моя у обиталище унео, башъ ако э и киша међу шимъ нагло падала.

Октовріа 31 *га* проходїосамъ съ пушкомъ свудъ по Острову, штогодъ за храну прибавити и предѣлъ разсмотрити, убїосамъ едну козу, коея яре замномъ э успїопце до куће ишло, и кое я, ербо ести нехотяше, послѣ заклаписамъ морао.

Ноемврїа 1 *га* разапеосамъ шаторъ мой подъ нѣкомъ пећиномъ, и спаваосамъ первый кратъ подъ ныме, свемусамъ мѣсто учинїо како э могуће было, ударіосамъ

тако-

такоћеръ тачке, на коима э кревет мой висити могао.

Ноемврїа 2 *го* сложїосамъ све мое сандуке, даске и комаде дрвета, изъ коихъ э мой сплавъ сосћояо, едно на друго, и начинїосамъ ограду около себе на подобіе стражилница унутра у мѣспу, коесамъ за градъ мога обитанія опредѣлїо.

Ноемврїа 3 *га* изышаосамъ съ пушкомъ на ловъ, и убїосамъ две птице на подобіе патака, кое врло добре за ело быше. Послѣ полдне начинїосамъ отъ ныхъ ручакъ.

Ноемврїа 4 *га* овога ютра, започеосамъ време къ дѣлу, ко исходу съ пушкомъ, къ спаваню, и ко увеселенїю порядочно раздѣлити и установити. Свако ютро, кадъ нїе киша была, изходїосамъ съ пушкомъ два три сата на ловъ; затимъ радїосамъ до 11 *тъ* сати, послѣ еосамъ, штосамъ имао, и легаосамъ, ербо э време чрезвичайно топло было, малко спавати; предъ вече предузеосамъ опетъ на ново дѣло и радїосамъ Дѣлателне Часе овогъ и слѣдующега дана употребїосамъ сасвимъ къ дѣлу мога Астала; ербосамъ їошть онда само глупи невѣжа быо; али э време и нужда мене скоро тако совершенимъ

Майстором̀ учинило, као штобы икад̀ ткогод̀ у овакови обстоятелствии наравно быти могао.

Ноемврïа *5 га* у овай дан̀ изышаосам̀ сь̀ пушком̀ и сь̀ псом̀ моим̀ на лов̀, и убïосам̀ едну дивïю мачку; кожа э была доста лепа и мекана, месо обаче безпотребно. От̀ свакога зверчета, коесам̀ год̀ убïо, свукаосам̀ кожу, и добро сачувао. Кадсам̀ к̀ брегу морскому напраг̀ дошао, смотрïосам̀ от̀ много видов̀ морских̀ птиц̀, от̀ коих̀ ни едну непознава; али зачудïосамсе и уплашïо о двема воденими звѣрми; кои кад̀ смотрише, да я остро у ны гледам̀, незнаюћи штоћу я от̀ ных̀ учинити, у воду скочише и за овай крат̀ мени избѣгнуше.

Ноемврïа *6 га* послѣ мое ютренѣ шетнѣ предузеосам̀ опет̀ Астал̀ мой пословати, и быосам̀ сь̀ ним̀ готов̀; али он̀ нимало по моей воли непроизиће; ясам̀ нѣга обаче скоро болѣ устроити научïо.

Ноемврïа *7 га* почело э на еданъ крат̀ непрерывно лепо време быти. *7 га* *8 га* *9 га* *10 га* и едну часть *12 га* (ербо *11 га* по моему брою Недѣля бяше) пребавïосам̀ сь̀ дѣлом̀ мое столице, и имаосам̀ доволно

волно посла таковой какав̀ год̀ леп̀ изглед̀ дати, коями обаче никад̀ право по воли небяше, и баш̀ у послу разлупаосам̀ э многократно сву на комаде. д: п: Ясам̀ скоро и Недѣлю праздновати изоставïо, ербо кадсам̀ я многократно уреску на стубу урезати заборавïо, то немого дакле выше знати и кад̀ э Недѣля была.

Ноемврïа *13 га* овай э дан̀ киша пала, коя э мене чрезвычайно разгалила и землю разладила, али равно грмляше и сѣваше мунѣ страшно, гдисам̀ я ради баруда мога у великой бриги быо. Како э дакле олуя и време прошло, заключïосам̀ я сав̀ имутак̀ мога баруда у толико свески и сосудов̀, колико э год̀ могуће, разложити, и раздѣлити, данебы он̀ выше оваковой погибели подложан̀ быо.

Ноемврïа *14 га* *15 га* *16 га* ова три дана употребïосам̀ на то, дабы фïочице и купице начинïо, у коебы найвыше две фунте баруда стати могле; у ове усуосам̀ я барут̀ мой, и метну их̀ на мѣста, коясу тако свободна и далеко едно от̀ другога была, како год̀ што э возможно было.

Ноем-

Ноемврїа 17 *га* у овай данъ почеосамъ я за моимъ шапоромъ у пећину копати, дабы за друге угодности и потребе мѣсто начинити могао. п: д: Три вещи къ дѣлу овому сасвимъ нисамъ имао, а наимено! Мотику, Лопату, Талишке или Котарицу. На мѣсто Мотике узеосамъ дакле ћускїю, коя э къ дѣлу овоме доста способна али врло тешка была. Садъ э было отъ велике потребе Лопата и Будакъ, безъ коихъ я ништа чинити нисамъ могао; а какоћу таковe начинити то башъ опнюдъ знао нисамъ.

Ноемврїа 18 *га* сутра данъ нашаосамъ ходећи по шуми нѣко дрво, кое э оно исто или нѣму врло подобно было, и кое ради нѣгове чрезвычайне тврдоће кодъ насъ у *Бразїлїи* гвозденимъ дрветомъ называю. Отъ овога отсекаосамъ съ великимъ трудомъ, глибы было скоро и сикиру мою покварїо, еданъ комадъ, и съ таковимъ истимъ трудомъ довукаосамга кући, ербо э отвыше тежакъ было. Тврдоћа овогъ дрвета, и недостатокъ къ тому способногъ халата, учинише дасамъ я дуго времена кодъ ове машине изгубїо; но преко свега начинїосамъ я отъ нѣга опетъ башъ дѣйствителну Лопату съ держаломъ, са-

свимъ

свимъ онако исто, какогодъ кодъ насъ у *Англїи*, него само то ербо ширина ње гвожћемъ окована была, неможе задуго траяти; но я ню опетъ ко оному дѣлу, на коесамъ ю употребїо, доста дуго потребова; али мыслимъ да никада Лопата у оваковоме виду їоштъ нигди ње начинѣна была, и никада толико времена на овакови посао изгублѣно было.

Али э їоштъ свагда една нуждна вещъ недостаяла мени; то есть котарица или едне Талишке. Котарицу башъ опнюдъ нисамъ начинити могао, ербо превїяюћи мотака, коебы ко овому дѣлу плетеня имати морао, їоштъ до садъ нисамъ нигди нашао; а штосе Талишки дотицало, тосамъ окромъ точка све начинити могао, отъ кога нитисамъ понятїя имао, нити знао, какови способъ къ дѣлу овому предузети валя. И кромъ тога нисамъ знао, како гвожће преко вретена, или главчине точка начинити валя. Я дакле выше о томъ и немысли и начинїосамъ, дабы землю, кою у подруму ископамъ, на полѣ износити могао; едну справу на подобїе коритца, у коему работницы зидаромъ Малтеръ доносе.

Но

Но и ово мени тако тешко нïе было, као Лопату начинити; и то све мене ніе стаяло выше, Лопату и суетна проба Талишке начинити него 4*ри* дана времена; кромѣ штосамъ свако ютро съ пушкомъ на шетню исходïо, и коесамъ рѣдко изостављяо, али и рѣдко кући дошао, да небы собомъ штогодъ за ело донео.

Ноемврïа 23*га* сви други мои послови, доксамъ я халаштъ овай правïо, моралису изостати. Садъ дакле предузеосамъ ихъ на ново, и пребавïосамъ 18*тъ* дана — сваки данъ радïосамъ, коликосу годъ крѣпости мое и време допустили, о томъ подрумъ шири и дубли начинити, дабысе вещи мое у нѣму лепше и угодніе хранити могле. Овосамъ цѣло време о томъ радïо, ово обиталище или яму доста велику учинити, коебы мени за вещей хранителницу или Магазïнъ, кухиню, спаваћу собу и подрумъ служити могло. п: д: за порядочно мое обитаніе держаосамъ свагда шатру, окромъ кадбы кадкадъ у мокрому годишнѣму времену врло киша падала, и я подъ нымъ сувъ небысе сохранити могао. Ово э дакле дало мени послѣ поводъ цѣлое мѣсто изнутра мое ограде съ дугачкима мотками устроити, коесамъ на пећину наслоніо, пакъ

пакъ ны гранѣмъ, и съ широкимъ отъ древесъ Лишћемъ као еданъ наслонъ или стрею покрïо.

Декемврïа 10*га* ясамъ башъ помыслïо съ моимъ подрумомъ и сводомъ готовъ быти; а можетъ быти, дасамъ врло широко начинïо быо, отвалисе съ едне стране врло велики одронакъ отъ верха и паде доле, очемусамсе я и то не безъ узрока верло уплашïо, ербо кадбысе я башъ подъ нымъ нашао быо, то доиста никакова погребателя выше потребовао небы. На ову несрећу усугубисе мой посао на еданъ кратъ, и не само штосамъ морао ону отронѣну землю наполъ износити, него ïошштъ и то, што э важніе было, свудъ надъ главомъ са стубови подупрети, дасе небы опетъ по други кратъ свалïо.

Декемврïа 11*га* данасъ започеосамъ то радити; и исправïосамъ две подпоре или стуба управо, пакъ аки греде преко сваког две даске метнуо. Съ тимъ быосамъ други данъ готовъ. Ясамъ съ тимъ ïоштъ далѣ поступïо, и вышесамъ стубова и дасака метнуо, и тако у 8*мъ* дана надъ главомъ безбѣданъ быо, и редъ стоящи стубова служïоми э шакоћерь къ раздѣленію мога дома.

Декем-

Декемврïа 17 *га* отъ овогъ дана до 20 *га* начиніосамъ банакъ около стѣне, удари ексере у стубове, и све шпосе обесити може, на ны повѣсïо, и тако спаосамъ кодъ куће у доста приличанъ порядокъ доћи.

Декемврïа 21: 22: 23: донеосамъ све у подрумъ, и започеосамъ домъ мой украшаваши. Метнуосамъ нѣколико дасака едну преко друге као рафове, дабы ела и сосуде мое тамо метнуо, дасака э већь мало по мало нестаяти почело. Начиніосамъ дакле іошть еданъ Асталъ.

Декемврïа 24 *га* цѣли данъ и цѣлу ноштъ излишно э киша цепала; дакле нисамъ ни на полѣ излазïо.

Декемврïа 25 *га* киша такоћеръ цѣли данъ.

Декемврïа 26 *га* бездождно и земля мало хладныя и угоднія нежели преће.

Декемврïа 27 *га* убïосамъ едну младу козу и другу ранніо, тако да э уфати, ужетомъ свеза, и дома доведо, гдисамъ я ногу нѣну свезао и дащицама утвердïо. П: д: Ясамъ храніо ню тако добро, да э она жива остала, ногу ей излечïо, коя э тако као и преће здрава была. Временемъ кадсамъ э већь доста позадуго храніо, учи-

учинилосе она сасвимъ питома, пасла э на оной малой зеленой пшицы предъ мои врати, и незахтеваше отовудъ ни побећи выше. Ово э мене на первый помысль довело, нѣкую дивïю звѣрчадъ припитомити, да временемъ мени на средствахъ къ препитанïю небы ущербъ было, акобы баруша и олова мога нестало.

Декемврïа 28 29 30 *га* велика э теплота была, и никаковога чистога воздуха отъ моря; дакле ніе было време излазити, окромъ предъ вечеръ дабы штогодъ за ело убïо. Ово време пребавïосамъ съ шимъ, дасамъ све вещи мое кодъ куће у порядокъ ставïо.

Іануарïа 1 *га* іоштъ свагда врло топло; исходïосамъ опетъ уютру рано и увече съ пушкомъ на ловъ, а преко данъ пребываосамъ мирно кодъ куће. Калсамъ я ово вече далѣ у долине заишао, коесу у средъ Острова лежале, нашаосамъ тамо велико множество коза, кое обаче крайнѣ плашиве быше, и врло тешко добитисе могоше. Абіе заключïосамъ пробу учинити, нећули ихъ съ псомъ моимъ разпудити, и раздражити моћи.

Іануарïа 2 *га* изишаосамъ съ моимъ псомъ на полѣ, и наускаосамга на козе.

Али-

Алисамсе я ту преварїо, ербосе оне све на противо пса ополчише, и онѣ э погибель свою добро примѣтїо, нехотѣсе дакле кѣ ныма далѣ приближити.

Іануарїа 3га започеосамѣ ограду или зидѣ мой, когасамѣ я їоштѣ свагда пунѣ страха отѣ кога годѣ нападенѣ быти врло дебела и яка начинити заключїо.

Д: П. Будући да э зидѣ овай већь їоштѣ преће описанѣ, то дакле изостављамѣ своеволно, штó э о томѣ у описанїю стаяло. Доволное то, кадсамѣ я назначїо, дасамѣ я не манѣ времена него отѣ 3гѣ Іануарїа до 14гѣ Апрїла сѣ шимѣ пребавїо, дабы ово дѣло начинїо, и у свое совершенство довео, башѣ ако оно и ніе выше него 24 рифа у дужину было; ербо э оно полукружно было, отѣ еднога мѣста до другога пећине около 8 рифи у кругѣ, и врата отѣ подрума башѣ на среди за нымѣ быше.

Ово цѣло време радїосамѣ прилѣжно о томе, башѣ ако э мени киша и много дана а кадкадѣ и цѣлу Недѣлю на томѣ препятствовала, но ясамѣ свагда мыслїо, да никадѣ совершено безбѣданѣ и свободанѣ быти немогу, докле годѣ зидѣ овай готовѣ небуде; и вѣроватти ніе можно, сѣ како-

каковимѣ э неисказанимѣ дѣломѣ и трудомѣ све правлѣно быти морало, особито стубове и колѣ изѣ шуме доносити, и ны у землю ударати, ербосамѣ я ны правїо много деблѣ, него штоми э отѣ потребе было.

Кадѣ э овай зидѣ готовѣ, и внѣшня страна сѣ дебело изведенимѣ зидомѣ отѣ плоча сугубо утверждена была; тосамѣ я онда већь самѣ у себи извѣстанѣ быо; да башѣ акобы какови Люди и на суво дошли; то они никадѣ ништа смотрити немогу, штобы обиталищу каковому подобно изгледало. И то э башѣ врло добро было, штосамѣ я но тако начинїо, како штоћесе у слѣдству кодѣ нѣкогѣ врло примѣчанія достойногѣ способа ясно видѣти.

У траяню овога времена, нисамѣ оставляо мой повседневни исходѣ и увеселеніе за ловомѣ, кадѣ э годѣ киша допустила, и овимѣ способомѣ провидѣосамѣ многократно, и нашаосамѣ штогодѣ, што э на мою ползу было. Особито нашаосамѣ нѣки видѣ дивїи голубова, кои нису као други шумни голубови по дрветахѣ, него као домаћи по дупляхѣ пећине гнѣздилисе. Ясамѣ узео нѣколико млади, и трудіо-

самсе

самсе ны питомо воспитати. Ово э сасвимъ добро пошло, а кадъ они стари быше, отлетише опетъ оповудъ, и то може быти тога ради, ербо я ны выше не храни, ербо нисамъ хране за ны имао. Међу тимсамъ я гнѣзда нына често налазїо, и покупїо птиће, отъ коихсамъ преизрядно ело правїо.

Водећи мое домостроительство овако, видѣосамъ да мени їошт̀ъ многе вещи недостаю, коесамъ начинити я съ почетка сасвимъ за невозможно держао, као штосе съ нѣкима и случило. Као н: п: буре съ обручеви незнадо никадъ набити. Имаосамъ, као штосамъ сказао, едно два мала буренца, али никадъ немого до тога доћи, дабы тако упутанъ быти могао, едно по примѣру овихъ начинити, акосамъ башъ и много Недѣля времена на то употребїо.

Такожде умалѣніе мои свећа, бацило э мене у велику бригу. Какосе дакле смркне, а то э порядочнимъ начиномъ у *7 мъ* сати бывало, мораосамъ у креветъ ићи. Садсамъ помыслїо на ону груду воска, отъ коесамъ у моему бѣгству кодъ бреговъ *Афрїканскихъ* свеће правїо; али всуе тога већь небы овде. Само едно средство штоми э їошт̀ъ изостало, было э, да я кадсамъ

самъ козу кою убїо, лой отъ нѣ оставляо, и средствомъ едне мале чинице отъ блата, коюсамъ на солнцу испекао, и фїтилѣмъ лаћарске конопл̀ѣ себи кандило начинїо. Овимъ средствомъ добїосамъ дакле свѣтлость, башъ ако и нїе была онако свѣтло као права и постояна свећа. Башъ у средъ посла мога случилосе, дасамъ я премећући ствари мое еданъ мали жакъ нашао, кои э, како штосамъ казао, съ храномъ за живину напунѣнъ быо. Оно мало жита што э у нѣму было, тосу парцови све исчорвали, и ништа друго у кеси нїе было, него люске и прахъ. А будући дасамъ я тай жачићь на што друго радъ употребити быо, (чинимисе хотѣдо барутъ у нѣга метнути, кадсамъ я нѣга отъ страха стрѣле и грома на разна мѣста расположїо, или што тому подобное,) дакле истресаосамъ изъ нѣга оне оставше люске на едной страни мога града подъ пећиномъ. То э было наскоро предъ ономъ великомъ кишомъ, о коейсамъ говорїо, кадсамъ я тай прахъ и люске истресао, и далѣ ни нашто немыслїо, и неопоменусе выше, дасамъ штогодъ онде изасуо. До еданъ месецъ дана послѣ видѣосамъ нѣколико сламки отъ штагодъ зелена изъ

земл̀ѣ

землѣ прозябаеме, коесамъ за нѣки видъ сада держао, и кое іоштъ никадъ овде висада держао, и кое іоштъ никадъ овде видіо нисамъ. Али каково э велико чудо и удивленіе мене обяло, кадсамъ я у кратко време едно десетъ и до дванаесть классова на стаблахъ оногъ сада исходяще видѣо, кое э совершено зелени ечамъ, онаковога вида, као нашъ *Екролейски* и башъ *Англейски* быо.

При овомъ способу нїе было могуће удивленіе и страхъ мой изговорити. Ясамъ досадъ све творіо а на законъ нисамъ ни мыслїо. Отъ овога да рекнемъ истину, врло слаба понятія бышеми у глави, и све, штомисе досадъ случило, низашто другого него за сами случай держао нисамъ, или како што мы обыкновено безъ свакога размышлѣня о томъ Божіе посѣщеніе именовати обычествуемо. О намѣреніямъ провидѣнія у таковимъ случаямъ или ныномъ порядку у управлѣнію приключеніяхъ у свѣту размышляваши нїеми никадъ на паметъ дошло. Алисамъ я овде у онаковой *Клїмї* и земли гдисамъ знао, да никадъ жито нерасте, на еданъ кратъ ечамъ изъ землѣ прозябаемъ видѣо, прикоемъ взору ясамъ чрезвичайно возбужденъ быо, особито што незнадо отъ кудъ э тай ечамъ про-

прозябао, и дошаосамъ на тай помысль; Богъ э ово жито чудеснимъ начиномъ и безъ помоћи проеуте сѣтве у овому дивїему и бѣдному мѣсту за само мое содержаніе произрасти дао.

Ово э умягчало сердце мое, и очима моима сузе истягнуло, стаосамъ себе за благощастна почитовати, дасе мене ради оваково чудо у естеству приключило. И томисе чудно учинило, ербосамъ я близу тога, покрай стране отъ Пећине іоштъ нѣколико по едно разсѣяни сламки видѣо, кое отъ пиринча бяху, коесамъ познавао ербосамъ ихъ у *Афріхи* кадсамъ у той земли быо, видѣо. Садъ нисамъ вѣровао само то, да э ово точїю провидѣнїе Божіе чудеснимъ начиномъ за мое содержаніе произвело; него іоштъ и о томъ недвоумїо на овому острову іоштъ выше тога наћи, проходїосамъ дакле ону цѣлую часть острова, кудсамъ и преће проходїо, и завирїосамъ у сваки бучакъ и кодъ свакога камена и пећине, да бы іоштъ выше нашао, али бадава, ербо далѣ ништа видѣти небяше. Напослѣдокъ паломи э на умъ, дасамъ я овде ону кесу, у коей э житто за храну живине было, истресао, и ово мнимое чудо престало э на еданъ кратъ абїе. Садъ право исповѣдити морамъ, по-

чела э такожде моя кротка благодарностѣ кѣ Богу ослабливати, кадсамѣ вечѣ видѣо, да ово ништа далѣ ніе, него штогодѣ сасвимѣ обыкновено было, но я преко свега тога валялобы дасамѣ за оваково чрезвычайно, и непредвидѣно посланіе Божіе благодаранѣ быти имао; башѣ тако како дабы то дѣйствително каково чудо было. Ербо вѣ смотренїи мене было э то дѣло особногѣ провидѣнія Божія, кое э тако уредити изволило, да э 10 и до 12 *тѣ* зерна читави остати морало, а проче све отѣ парцова изѣдено тако башѣ, како дабы зерна ова сѣ Неба пала была, и равно тога ради штосамѣ я ны башѣ на ово мѣсто изасути морао, гди оны подѣ сѣномѣ ове высоке пећине абіе никнути и узрасти могоше, коебы иначе на коемѣ другомѣ мѣсту, гдисамѣ посѣяти могао, у ово време отѣ велике жеге изгорети и пропасти морало.

То лако сваки мыслити може, дасамѣ я класе овога жита у време зрѣлости, кое э при концу жатвеннога мѣсяца было, верло опасно скупіо и сачувао. Свако зернце опасно сохраніо и намыслїо у той надежды на седанѣ кратѣ посѣяти, дабы временемѣ обилное имущество хлѣба имати могао. Но то э траяло башѣ до четверте године, доксамсе я

се я усудїо едно найманѣ зернце отѣ овогѣ жита изѣсти, а послѣ сѣ тимѣ верло скупо поступіо, коећу после порядочно сказати. Ербоми э све перво сѣяніе; изѣ узрока што право време сѣянія ненаблюдава, пропало. Ясамѣ сѣяніе ово башѣ предѣ сувимѣ годишнимѣ временемѣ предузео тако, да сѣяніе изникнути неможе, башѣ ни онако како штобы быти имало, коећу на мѣсту гди валя сказати.

Окромѣ овога ечма было э ту іоштѣ 20 *тѣ* до 30 *тѣ* стабли пірінча, коесамѣ такожде равно тако опасно сачувао; и кѣ таковому истому употребленїю опредѣліо, то есть хлѣбѣ или много выше ело отѣ нѣга готовити; ербосамѣ средство изнашао такови кувати, а не пећи, и тосе текарѣ после нѣкоего времене случило. Садсе враћамѣ кѣ моему повседнѣвному записанїю напрагѣ.

Ова три или четири мѣсяца пословаосамѣ чрезвычайно неутрудимо; да бы зидѣ мой вечѣ у совершенство довео. На послѣдокѣ 24 *го* Апріллїа затворіосамга сасвимѣ, и намыслїо не выше крозѣ врата, него средствомѣ лотре преко зида улазити и излазити, и да сѣ поля никаково знаменіе о моему обиталищу усмотритисе може.

Апрїлліа 16го быосамъ такожде съ лѣствицомъ готовъ. На овой попеосамсе дакле горе, узвукаосамъ ю за собомъ и спустии ю у внутрену страну опетъ доле. Ова ограда была э дакле еданъ совершенный градъ за мене. Изъ нутра имаосамъ мѣста довольно, а съ поля нїе могао нитко къ мени доћи, доклесе годъ на зидъ мой попети небы морао.

Абїе други данъ запимъ, кадсамъ съ зидомъ моимъ готовъ быо, былобы скоро свє дѣло мое на еданъ кратъ на хрпу скрхано и я самъ живота лишенъ. Тосе тако случило, кадсамъ я у нутра за моїомъ шатромъ башъ кодъ ухода мога подрума пословао, быосамъ сасвимъ и чрезвычайно уплашенъ, а и вещь сама бяше доиста доста ужасна, ербосамъ на еданъ кратъ смотрїо, да отъ крова мога подрума, и отъ верха брда надъ моїомъ главомъ земля идяше доле, и два отъ стубова, коесамъ у подруму водрузїо, страшно пукиуше, о коемсе я зѣло смутїо, незнаюћи обаче што свойственни узрокъ о томъ бяше. Помыслїосамъ, дасе сводъ мога подрума опетъ по други кратъ свалїо, како штосе э већь еданъ кратъ догодило, и отъ страха да небы ту живъ закопанъ быо, потерчаосамъ къ моей Лѣствицы напредъ, а

будући

будући да и овде себе безбѣдна быти немысли, прећаосамъ преко мога зида, да небы како штосамсе сваки часъ надао, они отронцы отъ брда на менесе свалили. Само штосамъ я на другой страни ногомъ землю докучїо быо, гди я явно смотри, да э то нѣко страшно землѣ-трясенїе было, ербо э земля, на коейсамъ я стаяо, была у 8 мїнута три кратъ ударцемъ жестоко растресена, коебы найяче зданїе на хрпу срушити могло, и велики комадъ пећине пао э съ таковымъ ужаснимъ шумомъ доле, кое я у моме животу їоштъ никада нечувъ: примѣтїосамъ такожде, да э и море само чрезъ ову тресню у жестоко движенїе дошло, и ударцы моралису, какосамъ я мыслїо, подъ водомъ їоштъ ячи него на самомъ острову быти.

Ясамъ о вещи самой, ербо такове никада нисамъ ощутїо или съ кимъ о томъ говорїо, тако уплашенъ быо, дасамъ како мертавъ и сасвимъ окаменѣнъ быо: и землѣ-трясенїе мени э такови ужасъ проузроковало, кога таласи и буря на морю сѣмо и овамо пребацую: шумъ и лупа обаче падающе пећине пробудила э мене опетъ изъ нечувственнога состоянїя, у коемусамъ я лежао, напунила э мене ужаса и учинила э, да я ништа друго не мысли, него да брдо, кое на

шаторъ

шаторъ и на добро мое паде, све на еданъ кратъ закопа, и овоме э на ново све бодрости мое, и присутствія душевнога лишило.

А кадъ э већь трећи ударацъ прошао, и я за нѣкое време ништа нисамъ примѣтіо, охрабріосамсе на ново, али опетъ сердца неимадо доволно натрагъ преко зида прећи, и бояосамсе іоштъ свагда погребенъ быти. Остаосамъ дакле крайнѣ снуждань, и неутѣшимъ на земли сѣдящъ, и нисамъ знао шта почети имамъ. Овогъ цѣлога времена нѣеми дошао ни еданъ хрістіански помыслъ на паметъ, него што э обыкновено было: *Боже буди ми милостивъ*! А кадъ э тресня прошла то э быо конацъ и овой речи.

У време мога седеня овде смотріосамъ дасе небо навукло и тако облачно было, како дабы киша падати хотѣла: и само у едно полъ сата дигаосе тако страшанъ орканъ вѣтаръ, коисе икадъ помыслити може. Море э было на еданъ кратъ съ пѣномъ покрывено, брегъ отъ песка и вртлогъ водомъ оплинутъ, съ коренѣмъ дрвета изъ землѣ исчупана, тако страшна и ужасна была э та олуя. Тако дыхаше вѣтаръ три пуна сата, започесе после уполяваши, и

текаръ

текаръ после три сата было э мирно, и почела э верло нагло киша падати.

Преко цѣлогъ овогъ времена ясамъ іоштъ свагда полнъ страха и трепета на земли сѣдіо, докми э на умъ пало, да вѣтръ и киша истина слѣдства овогъ землѣ-трясенія бяше, и да э трясеніе сасвимъ проћи морало, да я свободно у мой подрумъ ићи усудитисе могу. Овимъ помысломъ оживіосамъ опетъ на ново. Отишаосамъ опетъ у нутра, къ чему э и киша много помогла, и сѣосамъ у моме шатору. Али э киша была тако нагла, да э она шатру мою скоро оборити хотѣла. Видѣосамъ дакле себе принуждена у подрумъ ићи, акосамъ башъ у страху и трепету быо, дасе неће надъ главомъ моіомъ доле стровалити.

Ова нагла, и плаовита киша принудила э мене на ново дѣлати, то есть рупу крозъ зидъ мой просећи, и олукъ начинити, дабы воду крозъ нѣга испустити могао, коя бы иначе подрумъ мой прелила. Кадсамъ већь нѣколико времена у подруму быо, и далѣ никакове ударце землѣ-трясенія неощути, ондасамсе приміріо мало, и дабы разслабленіе тѣла мога опетъ укрѣпіо, кое э доиста и отъ потребе было, отишаосамъ у мой малый Магазінъ, и прогутаосамъ едну чашу

Англій-

Англїйске сладке ракїе, съ коїомсамъ сада како и прѣе врло штедѣћи поступїо, ербосамъ знао, да кадъ э нестане; да друге выше добыти нѣу.

Киша э цепала цѣлу ноћь, и едну часть слѣдующега дана тако, да я ни помыслити мого на ловъ изићи. Кадсе душа моя опетъ малко примирила, узеосамъ о томъ мыслити, штобы найболѣ чинити было? естли Островъ овай, помыслїосамъ у себе, често оваковимъ землѣтрясенїямъ подложанъ, то у подруму живити нїе можно; него на то да имамъ промотренѣ себи колибицу на свободномъ мѣсту начинити; кою послѣ со оваковимъ истимъ зидомъ оградити могу, какосамъ овде учинїо: дабы себе отъ дивїихъ звѣровъ и человѣковъ сачуваши могао, ербо ако останемъ овде, я доиста раніе, или касніе живъ погребенъ быти морамъ.

Овако мыслећи заключїосамъ дакле шаторъ мой съ мѣста, на коему э стаяо, отнести, ербо онъ башъ управо подъ оним верхомъ висящега брда стаяше, коибы при другомъ землѣ-трясенїю доиста на шаторъ мой пасти морао, и дасамъ я два цела дана 19. и 20. Апрїлїа съ тимъ мысле-

мыслећи пребавїо, на какови начинъ и куду обиталище мое премѣстити имамъ.

Страхъ живимъ закопанъ быти узроковао э, да я никадъ мирно неспава, а изванъ ограде мое спаваши іошћъ э већу бригу проузроковало. Али кадсамъ я све около себе тако красно у порядку погледао, какосамъ добро сохранѣнъ, и какосамъ отъ свію бѣда и нападенїя сачуванъ, то э мени врло тешко пало хранимость обиталища овога оставити.

Међу тимъ помыслїосамъ, да предвзяніе дѣла овогъ чрезвычайно много времена изыскиваши хоће, и ясамъ себе къ тому склонити и овой погибели себе подложити морао толико дуго овде изостати, гдисамъ, докъ я себи гдигодъ на другомъ мѣсту прибивалище начинимъ и нѣга добро сасвимъ утвердимъ тако, дасе свободно у нѣга преселити могу. Съ овимъ заключенїемъ примиріосамсе за нѣкое време, и предузеосамъ, што э скорїе могуће было, себи ограду съ колѣмъ, прошћемъ, и дебелими ужети отъ лаће полукружио, како што э моя садашня, воздвигнути, и кадъ готова буде, шаторъ мой тамо разапети, а међу тимъ докле она толико готова буде, дасе могу у ню усели-

ти,

ти, усудїосамсе овде остати, гдисамсе находїо. Ово бяше 21 *вый* овогъ мѣсяца.

Апрїлїа 22 *го* сутра данъ почеосамъ о средствахъ мыслити, и штосамъ намыслїо у дѣло ставити. Али ево бѣде съ халатомъ моимъ зло стаяше. Истина имаосамъ три велике сикире и много сатара (коесмо за продаванѣ Индїаномъ собомъ понели были) али многимъ сеченѣмъ на тако твердимъ и чворновитимъ дрвети бяху оне све пуне зубаца, и утуплѣне, коима и тоциль мой, когасамъ имао, много помоћи неможе, ербо я нѣга самъ окретати и оштрити нисамъ могао. Ово э мене многога размышлѣнїя стаяло, башъ као каквога дворянина, важно време или часъ политике, или едногъ Судїю кадсе смерти или живота чїега дотицало. Напослѣдокъ измысліосамъ и начиніо отъ ужета точакъ, когасамъ ногомъ окретати могао, дабы руке за оштренѣ свободне имао. Я таково штогодъ у Англїй нисамъ никадъ видїо, и їошть манѣ на то позорь дао, какосе прави, акосамъ башъ послѣ и дознао, да э то онде штогодъ врло обще было, и кромѣ тога быо э каменъ врло великъ и тежакъ. Ова машина далами э посла цѣлу недељу дана, доксамъ я ню у совершенство довео.

Апрїл-

Апрїлїа 28. 29. Ова цѣла обадва дана съ тимсамъ пребавїо, дабы мой халатъ наоштрїо, и моя машина каменъ окретати, учинилами э преизрядну службу.

Апрїлїа 30 го кадсамъ примѣтїо, да хлѣбъ мой отъ нѣколико времена на манякъ иде, держаосамъ о нѣму данасъ извидѣніе, пакъ отсадъ нисамсе усудїо выше него на данъ по едну симиту утрошити, кое э сердцу моме доста тешко было.

Маїа 1 *го* погледаосамъ у ютро после отплива на море, и усмотрїосамъ, да нѣчто врло велико на брегу лежи, коемисе како еданъ сандукъ учинило. Отишаосамъ дакле онамо, и нашаосамъ едно мало буре, и два до три комада отъ разбїене лађе, кое э послѣдный допливъ моря на брегъ доперао быо. Кадсамъ за тимъ онай комадъ отъ лађе болѣ промотрїо, учинимисе, да онъ выше него иначе надъ водомъ лежи. Прогледаосамъ дакле буре, кое э на брегъ бачено, и садсамъ већь знао, да э у нѣму барутъ, у кое э вода ушла была, и барутъ какогодъ каменъ у груде сбїенъ быо. Абїе я нѣга предъ собомъ горе далѣ на брегъ отваля, и отишаосамъ по песку врло близу онога комада лађе, дабы їошть штогодъ далѣ усмотрити могао.

Кадсамъ

Кадсамъ къ лађи доле сишао, нашаосамъ нѣзино мѣсто сасвимъ премѣнѣно. Предняя часть, коя э предъ тимъ сасвимъ у песку закопана была, стояла э найманѣ 6. стопа у висину горе, а стражня часть, коюсамъ скоро, какосамъ э послѣдный кратъ разгледао, са силомъ моря у комаде разбіена, и отъ перве са свимъ отдѣлена была, и то э было извраћено, и на страну бачено, и на овой страни кодъ фаре нагрнуосе песакъ толико высоко, да я, кадъ э отпливъ уступіо, врло близу онамо прикучитисе могао, гди э преће тога велико разлитіе воде было, дабы я ферталь сата пливати морао, докбы самъ онамо дошао. О томсамсе я съ почетка доволно чудіо, алисамъ абіе и помыслїо, да э то дѣйство землѣ-трясенія быти морало, и да э оваковомъ силомъ лађа іоштъ выше него преће разбіена быти морала, то э дакле повседневно множество вещи на брегъ долазило, кое э море оплинуло, и вѣтаръ и вода мало по мало на суво доносрали.

Ово э дакле мене отъ намѣренія могао обиталище мое гдигодъ на друго мѣсто преложити сасвимъ отвратило, и приложіосамъ особито овай данъ много труда, дабысамъ на лађу доћи могао. Алисамъ на послѣ-

послѣдокъ видѣо, да о томъ ни мыслити неваля, ербо э лађа изъ нутра пуна песка напунѣна была. Но преко свега, ербосамъ я већь научіо ни о чему неочаявати, заключіосамъ дакле, све штогодъ могу, отъ лађе у комаде одбити у тому мнѣнію, да све, штогодъ я отъ тудъ донести могу, мени данасъ или сутра отъ велике ползе быти може.

Маіа 3 *го* започеосамъ дакле съ тестеромъ моіомъ пилити, и отпиліосамъ еданъ комадъ греде, коя э по моему мнѣнію горнюю часть крова скопчавала; и кадсамъ препиліо, бацїосамъ песакъ, коликосамъ годъ могао, отъ оне стране гди э она найвыше лежала, а кадъ э припливъ бывати почео, видїосамъ себе дакле принуждена, за садашни кратъ съ дѣломъ овимъ престати.

Маіа 4 *го* изышаосамъ на рыболовъ, али неуфати ни едне рыбе, коюбысамсе усудіо ести, докъ я, кадсамъ већь праздности ситъ было, у намѣренію не бы престати, едногъ младогъ Делфіна уфати. Ясамъ едну дугачку странчицу отъ ужета испрео и усукао, али неимадо удицу къ тому, негосамъ съ мрежицомъ много рыбе за ело уфатіо; и све штосамъ годъ уфатіо, изсушіо на сунцу, и тако суве ео.

Маіа

Маїа *5 го* спремаосамъ остатке отъ Лађе, распилїосамъ їошть еданъ балванъ на двое, и донеосамъ три велике даске отъ крова доле, коесамъ за едно свезао, и съ приплывомъ на суво донео.

Маїа *6 го* имаосамъ посла како и прећe о остатцы лађе, добїосамъ различне гвоздене панте (енгече) и другу коекакву гвожђарїю, радїосамъ врло трудно, дошаосамъ врло утрудженъ дома, и намыслїосамъ већъ отъ тога престати.

Маїа *7 га* отишаосамъ опетъ ко остаткомъ отъ Лађе, али не у намѣренію што годъ предузети; нађо обаче, ербосу по прeко греде препилѣне быле, дасу своїомъ собственомъ теготомъ претргнуте быле. Многе части Лађе быше сасвимъ разложене, и внутреня страна мѣста была є тако отворена, дасамъ сасвимъ унутра видѣти могао. И была є скоро сва пуна воде и песка.

Маїа *8 га* радїосамъ опетъ о остаткахъ отъ Лађе, и имаосамъ ђускїю съ собомъ кровъ открити, кои є сасвимъ отъ воде и песка своданъ быо, откинуосамъ отъ нѣга две даске, коесамъ съ приплывомъ на суво изнео, ђускїю оставїосамъ до сутра тамо лежећу.

Маїа

Маїа *9 га* отишаосамъ опетъ онамо, и пословаосамъ съ ђускїомъ у внутрености срушенія Лађе, усмотрїосамъ различне сандуке и опростїосамъ ихъ съ ђускїомъ отъ песка, и ђубрета, али ихъ отворити немого. Нашаосамъ такожде едну балу *Англїйскога* олова, коюсамъ кренути могао, али ю отъ овуда отнести бяшеми врло тешко.

Маїа 10. 11. 12. 13. 14. Сваки данъ отходїосамъ на скрушенія Лађе, и прибавїосамъ велику часть дунђерски дрва и разни дасака, и їошть къ тому до 300 фун: гвожђа.

Маїа 15 узеосамъ две сатаре и хотѣвъ пробирати, (искушати) нећули моћи еданъ комадъ отъ оне бале олова отсећи, остроту едне сатаре наслонїосамъ на олово, а другомъ ударїосамъ отозго; а будући да є олово полдругу стопу дубоко у води лежало, то немого ни еданъ ударацъ учинити, коибы сатару дублѣ у олово сатерати могао.

Маїа 16 *га* быо є великїй вѣтаръ прeко ноћь, и видѣосамъ, да є скрушеніе Лађе силомъ и ударцы отъ воде їошть већма разлупанъ: но я задуго задержаосамсе у шуми, дабы голубова себи за ело убїо, и

и ме-

и међу тимъ припливъ наступїо, кой э мени овай данъ онамо ићи препятствовао.

Маїа 17*га* усмотрїосамъ нѣколико комада отъ скрушенїя Лађе, кое э вѣтаръ на суво дотерао было, али у удалѣнїю до 2*ве* мїлѣ отъ мене. Но ясамъ башъ знати хотѣо, што э то, и видѣосамъ, да э то на скрушенїяма еданъ комадъ олова было, али врло тежакъ, коисе отовудъ отнести нїе могао.

Маїа 24*га* до данасъ радїоесамъ сваки данъ на скрушенїяма Лађе, и съ тешкимъ трудомъ съ ћускїомъ, и освободїосамъ нѣке вещи толико, да э первый преплывъ различну бурадъ и два лађарска сандука на брегъ дотерао; а будући да э овай данъ вѣтаръ отъ брега на море дыхао, то дакле на суво ништа доћи неможе, него нѣколико комада граће, и едно заковано коритo, насолѣногъ *Бразїлскогъ* свинскога меса, кое э обаче отъ морске воде, и песка све покварено было. Ясамсе съ дѣломъ овимъ сваки данъ непрерывно забаляо; кромѣ онога времена, коесамъ употребїо, дабы штогодъ средства къ препитанїю пребавїо, и къ томусамъ, коликосамсе годъ ходъ овогъ дѣла забаляо, свагда преплива време опредѣлїо, дабы абїе како припливъ наступи, опетъ у преправности было на дѣло мое поћи. У овоме времену ясамъ граће, дасака, и гвожђарїе доволно добїо, дабы себи Чамчићь начинити могао, кадбы само знао, како? такожде у различними времени приплива у комади добїосамъ до 100 фун: олова.

Іунїа 16*га* кадсамъ по край моря доле проходїо, нашаосамъ едну велику корнячу. Ово э была перва, коюсамъ досадъ овде видїо, али и то нїе было онако, како штосамъ мыслїо, да на Острову овому мало корняча имаде, него што случай мени преће ны открити нїе хотѣо. Ербо кадбы я на другой страни Острова было, то бы я ны, како штосамъ послѣ видѣо, на данъ и 100 уфатити могао: алибы ихъ, може быти, и скупо платити морао.

Іунїа 17*га* пребавїосамъ време куваюћи и готовећи мою корнячу. Кадсамъ ю правїо, нашаосамъ у њойзи доволно яета (яйцовъ) и месо нѣйзино чиняшемисе онда найвкусніе и найслађе быти, да тако штогодъ сладко и лепо їоштъ никадъ у животу моме уживао нисамъ: ербо откакосамъ у ову пустиню дошао, никаквога другога, него козїега и птичїега меса за ело добити нисамъ могао.

Іунїа 18 го киша э падала цѣлый данъ, и мораосамъ кодъ куће остати. Учинило-мисе, да э киша у ово време хладна пала, на коесамсе я мало згрозїо и наежїо, кое э подъ овомъ Небесномъ стрекомъ, како штосамъ я знао, штогодъ необыкновено было.

Іунїа 19 го быломи э малко зло, и наежїосамсе, како дабы хладно време было.

Іунїа 20 го цѣлу ноћь нисамъ имао мира; жестока главоболя и грозничаво.

Іунїа 21 го врломи э зло было, и претерпїосамъ смертну болѣзнь ради мога жалостногъ состоянїя; болестанъ быти а никакове помоћи! и молїосамсе, послѣ бурѣ кодъ *Улла* первый кратъ Богу, али едва-самъ знао, штосамъ бесѣдїо, и зашто; ербосу мысли мое у великому смущенїю быле.

Іунїа 22 го быломи э мало болѣ, алисамъ їоштъ свагда пунъ страха ради мое болести было.

Іунїа 23 го опетъ на ново зло; хладно и наеженъ и жестока главоболя.

Іунїа 24 го много болѣ.

Іунїа 25 го врло люта грозница; ватра траяше цѣлый 7 мъ сати, хладность и врућина съ послѣдующимъ хладнимъ зноемъ.

Іунїа

Іунїа 26 го мало болѣ: и будући да ништа есши неимадо, узеосамъ пушку, и видѣосамъ, дасамъ врло слабъ было; но преко свега убїосамъ опетъ едну козу, довуко э съ великимъ трудомъ кући, сготовїосамъ мало отъ нѣ, и еосамъ. Коебы радїе было куватн, да мало чорбе добіемъ, али лонца къ тому нисамъ имао.

Іунїа 27 го грозница опетъ тако жестока, дасамъ я цѣлый данъ у постели лежао, и нитисамъ шта ео ни пїо. Ябысамъ отъ жеће скоро преће скапати морао, ербосамъ тако слабъ было, него дабы изъ кревета устао, и самъ себи напитакъ воде донети могао. Молїосамсе Богу, али како изванъ себе, а кадбы и при чувствахъ было, я опетъ такосамъ занешенъ было; да незнадо штаћу говорити. Него само тако лежао, и повыкао: ахъ! Господи помозими! Боже смилуйсе мени! Боже доћи на помощь мени! Я мыслимъ да друго ништа ни чинїо нисамъ два или 3 цѣла часа, докъ врућичина и занешенїе непопусти, на коесамъ послѣ заспао, и зѣло касно ноћу пробудїосе опетъ. Кадсамсе пробудїо, осетїосамъ себе доста облакшана и укрѣплѣна, али слаба, и крайнѣ жедна; мораосамъ обаче, ербо ни капи воде у цѣлой кући имао

нисамъ, шако до сутра лежећи остати. Заспаосамъ по други кратъ опетъ, и у овоме второме сну имаосамъ слѣдующее страшное сно-видѣніе.

СОНЪ.

Учинимисе, да я съ поля кодъ мога зыда на земли сѣдимъ, башъ гдисамъ онда сѣдіо, кадъ э олуя послѣ землѣ-трясенія завеявала; и видимъ еднога человѣка изъ нѣкогъ великогъ црна облака у полному и свѣтлому пламену доле силазити, и кои на земли стоящъ остаде. Онъ э савъ шако свѣтлъ быо како пламенъ, дасамъ я едва у состоянію быо на нѣга погледати; нѣговогъ лица видъ быо э шако чрезвычайно страшанъ, и неможесе никаковима речма описати. А кадъ онъ ногама на землю стаде, учинимисе, да она подъ ныме онако исто трестисе поче, како штосе предъ тимъ отъ труса тресла и трепетала, и савъ цѣлый воздухъ быо э къ моему великому чуду и удивленію, како дабы онъ са самима вѣтренима лучамама напунѣнъ быо.

Едва што э онъ на землю стао, кадъ э онъ съ еднимъ дугачкимъ копіемъ или Оружіемъ на мене пошао, и претяше мене убити; а кадъ э онъ на нѣко мало брдашце до-

Сонъ Робінзоновъ.

дошао, говорїо э онъ їошть у нѣкоему удалѣнїю отъ мене, или разумѣосамъ я нѣки страшни гласъ, когасе ужасность никоимъ начиномъ исказапти неможе, све што я о томе сказати могу, штосамъ я разабрао быо; кадъ тебе све то што терпишъ на покаянїе довести неможе, то морашъ ты садъ умрети! Кодъ ови речи учинимисе, да онъ дигну Копїе у руцы и мене башъ убити хотѣвъ.

Нитко, кои годъ ово извѣстїе чита, неможе очекивати, дабы я у состоянїю быо страхъ и ужасъ мой, кадсамъ ово гнусно страшилище погледао, описати. Башъ їошть и у самому сну мене э то отвыше страха напунило, и чудо, кадсамсе пробудїо и видѣо, да э то само еданъ санъ быо, немогу їошть манѣ описати.

О божествени вещми нисамъ имао такожде никакова поняттїя. И оно мало штосамъ о томъ добримъ наставленїемъ Отца мога їошть знао, то э было осмо-лѣтнимъ непрерывнимъ слѣдствомъ распустногъ лаћарскогъ живота, и непрестаннимъ обхожденїемъ све онакови люди, коису тако исто раскошни и Богозаборавни были, како годъ и я самъ, већь давно на зной истерао. Ясе опоменути немогу, дасамъ чрезъ ово

цѣлое

цѣлое време и еданъ кратъ о томъ штогодъ помыслїо, или къ Богу или у самъ себе погледао, и разсмотренїя о моему живота провожденїю учинїо: него нѣкое помраченїе душевно не желећи добра, или зла не опоминятисе, мене сасвимъ преобладало, и я чрезъ ово цѣло време нисамъ друго ништа быо, него едно найупорнїе, найбезумнїе, и найраскошнїе существо, коесе мећу обыкновенными морепловцы икадъ наћи може, и кое найманѣга чувства отъ страха предъ Богомъ у погибели нити благодарности послѣ помоћи и избавлѣнїя имало нїе.

Тосе може їоштъ выше, и много преће вѣровати, кадъ я къ тому, штосамъ већь о повѣсти моей исказао, їоштъ и то придамъ, да я при овой своїой многоставной нужды, коя э мене досадъ постигла, башъ ни еданъ кратъ на то помыслїо нисамъ, да э ово рука Божїя или праведна казнь нѣгова за погрѣшке мое, мое непокорно указиванѣ спроћу мога отца, мои садашни велики грѣси, или цѣлога мога раскошнога живота быти морала.

При цѣломъ очаятелномъ путешествїю кодъ *Афрїканскихъ* бреговъ нїеми дошао ни еданъ помыслъ на паметъ, штаће быти отъ мене, и ни една едина желя

къ

къ Богу, дабыме онамо упутїо, кудъ я ићи имамъ, или отъ погибели мене избавити, коя мени по свой прилицы како отъ похитителныхъ звѣровъ, тако и отъ безбожнихъ дивяковъ претяше: но я нитисамъ на Бога, нити на провидѣнїе нѣгово мыслїо, и чинїосамъ све како безумна животиня по теченїю естества, и врло рѣдко кадъ баремъ по общему человѣческому разуму.

Кадсамъ на морю чрезъ Португалскогъ Капетана избавлѣнъ, и примлѣнъ быо, и тайме тако милостиво предсретао, и тако праведно и честно, како и человѣколюбно самномъ поступїо; и овде нїеми дошла ни найманя благодарность у паметъ. И кадсамъ опетъ по други кратъ Кораблѣ-крушенїе трпїо. и у погибели быо кодъ овогъ Острова удавитисе, быосамъ равнимъ начиномъ отъ свега тога удалѣнъ совѣсти гризенїя чувствовати, или ово како праведни судъ Божїи разсмотравати. Ясамъ многократно самъ у себи рекао, дасамъ я еданъ несрећни пасъ, и башъ зато рожденъ непрестано нужду и неволю трпети.

Истина, кадсамъ найпре овде на суво дошао, и сви мои содружницы утопилисе, ондаме предузео нѣки начинъ увеселенїя,

и

и радостногъ душевногъ движенїя, кои милости Небесномъ укрѣплѣни, можетъ быти, дабысусе къ благодарности узвишити могли; али и тосе тако окончало, какосе и започело; то есть, само у едну просту бѣжащу радость; или тако рећи, само у то: Яс'е радуемъ, да їоштъ живимъ, и то безъ найманѣга разсужденїя и сасвимъ чрезвичайномъ благости деснице, коя э мене содержала, и сасвимъ отъ дѣлила, избавлѣнимъ быти, гди сви прочи пропадоше, безнайманѣга размышленїя зашто э провидѣніе спроћу мене еднога тако милостиво было. Кратко я нечувствова далѣ ништа, нежели обыкновенну радость море-пловцевъ, кадъ они послѣ кораблѣ-крушенїя щастно на суво доћу, кое они абїе у первой чаши пунча попїю, и скоро тако фришко забораве, као што э и оно прошло; тако равно быо э и савъ цѣлый прочи животъ мой.

Башъ и послѣ, кадсамъ я о пристойномъ разсмотренїю мога стања возбужденъ быо, кадъ помысли, какосамъ я на ову страшну пустиню избаченъ быо; удалѣнъ отъ свега содружества человѣческогъ; безъ сваке надежде икадъ отовудъ избавлѣнъ быти, и о томъ себе опечалїо, гди я ни сѣнку истине невидѣвъ овде живити моћи, и небоятисе отъ глада умрети; кадъ све ово возбужденїе и жалость проће; и я поче сасвимъ миранъ быти, само на средство мога содержанїя мыслити, и далеко отъ тога удалѣнъ бы о моемъ станю, аки о судбини Небесной, или руки Божїей спроћу мене печаланъ быти.

Нагло э и скоро э прорастѣнїе жита уселило э у мене, како штосамъ у моей повседневной записки назначїо, нѣко благоговѣйнство, кое э постояно быти почело, докле годъ я вѣрова, да при томъ штогодъ чудесно быти мора; а како э ово мнѣнїе исчезнуло, престало э абїе и све оно благоговѣйнство, кое э оттудъ произишло.

Башъ и самое землѣ-трясенїе нїе расправило ништа самномъ. Ербо ако башъ ништа нїе могло страшнїе быти, и ништо тако непосредствено ко оной невидимой власти доводило, коя сама съ таковима вещма управля: то преко свећа, само што э первый страхъ прошао, то съ нимъ и све оно уселенїе, коеми э онъ проузроковао быо, на еданъ кратъ исчезнувъ. Нисамъ имао выше чувства о Богу, и нѣговой судбини, или да бы садашнѣ мое бѣде и нужде отъ

руке

руке нѣгове долазиле, башъ како дабы у најщастнїему станю мога живота био.

Кадсамъ я почео болестанъ бивати, и смертни страхъ менисе указао, моя оживлѣ, нїя подъ бременомъ долге болести лежаше, и естество отъ люте грознице скоро почерплѣно бы, садъ э почела совѣсть, коя э вечь одавно заспала была, будитисе, и я самъ себи угризенія о прећашнѣму моему животу чинити; гдисамъ я тако очевидно моимъ упорствомъ, и суровствомъ; коме пара нїе было, правду Божїю познати, мене необикновеномъ палицомъ наказивати, и како отмстителница самномъ поступити.

Овасу размышленія мене їошть отъ другога или трећега дана мое болести сасвимъ убила и истегнула, како годъ у жестокости грознице тако и страху мои совѣстнихъ угризенїи, нѣкое речи; кое молитви къ Богу подобне бяху; ако башъ и казати немогу, да э то една желанїемъ и надеждомъ украшено отсилаема молитва была. Но то быо э много выше гласъ страха и неволѣ. Мысли мое былесу у смущенїю, и душа подлежаше сили увѣренїя, и страхъ у оваковому бѣдному станю умрети, дигнуо э отъ саме неволѣ пару у

у мою главу, и у овому смущенїю душе нисамъ знао, што э языкъ мой говорити могао. Но то много выше само забунѣна викања бяху, као: н: п: Боже *хахвосамъ я неволно созданїе*! Ако болестанъ будемъ, тоћу я изъ недостатка помощи умрети моратн; и штоће отъ мене быти; садсу полетиле сузе изъ очїю мои, и доста дуго ништа проговорити нисамъ могао.

У овому междо-времену паоми э добрый совѣтъ отца мога на паметъ, а особито пророчество нѣгово, коесамъ у почетку ове повѣсти сказао; а наимено, да ако я овай безразсудный поступакъ учинимъ, мене Богъ никада благословити неће; и яћу послѣ доволно времена имати о томъ размышлявати, штосамъ добрый совѣтъ Отца мога погазїо; кадъ, можетъ быти, никакове помоћи ко избавленїю моему небуде. Садсамъ повикао гласно: *Ево речи мога любезнога Отца у исполненїе дошле*: Божїя правда постигну мене, и нейма никога, ткобыме чуо или мени какову помоћь дао! Ясамъ быо спроћу умилнога гласа провидѣнїя глувъ, кои э мене у оваково неволѣ-полно станѣ бацїо, гдибы я срећанъ или миранъ быти могао; но я нехотѣвъ нити самъ то провидѣти, нити

благо-

благополучїе о томъ отъ родителей познати научити; него ны у жалости изъ саме мое лудости оставїо, и садъ морамъ подъ слѣдствы безразсудности уздисати.

Ясамъ помоћь и подкреплѣніе оныхъ отбацїо, коису мене на свѣтъ произвели, и свебысу за мене добро уредили были, пакъ сада съ бѣдами и тяготами боритисе морамъ, подъ коима и само естество пада, и никакова подкрѣпленїя, никакове помоћи, никаковога утѣшенїя, никаковога совѣта — Него повикаосамъ: *Боже буди помощь моя!* ербосамъ у великой нужды и печали!

Ово э была перва молитва, ако ю тако наречи смемъ, коюсамъ у много година еданъ крапъ точїю учинїо. Но ясе къ моему повседневному записанїю натрагъ враћамъ.

Іунїа 28 после какосамсе съ прешедшимъ сномъ мало укрѣпїо и врућина са свимъ проће, дигаосамсе и устао, и ако э башъ страхъ и ужасъ ради мога бывшега сна їошть великъ было, но я помыслїосамъ, даће сутра паки грознице данъ доћи, и да садъ времена имамъ себе съ каковомъ укрѣпленїя помоћи снабдѣти, кадми опетъ зло буде. Перво штосамъ учннїо, было э, дасамъ едну велику четвероуголну флашу (боцу) водомъ напунїо, и ню на астальъ метнуо, тако дасамъ ю изъ кревета

вета докучити могао, и дабы воду отъ хладности и мутежа очистїо, усуосамъ у ню едну чашицу сладке Англїйске ракїе и узмешаосамъ добро. Затимъ узеосамъ едно парче козїега меса, испекаосамъ на углѣвлю, али врло мало отъ нѣга едо. Проходїосамъ сѣмо и овамо, и быосамъ верло слабъ, и їошть къ тому о моему состоянїю врло снужденъ, и убїенъ, и пунъ страха, даће моя болесть опетъ супра данъ доћи. На вече сготовїосамъ вечеру отъ нѣколико Корнячини (яета) яицовъ, коесамъ у пепелу испекао и изъ люске ео, и ово э было первый сладкїй залогай, когасе у цѣлому мому животу опоменути могу, къ чемусамъ такожде и Бога во благословъ призвао.

Послѣ какосамъ ео, хотѣосамъ на полѣ изићи, осѣтїосамсе обаче тако слаба, дасамъ едва пушку держати могао (ербо безъ пушке никадъ неизлази на полѣ) тосамъ учинїо дакле еданъ врло маленъ путъ, сѣосамъ на землю и гледаосамъ на море, кое э предамномъ врло мирно и равно лежало. Овде сѣдећи падошеми нѣки помысли на паметь; како слѣдующи: Што есть земля и море, коесамъ я већь доволно видѣо, и разсмотрїо? откудсу они произишли? и штосамъ я, и

сва

сва друга созданїя дивїя и питома? разумна и безумна? откудсмо мы дошли.

Воистину, мысмо сви гдигодѣ отѣ какове тайне и невидиме власти, коя э землю, море, воздухѣ, и небо сотворила, и шкое то?

Оттудсамѣ я сасвимѣ слѣдство досягнуо наравно разумѣваюћи, да э то Богѣ! и да э тай све сотворїо, добро помыслїосамѣ я їошшѣ далѣ, ако э Богѣ све ове вещи сотворїо, то дакле онѣ и ны свїю влада и управля, све шшосе годѣ ны тиче. Ербо оно существо, кое э све вещи создашти могло, мора такожде доиста власть имашти, све руководити и управляти.

Ели то тако, то дакле неможесе у цѣлому нѣговому кругу ништа случити, да небы онѣ то напредѣ знао, или опредѣлїо.

Дакле кадѣ безѣ нѣговогѣ знања ништа небыва, то онѣ мора такожде знашти, дасамѣ я овде у овоме бѣдноме станю, и небывали ништа безѣ нѣговогѣ предопредѣленїя, шое дакле онѣ опредѣлїо, дасе све ово самномѣ случити мора.

Мени ништа на умѣ нїе пало, шшо бы овимѣ заключенїямѣ противорѣчити могло. Тосе дакле кодѣ мене їошшѣ сѣ већимѣ удрученїемѣ прилепило, да башѣ нуждно тако

ко быши мора; Богѣ э дакле тако уредїо, да све ово мене предсрѣсти имашь, нѣговимѣ управленїемѣ мораосамѣ я у ова бѣдна обстоятелства доћи; ербо онѣ самѣ не верху мене самога, него и верху свега, шшосе годѣ на свету случи, власть има, Изѣ овога непосредственно слѣдовало э.

Зашшо э Богѣ то самномѣ учинїо? и шшосамѣ я учинїо, да то заслужавамѣ? овай вопросѣ обличїо э абїе совѣсть мою, како дабы каково Богобезчестїе учинїо быо, и учинимисе, да гласѣ нѣки самномѣ говоряше: *Питашѣ їошшѣ ты бездѣлни неволниче! шшаси учинїо?* Погледай натрагѣ на твой страшно и зло употребленый живошѣ, пакѣ онда питай далѣ, шшаси учинїо? пишай много выше, зашшо већь давно ниси са свѣта изтреблѣнѣ быо? зашшосе ниси ты у топїо у пристаницу кодѣ *Ярмута*? зашшо у бишки ниси убїенѣ быо, кадѣ э лаћу морски пустаїя отѣ *Салее* узео и обладао? изѣденѣ ниси быо отѣ дивихѣ звѣровѣ кодѣ брегахѣ Афрїканскихѣ? илисе овде удавїо, гди э све людство отѣ лаће погинуло, кромѣ тебе еднога? пакѣ їошшѣ пишашѣ шшаси учинїо?

Овай э гласѣ сшрашни мене сасвимѣ занемїо и окаменїо. Я неимадо на шо ни едне речи казашти, ништи отговорити, башѣ

ништи

нити самому себи; него снуждань и замышлѣнь успаосамь, и къ дому моему натрагь отишао, прешаосамь преко ограде, и као дабы спавати хотѣо; али мысли мое былесу у жалостному смущенію, и нисамь имао ни найманѣ волѣ спавати. Сѣосамь на мою столицу и упаліосамь кандило; ербо э започео мракь бывати. А будући да страхь мое болести, коиѣесе повратити, мене э немало оскорбіо, падеми на умь, да *Бразіліанцы* у свакой ныной болести никаковога другога лѣкарства него дувань употребляваю, а тога имаосамь читаву едну балу у едномь сандуку, кои сасвимь приуготовлѣнь бяше, и іошть къ тому нѣчто мало фрішка.

Учинимисе, дами э то самь Богь казао онамо отиѣи; ербо у сандуку овоме нашаосамь Лѣкарство, и за душу и тѣло. Отворіосамга, и найпре нашаосамь оно, штосамь башь тражіо, то есть дувань, а тажде и нѣке Книге, коесамь избавіо и у нѣга мешнуо, узеосамь едну дакле отъ Бібліа, о коинуо масамь вечь казао, у кое досадь нити времена, нити волѣ имао нисамь погледати, и донесаосамь Книгу и дувань на асталь.

Како дакле дувань у моей болести употребити, и хоѣели онь къ тому добарь

быти,

быти, или не, то ни знао нисамь, но ясамь съ нимь разна искушенія и пробе учиніо, и башь како дабысе съ главомь за то ставіо быо, да мора штогодь за мою болесть на едань или други начинь отъ тогъ добро быти. Оттергаосамь дакле еданъ листъ отъ едногъ комада и сажвагао у усти. Ово э мене сасвимь забунило, ербо э дуванъ быо іошть фришакъ, и я къ тому сасвимь ненаученъ. Затимь узеосамь нѣколико листова, метну ихъ у ракію, да постою едно 2. часа, и намысліосамь, кадь спавати поѣмь, еданъ мертикъ отъ тога попити. Напослѣдокъ упаліосамь нѣколико листова на углѣвлю, и держаосамь носъ надъ димомъ, коликогодь отъ вруѣине и жестокости дувана одержати мого, и башъ толико дуго да рекнемь, догодь нескапати хотѣдо.

Изъ меѣу овогъ употребленія лѣкарства узеосамь Біблію и читаосамь, алими э глава отъ дувана тако забунѣна была, дасамь едва читати могао. Перве речи коесуми у очи пале, кадсамь изненада отворіо книгу, былесу ове: *Позовиме, кадси у нужды, и нѣуте избавити, а ты после мене славити да имашь.*

Ове речи, коесу садашнѣму стању моме сходне быле, уселише мени іошть, какосамь

ихъ

ихъ прочитао, нѣкое благоговѣйнство у сердце, и садъ башъ не онако врло, како штосе послѣ случило. Ербо штосе избавленїя дотицало, кое э овде стаяло, о овой речи, да рекнемъ, нисамъ имао никакова понятїя. Ербо то бяше, како штосамсе я бринуо, една удалѣна и тако немогућна вещь, дасамъ я почео како сынови Израилевы, кадъ обѣщанїе добише, месо ести, говорити: Богъ може и у пустини трапезу уготовити? тако исто рекаосамъ я: може Богъ самъ мене изъ овога мѣста избавити? а будући дасу многа лѣта прошла, докше найманя надежда къ тому появила, то э помысль овай многократно душу мою преобладао. Ове речи уселилесу велико удручење у сердце мое, дасамъ я многократно о томъ размышлявао. Садъ э было већь касно, и дуванъ э, како штосамъ казао, главу мою забунїо, дасамъ я сасвимъ санливъ быо. Метнуосамъ кандило мое у заслонъ, да гори, акобы, може быти, штогодъ ноћу потребовало, и отидо у кревет. А преће него штосамъ спавати пошао, учинїосамъ оно, што їошт никада учинїо нисамъ, клекнуосамъ и молїо Бога, дабы онъ обѣщанїе свое исполнїо, и мене у данъ бѣде мое, кадга позовемъ, избавїо. Кадъ э моя претергнута и несо-

несовершенна молитва прошла, попїосамъ ону ракїю, у коюсамъ дуванъ метнуо быо, коя э чрезъ то тако яка и страшна была, дасамъ ю доиста едва прогутати могао. Отишаосамъ за тимъ абїе у кревет, и онай часъ осетїосамъ, да э она мени съ великомъ жестокостїю у главу ударила. Паосамъ у нѣки здрави санъ, и едва супра после полдне около 3. сата по солнцу гледећи пробудитисе мого. Алисамъ я їошт свадга и до овога часа све у той мысли, дасамъ я слѣдующи данъ и цѣлу ноћь преспавао, и текаръ трећи данъ около три сата пробудїосе, ербо и кромѣ тога извѣститисе нисамъ могао, какосамъ у брою мои дана и неделя еданъ данъ изгубїо, коесе текаръ после нѣколико година показало. Ербо кадбы то проходомъ лїніе было, то бы я выше него еданъ данъ изгубїо быо, али тако само овай еданъ у брою моме изгублѣнъ бяше, и нисамъ знао, камо э онъ доспѣо. Како то было да было, кадсамъ я отъ сна устао, осетїосамъ себе чрезвычайно укрѣплена и фришка, и душа э моя бодра и разгалѣна была. Кадсамъ устао, осетїосамъ себе много выше ячегъ и крѣплїегъ, неголи прешедшега дана, и имаосамъ волю и охоту къ елу много болѣ, ербосамъ доиста и гладанъ быо,

други данъ заостала э такожде и грозница; съ еднимъ словомъ, было э самномъ на еданъ кратъ сасвимъ болѣ. Ово бы 29 гъ овогъ мѣсяца.

Быо э 30 тый данъ за мене наравно врло добаръ, изишаосамъ съ пушкомъ на полѣ, алисамсе узео добро у паметь, далеко не иħи. Убїосамъ две морске птице, кое дивией гуски подобне бяху, узеосамъ ихъ собомъ куħи, али нисамъ имао особне волѣ ны готовити и ести. Ербосамъ радїе яета отъ Корняче ео, коя преизрядныи залогаи бяху. На вече повторїосамъ употребленїе мога лѣкарства, кое э по моему мнѣнїю преħашнѣга дана тако добру службу учинило, само што нисамъ узео на еданъ кратъ толико отъ нѣга, како первый кратъ, нежвата лисħе у усти, нити выше главу надъ кадомъ и димомъ держа. Но преко свега сутра данъ ниеми тако добро было, кои э первый Іулїа быо, како штосамсе надао и очекивао, ербосамъ їоштъ нѣку зиму отъ нападенїя грозничногъ на себи осеħао, башъ ако и нїе онако яка была како преħе.

Іулїа 2 го употребїосамъ мое лѣкарство опетъ на сва три начина, и учинисе како и первый кратъ съ тимъ занешена и сонлива, и усугубїосамъ мертїкъ, коисамъ попїо.

Іулїа

Іулїя 3. неосети ни найманѣ штогодъ отъ грознице, башъ ако и нисамъ абїе, него текаръ после нѣколико Неделя крѣпости мое опетъ совершено добїо. Меħу тимъ, кадсамъ тако опетъ крѣпости мое совокупїо, идяще свагда тай помысль, яħуте избавити, по моей главы, али преко свега избавленїе мое чиняшемисе свагда една немогуħна вещь, коесе я нити надати нитисамъ очекивати могао. Доклесамсе я съ помысломъ овимъ тако мучїо и борїо, паломи э на паметь, да я себе отъ желѣ ко избавленїю, коесамъ како и найважнїе штогодъ держао, тако залудити дамъ, и при томъ ону, коюсамъ веħь добїо, сасвимъ заборавлямъ, и мораосамъ самъ себи вопросе чинити, нисамли я, и то чудеснимъ начиномъ; отъ болести избавлѣнъ быо? изъ найневолнїега станя, коисе икадъ помыслити може, и кое э мени тако стращно было?

Какосамъ то почитовао? Есамли добро учинїо? штосамъ притомъ получїо? Богъ э мене избавїо, и спасао; али есамли я нѣга за то прославїо? Я дакле избавлѣнїе мое признао, и нисамъ благодаранъ, благодаранъ, говоримъ, за оно быо, коимъ образомъ дакле веħе каково избавленїе очекивати имамъ?

Ово э

Ово э сердце мое крайнѣ возбудило, паосамъ абіе на колѣна доле, и ясно Богу за оздравленіе мое благодаріо.

Іуліа 4го предузеосамъ Біблію, и почеосамъ у новомъ Завѣту врло прилѣжно читати; узаконіосамъ свако вече, и свако ютро у тому читати, и то, да небы себе кодъ нѣкоего извѣстнаго числа главъ задержавао, но толико долго, докле годъ мысли мое отъ чтенія трудне небуду. Я отъ тога вечь одавно никакова прилѣжна дѣла предузео нисамъ, како штосамъ о безбожности мога пређашнѣга живота возбужденъ быо. Страхъ и уселеніе мога бывшега сна обновіосе, и речи: Све ове вещи немогу тебе на покаяніе довести, мутишемисе іошть свагда врло по глави. Полнимъ сердцемъ моліосамсе Богу, да бы покаяніе у мени сотворіо, и мени опростіо, и моралосе іошть овай данъ Божіимъ опредѣленіемъ случити, да кадсамъ я у Бібліи читао, на ове речи дођо: *Богъ воздвиже Его за Князя и спасителя давати покаяніе и отпущеніе грѣховъ.* Ясамъ метнуо книгу на страну, пакъ како сердце, тако и руке мое дигнуосамъ къ Небу, и повикнуосамъ нѣкимъ начиномъ радостногъ внутренѣгъ увеселенія ясно:

но: *Іисусе сыне Давідовъ! Іисусе возвышени Царю и Спасителю! дайми покаяніе!*

Ово э было первый кратъ цѣлога мога живота, дасамъ я у свойственному разуму слова казати могао, дасамъ молитву учиніо, ербо отъ сада моліосамсе я съ чувствомъ мога стаия, и со истинимъ святому писанію сходнимъ упованіемъ, коесе на Божіимъ обѣщаніямъ основавало, и отъ овога времена, то сказати могу, даће Богъ молитву мою послушати.

Садсамъ почео я о словеси: Позовиме и яћуте избавити, сасвимъ друго разсмотреніе, чинити нежели штосамъ пређе творіо. Ербо пређе нисамъ могао никаково друго избавленіе мыслити, нежели то изъ робства у коемусамъ быо: зашто э свагда Островъ овай тавница моя быо, и наименовао у злому разуму, башъ акосамъ я и доста просторіе и мѣста у нѣму имао. Садъ обаче научіосамъ я то у другоме разуму предузимати, ербо садсамъ я на мой пређашни животъ съ тако великомъ гнусности гледати стао, и грѣси мои предсталису ми у тако страшному виду, да душа моя ништа друго отъ Бога ніе просила, нежели освобожденіе бремене грѣховъ, коису сву мою радость у землю сатерали. Самоћ-

ность

ность живота мога нїеми выше никадъ дошла на паметь, и нисамсе выше молїо за то, дабы кадгодъ отъ тога освобожденъ быо, нисамъ помыслїо никадъ на то нѣга съ онимъ прежднимъ сравнявати, ербое то мени башъ скоро свеедно было. Я за то ову часть повѣсти мое овде ставлямъ, што бы све читателѣ мое опоменуо, дабы они, кадъ веѣь све вещи пристойно цѣнити знаду, наѣи могли, да освобожденїе грѣховъ много веѣе благополучїе есть, нежели освобожденїе страданїи и бѣдъ.

Но я овде задуго незабавляюѣисе преходимъ къ моему повседневному записанїю натрагъ.

Мое станѣ, акое оно башъ въ смотренїи мога внѣшнѣга уживаня їоштъ свагда онако неволно остало како и преѣе, обаче въ смотренїи душе мое спокойнїе бывати почело, и дасу мысли мое непрестаннимъ чтенїемъ святаго писанїя, и молитвъ къ Богу на вещи много вышега качества управлѣне быле, тосамъ и я у самъ себи велико утѣшенїе имао, кое э мени преѣе тога сасвимъ непознато было.

После какосе здравїе и крѣпости мое опетъ утвердише, то я труда нисамъ нимало пощадїо себе сасвимъ, што требуемъ, снаб-

снабдѣти, и уживанѣ мое тако добро уредити, како годъ што э могуѣе.

Отъ 4го до 14го Іулїа упражняваосамсе во обще съ тимъ, дасамъ съ пушкомъ моїомъ, али свагда на еданъ кратъ на кратко време излазїо, како человѣкъ, кои после претерплѣне болести крѣпости свое совокуплява, ербо какосамъ опао быо, то едва исказатисе може. Лѣкарство, коесамъ я употребїо, было э сасвимъ ново, и можетъ быти, да како свѣтъ стои, нїе никадъ оваковимъ средствомъ грозница отерана была, и я неѣуга башъ, акосамъ сотимъ пробу и искуство учинїо, никому за лѣкарство препоручити. Ербо ако э оно мени грозницу и отерало, но оное опетъ слабость мою отвыше проузроковало, ербосамъ я затимъ їоштъ нѣкое време у сви жила и удови устегу и дрктанѣ имао.

Такожде изъ тога искусїосамъ, да моему здравїю нитта убиточнїе быти неможе, нежели у кишному времену много на полѣ излазити, особито у таковима кишама, коесу съ олуїомъ и вѣтрови смѣшане быле, ербо киша, коя э у сувима мѣсяцы падала, скоро свагда такове олуе собомъ доносила, отъ тудъ дознаосамъ я, да э такова много-убиточнїя

точнїя была, нежели она, коя э у Септемврїу и Октоврїю падала.

Ясамъ већь на овой нещастной Ади 10 Мѣсяцы быо; на могућность каковога избавлѣнїя изъ овога станя, учиниломисе, башъ да неваля нимыслити, и быосамъ сасвимъ увѣренъ, да никада ни една душа человѣческа ногомъ своїомъ на ово мѣсто стала нїе. Послѣ какосамъ обиталище мое сасвимъ по моему мнѣнїю уредіо и у свободу ставїо, ондасамъ добїо велику волю совершено Островъ овай распознати, и видѣти, каковисе іоштъ продукти и други сади и растѣнїя на нѣму наћи могу, о коима я досадъ ништа знао нисамъ.

Было э дакле 15го Іуліа, кадсамъ я започео опасно извидѣнїе овога Острова предузети. Отишаосамъ найпре на уходъ, гдисамъ, као штосамъ казао, сплавове мое на суво извлачїо. Послѣ, кадсамъ отовудъ 2 ве мїлѣ горе далѣ отишао, усмотрїосамъ, да припливъ выше неисходи и да ништа друго тамо нїе было, нежели еданъ мали потокъ текуще воде, коя э врло добра и фришка была. А будући да э салъ башъ суво годишнѣ време было, то у нѣму врло мало воде видѣти бяше, башъ ни толико дабы онъ порядочно теѣи могао.

На

На брегу овога потока видѣосамъ многе врло красне кошанице или ливаде, коесу дивно травомъ украшене быле; и да темель и мѣсто нѣчто выше стои, кога безсумнѣ вода никадъ прелила нїе, видѣосамъ такожде врло много дувана, кои э зеленъ, и у доста велика и яка стабла већь э нарастао быо. Было э такожде овде и други различни садова видѣти, кои мени сасвимъ непознати бяху, и кои, можетъ быти, многе крѣпости у себи имапису могли, кое я обаче изнаћи нисамъ могао.

Потражїосамъ тако називяемо *Кассафа* коренѣ, отъ кога *Індїани* подъ цѣломъ овомъ Небесномъ стрекомъ хлѣбъ себи готове; алига наћи нисамъ могао. Нашаосамъ такожде велике *Алоевъ* саде, али іоштъ онда ништа о ныма нисамъ разумѣвао, такожде разна шећерна стабла, али подивячена, и што она нису порядочно ћена, сасвимъ несовершена. Съ овимъ провидѣнїемъ за садашни кратъ сасвимъ удоволянъ повратїосамсе напрагъ у самъ себи о томъ размышляваюћи, како започети имамъ, дабы крѣпости и силу садовъ и плодовъ, коесамъ нашао, научити познао; ербо у време бытїя мога у *Бразїлїи* нисамъ о чему таковоме никакова вѣжества учинїо;

тако

тако да я отъ садовъ и плодовъ земныхъ мало, или башъ ништа знао нисамъ; или баремъ толико штобыми у садашнѣй нужды моей опъ потребе быти могло.

Слѣдующи данъ, то есть 16го учиніосамъ опетъ путь онамо. Отишаосамъ нѣшто мало далѣ нежели первый данъ, и видѣосамъ, да потокъ, ливаде и садови већь исчезавати починю, и предѣлъ почео э шумнатіи бывати, нежели што э довде было. У овой страни нашаосамъ различне плодове, а особито лубеница у великому множеству на земли; и на дрветамъ грожће висяще; ербо доиста лозасе была по свима дрвети распрострла и грожће башъ садъ было э у найболѣй зрѣлости и со свимъ изрядно. Ово э за мене было сасвимъ неожидаемо откровеніе, о коемусамсе я особито возрадовао; алисамъ своимъ собственимъ искусцивомъ увѣщанъ быо отъ нѣга помало ести: ербосамсе опоменуо; да кадсамъ іошть на Варварскихъ брегахъ и пристанищахъ было, излишно яденіе грожћа многе Англезе, коису онде како робови были, живота лишило, ербо э оно ныма протокъ (сердоболя) или грозницу проузроковало. Алисамъ я ово грожће употребити преизрядно средство изнашао, и то у томе состоя-

состояше нѣга на солнцу сушити, пакъ послѣ аки суво грожће, или розине оставити; отъ овога, мыслiосамъ я, како э доиста и было, даће оно онако исто лепо и сладко, какогодъ и съ лозе грожће ести, быти, али при томъ много здравіе.

Ясамъ пребавіо овде цѣлу вечерь, нисамъ ни кући натрагъ отишао, ово э была (мимогредъ) перва ноћь, коюсамъ я на полю изванъ мога обиталища провео. Преко ноћь паломи э найпре на умъ, и попеосамсе на едно дрво, гдисамъ врло добро спавао, сутра данъ пошаосамъ на нова извидѣнія и тражню далѣ, ишаосамъ уздужъ едне долине судећи, да э 4 мілѣ далека, и держаосамсе свагда къ сѣверной страни, гдисамъ на полудневной страни еданъ редъ брда предъ собомъ имао.

При концу овога пута дошаосамъ на еданъ отворъ, гдисе предѣлъ горе къ Западу протегнутъ быти чиніо, и на другомъ путу (то есть, къ Востоку) ключао э еданъ мали изворъ чисте и фришке воде, коя э изъ стране едногъ брдашца по край мене текла, и цѣлый предѣлъ было тако красанъ, тако зеленъ, и тако полнъ цвѣта, и све у неизмѣнной пролѣтной свѣтлости и красоти, како дабы то какова съ

вели-

великимъ трудомъ и иждивенїемъ насаћена башча была. *Елїзеуме прехрасный*! тысе сакри овде; повыкаосамъ я!

Сишаосамъ мало на страну ове свагда зелене и смѣющееся долине, и разсмотраваосамъ ю нѣкимъ начиномъ тайногъ услажденїя (ако башъ ово увеселенїе и съ нѣкима другима источницы мыслей смѣшано бяше) ербосамъ помыслїо, да э ово све мое собствено добро, и я безъ сваке кавге и распрѣ отъ цѣлога овога предѣла Господинъ Краль и Обладатель есмь; и притяжателна права отъ нѣга имамъ, и кадбыга гдигодъ на друго мѣсто пренести могао, онаково исто совершено и полно наслѣдїя право отъ нѣгабы имати могао, како годъ какови Землѣдержацъ (*Слаїя*) кодъ насъ у *Англїи*. Нашаосамъ овде неизброено множество Поморанчи, Какао, Лимуна, и Цїтроновъ дрвета, али све подивячено и мало съ плодомъ; и садашни кратъ башъ ништа. Зелене Лїмуне, коесамъ мећу тимъ брао, нису были точїю за ело преизрядни; но такожде и зѣло здрави, отъ коихсамъ сокъ послѣ съ водомъ мешао, и прекрасну здраву и разладющу лимунаду правїо.

Видѣосамъ, даћу доволно посла имати ове вещи купити и дома носити, и намыслїо-

слїосамъ доволни имутакъ како грожћа, тако цїтрона и лїмуна скупити, дабы што годъ, кадъ мокрота и зло време буде, о коемсамъ знао, даће скоро доћи, имати могао.

На тай конацъ скупїосамъ едну велику хрпу грожћа на едно мѣсто. И едну маню на другомъ и на трећему, доста доволни имутакъ Лїмуна, и цїтрона. Нѣколико Лїмуна узеосамъ сасобомъ кући, и намыслїосамъ, кадъ опетъ онамо пођемъ, кесу или жакъ сасобомъ узети, или каково друго средство употребити; дабы и све проче, штогодъ могу, кући донео.

Кадсамъ већь скоро *Зри* дана на овоме путу провео; дошаосамъ у мое отечество опетъ напрагъ, (ербо тако я шапоръ и ограду мою называ) али грожће мое, преће него штосамъ кући дошао, покварено бяше, ербосе э оно отъ величине и многога сока све здрузгало, тако да оно мало ни чему выше ніе потребно было, лїмуни не бяху покварени, али штета што ихъ выше собомъ узети нисамъ могао.

Слѣдующи данъ кои э 19*ти* быо, отишаосамъ опетъ онамо съ двѣма малима врећама снабдѣнъ, коесамъ я, дабы жатву мою кући донео, начинїо быо, алими э за ве-

лико

лико чудо было, кадсамъ къ хрпи мога грожђа, коя э велика и само преизрядно грожђе была, дошао и видѣо, да э оно разштркано, на комаде погажено, сѣмо и овамо разбачено и развучено, а отъ болѣ части изѣдено было. Отъ овудъ заключїосамъ дакле, да у предѣлу овоме какове годъ дивячи, или люди, или звѣрова быти мора, коису мени ову пакость учинили, али каковису были, то знати нисамъ могао.

Садъ кадсамъ видѣо, дага выше нити на хрпу сложити, нити у жакови понести могу, ербо оно у первомъ случаю хоће иструнути, а у другомъ тежиномъ своїомъ хоћесе здрузгати, тосамсе я дакле другоячїе промыслїо. Скупїосамъ множество грожђа, и обѣсїосамга чакъ у крайнѣ гране дрвета, дасе онде на солнцу изсуши; а Лимунова и цїтрони, коликосамъ годъ могао, кућисамъ отнесао.

Кадсамъ съ овогъ пута кући дошао, учинїосамъ съ великимъ наслажденїемъ моя размышлѣнія о плодоносности ове долине, о нѣномъ наслажденія полномъ положенію, и свободности, и прибѣга отъ олуе, съ оне стране шуме и воде, и ова разсмотренія моя съ тимсе окончаше, дасамъ я себи мѣсто за станѣ изабрао, кое э башъ отъ цѣлога

цѣлога Острова найгоре. Садъ почеосамъ о томъ мыслити, и обиталище мое гди на друго мѣсто пренести, и себи у ономъ радостномъ и плодоносномъ предѣлу мѣсто избрати, кое, акобы возможно было. тако исто у безбѣдность ставити, како што э мое садашнѣ обиталище.

Овасе мысль дуго времена по моей глави мутила; и ясамъ съ почетка отвыше у то залюблѣнъ быо, тако э прелестна, и мамлива красота овогъ предѣла была. Кадсамъ обаче ствaрь зрѣлїе разсудїо и помыслїо, да я кодъ стране и близу моря живимъ, гди найманѣ могуће быти може, дађесе штогодъ на мою ползу случити моћи, и да онай исти ужасни случай, кои э мене овамо донео, такоћеръ и їоштъ какове друге нещастне, на ово мѣсто донести може, можели то тако быти, или не? то я опетъ заключїосамъ овде остати, гдисамсе находїо, и себе ничимъ развратити дати мое обиталище премѣнити, ербосамъ помыслїо, акосе у среди Острова съ брдама и шумама затворимъ, тосе дакле своеволно у тавницу затворамъ, изъ кое избавленія башъ никоимъ начиномъ никадъ очекивати не могу.

Алисамъ я опетъ у предѣла онога красоту тако залюблѣнъ быо, да докле э годъ

мѣсяцъ Іулій траяо, ондесамъ найвыше време проводіо, и акосамъ я башъ, кадсамъ вещь болѣ разсудіо, намѣренъ быо, мое станѣ непремѣнити, то начинїосамъ я опетъ овде нѣки начинъ (сѣнице) лѣтногъ увеселителногъ мѣста, коего э ограда у наоколо живо укрѣплена была, и коя э изъ сугубога плота отъ дебелога коля са шушнѣмъ и гранѣмъ испунѣна, коликосамъ годъ высоко докучити могао, состояла. Овдесамъ пребывао кадкадъ и две и три ноћи едну за другомъ сасвимъ безъ страха и безбѣдно, и преходіосамъ свагда како годъ и кодъ мога порядочногъ стаия у нутра и на полѣ преко лѣствице шако, дасамъ мыслїо, да я имамъ лѣтно мѣсто увеселенія у предѣлу, а домъ мой на брегу моря. Съ овимъ дѣломъ проводіосамъ време мое до последнѣга Августа.

Ясамъ у кратко со уреженіемъ моимъ готовъ быо, и започеосамъ плодъ труда мога уживати, али э садъ време кишно дошло, кое э мене приморало, у моему старому обиталищу остати. Ербо акосамъ я овде, како годъ и онде шаторъ, кои э лепо разапетъ быо, отъ платна начинїо, то я овде ниписамъ брда за обрану отъ олуе, нити подрума за собомъ имао, у кои бы, кадбы

кадбы киша нагла и плаа была, уклонитисе могао.

Съ почетка Августа, како штосамъ казао, имаосамъ мое лѣтно мѣсто увеселенія готово, и почеосамъ плодъ труда мога уживати. Трећега Августа нашаосамъ, да э мое обѣшено грожће сасвимъ суво, и средствомъ солнца у красно овощїе учинилосе. Снимїосамга съ дрвета доле, и срећа моя дасамъ я то учинїо, ербобысе иначе све отъ кише покварило было, и такобысамъ найболю часть мое зимнѣ хране изгубїо быо, ербосамъ я выше отъ две стотине велики кутїя съ нымъ напунїо. Само штосамъ я нѣга съ дрвета снимїо, и по найвыше куће у мой подрумъ донео, то э започела киша падати; и отъ тога времена (отъ 14го Августа) падала э киша данъ на данъ, выше или манѣ башъ до полакъ Октовріа, а кадъ кадъ тако нагла и плаа, да я много дана изъ подрума мога изићи нисамъ могао.

У ово време мораосамсе о умноженію мога домаћега дружства доволно чудити. О изгубитку едне отъ моихъ мачака врлосамъ оскорблѣнъ быо, коями э утекла, или какосамъ мыслїо, гдигодъ погинула, я отъ нѣ никада выше ниписамъ нита чуо, нити видѣо, докле годъ она за мое велико

чудо при концу Аvгуста сѣ двѣма младима мачићи куће нïе дошла! А томи э їошть выше за чудо было, ербо э дивïя мачка, како э я называ, кадсамъ ю убїо, сасвимъ другога вида и начина была, нежели Еvропейске, и мое обадве мачке былесу женчице, а такожде и млади мачићи сасвимъ матери подобни. Отъ ови трїю мачака наплодисе после толико множество, дасамъ я принужденъ было ны како и другу дивячь убїяти, и ны, коликое можно, отъ куће оттерiвати морао.

Отъ 14*го* до 26*го* Аvгуста непрестано киша падаше тако, да изъ куће изићи нисамъ могао, и храиїосамсе садъ опасно отъ мокроте. У овому Аресту имаосамъ доволну нужду за содержанïе и храну. Но усудїосамсе опетъ нѣколико кратн изићи, и первый данъ убiосамъ едну козу, а други кои 26*йй* бяше; нашаосамъ едну велику корнячу, кое э башъ ело по моей воли было. Мои ручковы былису овако урећени: у юпру до ручка еосамъ еданъ гроздъ, и едно парче печена козїега меса (ербо нересћомъ нисамъ имао никакова сосуда, у чемубы што скувао) или корняче у полдне, и два или три яета корнячна на вече.

Док-

Доксамъ я овако ради кише у ями и подруму моме затворенъ было, пословаосамъ сваки данъ *3ри* сата, дабы подрумъ мой шири начинїо, и ясамъ мало по мало и тако дуго подъ едномъ страномъ копао, докле нисамъ напослѣдокъ овай путъ подъ брдашцемъ сасвимъ прокопао, и къ внѣшнѣй страни мое ограде путъ начинїо. И овомъ двери и вратма было э у напредакъ мой уходъ и исходъ. Али опетъ брижанъ и неспокоянъ, штосу она отворена стаяла; ербо по прежнѣй моей уредбы быобы я совершено затворенъ; садъ могу я, тосамъ помыслїо у себи, каковимъ нападенїямъ подлежати, акосамъ башъ и знао, дасе я нигди ни отъ какова живога созданïя бояти неймамъ, ербо найвећи звѣрь когасамъ досадъ на цѣлому Острову видѣти добити могао, была э коза.

Септемврïа 13*го* етосамъ садъ дакле нещастный годишни данъ мога дошествïя на овай Островъ доживїо. Ясамъ уреске на моему стубу све изброїо, и нашаосамъ, дасамъ већъ 365 дана овде на суву. Праздноваосамъ овай данъ аки торжественный, поста, покаянïя и молитве данъ, и посветїосамга сасвимъ къ благоговѣйнству и Богопрославленïя дѣлу, паосамъ сѣ глубочайшимъ

чайшимъ смиренїемъ и кротостїю на землю, исповѣдїосамсе Богу моему, признаосамъ нѣговъ праведно на мене послани судъ; и молїосамга Имене Хрїстова ради на мене смиловатисе. Послѣ како чрезъ 12 *тй* сати ни залогая ништа нисамъ ео: то есть, до самога захожденїя солнца, то поеосамъ дакле едну симиту, и еданъ суви гроздъ, и затимъ отишаосамъ у креветъ, а дансамъ онако окончао, како штосамга и започео.

Ово све прешедше време нисамъ ни едну Недѣлю праздновао. Ербо съ почетка никакова чувства о закону у серацу нисамъ имао, тосамъ я дакле за нѣко дуго време Неделѣ съ тимъ разликовати изоставїо, дасамъ я Неделю свагда дужомъ уреском за-бележїо, дакле и дневе еданъ отъ другога разликовати и раззнавати нисамъ знао. Кадсамъ дневе исчислїо, и нашао дасамъ вечь пуну годину овде, то раздѣлїосамъ ихъ у Недѣле, и изставїосамъ сваки седми данъ за Неделю, акосамъ башъ и на концу мога численїя и нашао, дасамъ еданъ или два дана отъ прочега числа изгубїо.

Кратко за тимъ почело э маспила мога нестаяти, и мораосамга дакле, колико-самъ годъ могао, штедити, и ништа, не-

жели

жели найважнїе и примѣчанїя достойне вещи и приключенїя мога живота записивати, и выше непорядочно повседневно записанїе водити.

Кишно и суво време почеломи э отъ садъ правилно и обыкновенно бывати, и научїосамъ себе съ моима уредбама по ныма управляти. Алисамъ я морао све искуство мое скупо платити, прѣче нежели штосамъ до тога дошао, и то о чему говорити хоћу, было э штогодъ найгоре и найубиточнїе, коесамъ я икадъ учинїо. Ясамъ већь казао, дасамъ нѣколико класова ечма и пїрїнча, коису по моему мнѣнїю тако чудесно произишли, сачувао, и то нїе выше, него придесетъ стабли пїрїнча, и до двадесетъ Ечмени класова было. Ове посеяти помыслїосамъ, есть садъ найболѣ време, ербо э киша прошла, и солнце у своему южному положенїю отъ мене прешло.

Ископаосамъ дакле еданъ комадъ землѣ съ моїомъ дрвеномъ лопатомъ, какогодсамъ болѣ могао, раздѣлїосамъ у две части, и посѣяо мое сѣянїе, башъ сѣюћи доћеми у паметь, добробы было, ако я све непосѣемъ на еданъ кратъ, ербо знао нисамъ, ели башъ садъ доиста право време за сѣянѣ. Посѣаосамъ дакле два притла, а по едну пуну

прегрштъ

прегрштъ отъ сваке врсте за далѣ удержао. То э была моя срећа, како штоћесе после казати, ербо отъ свега онога сѣмена, коесамъ я посѣяо, нїе ни найманѣ што проникло или израстло, зашто у сви трима слѣдующима сувима мѣсяцы нїе земля за усѣвъ мой никакове кише имала, слѣдователно нїе имала она такоћеръ нуждне влаге, коябы прорастѣнїе снискала, и тако отъ свега труда ништа нїе было, докле годъ опетъ кишно време недоће, пакъ онда савъ усѣвъ произыће, башъ како да бы садъ посѣянъ было.

Кадсамъ садъ смотрїо, да мое перво сѣяніе нїе израстло, отъ чега истини узрокъ суша бяше, то потражїосамъ дакле влажанъ комадъ землѣ наћи, и съ тимъ другу пробу учинити, ископаосамъ онаку исту ныву кодъ мое Колебе (сѣнице) и посѣяосамъ мое заостављее сѣме у февруарїу, скоро предпролѣтномъ равности дана, и ово э изникло и израстло, ербо э у мѣсяцы Марту и Апрїлу доволно воде имало, сасвимъ веселу и преизрядну жатву дало. А будући дасамъ и сасвимъ малую часть оставшега сѣмена имао, и кое све на еданъ кратъ посѣяти нисамсе усудїо, изъ узрока да небы све на еданъ кратъ изгубїо, то дакле нисамъ ни добїо отъ

отъ цѣле мое жатве више, него по полъ мерова отъ сваке врсте.

Овимъ искуствомъ научїосамъ стварь добро познавати, и знаосамъ опасно време сѣянїя, и да два сѣянїя и два жатвы времена очекивати имамъ.

Докле э усѣвъ овай узрастао, учинїосамъ я два мала откровенїя, коя мени у слѣдству врло полезна бяху. Како э киша прошла и време постояно бывати почело, коесе у мѣсяцу Ноемврїю случило, посѣтїосамъ мою сѣницу у оному предѣлу, свагда цвѣтующе весне, гдисамъ, ако я башъ онде нѣколико мѣсяцы и нисамъ было, све опетъ онако испо нашао, какосамъ годъ и оставїо. Кругъ или сугуби оплотъ, когасамъ начинїо, нїе было само твердъ и цѣлъ, него и тачке, коесамъ отъ нѣкои дрвета отсѣкао, свесу избиле и прорастле, и већь давно пупове добиле, како годъ садови перве године, кадъ имсе верхови подрежу избити обычествую. Имена дрвета, отъ коихсамъ я тачке отсѣкао, нисамъ знао, но међу тимъ было э мени врло радостно и удивленїя достойно, штосамъ я млада дрвета тако цвѣтуща видѣо.

Подрезаосамъ уредїя и исправїосамъ ихъ, колико э годъ могуће было, да расту, и бу-

ровати

ровати нїе могуће, каковису прекрасни изгледъ она у три године добила тако, да ако башъ ограда Круга мога нїе выше него 25 стопа у свему чинила, дрвета (ербо садъ я тако тачке мое называ) скоро сасвимъ сву покрыла, и прекрасанъ сѣнъ и ладъ, кадъ э суво и солнечно време было, подъ нымъ сакритисе издавала.

Ово э дакле довело мене къ тому намѣренїю їоштъ выше тачака отсећи, и мени оваку исту обалу, као што э ова, около зида (то есть мога первога обиталища) полукружно повести, како штосамъ и учинїо. Ударїосамъ тачке или млада дрвета у виду сугубога реда, реци: 8 стопа далеко отъ мога первога укрѣплѣнїя, и то э абїе избило и протерало, и абїе съ почетка дало э моему обиталищу прекрасанъ заслонъ, и служаше мени послѣ такожде ко обрани и защищенїю, коећу кадъ време буде сказати.

Нашаосамъ такожде да годишнѣ време не вообще у зиму и лѣто као у *Еѵроли* раздѣлитисе може; него у кишно и суво време, како што овде слѣдуетъ.

Полакъ

Полакъ Феѵруарїа. Мартъ полакъ Апрїллїа.	Кишно време, ербо сонце онда близъ равноће ноћи и дана стои.
Полакъ Апрїллїа Маїа Іунїй Іулїй полакъ Аѵгуста.	Суво: ербо солнце онда страно-сѣверно отъ лїнїе стоитъ.
Полакъ Аѵгуста Септемврїй полакъ Октоврїа.	Киша, ербосе солнце онда натрагъ повраћа.
Полакъ Октоврїа Ноемврїй Декемврїй Іаннуарїй Полакъ Феѵруарїа	Суво; ербо солнце онда къ Югу на страну отъ лїнїе стоитъ.

Кишно време траяше онако, како што ветрови дыхаше, многократно дуже, а кадкадъ краће, а вообще было э онако, како штосамъ назначїо. После какое мене искусство научило, какова зла слѣдства собомъ доноси у кишно време на полѣ исходити, то имаосамъ попеченїе себе са свима потребностми напредъ, и благовремено снабдѣти, да небы нужде имао на полѣ исходи-

ти

ти, и пребываосамъ у мокре мѣсяце, колико кое годъ могуће было, кодъ куће.

Но и у ово време нашаосамъ за себе доста дѣла, къ коему э такожде и време врло пріятно было; ербосамъ видѣо, да я іоштъ врло много вещи требуемъ, кое я никако другоячіе, нежели тешкимъ трудомъ и непрерывнимъ прилѣжаніемъ добити могу. Особито искушаваосамъ на сваку руку едну котарицу начинити, али све оне мотке, коесамъ имао, былесу тако крте, дасе съ нима ништа започети неможе. Садсе памети моей изрядно представило, какосамъ я, како дѣте врло радо кодъ Котаричара стаяо, и нѣгово дѣло моторіо. А будући я, како штосу деца, врлосамъ услушанъ быо штогодъ кодъ тога помоћи, и опасно позоръ дао, како они съ дѣломъ своимъ поступаю, а кадъ кадъ и самъ такожде руку на таково положіо, тосамъ я чрезъ то скоро савъ цѣлый занатъ научіо, да мени садъ ништа друго, него само матеріалъ къ тому недостаде, да бы занатъ овай у полно упражніе привести и котарицу исплести могао. Садми э пало на умъ прутове отъ онога дрвета, отъ когасамъ тачке мое, коесу тако добро и фришко пробиле, отсећи, моглебысе тако савіяти, како тако називаеми *Саалъ* или младо

младо пруће у Англіи, и абіе намыслїосамъ съ тимъ пробу учинити.

Абіе сутра данъ отишаосамъ на полѣ къ моему мѣсту увеселенія сѣницы (како што ю назива) отсекаосамъ нѣколико найтанѣга прућа, кои намѣренію моему тако способни бяху, како годъ штосамъ желити могао, други кратъ, кадсамъ онамо пошао, узеосамъ сикирицу ссобомъ, дабы таковога прућа доволно насѣкао, кога задуго и тражїо нисамъ, ербо таковога овде излишно бяше. Ово пруће разредїосамъ съ поля около мое ограде, дасе малко просуши, унесаосамга, кадъ э оно већь за употребленіе было, у мой подрумъ. Овдесамсе цѣло кишно време съ тимъ забаляо, дасамъ я, како годъ штосамъ болѣ и лепше могао, велико множество котарица начинїо тако: да у ныма землю износити и друге вещи доносити или сохраняватисамъ могао. Врло украшене доиста нису оне произишле, но међу тимъ бяху оне свагда доста добре за оно, на штосамъ ихъ употребїо. Я послѣ на ныма нисамъ недостатка имао, и на мѣсто покварени абіе нове начинїо. Особито правїосамъ яке и дубоке кошаре, коећеми на мѣсто жакова служити,

жити, и у коимаћу жито мое хранити, ако каковъ имутакъ отъ нѣга добїемъ.

Послѣ какосамъ и ову теготу надвладао, кояме доиста доста времена стаяла; то нисамъ имао мира, докле годъ я себи и друге нуждне ствари неприбави. Перво нисамъ имао никакова посућа за текуще матерїе (воду ракїю) ербо таковога ништа выше неимадо нежели два буренца, коясу скоро обадва пуна *Англїйске* ракїе была, и нѣколико стаклени флаша, отъ части обикновенога вида а отъ части четвероуголне у канавету за текуще вещи и ракїю. Такожде нисамъ имао ни еднога лонца, или каковогъ другога сосуда у чемубысамъ штогодъ скувао, окромъ еднога великога бакрача, когасамъ изъ Лаће донео, и кои э мени къ тому, къ чемусамга употребити хотѣо; то есть, у нѣму мало чорбе сготовити или парче меса испржити отвыше великъ быо. И штобысамъ радъ быо отвыше имати, бяше една лула: Али такову начинити нїе было могуће, докъ я напослѣдокъ нисамъ и къ тому средство измыслїо.

Цѣло лѣтно или суво годишнѣ време провеосамъ котарице плетећи, и съ тимъ дасамъ себи їоштъ и други редъ тачака

или

или коля свудъ унаоколо воздвигао и насадїо. Али садъ нѣки други посао узеоми э выше времена, него штосамъ мыслити и изнаћи могао.

Ясамъ већь преће упоменуо, дасамъ велику волю имао цѣли Островъ промотрити, и дасамъ я такожде по край потока уздужъ и далѣ путовао, и башъ донде гдисамъ мою лѣтну увеселителну сѣницу начинїо, и гдисамъ еданъ сасвимъ чисти изгледъ къ морю съ друге стране Острова имао. Садъ намыслїосамъ съ ове стране упреко башъ до брега поћи онамо, узеосамъ дакле пушку мою, сикирицу, мога пса, и доволно праха и олова сасобомъ, како што э обыковено было, снабдѣосамъ себе съ двема симити и едномъ великомъ кесомъ суварка, и пошаосамъ овако вооруженъ на путъ. Кадъ већь долину, гди э моя лѣтна Колебица стаяла, проћо, усмотрїосамъ абїе къ западу стояще море, а будући да э врло лепъ и чистъ данъ быо, усмотрїосамъ башъ сасвимъ ясно нѣки предѣлъ у морю. Ели башъ земля права или само Островъ быо, то не могу казати, лежаше обаче врло высоко, и простирашесе отъ запада западоюжнѣ у великомъ простору и удаленїю, ербо по мо-

ему

ему мнѣнїю нїе више него 15 *тѣ* или 20 *тѣ* мїля донде быти могло.

Какова э часть свѣта то была, немогу я такожде истино казати; него тосамъ знао, да э то морала една часть *Америїке* быти; и какосамъ изъ примѣчанїи моихъ заключїо, морало э то близу Шпански держава лежати. И можетъ быти, да э сасамими дивяцы поселѣна, и кадбы я тамо испливао био, многобы горе самномъ сталo неголи сада. Ясамъ примирїо себе кодъ путовъ провидѣнїя Божїя, кои како штосамъ я, признавати и вѣровати почео, све къ добру управляю, и доводе; ясамъ ушѣшїо, говоримъ, сердце мое сотимъ, и престаосамъ себе съ суетнимъ желанїемъ онде быпи моћи мучити!

Међу тимъ доксамсе кодъ ове вещи нѣкое време забавїо, помисльїосамъ, кадбы то Шпански брегови были, тобы я морао сасвимъ извѣстно данасъ или супра Шпанске какове лађе тамо и овамо пловуще видѣти; аколи то тако нїе, то мораду дакле Острови и брези дивяковъ между *Шланїомъ* и *Бразїлїомъ* быпи, коису доиста отъ свїю други дивяка найгори, ербосу они прави Коннїбали или человѣкоядцы, и никада неиз-

неизоставляю тѣла человѣческа, коя имъ годъ у руке падну, убити и изѣсти.

Ово разсмотраваюћи ишаосамъ све полако далѣ. И видѣосамъ, да э страна ова Острова много краснїя была, нежели гди я живимъ, ливаде и простране поля врло наслаждаема, цвѣты и травомъ украшена, и полна прекрасныхъ плодовъ. Видѣосамъ такожде множество Папагаевъ, и радсамъ био, акобысамъ само могао едногъ ухватити, дабыга припитомїо и говорити научїо. И опетсамъ срећанъ био, дасамъ послѣ многога труда еднога младога ухватїо; ербосамъ я нѣга съ едномъ палицомъ на землю смлатїо, и узеосамга кадъ э онъ опетъ къ себи дошао, са собомъ кући, али доксамъ я нѣга говорити научїо, прошло э много година. Но напослѣдокъ научїосамъ я нѣга са свимъ свободно мене именемъ звати. Еданъ случай, кои э мене съ нимъ предсрѣо, хоће читателю можетъ быпи на надлежащемъ мѣсту врло поволянъ быти.

Ово э путешествїе мене чрезвычайно увеселило. Ясамъ на нѣки мѣсти нашао зецова (найманѣ держаосамъ ихъ запо) и лисица, коесусе обаче отъ свїю видовъ други звѣрова, коесамъ досадъ видѣо, разликовале. Ясе склонити немого ни да ихъ едемъ, башъ

акосамъ ихъ и много утукао. Но я нисамъ имао узрока то чинити, ербо я на месу никаковаго недостатка нисамъ имао, а и їоштъ къ тому башъ што э найболѣ, међу коимъ найглавнїе дивїе Козе, Голубови и Корняче бяху. И кадъ къ тому їоштъ грожђе додамъ, каковъ бы могла сама пїяца отъ Леадењъ едному самоћному человѣку богати ручакъ дати? тосамъ я, ако э башъ станѣ мое и бѣдно было, узрока доволно имао Богу благодарити, да онъ мени не само на средствахъ къ препитанїю никаковаго недостатка нїе терпѣти дао, него їоштъ и излишество найслаћи залогая даровао.

Нисамъ ишао на моему путешествїю никадъ далѣ, него 2 *ве* мїлѣ напредъ; али залазїосамъ сь мога пута часъ на едну, часъ на другу страну, дабы видѣо, шта їоштъ у смотрити могу тако, дасамъ често утруженъ на оно мѣсто дошао, гдисамъ преноћити намыслїо, пакъ онда отпочиваосамъ или на дрвету, или себе сь еднымъ редомъ пачака окружїо, коесамъ или отъ еднегъ дрвета на друго наслонїо, или ихъ добро у землю ударїо тако, да къ мене никакови диви звѣрь близу небы доћи могао, даме пробуди.

Како-

Какосамъ на брегъ моря дошао, зачудїосамсе врло, дасамъ станъ или обиталище мое у найгарой страни Острова избрао, ербо э овде цѣли брегъ сь неизброенимъ множествомъ Корняча покрывенъ быо, а на другой страни, гди живимъ, нисамъ за полдругу годину выше него три нашао. Овде было э такожде неисказано число птица разнаго вида, отъ коихъ я нѣкое никадъ видѣо нисамъ, и отъ коихъ многе за ело врло добре бяху, и отъ коихъ я ни едну другу нежели *Пїгвїна* познавао нисамъ.

Кадъ небы баруша и олова жалїо быо, ябы ихъ толико убити могао, коликобыми годъ драго было. Убiосамъ радїе Козу, кадсамъ ю добити могао, ербо отъ нѣ и выше ползе имадо. Такожде и Коза было э на овой страни выше нежели на другой, но ясамъ много выше труда имао къ ныма пришунятисе, ербо э предѣлъ врло равань быо, и оне мене много прѣе усмотрипи могоше, нежели гдису брда.

Много краснія, то казати морамъ, была э ова страна Острова, иеголи гдисамъ я живїо, али я опетъ нисамъ имао ни наймањ волѣ овамо преселитисе. Ербо кадсамъ я већь еданъ кратъ свое постояно обиталище имао, тосе оно мени врло свикнуло и

ово цѣло време, доклесамъ годъ овде быо, чиняшемисе, дасамъ на каковомъ путу изванъ предѣла быо. Но ясамъ преко свега путовао до 12 мїля, и то како штосамъ мыслїо, све по край брега горе, ударїосамъ после едну дугачку мотку на брегу у землю за знакъ, дасамъ овде быо, и повратїосамсе дома натрагъ. Перво путешествїе, кое паки предузети имамъ, хоће быти съ оне стране Острова отъ обиталища мога къ востоку, и тако свудъ на около докле годъ до знаменїя мога не дођемъ. Отъ тога говорићу онде, гди требовало буде.

Кадсамсе повратїо, узеосамъ други путь у тому мнѣнїю, да я могу цѣли Островъ већь толико далеко у виду содержавати, да я мое перво станѣ никадъ изгубити не могу, алисамсе я у томъ врло преварїо; србо само штосамъ две или три мїлѣ ишао, кадсамсе я у едной великой долини нашао, коя э съ самима горама окружена, а ове са самима шумами покривене быле, тако да ништа нашао нисамъ по чемубы путь мой управити могао, нежели солнце, а и то не свагда, кадъ небы теченїе нѣгово у ово време дана опасно знао.

Али несрећомъ мораосамъ їоштъ къ тому време, кое э три или четири дана, док-

доксамъ у овой долини быо, врло тавно и магловито было, имати. А будући да я солнце видѣти нисамъ могао, тосамъ я у великомъ страху сѣмо и овамо ходїо, и видѣосамъ себе на послѣдокъ принуждена брегъ, или отъ моря страну потражити, и знаменїе, коесамъ оставїо, наћи, и онимъ путемъ, коимсамъ и дошао опетъ натрагъ ићи. Отовудъ пошаосамъ све полагано кући; ербо э време почело врло топло быти, а моя пушка, барутъ и олово, сикира, и штосамъ друго кодъ себе имао, быломи э врло тешко.

На овоме путу усмотрїо э мой пасъ едно яре, и уфатїога э, ясамъ потрчао абїе за нимъ, и истргнуосамму живо изъ устахъ. Ябысамга быо башъ кући отвео, ербосамъ о томъ често мыслїо, небыли могуће было, еданъ паръ млади ярчића добити, и тако марву питоми коза добити, отъ коихъ бысе я содержанїя мога надати могао, кадъ већь барута и олова нестане.

Начинїосамъ овому малому живинчету огрлякъ, и повеосамга съ едномъ штранчицомъ, коюсамъ свагда сасобомъ носїо, свезана доста трудно до мое сѣнице, гдисамга затворїо и оставїо, ербосамъ желю отъ выше имао кодъ куће быти, отъ коесамъ

самъ већь скоро мѣсяцъ дана отсутствующъ быо.

Опетъ у моему старому обиталищу быти и у моме повѣшеномъ кревету лежати была э мени неописана радость. Ово мало предузето путешествїе безъ извѣстногъ и постояногъ мѣста и пребивалища такоми э незгодно и неповолно было, да мой собствѣнный домъ, какосамга я самъ называо, съ тимъ сравняваюћи подно постояни станъ за мене э быо, и све около мене тако э было радостно и угодно, дасамъ я тврдо намыслїо себе отъ нѣга никадъ далеко удаляваши, докле годъ судбина моя трае на овому Острову пребываши.

Овдесамъ оппочивао едну неделю дана, дабысе отъ путнаго труда мало окрепїо, и себи какову ползу учинїо. Болюсамъ часть овога времена съ найважнїимъ дѣломъ провео, моме Папагаю, коисе већь самномъ дружески обходити почео, кавезъ начинити. Затимъ почеосамъ такожде за мое сиромашко яре мыслити, коесамъ у моей малой сѣницы затворїо, и намыслюсамъ нѣга кући донети и ранити. Отишаосамъ дакле онамо, и нашаосамга, гдисамга и оставїо, ербо оно ласно побећи ніе могло, али изъ недостатка ране было э оно скоро отъ глада истаяло.

яло. Абїе отсѣкаосамъ граня и скупїосамъ пупова отъ дрвета, штосамъ скорїе наћи могао, и бацїосамъ предъ нѣга. Кадсамга наранїо, свезаосамга како и преће уженцетомъ око врата, и хотѣосамга за собомъ повести, али э гладъ нѣга тако укротїо и препитомїо быо, да я нужде нисамъ имао на нѣга ни уженце набацити, и оно э замномъ башъ само како годъ пасъ ишло. Я овако нѣга прилѣжно ранећи учинилосе оно тако умилително и учтиво, да оно отъ тога времена како едно дружинче отъ куће постало, и мене выше никада оставити ніе хотѣло.

Кишно време есенѣгъ равноноћїя приближилосе, и ясамъ торжествовао 30 Септемврїа онаковимъ истимъ свѣтлимъ и благоговѣйнимъ образомъ, како и перви кратъ годишни данъ мога пришествїя на ову Аду, на коюйсамъ већь две године быо, и никакове ближе надежде отъ овудъ освобожденъ быти неимадо, аки первый данъ мога дошествїя. Ясамъ провео овай цѣлый данъ съ кроткимъ признанствомъ многихъ мени чудесно указанихъ благодѣяній, коя э мени Богъ у овому самоћному станю, до коихъ бы я іошть и безконечніе бѣданъ и неволянъ быти могао. Ясамъ съ полнимъ сердцемъ

цемъ благодаріо Богу моему, да э онъ благоволіо мени открыти, како што э можно было, да я у овому самћному стаю срећанъ быти могу, како штобы, можетъ бити, у свободи, содружеству и у свима светскима увеселеніяма быти могао, да све што мени у моме самћноме стаю недостае, и лишеніе свакога содружества, онъ мени присутствіемъ своимъ, и съ приобщеніемъ милости свое души моей богато попуниши може, ербо э онъ мене подкрћпіо, утћшіо, и охрабріо овде себе крћпко нћговому промыслу отдати, а онде на нћгово безконечно присутствіе очекивати.

Садсамъ внутренъ ощущавати стао, какое много щастни животъ, кога садъ проводимъ, сасвима нћговима ужаснима обстоятелстви, нежели онай свирћпи, клетве достойни и гадни, у коемсамъ найвећу часть дана мои провео; а садъ већь какосе жалости тако и радости мое премћнише, то наравно и желанія моя съ тимъ премћнишесе; склоности мое о сасвимъ другима вещма добише вкусъ, и увеселенія моя быше сасвимъ нова, и сасвимъ другоячія нежели при моему первому овде дошествію или пре 2 ве године.

Преће

Преће кадсамъ излазіо или на ловъ или землю и предћлъ распознати, нападала э мене изненада нћка душевна болесть и смутня о моемъ состоянію, и сердце хотяшеми у перси пући, кадсамъ я на све ове планине брда и пустиню помыслію, гдисе находимъ, и какосамъ я вћчнима вратми, и ключаницомъ великогъ *Океана* безъ избавленія у ову необитаему пустиню затворенъ. Башъ у найвећему спокойству душе мое диглосе што у мени као буря, разжалиломе тако, дасамъ руке склопіо и као дћте плакао. Многократно напало э то мене башъ у средъ мога посла, гдисамъ све оставіо, къ земли пао, и уздисати морао, и почитава два сата аки смущенъ и забунћнъ у землю гледао. а кадсамъ я то у плачъ и сузе испустіо, или речма себи одушку учиніо, онда э то прошло, и жалость, коясе у сама себи исчерпла, попусти э сасвимъ.

Садсамсе обаче у сасвимъ другима мысли упражнявао; читаосамъ повседневно слово Божіе, и учиніосамъ отъ нћгови свію утћшенія ползу за мое садашнће станће. Еданъ кратъ уютру, башъ кадсамъ врло смутанъ быо, отворіосамъ Библію, и нашаосамъ ове речи: *Я тебе нећу оставити, ниши забора-*

заборавити; абїе помыслїосамъ, дасе ове речи мене дотичу: ербо заштобысу оне мени оваковимъ начиномъ предъ очи дошле, и башъ у оваковому часу, гдисамъ я аки отъ Бога и люди заборавлѣникъ, о моемъ состоянїю плакао? Добро дакле, рекаосамъ, кадъ мене Богъ неће оставити, што мени може шкодити, ако мене башъ савъ цѣлый свѣтъ остави? И ако бы я цѣлый свѣтъ имао, а милостбы и благословъ Божїй изгубїо, овобы быо изгубитакъ, коисе ни съ чимъ сравнити неможе.

Отъ овога часа стаосамъ я у самъ себи вѣровати, да э башъ могуће, дасамъ срећнїи у овому оставлѣномъ и самоћномъ станю, нежели што бы гдигодъ на другомъ мѣсту у свѣту быти могао, и съ таковими мысли хотѣвъ Бога прославити и благодарити, да э онъ мене на ово мѣсто донео.

Незнамъ штоми э было, али како даме э нѣчто при овомъ помыслу диркуло, и нисамъ смео ове речи изговорити: *Како можешъ ты таковы притворникъ быти*, (рекаосамъ сасвимъ ясно) и чинити, како дабы ты Богу благодарїо за каково станѣ, гди бы ты нѣга сердечно молити имао, да Онъ тебе отъ таковаго станя освободи и колико-

се

се годъ ты трудити можешъ съ нымъ удоволянъ быти.

Овде дакле престаосамъ, ако башъ и сказати немого: я благодаримъ Богу, дасамъ овде, и благодаримъ нѣму сердечно, да э онъ очи мое отворїо (коликосамъ годъ къ овому концу страдати морао) прећашнѣ станѣ живота мога познавати, и мою свирѣпость раскаявати и оплакивати. Никада нисамъ отворїо или затворїо Бїблїю, да небы душа моя изъ глубине свое Богу благодарила, да э онъ моему прїятелю у Англїи то у паметь дао, Бїблїю и безъ мога зактеваня съ другима стварма моима спремити, и да э онъ мени после помогао ню изъ погибше лаће спасти.

Овимъ начиномъ и у овому душевному укрѣплѣнїю започеласе моя трећа година; и данебы читателю съ тако извѣстнимъ описиванѣмъ овога лѣта, тако као првога на тяготу быо; тосе опетъ вообще вѣровати може, дасамъ я врло рѣдко безпосленъ стаяо. Н: п мою дужность къ Богу и чтенїе Бїблїи, къ чемусамъ постояно сваки данъ *3ри* кратъ нѣко извѣстно време опредѣлїо. Второ: на полѣ изићи, и штогодъ убити, у чемусу обикновено свако ютро кадъ кише нїе было, *3ри* сата прошла.

шла. Треће: уредба, преправность, спремањѣ и куванѣ онога, штосамъ за ручакъ мой убїо и добїо, овоми э свагда велику часть дневнога времена отузело. Іошть къ тому примѣчавамъ, да э у полдне, кадъ э солнце на пункту лїнїе стало, такова жестока врућина была, да о томъ ни помыслити нисамъ могао себе съ мѣста кренути тако, да нисамъ выше него четыри сата предъ вече на све дѣло мое употребити могао. Далѣ нисамъ чинїо никакова изятїя, него дасамъ кадкадъ ловъ съ дѣлателни часи промѣнїо, и у ютру пословао, а после полдне на ловъ изишао.

Акосе кому време, коесамъ я къ дѣлу моме опредѣлїо кратко чини, то молимъ само чрезвичайну трудность дѣла мога къ тому причислити, и многе часе, кое мене свака вещь изъ недостатка халата помоћи и изискуеме способности отъ времена мога узела. Провеосамъ я н: п: пуна три или четири дана съ тимъ едну даску за мой дугачки банакъ или рафъ у моему подруму начинити, коихъ бы двоица дунћери или пилїоцы съ нынимъ къ тому потребнымъ халатомъ 6. изъ еднога дрвета до полдне начинити могли.

Али э

Али э то кодъ мене сасвимъ другоячїе было. Ясамъ перво морао врло дебело дрво за посеченѣ имати, ербо даска, коюсамъ потребовао, врло э широка быти морала. Къ сеченю потребоваосамъ три читава дана, и іошть доксамъ гране отсѣкао, дабы стабло само за еданъ комадъ дунћерскога дрвета преправїо. Съ неописано труднимъ сеченѣмъ и тесанѣмъ отесаосамъ велико перво иверѣ съ обадве стране, докъ э проче доволно лако было, дасе крепаши може, затимъ окренуосамга, и испословао едну страну отъ еднога края до другога чисто и равно како едну даску, окренуосамъ опетъ и тесаосамъ съ друге стране толико дуго, доксамъ напослѣдокъ едну платину 3 цола дебелу съ обадве стране єднако равну испословао. Може дакле сваки самъ разсудити, коликосу много посла руке мое само кодъ еднога комада оваковога дѣла имале. Али терпѣнїе и дѣло помогло э мени къ тому, и другимъ многимъ вещемъ. Ясамъ то овде особито тога ради забележїо, дабы показао, зашто э съ оваковимъ малимъ дѣломъ толико времена прошло, того ради, наимено: Ербо што э съ помощїю другихъ, и съ потребнымъ халатомъ врло мало труда изискивало, то э за мене верло велики посао

быо,

было, кои э само и съ помоћи мои руку отъ выше много времена изискивао.

Но несматраюћи на то терпћнїемъ и дћломъ, како штосамъ казао, предуспћвало э мени многое и доиста све, штосу мени моя обстоятелства нуждно имати представляла; какоћесе изъ слћдующега їоштъ выше видћти.

Садъ већь у мћсяцы Ноемврїю и Декемврїю ожидаваосамъ мою ечмену, и пїрїнчну жатву. Ныва, коюсамъ зато ускопао, нїе была велика; Ербо као што э сказано, да мое сћянїе нїе изнело выше него отъ сваке врсте по полъ мерова; заштосамъ цћлу жатву изъ узрока штосамъ у невреме посћяо было, изгубїо. Али садсамсе найболїой жатвы отъ свћта надао. Но ево бћде, быосамъ у погибели ню ради различни непрїятеля, отъ коихсамъ я ню едва чувати у состоянїю было, їоштъ еданъ кратъ изгубити, а тосу найвыше козе быле и зверчадъ, коесамъ я зецове називао, и коису, ербо имъ э листвїе врло сладко было, данъ и ноћь тамо лежали, и како э што изъ землћ изникло и прорастло, абїе тако кратко отгризли, да оно послћ времена добити нїе могло у стабла произићи.

На

На противъ тога неймадо никаковога другога средства нежели плотъ свудъ у на около повући, коесамъ съ великимъ зноемъ и трудомъ учиніо, и найвыше тога ради, ербо э ствaрь верло хитна быти морала, ако иначе што годъ жита отъ зубовъ мои незвани гости сачувати хоћу. А будући да э ныва моя моей ожидаемой жатви сходна, и верло малена была, тосамъ и я было съ оградомъ нћномъ у три Недељ сасвимъ готовъ. Притомъ убїосамъ їоштъ нћколико ове звћради даню, а ноћю свезаосамъ пса мога за еданъ колацъ на полю кодъ врата, гди э онъ цћлу ноћь на стражи лаяо. Овакимъ начиномъ довеосамъ я до тога, да мои непрїятели мћсто или ныву мою у кратко време изоставише, и мое жито почело э яко, и верло добро расти, пакъ затимъ и скоро зрети. Али како годъ штосу четвероножни звћры, докъ э їоштъ жито мое у прирастћню было, у баталивали, тако исто былећыга скоро птице свега изћле, кадъ э оно већь класъ добило было. Ербо кадсамъ я отишао, дага надгледамъ, како стой, видћосамъ я мою малу жатву съ различними видови птица окружену, коесу све што очекивале, докъ

бы

би я отовудѣ отишао. Ясамѣ дакле бацїо на ны ватру (ербосамѣ пушку мою имао свагда са собомѣ.) Али само штосамѣ избацїо пушку, дижесе башѣ изѣ самогѣ мога жита и ныве еданѣ цѣлѣ облакѣ птица, кое башѣ отнюдѣ ни видїо нисамѣ.

Ово э мени чувствително и верло увредило, ербо бы оне у мало дана цѣлу надежду мою изѣле быле и я бы послѣ у погибель дошао гладомѣ истаяти, и выше никада никакове жетве имати. Нисамѣ знао дакле, штаћу притомѣ почети; алисамѣ я на томѣ башѣ пивердо стао жито мое никоимѣ начиномѣ изгубити, и ако небы могло другоячїе быти башѣ дань и ноћь чувати. Найпре разгледаосамѣ штету, коюсу већь учиниле птице, и нађо, дасуми оне доста велику часть поквариле, но срећомѣ жито э тадай было їоштѣ за ны зелено и штета, коюсу учиниле, башѣ не велика, и я отѣ оставшега, акобысе сачувати могло, їоштѣ сасвимѣ добру жатву очекивати, бысамѣ могао.

Я стаяосамѣ малко, да пушку мою набїемѣ, а кадсамѣ пошао, смотрїосамѣ ясно, дасусе ове пустаїе по сви дервети разшириле,

риле, пакѣ сѣду, као дабы на то чекале, докѣ я отидемѣ, тако э и было, како э слѣдство показало. Ербо кадсамѣ малко пошао, башѣ као дабы сасвимѣ ићи хотѣо, и оне мене невидѣше, то оне абїе све една за другомѣ опетѣ на житo падоше. Ясамсе о томѣ отвише разгнѣвао, ербосамѣ знао, да свако зернце, кое оне садѣ изѣду, замене, тако да рекнемѣ, еданѣ цѣлѣ сомунѣ хлѣба было, кадсамѣ будущая разсмотрїо. Я терпѣнїя доволно неимадо, доксе ове пустаїе све скупу, дочекати, него дошуняосамсе полагано кѣ плоту, даосамѣ ватру и свалїосамѣ тры доле, то э было оно штосамѣ я желїо. Дигаосамѣ ихѣ горе и учиніосамѣ сѣ ныма оно што сѣ явнима пустаїяма у *Англїи* чине, обѣсїосамѣ ихѣ, то есть другима за устрашителни примѣрѣ свезане горе. Едвабы человѣкѣ вѣровати могао, каково э добродѣйство имао овай примѣрѣ. Ербо у кратко време не само штосу птице ныву мою, него и сву цѣлу часть овога острова сасвимѣ изоставиле, и колико э годѣ птично страшило на ныви висѣло, нисамѣ могао я више никада ни едне птице у овой страни видѣти.

Ово э было мени, као штосе ласно мыслити може, велика радость; и при концу Декемврїа, кое э друга годишня жетва была, пожнѣосамъ я све жито мое щастно.

Садсамъ имао отъ потребе едну косу или серпъ. Све што овде чинити мого, было э изъ оне широке и кротке саблѣ, коюсамъ у лаћи нашао, како бы годъ болѣ могао серпъ еданъ начинити. А будући да э жетва моя малена была, то я съ кошьніомъ нѣномъ велике тягости и нисамъ имао. Кратко я пожнѣ ню моимъ собственнимъ начиномъ; ербо я нисамъ друго ништа него класове отсецао, и отнесаосамъ ихъ у едной великой котарицы, коюсамъ начиніо, кући, и послѣ моима собственима рукама све истрео. Кадсамъ готовъ био, видѣосамъ, да я изъ полъ мерова семена скоро две киле пїрїнча и полъ пређу ечма (то есть по моему мнѣнію, ербо мѣре нисамъ имао онда.) имадо.

Ова э была за мене верло велика утѣха, и ясамъ напредъ провидѣо, даће Богъ благоволити, и мене временемъ хлѣбомъ богато обдарити. Алисе ево опетъ нова бѣда появила; ербо нисамъ знао како жито учинити и млети, каколи чисто одѣлити,

и

и каколи хлѣбъ умесити, а и кадбы и то знао, то опетъ нисамъ знао, какога испећи имамъ. А будући да э желя моя была доста приличанъ имутакъ отъ тога задобити, то укрѣпише мене све тягости, совершено у тому намѣренію нимало у жетву мою недерзнути, него све за сѣяніе за будущу годину оставити, и међу тимъ све мое мысли, и све мое часе дѣла на то употребити ово велико дѣло себе съ житомъ и хлѣбомъ снабдѣти, у состояніе довести.

Ясамъ у свойственномъ разуму сказати могао, да я башъ за хлѣбъ мой радимъ. Тосе чини чудно, и малосу люди о томъ помыслили, коликое множество разни мали вещи потребно, дабы себи само еданъ хлѣбъ снискали — то сѣяти, чистити, преправляти, месити и пећи. Я, коисамъ у само наравно станѣ поставлѣнъ био, есамъ то моимъ повседневнимъ искусствомъ бѣдно дознао, и тосе свакога часа выше и выше умножавало, отъ какосамъ ону перву прегрштъ жита добіо, кое э за удивленіе, како штосамъ казао, сасвимъ нечаемо изъ землѣ произрастло.

Перво нисамъ имао плуга, чимбы ныву узорао, и тако исто и лопату, чимбы пре-

копао,

копао, овай недостатокъ знаосамъ я опетъ дрвеномъ, како штосамъ рекао, попунити, акосамъ башъ съ нїоме и дрвени посао чинити могао. Ербо овай лепи халатъ, кои э мене много дана стаяо, не само штосе покваріо скоро, ербо э неокованъ быо, него э мени їоштъ и дѣло теже учинїо, кое э дакле и злочестїе произыѣи морало.

Ясамсе на то опетъ склонїо, и недадо себе нити трудомъ, нити хрѣавимъ слѣдствомъ отъ тога уплашити. Кадъ э вечь жито посѣяно было, нисамъ имао опетъ къ тому брану, но мораосамъ самъ по ораню ходити, и за собомъ едну чворновиту и тешку грану вуѣи, и тако землю выше газїо, него што бы ю подрляо быо.

Када э вечь жито произрастло, казаосамъ, да много ствари потребни нисамъ имао, дабыга оградїо и сачувао, пожео, очистїо и куѣи донео, овршїо, отъ плеве отслучїо, или извѣяо. Садъ и воденице нисамъ имао, гдибы млео, сита на коебы просѣяо, соли и квасца, дабы хлѣбъ умесїо, и фуруне гдибы испекао. Но ясамсе и безъ свїю ови ствари спомогао, и жито быломи э неоцѣнена утѣха и полза. Крайнѣ трудно и досадно быломи э доиста чрезъ све то. Али ово выше премѣнити нїе было, и я чрезъ то нисамъ

нисамъ ни времена изгубїо много, ербо э време посла мога было вечь еданъ кратъ раздѣлено, и една извѣстна часть дана была э за посао овай опредѣлена, и будуѣи да самъ вечь наумїо отъ жита на хлѣбъ ништа неупотребити, докъ отъ нѣга выше што незапатимъ, тосамъ дакле цѣло слѣдующе полъ лѣтїе, коесамъ на дѣла измышлѣна употребити имао, дабы себе съ потребнимъ халатомъ снабдѣо, коибы за све послове жито и хлѣбъ устрояваши потребанъ быо, дабыга, акоми отъ потребе буде, абїе готова имати могао.

Преѣе свїю други вещи мораосамъ выше землѣ къ тому преправити, ербо сѣмена имаосамъ доволно чимбы выше, него едно ютро ныве посѣяти могао. Преѣе нежели штосамъ то почети могао, имаосамъ опетъ выше отъ недељ дана посла, доксамъ лопату начинїо, коя и кадъ э готова была, къ тому врло неспособна вещь и тешка была, да мене съ нїомъ радити сугубога труда стаяше.

Далѣ себе ничимъ преварити нисамъ дао, и посѣяосамъ жито мое, у два велика равна комада ныве тако близу куѣе мое, какогодъ штосамга имати хотѣо, начинїосамъ тврдъ плотъ у наоколо, къ чемусамъ

колѣ

колѣ отъ онога дрвля, отъ когасамъ знао, даѣе скоро прорастити, и пупове избити, употребїо, и отъ коего я до године живу и цвѣтущу ограду имати могу, коей врло мало што помоћи требуетъ.

Кодъ куће, кадъ э кишно време было, и никудъ изићи нисамъ могао, имаосамъ я такожде посла, и изъ међу посла имаосамъ їоштъ волю мога Папагая учити говорити, и съ нымсе забалятн. Онъ э научїо скоро свое собственно имя, *Поль*, и изговараога э после врло ясно, и то э была перва речь, коюсамъ я, кромѣ собствены успа, какосамъ годъ овде на Острову, отъ другога говорити чуо. Но ово ніе быо никакови посао, него само едно облакшанѣ посла. Ясамъ обаче врло важно дѣло у рукахъ имао. Већь одавно мыслїосамъ о томъ, каковимбы начиномъ нѣколико земляногъ посућа у сосгояніе довести могао, коесамъ я доиста отъ выше потребовао, али нисамъ знао, какоћу на то доћи. Међу тимъ помыслїосамъ, какобысамъ само къ тому способне землѣ наћи могао, лонацъ даћесе кое како скрпити, а земля э или Клїма овде топла доволно, дасе онъ на солнцу изсушити, и яко и доволно отверднути може, да бы нѣга на то све што э суво, и штосе суво хранити

мора,

мора, употребити могао. А будући дасамъ таково штогодъ къ преправленїю жита и брашна, о чемусамъ мыслїо, врло потребно имао, то намыслїосамъ дакле нѣколико лонаца начинити, онолико велике, колико могуће буде, коећу како велике бокале уредити, и у ны после штоми драго метати.

Можетъ быти, даће читатель о мени сожаловати, или много выше мене изсмѣяти, кадму искажемъ, какосамъ неупутно я съ моимъ лончарствомъ поступїо, каковесамъ гадне и необичне вещи отъ лонаца я на путъ производїо, какосусе они мени їоштъ у руку мои распали, ербо земля небяше доволно чврста свою собственну теготу носити, какоми многи отъ врло жестоке солнечне жеге пукоше за то, штосамъ ихъ фришко на полѣ у воздухъ изнесао, и какоми многи преће и после сушеня сви на комаде одоше, и то само акосамсе ихъ додирнуо, или узети хотѣо, кратко какосамъ я после многаго труда, кога э мене то стояло, землю или блато изнаћи, ископати и угазити, нѣга кући донети и испословати, їоштъ у состоянїю нисамъ было, после двомѣсячнаго посла, нежели две велике земляне несграпне вещи оттуду произвести, кое

съ

съ зрѣломъ памети никаковимъ посуѣмъ наименовати нисамъ могао.

Кадъ э солнце већь ове сасвимъ изсушило, и тврдо испекло, дигаосамъ ихъ сасвимъ полагано, и метнуо у два велика кошара, коесамъ ямачно за то начиніо, дасе небы разбили, а празноћу у наоколо мећу лонцемъ и кошаромъ са сламомъ отъ ечма испуніо, у овима двѣма лонцы, коиће̂ду свагда суви морати стаяти, надаосамсе жито мое, или можетъ быти брашно, коећесе отъ жита самлети, свагда суво содержавати.

Колико э мало мой посао съ великима лонцы предуспѣвати хотѣо, толико э пошао мени посао много болѣ съ нѣкими малими лончићи, н. п. съ чиніяма малима, округлими лонцы, бокалчићи, таныри и другимъ посуѣмъ, и на штосамъ годъ руку положіо, и жега солнечна, све э то чрезвычайно испекла и утвердила.

Али све ово намѣренію моему іоштъ ніе соотвѣтствовало, ербо я свакимъ начиномъ еданъ великій земляни лонацъ имаписамъ хотѣо, коибы штогодъ текуће содержати, и ватру отерпити могао, за кое отъ ови мали ни еданъ способанъ ніе быо. После нѣкоего времене случилосе изненада, дасамъ

самъ у великой ватри, коюсамъ за готовлѣнѣ ручка наложіо быо, и кадсамъ э запретати хотѣо, еданъ комадъ мога лончарскаго посла нашао, кои э како каменъ тврдъ, и како цигля црвенъ быо. Ово э мене у радосно чудо поставило, и дадулисе комади изжећи, рекаосамъ я у самъ себи, то исто дакле и съ цѣлимъ лонцемъ учинитисе може. Ово э мене навело о томъ мыслити, какобы за то ватру способно наложіо, дабы нѣколико лонаца ожећи могао. О лончарской фуруни, како што они имаду, нисамъ имао ни поняттія каковогъ, и іоштъ манѣ о глазури и олову, башъ акосамъ олова къ тому и имао. Ясамъ нанизао три велика и два мала лонца како еданъ стубъ еданъ на други, уредіосамъ свудъ наоколо дрва, и подъ ны велику хрпу пепела. Подпаливаосамъ споля и отъ озго све прилѣжно, докле годъ видѣо нисамъ, дасу лонцы у нутра сви како ватра червени, и ни едансе ніе распукао. Кадсамъ я већь ны тако сасвимъ скрозъ црвене видѣо, оставіосамъ ихъ дакле 5 и до 6 сати у овой жеги стояти, докле годъ нисамъ усмотріо, да еданъ отъ нихъ непуче, алисе и растопіо и исчезнуо, ербосе песакъ, кои э съ блатомъ смешанъ быо, са жестокостію жара растопіо, и быобысе у стаклену материю

терїю (и токъ) премѣнїо, кадбыга їоштъ дуже у ватри оставїо быо. Ясамъ малко ватру утолїо, докъ лонцы почеше свою червеность губити, чуваосамъ при томъ цѣлу ноћь, дасе небы ватра нагло угасила, и у ютру имаосамъ три врло добра, нећу башъ казати, найлепша лонца, и друга два тако тврдо испечена, како годъ штосамъ желити могао, и їоштъ еданъ къ тому отъ растоплѣнога песка сасвимъ глазиратъ. После овогъ искушенїя (пробе) нетребуе да кажемъ, имаосамъ различногъ вида земляногъ посућа за мою потребу доволно. Видъ ови лонаца, како што лако мыслити можемо, нїе башъ лепъ, и я ихъ другоячїе начинити нисамъ знао, него како што деца съ нынимъ пескомъ чине, или кадъ жена питу прави, коя отъ теста никадъ ништа правити нїе научила.

Ако э ово башъ една багателна стварь и была, тосамъ я опетъ о томъ, велику и несравнену радость имао, кадсамъ видѣо дасамъ я еданъ земляни лонацъ начинїо, кои ватру одержати може. Едвасамъ дочекати могао, доксе оладише лонцы, дабы едногъ съ водомъ къ ватри преставїо, и себи у нѣму мало меса скувао, кое э доиста и преизрядно успѣло, ясамъ себи съ еднимъ комадомъ

домъ козїега меса прекрасну чорбу сготовїо, ако башъ къ тому брашна и друге зелени и нисамъ имао, коюбысамъ имати морао, кадбы чорбу по желанїю своему имати хотѣо.

Садъ э перва брига моя была, какоћу еданъ каменити Аванъ добити, у комебы жито мое тукао; ербо на воденицу безъ друге какове помоћи него само две руке отнюдъ небяше ни мыслити. Овому недостатку помоћи быосамъ у великой бригы, ербо мећу свима занати на свѣту, нїе могао ни еданъ быти, о коембысамъ найманѣ штогодъ разумѣвао, као о занату каменаровъ, башъ кадбысамъ и савъ халатъ къ тому имао. Ясамъ многе дне съ тимъ провео, дабысамъ еданъ велики каменъ нашао, коибы доста дебео быо, дабыга унутра ископати и за Аванъ способна учинити могао: но всуе савъ мой трудъ бы. Я нисамъ могао таковога камена ни наћи, нежели кои э у пећини быо, кога я никоимъ начиномъ ископати нити исшуплити знао нисамъ. А такожде пећине на Острову небыше ни доста тврде за то, него све отъ пескова и мека каменя, кои нитибы тежину туцня одержати нити жито разбїяти могао, дасе небы съ очорватимъ пескомъ смешало. А кадсамъ већь съ тимъ забадава толико времена

мена изгубїо каменъ тражећи, тосамъ дакле отъ тога сасвимъ престао, и намыслїо еданъ велики тань тврдога дрвета избрати, кагасамъ и доиста я врло лакше и нашао. Кадсамъ већь еданъ онако дебео нашао, као штосамъ крѣпакъ быо, дага понести могу, обсѣкаосамга съ моюмъ сикиромъ и брадвомъ съ поля округло, и извртїосамга послѣ са средствомъ вапре, и неизсказанимъ трудомъ тако, као што *Индїани* у *Бразїлїи* ныне чунове издубливаши обичествую. Затимъ начинїосамъ такожде еданъ велики тежакъ туцань отъ тога истога дрвета, коесе гвоздено дрво назива, и оспавїосамъ ихъ за мою будущу жетву, у чемусамъ намыслїо мое жито млети, или много выше тући, дабы оттудъ брашно за хлѣбъ имати могао.

Ето садсе э опетъ нова тягость нашла, какоћу сито начинити, чимћу брашно просѣяти и отъ мекиня и люске отъ дѣлити; ербо безъ тога нисамъ знао, какобы могуће было чисть лебацъ добити. То э была една крайнѣ тешка вещь, да едвасамъ на што помыслити смѣо, ербо доиста нисамъ имао скоро сасвимъ отъ онога свега ништа, штобы къ мешны хлѣба необходимо нуждно отъ потребе было, нисамъ имао ни

наћве, или друго каково посуће, у чему бы брашно просеяти могао. Съ тимъ э прошло много мѣсяцы, и я доиста отнюдъ нисамъ знао, шта започети имамъ. Никакова платна имао нисамъ, окромъ кое какви крпетина, истина козїи длака достасамъ имао, али я ни прести нисамъ знао, ни ткати, а кадбы быо и то знао, гдибы къ тому овде потребни халатъ добыо? едно единo средство, коеми э напослѣдокъ на умъ пало было, дасамъ съ халинама Матросовъ, такожде нѣке шлаерне мараме навратъ изъ лаће донео. Изъ нѣколико комада отъ ови марама начинїосамъ три сита, коя доста малена, али доста добра за оно бяху, къ чему я ны потребова. Съ тимсамсе помагао нѣколико година, а штосамъ послѣ учинїо, хоћу на пристойномъ мѣсту описати.

Садъ э дошао редъ на то како башъ сами хлѣбъ пећи, и какоћу, кадъ жито добїемъ, хлѣбъ отъ нѣга правити. Ербо перво нисамъ имао никакове наћве или коритo, алисе я већь о ономъ, штосе добити неможе, выше толико и не труди. Но за фуруну имаосамъ доиста велику бригу. На послѣдокъ учинїосамъ и у той вещи совѣтъ, и поступїосамъ овако. Начинїосамъ нѣколико земляни сосудовъ врло широке али плитке

у величини цѣлой до две стопе, и не дублѣ него 9. цоли. Ове ожегаосамъ у ватри као и оне друге, и извадїосамъ ихъ. А кадсамъ хлѣбъ пећи хотѣо, онда наложїосамъ велику ватру на огништу, коюсамъ четвероуголнимъ великимъ каменѣмъ оградїо, коесамъ я самъ направїо и испекао, кое башъ небы ни валяло да четвероуголне назовемъ.

Кадсе ватра већь доста у вруће пепелъ или у живи жаръ премѣнила, то онда извукаосамъ э на огныще горе, покрїосамъ сасве стране и оставїосамъ тако лежати, догодъ огныще сасвимъ вруће ніе было. Затимъ очистїосамъ савъ пепелъ, и метнуосамъ на ону врућу чистину све мое хлѣбове, загрнуосамъ онай врући пепелъ споля сасвимъ около сосудовъ, дабысе тако теплота содержавала и укрѣпила; и тако испекаосамъ мой хлѣбъ, башъ као у каквой найбольой фуруни отъ света, и іошъ преко тога постаосамъ я у кратко време башъ и отъ паштета мешая (пекаръ) ербосамъ я правїо себи различне пите отъ пїрїнча, само праве паштете нисамъ могао правити, ербо нисамъ имао ништа у ны метнути, кромѣ птица и козїега меса.

Невалясе ни мало чудити, штосу мени ове вещи, найвећу часть времена треће године

дине мога овде бытїя узеле. Валя притомъ такожде и то помыслити, дасамъ я между овимъ междувременіемъ, съ моіомъ новомъ жетвомъ и домостроеніемъ доволно посла имао. Ербосамъ я пожнѣо жито мое у време, донеосамга, како штосамъ болѣ могао, кући, и оставїосамга тако у класу у мои велики кошари, доксамъ време улучїо нѣга изтрти, ербо гумна, гдибыга овршїо, и халата къ тому нисамъ имао.

Али садъ, кадсе већь имутакъ мога жита доиста сасвимъ умножїо, мораосамъ такожде на разширенѣ мога Амбара мыслити. Нисамъ имао дакле мѣста, гдиѣуга засути, ербосе жито мое тако умножило, дасамъ я нѣга скоро 20 кила ечма, и равно толико пїрїнча имао. Садъ нисамъ размышляваo дуго съ нымъ са свимъ свободно употребленіе чинити, а притомъ и хлѣба мога већь э башъ сасвимъ нестало было. Намыслїосамъ дакле назначити, количину отъ нѣга на цѣлу годину потребовати, и само еданъ кратъ преко године сѣяти.

Алисе показало, да я ови 40 *тъ* кила ечма и толико пїрїнча за едну годину упрошити не могу. Опредѣлїосамъ дакле годишнѣ опасно толико посѣяти, како штосамъ послѣдный кратъ посѣяо у той надежди,

даћу

дѣу сѣ овимѣ имуткомѣ хлѣба доволно имати.

Доксамсе я сѣ овима вещма забаляо, то можемо лако мыслити, дасу мысли мое често на полю быле, штосамѣ на другой страни Острова видїо, и често возбудиласе тайна желя у мени, дабысамѣ вечь онде на брегу моря быти желїо, ербосамѣ мыслїо, дасамѣ праву и тврду землю, и нѣки обитаеми предѣлѣ видїо, и да тамо лако средство и путове наћи могу, намысліосамѣ я далѣ поћи, и можетѣ быти, напослѣдокѣ совершенно освобожденіе добити.

Али нисамѣ помыслїо на погибели, коимѣ я у оваковомѣ станю подложанѣ быти могу, и можетѣ быти у руке дивяковѣ, пакѣ їоштѣ таковимѣ дивякомѣ пасти могу, кое узрокѣ имамѣ за горе держати, нежели све Лафове и Тїгре у Афрїки, да я, ако у власть ныну дошемѣ, у погибели есамѣ отѣ ныхѣ убїенѣ и башѣ изѣденѣ быти, ербосамѣ я разумѣо, дасу народы на *Кораїбїйскихѣ* бреговѣ све саме убїице и человѣкоядцы, и кадсамѣ высину солнца измѣрїо, тосамѣ знао онда, да отѣ бреговѣ ныних далеко быти не могу, да башѣ, ако они и убїйце небы были, менебы опетѣ убити могли, како штосу и сѣ многими Европейцы учинили,

коису

коису имѣ у руке пали, башѣ ако бы ихѣ и 20, или 30, за едно было, а какобы самномѣ было, коисамѣ само еданѣ, и коибы имѣ мало или башѣ нимало противостати могао! Све ове вещи рекаосамѣ я, коебы я зрѣло разсудити морао, и коесамѣ послѣ башѣ добро разсмотрїо, нисуми учиниле сѣ почетка ни найманѣга страха, и быосамѣ їошѣ свагда сѣ тимѣ помысломѣ напунѣнѣ на онай брегѣ, коисамѣ у морю видїо, отићи.

Садбы желїо младога *Ксурїю* и онай чамацѣ сѣ малимѣ управляемимѣ (парусомѣ) сѣ коимсамѣ путешествіе отѣ писящу миля около брегахѣ *Афрїканскихѣ* учиніо; али све всуе. Затимѣ помысліосамѣ, яћу ићи, да видимѣ нашѣ чамацѣ отѣ лаће, кои э, као штосамѣ казао, у бури, коя э перво наше кораблѣкрушеніе проузроковала, далеко овамо на прудѣ доперанѣ быо. Овай чамацѣ лежаше їошѣ свагда на первоме мѣсту гдїе стао, и силомѣ вѣтра и таласа сасвимѣ извраћенѣ быо, и кѣ высокомѣ бердашцу нѣкоего наравногѣ и острога труда наслонѣнѣ быо, и гди никакове воде као и преће было нїе.

Кадбы я помоћи имао быо нѣга оправити и у воду спустити, то бы овай

чамацѣ

чамацъ їоштъ свагда доста добаръ за употреблѣнїе и послугу быо; и ябы на нѣму сасвимъ угодно у *Бразїлїю* натрагъ доћи могао: алисамъ я іоштъ на предъ добро провидїо, да я нисамъ быо у состоянїю нѣга извратити и на леѣа ставити, како годъ што нисамъ и овай островъ съ мѣста кренути могао, но несматраюћи на то отишаосамъ опетъ у шуму, отсѣкаосамъ нѣколико ћускїя, и валяка дрвени, и донесо ихъ къ чамцу съ тимъ придаткомъ искушати штоћу расправити моћи! Ербосамъ я у самъ себи помыслїо, могули я нѣга опетъ извратити и у воду спустити, ондабы штету, кою э онъ имао, опетъ лако поправити могао, и ондабы паки на ново преизрядни чамацъ быти могао, у коемубы я сасвимъ по води на море поћи могао.

Я о овомъ суетномъ дѣлу нисамъ дао никаковога труда продужати, и тры и до четиры мѣсяца съ тимъ проведо. А кадсамъ на послѣдокъ немоћность видѣо нѣга съ моими малими крѣпостми дигнути немоћи, почеосамъ песакъ исподъ нѣга откопавати; и на страну бацати, небылисе онъ стровалїо, подметнуосамъ валке, дабыга отурити, и у паданю управити могао.

Кадъ

Кадъ э већь све то учинѣно было, то опетъ у состоянїю нисамъ быо нѣга исправити, отъ оздоле подићи, а їоштъ манѣ съ предъ нѣга къ води отурати, видѣвъ дакле себе принуждена свега оканутисе. И преко свега, акосамъ я башъ и сву надежду о чамцу и бацїо, то растла э желя моя їоштъ свагда выше сталне землѣ докучитисе, него штосе умалявала, и башъ ако и могуће нїе было средство къ тому изнаћи.

Ово э мене напослѣдокъ на оне мысли довело, небыли могуће было; да я еданъ чунъ онако као жители ови земаля безъ халата, башъ да рекнемъ, безъ руку изъ стабла едногъ великога дрвета начинити. И то нисамъ само держао за невозможно него їоштъ за верло лако, и питаосамсе живо съ овимъ помысломъ, какоћу то начинити, и да я зато многовыше способа имамъ, нежели сви Негри, или Індїани, нисамъ промотрїо обаче при томъ особну тяготу, коюсамъ я выше него сви Індїани имао, а наимено да я помоћи неимамъ нѣга на воду спустити, кадъ већь сасвимъ готовъ буде, една тягота, кою э мени теже надвладати было, него штосу сва слѣдства о недостатку халата Індїаномъ

 быти

быти могла. Ербо кадсамъ едно дрво, кое э доста велико было, у шуми нашао, и съ великимъ трудомъ посѣкао, и ако я башъ у состоянїю био нисамъ съ моимъ халапомъ нѣму пристойни видъ едногъ чуна дати, и нѣга изнутра испалити, или ископати, да башъ совершени чунъ изъ тога буде, али штоми э могло то све хаснити, дасамъ я нѣга, кадсе већь све совершило онде оставити морао, гдисамга и нашао, и нѣга у воду спустити нисамъ могао.

Шта мыслити валя, ако я иначе сва моя обстоятелства незаборавимъ, што при овомъ помыслу чунъ перво быти мора, што у памети валя да имамъ, какоћу я нѣга на воду донети, али опетъ мысли мое былесу на то управлѣне, какоћу я у тому чуну на морю путовати, коеми їошть ни еданъ кратъ на умъ нїе пало, какоћуга са сува на воду спустити, и доиста много э лакша ствар была нѣга 45 мїля преко моря, нежели 45 фати преко сува отъ оногъ мѣста, гди э онъ лежао, кренути и на пливанѣ угоповити.

Ясамъ съ тимъ чуномъ таковъ людъ почетакъ учинїо, како годъ человѣкъ, кои сви петъ чувстви имаде, започети може. Ясамъ увеселявао себе съ тимъ намѣренїемъ не разсужда-

суждаваюћи, хоћулига произвести моћи. Тегота какоћу чунъ на воду донети, палами э кадкадъ на умъ, алисамъ я умирїо мою сумню свагда о томъ съ лудимъ отговоромъ, когасамъ самъ себи чинїо, ели чунъ еданъ кратъ готовъ, то я за то добаръ стоимъ, даћесе и средство наћи нѣга съ места кренути и отнети.

Овосе зове доиста ствар врло наопако започета, али наглостъ мога самоумїя одержала э побѣду, и тако започеосамъ я дѣло, посѣкаосамъ и свалїосамъ еданъ Кедръ. И сумнямъ, да и самъ Соломонъ, када э правїо церкву Іерусалїмску, нїе оваковаго прекраснаго Кедра имати могао. Оно э у деблу доле 5 стопа, и 10 цоли у ширину, и высиномъ 22 стопе, 4 стопе и 4 цола горе дебело было, за коимъ э онъ нѣчто тани био, и у гранесе раздѣлїо.

Ово дрво посећи и свалити стаяце мени неисказанаго труда. 20 дана дуго секаосамъ я деблину кодъ паня доле, а 14 къ тому потребовао гране и далеко разширени верхъ отсећи, коесамъ я све самъ съ моїомъ сикиромъ и сапаромъ съ неисказанимъ трудомъ чинити морао. Садме їошть еданъ мѣсяцъ посла стаяло, доксамъ я нѣму видъ дао, или такову округлостъ, коя э трбу у

едногъ

едногѣ чамца равно изгледала, и тако, да э онѣ на води право стаяти и пловити могао. Іоштѣ еданѣ ферталь године пребавїосамѣ сѣ тимѣ нѣга изнутра исчистити, и тако лепо испословати, да э изѣ тога северко шенѣ чамацѣ био. Ясамѣ све то безѣ ватре, и само средствомѣ батиницѣ, маклице, и стругача тешко радећи испословао. На послѣдокѣ ясамѣ нѣга толико далеко довео, да э то еданѣ прекрасный чунѣ (periaqua) био, великѣ доста, 26 люди, а слѣдователно мени э све иманѣ мое понести.

Какосамѣ сѣ тимѣ готовѣ био, имаосамѣ такожде велику сердечну радость о томѣ. Чамацѣ био э доиста већи него што сам ѣ никадѣ чунѣ, кои э само изѣ еднога дрвета начинѣнѣ био, у моме животу видїо. Много трудногѣ зноя стаяло э мене ово дѣло, како што лако мыслити можемо, и садѣ више ништа остало нїе, нежели нѣга на брегѣ довући, и на воду спустити, и кадбы сѣ тимѣ срећанѣ био, то бы я безѣ сумнѣ найлуће и найневозможнїе путешествїе предузео, кое нїе никадѣ учинѣно, нити чувено было.

Али сва моя намѣренїя нѣга на воду донети, коебы мене іоштѣ иеисказаногa труда стаяло, быше суетна. Онѣ нїе стаяо далѣ

далѣ него 100 рифовѣ отѣ воде, али э перво зло и трудѣ кодѣ ове вещи было, да э онѣ кѣ брегу узѣ брдо ишао. Но я башѣ ни о томѣ бодрость нисамѣ изгубїо. Овому злу, помыслїосамѣ я, можесе помоћи, акосе земля откопа и еданѣ ниспустѣ начини. Започеосамѣ дакле и то, и имаосамѣ неописани трудѣ и зной при томѣ. Али кому може трудѣ досадити, кадсе вещь башѣ самога освобожденїя дотиче? Но кадѣ э и ово дѣло учинѣно было, и ова тегота надвладана была, и то све мени ништа нїе помогло; ербо я овай чунѣ онако исто сѣ мѣста кренути нисамѣ могао, како годѣ и онай на прудѣ насукани отѣ наше лаће. Затимѣ измѣрїосамѣ отдалѣнїе и намыслїосамѣ Каналѣ или ендекѣ ископати, и овимѣ Каналомѣ воду до чуна довести, ербосамѣ видѣо да чунѣ никако довде донети немогу. Тосамѣ я башѣ и дѣйствително предузео. Али кадсамѣ я такожде, какосамѣ већь започео, предлогѣ учинїо, како дубоко и широко копати морамѣ, и како ископану землю износити имамѣ, тосамѣ видѣо, да э то едно дѣло, кое самоћне две руке (ербо я више нисамѣ имао) пређе 10 или 12 година у состоянїе довести немогу, ербо э брегѣ тако высокѣ было, да я на горнѣму краю найманѣ

манѣ 20 стопа дубокобы копати морао. Тосамъ дакле я напослѣдокъ, коликоми э годъ ово све горко пало, ово предвзятіе оставити морао.

Овоме доиста чакъ у души заболѣло то, исповѣдити морамъ, и садъ текарь видѣосамъ, башъ акое и касно, да э велика лудость дѣло започети преѣ него што прошкове прохесапимо, и пристойно разсмотримо, хоѣдули наше крѣпости досягнути моѣи таково произвести.

Усредъ посла овога окончалосе 4то лѣто мога бытія на овомъ мѣсту, и торжествоваосамъ воспоминанце съ онаковимъ благоговѣйнствомъ и удоволствіемъ, и свѣтліе него и кадъ преѣе; ербо пралѣжнимъ разсмотреніемъ, и добримъ употреблѣніемъ слова Божія и помоѣи милости нѣгове, добыосамъ я сасвимъ друго познанство о нѣму, нежели преѣе. Имаосамъ сасвимъ друга понятія о свима вещма, и разсмотраваосамъ цѣли свѣтъ као нѣко сасвимъ удалѣно существо, съ коимъ я ништа чинити, отъ кога я ништа очекивати, и доиста башъ ништа желити неимамъ. Съ еднимъ словомъ я съ нимъ никакова посла неимамъ, и башъ по свой прилики выше никадъ съ нимъ ништа ни

ни имати неѣу; негомисе онакавъ учиніо, као штосе онъ нами кадъ годъ у вѣчности представля; то есть аки едно мѣсто, у комесамъ кадъ годъ живіо, и изъ когасамъ изишао; и башъ могаосамъ аки отацъ Авраамъ богатому сказати: Меѣу мномъ и тобомъ великасе пропасть утвердила!

Перво ясамъ отъ све раскошности свѣта овде удалѣнъ. Овде неимамъ никаковогъ плотногъ пожеланія, никаковогъ очевногъ раздраженія нити гордога живота. Овде неимамъ ништа, што бы мене раздражити могло, ербосамъ я имао свега, штосамъ уживати способанъ быо. Ясамъ быо Господинъ надъ цѣлимъ добромъ, и могаосамъ себе, акосамъ само хотѣо, Кралѣмъ или Царемъ цѣлога предѣла називати, когасамъ у руку имао. Овде ніе было никаковога соучастника, никога, ткобы мою неограничну власть воспятствовати могао. Имаосамъ толико жита, дабысамъ съ нимъ читаве лаѣе натоварити могао, но я нѣга толико нисамъ требовао, и послѣ нисамга ни сѣяо выше, него оноликo, колико э нужда моя изискивала. Имаосамъ дунѣерскогъ дрвета доволно, да бы слободно читаве Галіе (*Флотту*:) начинити могао, и толико много Грожђа, да

бы

бы изъ нѣга толико вїна отточити и суварка начинити, чимбы ову цѣлу *Флотту* натоварити могао.

Али я далѣ нинашто нисамъ нипазїо, него на оно штосамъ употребити могао. Имаосамъ доволно ясти, и друго што э нужда моя изискавала, штосамъ имао я дакле о свему другому питати; Есамли убїо више дивячи него штосамъ изести могао, то э морао пасъ али друга живинчадъ изѣсти; Есамли посѣяо више жита, него штосамъ требовао, то э морало све пропасти. Древета, коясамъ свалїо, морадоше на земли лежаща иструнути, я ихъ далѣ нинашто употребити немого нежели на ватру, а и ватру редкосамъ къ чему требовао, кромѣ кадсамъ штогодъ сготовити хотео.

Съ еднимъ словомъ естество и искуство послѣ зрѣлога разсужденїя научило э мене, да све што э годъ на свѣту добро, за насъ нїе дуже добро, него колико употреблѣнїе отъ нѣга учинити можемо, и да кадъ мы толико много за друге правимо, мы отъ свега тога толико уживати можемо, колико требуемо, а не више. Найжеднїи и найнеситїи лакомацъ мораобы отъ свога порока исцѣленъ быти,

кадъ

кадъ бы онъ могао на мѣсто мене быти, ербосамъ я имао много више, него штосамъ знао, штоћу съ тимъ започети. Желѣ и жажде неимадоше мѣста кодъ мене, окромъ за вещма, коихъ нисамъ имао, а и то више све саме багателе, башъ ако бы мы и верло потребне быти могле. Имаосамъ, као штосамъ горе казао, новаца у злату, и у сребру до 36: фунти Штерлїиговъ у цѣни: али ту лежаше та мерска ни къ чему потребна вещь! я ни найманѣ съ тимъ ништа започети знао нисамъ, и помисліосамъ често самъ у себи: Како бы я съ драге волѣ само за едну лулу или едну малу ручну воленицу, у коїой бы мое жито млети могао, пуну шаку овога презрѣнога метала дао! Ябысамъ быо савъ овай цѣли гадъ за 6. прегрштти беле или жуте репе сѣмена изъ Англїе, или само за едну шаку боба, или грашка, или едну флашу мастила дао! И оно э какогодъ, што э и было стаяло, я отъ тога никакове ползе имао нисамъ, него онису лежали у едномъ сандуку, гдису отъ паре и мокроће подрума у кишно време сви поплеснивили. И кадъ бы пуне сандуке самога дїаманта имао, пако бы исто и съ нимъ быти морало, за ме-

не

не доиста небысу ни найманѣ цѣне или чести имали, ербо ихъ я ни кь чему потребовати нисамь знао.

Садсамь већь до тога довео, да э мени мой животь много сноснїи нежели прѣе быо, и много спокойнїи како за душу, тако и за тѣло мое. Често сѣдаосамь за трапезу мою съ благодареніемь, и чудіосамсе о десницы провидѣнія Божія, коя э мени оваковимь ничиномь трапезу у пустыни уготовала. Ясамь научіо станѣ мое свагда выше отъ нѣгове свѣтле и мрачне стране моприти, и выше разсуждавати шта имамь, и шта неимамь, кое я и многократно таково э услажденіе проузроковало, кога у состоянію нисамь исказати, и кое тога ради овде опоминѣмь, да бы онимь свагда неудоволнимь людма опомену учиніо кои никадь удоволно уживати немогу што имь Богъ дае; ербо они свагда штогодь тражу, закгеваю што онь нима дао нїе. Чинимисе, да сва ова неудоволствія о ономь, што намь недостае, изъ самога недостатка благодарити за оно, што имамо, происходи.

Іошть нѣко друго разсмотреніе быдоми э отъ верло велике ползе, кое бы доиста и за свакога другога было, кои бы

бы у овакову нужду пао, као я, и то э было мое садашнѣ станѣ съ тимь сравнити, као штосамь и мыслїо, даѣе то и быти, и како э оно доиста сасвимь быти морало, кадь э благо провидѣніе Божїе чудеснимь начиномь тако уредило, да э лаѣа морала близу брега бачена быти; и то не само дасамь я кь нїойзи доѣи могао, него іоштъ и све, што э годь за помоѣь и угожденіе мое было, добїо и на суво изнести могао. Ербо безъ тога небысамь никаковога халата кь дѣлу, оружїя кь защищенію, и праха и олова за храну себи снискати, имати могао.

Ясамь съ тимь многе часе, и башь да кажемь, цѣле дневе провео и коесамь я себи съ живописномь боїомь представљао; што бысамь чинити имао, кадь изь лаѣе ништа изнесао небы; него само нѣчто рибе и корняча имапибы могао; и да бы я, ербо э дуго времена прошло, доклесамь и то нашао, скапати морао; да бы я, ако башь не бы нипогинуо, сасвимь као дивякь живити морао; да кадбы я кадгодь у замку козу, или птицу у мою власть добїо, ништа имао нисамь, чимбы заклао, расправїо, црева извадіо и разсѣки могао,

него

него башъ онако као и другїи диви звѣръ зуби глодати, и нокти тергати морао.

Ове мысли учинилесуми благость провидѣнїя Божїя зѣло чувствителну, и испунилесу мене съ благодарности о моемъ садашнѣмъ станю несматраюћи на све теготе, и неспокойства нѣгова, и зато ништа немогу, да то онимъ препоручуемъ, кои абїе кодъ найманѣга нападенїя готови есу извикати: Имали гдигодъ овакове несреће, као што э моя? кадбы овакови само помыслили, у каковомъ їошть горемъ станю многи люди стою; и у каковомъ горемъ станю моглибысусе башъ и они сами наћи, кадбы провидѣнїе произволѣло ны у таково поставити.

Їошть э нѣко друго разсмотренїе придало доволно къ тому сердце мое съ надеждомъ утѣшити, то есть! сравненїе мога садашнѣга станя съ онымъ, когасамъ заслужїо, и слѣдователно отъ деснице провидѣнїя очекивати узрокъ имао есамъ. Ясамъ гнусни животъ безъ сваке вѣре, и страха Божїя проводїо. Истина дасамъ отъ родителя мои сасвимъ добро наставлѣнїе уживао, и они труда нынога нимало штедили нису їошть у раной младости моей, сердцу моему смирено высокопочитанїе къ

къ Богу, и чувство мое должности, и свега оногъ, што э самое естество и опредѣленїе мога бытїя отъ мене изискавало, на поити: Али ахъ! Ясамъ верло рано у руке морскога живота дошао, гдисе Бога найманѣ-бою, ако ныма башъ страхъ Божи свагда и предъ очима стои; Кадсамъ я већь тако рано у морски животъ и лаћаровъ содружество пао, говоримъ, то э было и оно мало чувства о закону, коесамъ їошть кодъ мене имао, скоро отъ моихъ содружниковъ изсмѣяно, и съ запуштенимъ презрѣнїемъ погибели, коесусе кодъ мене већь уобычаиле, и долгимъ удаленїемъ отъ содружества, кое э болѣ, него я самъ было, или гдибы я што годъ добро чути м◦гао, са свимъ удавлѣно тако празанъ отъ свега, што э добро было, или отъ найманѣга чувства, штосамъ я предъ тимъ быо, или бы быти морао, кодъ найвећи искушенїяхъ Божїе помоћи, као н: п: штосамъ я благощастно изъ Салее изъ робства побѣгао, какосамъ отъ Португискогъ морепловца добро прїимлѣнъ быо, какосу мое ныве и садови у Бразїлїи срећанъ и добаръ успѣхъ имале, кадсамъ товаръ съ хеспапомъ изъ Англїе добїо и: т: д: ниеамъ рекао башъ ни ову

рѣчь:

рѣчь: Боже помози! нисуми ни на умъ пале, а камоли у уста дошле: и у найкрайнѣй нужди нисамъ ни помыслїо Бога молити, или само реѣи: Боже смилуйсе на мене. Ни име Божїе нїе мени дошло никадъ у уста, кромѣ кадсамъ што годъ псовати или клети требовао.

Разсмотренїе оваковога суроваго и у порнаго живота возбудило э, како штосамъ казао, нѣколико мѣсяцы дуго ужасна неспокойства у сердцу моему, и кадсамъ я около себе погледао, и помыслїо, каково э сасвимъ особно провидѣнїе мене башъ їоштъ отъ мога дошествїя на ово мѣсто управляло, и какосе Богъ милостиво спроѣу мене показао, и не само што э манѣ мене наказао, него штосу грѣси мои заслужили, него їоштъ и преко тога богато сасвимъ обдарїо; ово ми э доиста дало верло велику надежду, да э Богъ покаянїе мое примїо, слѣдователно такожде милость свою и у напредакъ отъ мене узети неѣе.

Съ оваковими размышлѣнїями укрѣпїосамъ я духъ мой не само у совершенномъ оданству воли Божїей у садашнѣму положенїю моега станя, него їоштъ и у искренной благодарности за мое садашнѣ станѣ.

станѣ. И да я їоштъ кои данъ живимъ ништа тужитисе неимамъ, и грѣхови мои їоштъ нису онако наказани, као штосу заслужили, при свему я толико добра уживамъ, кога на оваковомъ мѣсту никадъ выше очекивати небы могао, дасе о станю моему нимало непечалимъ, него много выше радуемъ, и Богу повседневно благодарити морамъ за насущни хлѣбъ мой, кога нисамъ другаячїе него слѣдствомъ особнога чуда добыти могао. Ябы помыслити морао, дасамъ башъ онаковимъ великимъ чудомъ храну мою овде, као Илїа нѣкогда што э свою чрезъ вранове добыо, и да бы я едва на каковой пустой части свѣта мѣсто помыслити могао, на коебы я къ веѣой ползи моей икадъ баченъ быти могао; мѣсто говоримъ, на коему я къ моему великому сожалѣнїю отнюдъ никакова содружества человѣческа, али опетъ и никакови яростни звѣрова курякова, и тїгри, коибы животу моме претили, нашао нисамъ, никакови отровни змїя или садовъ, отъ коихъ бысамъ я на мою погибель штогодъ ясти могао, и никакови дивяка, коибысуме убили и изѣли.

Кратко животъ мой быо э съ едне стране полнъ печали, али опетъ съ друге полнъ милости, и ништа достало ніе мене сасвимъ удоволна учинити, него дабы я чувство мое о милости Божіей и попеченію спрочу себе, коя э самномъ у овому станю управляла, за мое свагдашнє ушъшеніе учиніо; и послъ кадсамъ я себе у шоме свагда выше и выше упражнявао, то я дакле напослъдокъ нимало выше печаланъ быо нисамъ.

Садсамъ вечь овде толико дуго быо, дасусе све вещи, коесамъ изъ Лаче за мою потребу донео быо, вечсу или потрошене, или покварене быле.

Мое мастило, како шпосамъ казао, было э вечь одавно, до нъчшо малко потрошено, коесамъ послъ съ водомъ толико дуго мешао, докле оно напослъдокъ ніе тако бледо было, дасе вечь на папіру выше видъти неможе. Докле э годъ оно траяло, послужаваосамсе съ ныме сваки данъ месеца записаши, у коме э мене шпогодъ примъчанія достойно предсрело, и іошпсе опоминъмъ, какосу особни дневи совокупно снишли, у коимасамъ я многа и разна посланія Божія искусіо тако, да я, кадбысамъ доста суевъранъ быо, нъке извъстне дневе за срећне

или

или несрећне держати узрока доволно имати бы могао, ово чудесно разсмотравати.

Перво назначіосамъ дасамъ онай исти данъ, у комесамъ отъ родителя и пріятеля мои побъгао у *Уллъ*, и опитуду на море отишао, отъ Салейскаго пустаіе уфаћенъ и робомъ учинћнъ быо.

У онай исти данъ кадсамъ у пристанущу отъ *Іармота* изъ разлупане лаће умакао, избъгаосамъ такожде на чамцу изъ робства изъ *Салее*.

У онай исти данъ кадсамсе родіо, то есть 20го Септемврїа, быо э такожде 26. година животъ мой тако чудеснимъ начиномъ сохранћнъ, кадсамъ на брегъ овогъ Острова баченъ быо тако, да мой раскошни и после самоћни животъ у еданъ данъ започеосе.

Шта э после мастила мога нестало, хлъбъ, то есть: симите, коесамъ изъ лаће изнео. Съ овимсамъ крайнє шкомрачіо, ербосе я нисамъ усудіо никадъ выше на данъ него по едну симиту упрошити, и то тако траяше цълу годину, пакъ и преко тога скоро едно читаво лъто быосамъ безъ хлъба, преће него шпосамъ жита добіо, и велику причину имамъ Богу благодарити, шпосамга добіо, ербосамъ я, како шпосамъ вечь

казао,

казао, нѣкимъ чудодѣйствомъ къ тому до-
шао.

Мое халине почелесу такожде спадати. Кошуля већь одавно нисамъ имао выше, кромѣ нѣкои шарени, коесамъ у матроски сандуцы нашао, и коесамъ врло опасно чувао, ербо много крати отъ врућине другу никакову халину на тѣлу трпити нисамъ могао, него саму кошулю; и то э за мене башъ добро было, дасамъ я међу матроски халина на лаћи до три туцета кошуля нашао. Ту бяху іоштъ нѣкои дебели матроски кабати, кои обаче носити врло тешки и врући бяху. Истина да э врућина вообще тако жестока была, да овде и халина никакови отъ потребе ніе было, али я нагъ никоимъ начиномъ ходити нисамъ хотео, башъ акобысамъ къ тому и склонѣнъ быо, како штонисамъ быо, но преко свега я ни помысла о томъ терпѣти нисамъ могао, башъ акосамъ я овде самоћанъ, како пустиникъ и быо.

Перва отъ причинъ, зашто я сасвимъ нагъ нисамъ ходити могао, была э, да я жегу солнечну не онако сасвимъ нагъ, како съ каковомъ халиномъ покривенъ сиситисамъ могао. Ербо э излишна врућина мени често сву кожу на тѣлу ушклопчила, а кадсамъ кошулю имао на себи, то воздухъ сами учи-

учиніо э движеніе, и быломи э међу тимъ, докъ э онъ подъ кошуліомъ проходіо, іоштъ еданъ кратъ толико хладно, него што э безъ кошулѣ было, тако исто немогосе я склонити подъ солнечномъ жегомъ безъ шешира или капе исходити, ербоми э врућина несносну главоболю проузроковала, коя э обаче абіе престала, какосамъ я шеширъ на главу метнуо.

Изъ ови узрока быосамъ на то склонѣнъ оно мало крпа и хандри, коесамъ іоштъ имао, и коесамъ халинама называо, у порядокъ привести. Перслуцы съ рукави, коесамъ имао, бяху већь сви вети и изношени, искушаосамъ еданъ кратъ нећули моћи изъ они велики матроски кабата кою кабаницу скрпити. Предузеосамъ дакле ово кроеніе, или много выше крпню, и изъ тога нѣки жалостни посао изыће. Но ясамъ съ двѣма, трима кабаницама овогъ крпежа учиніо пробу, коићедуми, како штосамъ мыслію и надаосе, доста дуго траяти моћи, штосе чакшира дошицало, съ тимъ э іоштъ гори крпежъ нежели послѣ быо.

Ясамъ већь казао, дасамъ све коже четвероноги звѣрова, коесамъ годъ убіо, оставляо. Ясамъ све такове на шачке разапиняо и на солнце вешао, чрезъ коесу нѣке тако

суве

суве и тврде быле, да ихъ я ни нашто употребити нисамъ знао; а друге былесу врло добре на што годъ употребити. Перво штосамъ я отъ тогъ начинїо, была э една капа на главу, длака на полѣ извраћена дабы киша сѣ нѣ спадати могла Овоми э тако добро на руку пошло, дасамъ я послѣ башъ отъ сами ови кожа читаве халине начинїо; то есть перслукъ и чакшире, коесу кодъ колѣна отворене быле и обадвое алватно, ербо э то мене выше разлаћивати нежели топлити морало. Истину сказати морамъ, да э то све врло бѣдни и чемерни крпежъ быо; ербо какосамъ годъ я хрћавъ дунѣеринъ, такосамъ исто їошть и гори кроячъ быо. Каковъ э крпежъ то быо да быо, онъ э мени опетъ врло добру службу чинїо, кадсамъ на полю быо и киша э изненада падала, остаосамъ я свагда, ербо э длака отъ перслука и капе на полѣ извраћена была, сасвимъ сувъ.

Послѣ овога употребїосамъ нѣкое време труда на то, дабы себи щитъ или солнечну обрану начинїо. Ербоми э то доиста отъ врло велике потребе было, и имаосамъ већь одавно велику волю себи такову начинити. Ясамъ такови у *Бразїлїи* доста видїо, гдису оне ради солнечне жеге врло

врло потребне; и я овде чувствоваосамъ онакову велику жегу, и башъ їошть већу, ербосамъ я ближе солнца лїнїе быо. И дасамъ я и кромѣ тога выше на полю, нежели у кући быти морао, то э дакле мени врло полезна вещь была, како отъ кише тако и солнца. То э мене врло много труда стаяло, и сѣ тимсамсе доста дуго бавїо, доксамъ штогодъ башъ као полакъ крпежа добїо, кадсамъ мыслїо, дасамъ већь погодїо, покварїосамъ две три, докле э една произишла, сѣ коимсамъ доволянъ быо. Напослѣдокъ произишлами э една доста добра. Найвећа тегота была э щитъ начинити, дасе спущати може. Распрострети нѣга то э лако было начинити, али кадга спустити и савити нисамъ могао, тога дакле небы никадъ другоячїе могао него свагда надъ главомъ носити, а то быти нїе могло.

Но преко свега, као штосамъ казао, напослѣдокъ довеосамъ едну опетъ у состоянїе. Ясамъ растегао на ню кожу сѣ длакомъ на полѣ извраћеномъ, тако да э она кишу као стрея и равно жегу солнца врло добро задержавала; и дасамъ я сѣ нїоме много лакше и угодније у поплому времену, нежели предъ тимъ у хладному исходїо,

а кадъ ю требовао нисамъ, спустїосамъ ю и савїо, и подъ рукомъ носити могао.

Тако живїосамъ я сасвимъ удоволянъ; кадсе э душа моя оданїемъ воли Божїей совершено премирила, и я себе провидѣнїю аки истинной водителницы сасвимъ у руке предао. Ово э учинило, дасамъ я овако много болѣ живїо, нежели у содружеству други люди. Кадъ э мене кадкадъ желя за содружествомъ человѣческимъ напала, то вопрошаваосамъ я самъ себе: небыли ова забава съ моима мыслима, и како шпосамъ явно казати могао, съ творцемъ моимъ самимъ, съ воздиханїемъ и молитвомъ болѣ чинити было, нежели полно уживанѣ человѣческаго содружества у свѣту?

Послѣ овога сказати могу, да мене за цѣли *5 тъ* година ништа чрезвичайно предсрело ніе. Живїосамъ свагда онимъ начиномъ, и на оному истому мѣсту како и прѣже. Кромѣ мога годишнѣга дѣла пїрїнчъ и ечамъ сѣяти, и грожѣе сушити (отъ коихсамъ свагда толико оставїо, коликосамъ за едну годину требовао) окромъ овога мога годишнѣга дѣла говоримъ, и мога повседневнога съ пушкомъ исхода, было э мой главни посао себи чунъ начинити, когасамъ найпослѣ такожде и у состоянїе

довео.

довео. И копанѣмъ Канала *бтъ* стопа широко и *4ри* дубоко дошаосамъ такожде до полъ *Англїйске* мїлѣ далеко, до малога ухода доле, штосе первога дотицало, кои э тако отвыше великъ было, ербо я найпре, као штобы учинити валяло, нисамъ промотрїо какоћуга до воде донети, то мораосамга дакле, кадга вечь нити къ води до вучи, нити воду къ нѣму довести мого, онде оставити, гди э онъ и стаяо, аки бележку, дабы други кратъ паметнїи было. Као што э послѣ и было. Я нисамъ могао доиста выше никаково способно дрво къ тому добити, и такожде ради отдалѣнїя воду, као штосамъ казао, къ нѣму ближе довести, нежели полакъ *Англїйске* мїлѣ: а кадсамъ найпослѣ видѣо, дасе та ствaрь учинити може, то дакле нисамъ оставїо дѣло, акосамъ башъ и *2ва* читава лѣта око тогъ бавећисе провео, то и труда никаковога жалїо нисамъ, ербоми э свагда надежда предъ очима трептала чунъ добити, у коемусе на море упустити могу.

Садъ э было дакле мой мали чунъ готовъ, али величина нѣгова нїесе могла башъ отнюдъ съ намѣренїемъ моимъ сравнити, коесамъ при правлѣню первога имао, то есть съ нимъ онамо къ твердой земли усу-

дитисе

дитисе поћи, до коесамъ 40 *тъ* міля путовати имао. Али да э чунъ мой къ оваковому намѣренію врло маленъ быо, тосамъ дакле престао отъ тога сасвимъ, и далѣ о томъ ништа немыслїо. Но преко свега, кадсамъ я еданъ кратъ чунъ имао, то э дакле мое найближе намѣренїе было, свудъ унаоколо Аде у нѣму возатисе; ербо кадсамъ я већь еданъ кратъ съ друге стране Острова преко цѣлога предѣла путъ по преко учинїо, то пробудиласе откровенія, коясамъ на овому путешествїю учинїо, врло велику желю у мени такожде и друге части Острова видѣти; а къ тому далѣ ништа требовао нисамъ него еданъ чунъ, когасамъ већь имао, да цѣлу пустиню обићемъ.

Ко овому концу, и дабысамъ све врло мудро, и благоразсудно чинити могао, начинїосамъ на моему маломе чуну едну малу Катарку, и на ню платно (парусъ ядро) отъ нѣколико лаћарскога беза, когасамъ їоштъ доволно имао.

Послѣ какосамъ Катарку и платна начинїо и уредїо и съ чуномъ пробу учинїо, видѣосамъ, дасе врло добро пловити може. Затимъ начинїосамъ у моме чуну съ обадве стране клупе и сандучиће, дабы у

ныма

ныма храну, барутъ, и друге нуждне вещи како отъ кише тако и отъ прсканя морскога суве сохранїо; а изъ нутра у чуну ископаосамъ еданъ узакъ али подугачакъ Олукъ, гдисамъ пушку мою метнути могао, такожде начинїосамъ и заклопацъ отозго, дабы ню свагда суву сохранити могао.

На стражнѣй части чуна усадїосамъ мою солнечну обрану равну каковомъ маломъ парусу баш надъ главомъ моїомъ, дабы она аки солнца кровъ жегу солнечну отъ мене удержавати могла: и такосамъ свагда отъ времена до времена едно мало путешествїе по морю учинїо. Алисе никада нисамъ далеко на море упустїо, нити далеко отъ байра брега. Напослѣдокъ нисамъ могао я жели цѣли кругъ мога малога Кралѣвства видѣти дуже противо стати, и заключїосамъ дакле велико путешествїе свудъ унаоколо учинити. На тай конацъ уредїосамъ я Лаћу мою обилно съ двѣма тестети сомунова отъ мога ечменога хлѣба (да рекнемъ пита ербосу тако танки были) еданъ земляни лонацъ пунъ пилава, ело отъ когасамъ я доста доволно и много грувао, полакъ козе, барутъ, и олово, таковихъ выше убити, и два она велика кабата, коесамъ у Матроски сандуцы нашао.

Отъ

Отъ овихъ узеосамъ еданъ на нѣму лежати, а съ другимъ ноћусе покривати.

То э быо 6 Ноемврїа у шестомъ лѣту мога царствованїя — или робства, може читаитель узети какому драго, кадсамъ ово путешествїе предузео, и оно э траяло много выше него штосамъ я мыслїо. Ербо ако баш Островъ у самъ себи верло великъ и ніе быо, тосамъ я опетъ, кадсамъ отъ восточне стране дошао, велики отегъ камените Седре, коя э до две мілѣ далеко у море лежала нашао, нѣкое надъ водомъ нѣкое у води, и іошт къ тому еданъ прудъ, кои э едно полъ мілѣ сувъ быо шако, дасамъ я далеко у море завестисе морао, дабы верхъ ове протеге обићи могао.

Кадсамъ ю первый кратъ усмотрїо, быосамъ већь у намѣренїю мой путъ прекратити, и опетъ натрагъ вратитисе, што знати нисамъ могао, коликоће далеко то обилазенѣ мене принудити у море заћи, а преко свега што нисамъ знао, какоћусе натрагъ вратити. Спустїосамъ дакле мачку, ербосамъ имао штогодъ таково, штосамъ отъ разбїени лаћарски чакли скрпїо, коесамъ на лаћи нашао.

Кадсамъ већь чунъ добро утврдїо, узеосамъ мою пушку, и изишаосамъ на брегъ, гдисам-

гдисамсе на едно брдашце попео, отъ кудсамъ верхъ шай видѣти моћи мыслїо, когасамъ отъ овудъ и видѣо, коликое великъ онъ быо, и заключїосамъ усудитисе далѣ поћи.

Гледаюћи я съ овогъ брдашца на море, усмотрїосамъ едну живу, и доиста опъ выше брзу рѣку, коя э къ востоку са свимъ близу онога верха текла. Ясамъ іошт на то већи позоръ имао, ербосамъ видѣо, дабы я чрезъ то врло лако погибели подложанъ быти могао; ербо ако я дођемъ у ову рѣку, то могу я лако силномъ хитрости нѣномъ далеко у море баченъ быти, и после выше у состоянїю не быти Островъ досягнути моћи. И доиста дасе нисамъ преће на оно брдашце попео быо, тобы башъ тако быти морало, ербо ова иста рѣка была э такожде и съ друге стране Острова, само нѣчто мало далѣ отъ брега. Видѣосамъ такожде, да э една велика супротъ текуща рѣка подъ брегомъ была, тако дасамсе я само у перву рѣку увести смео, другоячїебы абїе у противо текущу рѣку доћи могао.

Овде остаосамъ три дана стоећи, ербо вѣтаръ (восточно южнѣ-восточно) дыхаше доста остро, и управїосе, да э онъ реченой рѣки управо на противъ быо, и да э море врло страшно и жестоко о врхъ разбїялосе

бїялосе. Изъ ове причине небы дакле совѣтно за мене было, близу брега држатисе, и ради рѣке нисамсе смѣо оттудъ далеко удалити.

Третїи данъ у ютру кадсе већь вѣтръ преко ноћь утолїо быо, море опетъ тихо, и ясе усуди далѣ поћи. Али доиста могу я овде свимъ жестокимъ и неразсуднимъ золямъ за увѣщаніе служити, ербо едва штосамъ я до онога верха дошао, и едва за едну дужину чуна отъ брега, кадсамъ я себе на еданъ кратъ у великой дублини воде, у едной рѣки видѣо, башъ како даска отъ точка воденичногъ. Ова э тргнула мой чунъ съ таковомъ хитрости, да све штосамъ я чинити могао, нїе было у состоянїю нѣга кодъ края рѣке удержати, него э она мене све далѣ и далѣ изъ напротивъ текуще рѣке, коями э съ леве руке лежала, отерала. Никакови вѣтръ не кренусе, коибыми помоћи могао, и све штосамъ я весломъ чинити могао, было э све суетни трудъ. Садъ већь држаосамъ себе за изгублѣна, ербо да э рѣка съ обадве стране Острова была, то знаосамъ я, да она после отдалѣнїя нѣколико мїля опетъ за едно или скупа доћи мора, и равно никакове могућности видѣо нисамъ какосе отъ тога уклонити имамъ. Видѣо нисамъ

нисамъ дакле предъ собомъ ништа друго нежели башъ извѣстну пропасть, не ради моря, ербо э оно доста тихо было, но глада ради.

Истина дасамъ едну корнячу тако велику на брегу нашао, као штосамъ ю дигнути могао, и нюсамъ у чунъ донео; имаосамъ такожде велики бокалъ (еданъ отъ мои земляни лонаца:) пунъ фришке воде; али штоми э све то помоћи могло, ако я на неизмерими *Охеанъ* отеранъ будемъ, гдисамъ я башъ извѣстанъ быо найманѣ 1000 мїля отъ брега далеко быти, гди нити острова нити какове постояне землѣ наћи будемъ.

И садъ башъ ямачно видѣосамъ, како э лако провидѣнїю Божїю было изъ бѣдногъ станя каковога человѣка їоштъ неволнїе учинити. Садъ погледаосамъ за моїомъ пустинїомъ, изоставлѣнимъ островомъ као за найкраснїимъ мѣстомъ у свѣту натрагъ, и све мое благополучїе, кое э икадъ сердце мое желити могло, было э то, опетъ онде быти моћи. Съ тепломъ желїомъ простпреосамъ руке мое за нимъ: о благощастна пустыньо, повыкаосамъ изъ гласа, хоћулите кадгодъ выше видѣти? о я неволно созданїе кудаћу доспѣти! — Садъ

баџїо

бацїосамъ самъ себи неблагодарна своя самоумїя на очи, и дасамъ тако често-кратно на самоћно станѣ роптао; и што бысамъ зато дао, кадбсыамъ опетъ на оному брегу быти могао? то мы дакле никада истина качества нашега стања невидимо, докле годъ оно насъ о противочастїю неувѣри и никадъ оно, што уживамо, присгойно цѣнити незнамо, доклега годъ неизгубимо. Смущеніе, у коемусамъ быо, едвасе представити може, кадсамъ я себе отъ возлюблѣне пустынѣ мое, ербомысе тако чинило (скоро већь 2 мїлѣ у пространо море, безъ наймањѣ надежде ни икадъ выше достигнути прогутана видѣо ясамсе међу тимъ трудїо, коликосамъ годъ могао, и докле годъ крѣпости мое сасвимъ почерпане небыше, и держаосамъ чунъ мой врло сѣверу, то есть спроћу стране рѣке гди э она напротивъ текуща рѣка долазила, колико э годъ могуће было.

Напослѣдокъ около полдне, кадъ э солнце лїнїю прешло, учинимисе, да я нѣки мали вѣтрићь морски на лицу осети, кои э изъ юже юже-востока дошао. Овоме э опетъ малко охрабрило особито, кадъ послѣ едно полъ сата сасвимъ угодни, и мирни вѣтрићь дыхати почео башъ у ово

време быосамъ я већь у страшно отдаленїе отъ Острова доперанъ, и кадбы наймани облакъ или тавно време међу тимъ дошло было, тобы я доиста сугубо изгублѣнъ быо, ербо я ни еднога Компаса собомъ узео нисамъ, и небысамъ, кадбысамъ већь еданъ кратъ Островъ изъ очїю избїо быо, никадъ знати могао, какоћусе къ нѣму опетъ управити моћи. Али кадъ време чисто изостаде, то исправїосамъ я опетъ Катарку мою, и растегнуо парусъ полно на таковой, и держаосамъ всегда, колико э годъ могуће было, сѣверо-страно, дабысамъ изъ рѣке изићи могао.

Башъ кадсамъ я Катарку и платна моя уредїо, усмотрїосамъ бистроћомъ воде, да гдигодъ скоро каково премѣненїе рѣке близу быти мора; ербо гди э рѣка нагло текла, была э вода мутна. Али кадсамъ видѣо, да э вода бистрїя была, тосамъ знао, да рѣка опада; и смотрїосамъ да море едно полъ мїлѣ далеко къ востоку о нѣке Седре бїе. Ове камените Клїсе, као штосамъ я нашао, учинилесу, дасе рѣка опетъ на ныма раздѣлявала, и будући да э главна матица оттудъ выше южнѣ ишла, и Клїсу сѣверо-восточно стоећу оставляла, то э друга противности ради пећине натрагъ

узбїяла,

узбїяла, и учинила врло велику спроћурћку, коя э сЪ великомЪ силомЪ опетЪ сЪверо-западнћ натрагЪ текла.

Тко овде знаде, што э то већь башЪ на вћшалной Лћствицы стоящЪ изЪ ненада милость добити, или отЪ разбойника, башЪ кадсуга убити хотћли, освобождену быти, илисе у каковой другой таковой крайнћй и смертнћй погибели находїо, само такови може себи отЪ прилике предлогЪ о величини мое садашнћ радости, и какосамЪ радостно я чунЪ мой, у уходЪ противотекуще рћке управїо; и вћтарЪ їоштЪ кЪ тому свагда фришакЪ и угоданЪ био, и сЪ каковимсамЪ увеселенїемЪ я платно мое по нћму распегнуо, и тако полнЪ храбре радости предЪ вћтромЪ и сЪ нагло текущимЪ припливомЪ пловїо.

Ова противотекуща рћка донела э мене на едну нћмецку мїлю далеко на мой возвратителни путЪ управо спроћу Острова, али выше него 2 *ве* мїлћ далћ кЪ сћверу, него што э сама рћка была, коя э мене похитила была; и я дакле, кадсамсе кЪ Острову приближїо, нашаосамЪ, дасамЪ на сћверной страни отЪ нћ, то есть кЪ страни управо на противЪ био, изЪ коесамЪ найпре изишао.

Послћ

Послћ какосамЪ я сЪ помощїю ове противотекуще рћке выше нежели едну мїлю пута учинїо, примћтїосамЪ да э она изчезнула и мени выше далћ нїе служила, такожде нашаосамЪ, да мећу онима двћма великима рћкама (то есть: на южной страни, коя э мене похитила и ономЪ кЪ сћверу, коя э преко 2 мїлћ на другой страни была) вода у западнћй страни острова сасвимЪ тиха была, и никакова вћтра нїе имала, и дасамЪ я свагда помало вћтра предЪ собомЪ имао, то дакле держаосамсе и управляо свагда ко острову ако башЪ чунЪ онако брзо и нїе пловїо, како преће.

Около 4 сата предЪ вече, кадсамЪ я отЪ прилике їоштЪ едну мїлю отЪ острова удалћнЪ био, видћосамЪ да верхЪ пећине (клисе) коя э мене, ербосе она, како штосамЪ казао, кЪ югу простирала, и рћку їоштЪ выше южнћ терала, тако далеко отЪ острова удалила, їоштЪ едну другу противотекущу рћку подЪ сћверомЪ чинила. Ова э была врло брза и яка, али не идяше онимЪ путемЪ управо, кудЪ э мое теченїе было, кое э отЪ части кЪ западу, а боля частЬ кЪ сћверу была. И будући дасамЪ я међу тимЪ фришакЪ вћтарЪ имао, управїосамЪ и повезаосамЪ упреко ове противотекуще рћ-

ке сѣверно-западнѣ, и до полъ сата нисамъ было далѣ, него само едно полъ мїлѣ отъ брега удалѣнъ, гдисамъ я съ тихимъ моремъ скоро са свимъ на суво изышао.

Какосамъ на брегъ ногомъ стао, паосамъ на колѣна доле, и съ твердимъ обѣщаніемъ Богу за спасеніе мое благодарїо, да нећу никадъ выше на то помыслити, дабы себе на моме чуну изъ тавнице мога Острова освободити хотѣо. Мало за тимъ, доксамсе съ храномъ, коюсамъ имао, подкрѣпїо, увукаосамъ чунъ мой далеко на брегъ едне мале зачколыне, коюсамъ подъ нѣкима дрвећи нашао, и легаосамъ, ербосамъ отъ дѣла и путнаго труда сасвимъ малаксао было, спавати.

Алисамъ садъ опетъ у великой брици было, како съ чуномъ моимъ опетъ кући доћи имамъ. На онай путъ, коимсамсе извезао, опетъ натрагъ вратитисе, на онай нисамъ могао по погибели коюсамъ претрпїо и коюсамъ я бѣдный добро знао, отнюдъ ни мыслити, а какобы на другой, то есть на западнѣй страни было, то знао нисамъ, а іошть къ тому волѣ немадо себе новимъ погибелемъ подлагати. Намыслїосамъ дакле сутра данъ подъ южну страну покрай брега проћи и разгледати, нећули гдигодъ едну

едну зачколыну или заходъ наћи, гдибысамъ фрегату мою (чунъ) у свободу донео, и кадбы э требовао опетъ лако при руцы имати могао. Ходећи я дакле до *3ри* мїлѣ тако по брегу, дошаосамъ дакле найпосле до едногъ лепогъ ухода или баира, кога наустїе едно полъ мїлѣ широко быти э могло, кое э обаче свагда уже башъ до едного малога поточића было, гдисамъ я еданъ врло лепъ конакъ за мой чунъ нашао, и гди э онъ тако исто безбѣдно како башъ у за то начинѣному лаћарскому убѣгу лежао. Овдесамсе увезао, и кадсамъ чунъ добро свезао и утвердїо, отишаосамъ на брегъ, дабысамъ видїо, гдисе находимъ.

Видѣосамъ дакле, да я отъ онога мѣста, нисамъ далеко, гдисамъ преће было, кадсамъ пешке на брегъ овай путовао. Предузеосамъ дакле путь мой, и нисамъ ништа изъ лаће кромѣ пушку и щитъ мой собомъ узео, ербое чрезвичайно топло было. Послѣ оваковога пута, когасамъ я учинїо, ходїосамъ іошть доста добро, и къ вечери найпослѣ опетъ дошао къ моей старой сѣницы, гдисамъ я іошть све онако нашао, какосамъ и оставїо; ербосамъ я ту све свагда у доброму порядку содержавао, зашто э она, као шпосамъ

казао,

казао, кѣ моему лѣтному мѣсту ради увеселенія опредѣлена была.

Овде прешаосамъ преко плота, легаосамъ у ладакъ, дабы оппочивао (зашто-самъ крайнѣ утрудженъ быо:) и скоро за тимъ заспао, али сваки кои повѣсть ову чита, нека себы страхъ и ужасъ представи, ако може, кадсамъ я на еданъ кратъ отъ сна мога нѣкимъ гласомъ пробужденъ быо, кои э мене много крати по имени викнуо: *Робїнъ, Робїнъ, Робїнъ Круссе! ты сирото Робїнъ Круссе, гдиси ты? гдиси ты быо?*

Крайнѣ утрудженъ возніомъ и веслањемъ перву половицу дана, и отъ хода другу, я у тако дубокъ санъ погруженъ, дасе я отъ нѣга сасвимъ нисамъ пробудіо, него мислю међу сномъ и будньомъ у самъ себи, я снивамъ, да ткогодъ самномъ говори. Кадъ гласъ непреривно викаше: *Робїнъ Круссе! Робїнъ Круссе!* и повторително, то найпослѣ пробудїосамсе сасвимъ отъ сна и скочїо смертнимъ ужасомъ обятъ отъ мога ложа горе. Али едва штосамъ я очи мое отворїо, усмотрїосамъ я мога Почла горе на плоту сѣдяща, и познадега абїе, и да э то онай человѣкъ, кои э самномъ оворїо; ербосамъ я башъ овимъ тужителнимъ

телнимъ говоромъ обыкновено съ ныме говорїо и обучаваога. И онъ э то тако совершено научїо, да э онъ на мое прсе сѣо, и клюномъ нѣговымъ око образа мога умыляваосе, и све непреривно *Робїнъ!* сирото *Робїнъ Круссе!* гдиси ты? гдиси ты быо? отъ кудси дошао! и тако далѣ, што э отъ мене научїо, преклапао.

Несматраюћи нато акосамъ я башъ и абїе знао, да э то папагай быо, и доиста нитко други и быти нїе могао, то опетъ прошло э доста дуго часа, доксамъ я опетъ право къ себи дошао. Зашто я перво знати нисамъ могао, како э та птица овамо дошла, и како башъ на ово а не на друго кое мѣсто. А кадсамъ већь еданъ кратъ башъ увѣренъ быо, да то нитко другїи нежели мой любезный попль быти неможе, тосамсе я дакле абїе примирїо. Ясамъ нѣму пружїо руку, и зовнуосамга именемъ полу! онда э скочило и дошло то дружебно созданїе, сѣло на мой палацъ и спрдало їоштъ свагда: Сирото *Робїнъ Круссе!* а какоси ты овамо дошао? и гдиси ты быо? башъ тако, као дабы онъ отъ радости што э мене видїо, сасвимъ раздраженъ, и размаженъ

быо.

было. И такосамъ я нѣга опетъ собомъ кући узео.

Овако дуго време по морю блудећи имаосамъ дакле и многе дневе мирно сѣдити, и о погибели, у коїойсамъ было, разсуждавати. Истина дабы мы верло драго было, кадбысамъ чунъ мой на овой страни, гди живимъ, имати могао, али нисамъ знао какоћу то учинити. На восточной страни острова, коюсамъ я обилазїо, знаосамъ какое, и да могуће ніе, ербо кадсамъ я само на то помыслїо, то трепеташе сердце у мени и кровь сва у жилахъ стаде; а како э съ друге стране Острова было, то знао нисамъ. Незнадо н: п: да рѣка съ онаковомъ истомъ хитрости къ восточному брегу течаше, како годъ што э и на другой страни поредъ нѣга ишла; тосамъ я еднакой погибели подложанъ было рѣкомъ доле отеранъ быти, као штосамъ преће отъ острова отеранъ было. Съ таковима мислима примирїосамсе я и безъ чуна быти, ако э онъ мене башъ и толико мѣсяцы и времена стаяо, доксамъ нѣга начинїо и іоштъ толико, доксамга на воду донео.

У овой душевной мысли пребываосамъ я скоро едну годину дуго, и живїосамъ тако

тако тихо и самоћно за себе; и будући да э душа моя въ смотренїи мога стаия, и отданїемъ воли Божїей укрѣплѣна и у тѣшена была, тосамсе дакле содержавао и я у свима вещма, кромѣ што нисамъ имао человѣческаго содружества, сасвимъ срећанъ и благополучанъ.

Међу тимъ предуспѣваосамъ я у свима Механическима художестви и занати, кое э мене нужда радити научила, свагда болѣ; и доиста мыслїосамъ, дабысамъ у каковомъ нуждномъ случаю доста добаръ дунћеринъ быти могао, особито кадъ помыслимъ, какосамъ я мало халата имао.

Преко тога довеосамъ я у неожидаемо совершенство мое лончарство, и пошломи э доста добро съ еднимъ кружнимъ стаклетомъ, съ коимъ э мени све болѣ и лакше чинити было, садсамъ већь могао вещь какову округлу начити, и ніойзи порядочни видъ дати, ербо прећашны кое какви гадни крпежъ већь нисамъ могао самъ гледати. Али никадъ нисамъ съ моїомъ способности што годъ выше себи поволніе начинїо, и никадасе ни о едномъ моему изобретенїю тако верло возрадовао нисамъ нежели о томъ, штосамъ већь у состоянїю было себи едну лулу начинити. Истина,

на, она э была една верло ружна и несгратна вещь, кадъ э већь готова была, и само червена и као други лончарски хеспапъ ожежена; али кадъ э она доста тверда и димъ пущати могла, тосамсе я о томъ безпредѣлно возрадовао; ербосамъ я пушити био навыкао, и былое нѣколико лула на лаћи, изъ почетка заборавіосамъ на ны, ербо нисамъ знао дувана на острову наћи моћи, а кадсамъ послѣ опетъ ихъ тражіо, я выше никакови лула наћи.

Такожде и у моме занату кошаре и котарице плести дошаосамъ я доста далеко и начиніосамъ нуждни котарица множество, коликолими годъ моя сила изобретеня на руку дала; Истина да оне небыше верло лепе али доста алватне моје вещи у себи хранити, или штогодъ у нима кући донести. н: п: кадсамъ на полю козу убіо, могаосамъ ю на дрво обесити, одрети, расправити пакъ у комаде изсећи, и у моме кошару дома отнести, а тако исто и корняче. Могаосамъ ню разсећи, ясти и два тры комада меса што э за мене доста (отъ нѣ узети, то у кошару моме кући донести, а друго што э отъ выше оставити. Велики дубоки кошари

шари служилису мени жито у ныма хранити, коесамъ я, како э оно зрело было, отукао и осушіо, пакъ послѣ у велике кошаре на мѣсто амбара сасуо. Ясамъ примѣтіо, да већь и барутъ мой на манякъ иде, и ово э быо еданъ недостатокъ, кога я никоимъ начиномъ попунити могу. Я нисамъ знао о томъ башъ озбилски размышляваши почео, штобысамъ чинити имао, кадбы већь барута мога нестало, то есть: какобысамъ кою козу убити могао. Ясамъ у трећему лѣту мога овде бытія, како штосамъ горе казао, младо яре добіо и нѣга питомо воспитао, такожде еногъ ярчића за мою упитомнѣну козицу добыти, али іошть никада до тога доћи нисамъ могао; докле годъ ніе отъ мога ярета стара коза была, и сердечно сожалѣніе мое ніеми ню допустило никада заклати, докле годъ она найпослѣ отъ саме дубоке старости сама ніе манкала. Кадсамъ я већь еданаесть година на овомъ острову провео, и барутъ мой почео исчезаваши, даклесамъ отомъ башъ озбилски мыслити почео козе узамке ваташи, особито быосамъ радъ едну стару носећу уватити.

На тай конецъ пометаосамъ я ныма замке, дабысе козе у ны запетляле; и билебысе

лебысе више него една у замку уватиле; Али моя замка нïе была много вредна; ербо я живе (драта) неимадо и такосамъ свагда замку потергану и храну поедену нашао.

Напослѣдокъ намыслïосамъ за паданъ яму (ровъ) ископати и съ тимъ искушенïе учинити. Ископаосамъ дугачке ровове у земли и на онакови мѣсти, гдисамъ знао, да козе обыкновено пасу. Верху ови ровова лѣсицу отъ фашина, коюсамъ самъ исплео, и на ню отъ озгоръ едну тешку претегу метнуо, такожде кадъ кадъ разбацыо ечмене класе овде и онде, и то да небы замка пала, и онда могаосамъ ясно изъ нынога трага видѣти, дасу козе у нутра быле, и жито све изѣле, напослѣдокъ намѣстïосамъ три ловке у едной ноћи, и кадсамъ у ютру отишао да видимъ, нашаосамъ да їошть све стое, али намама (жито) сва оттудъ извучена была. Овоми э бодрость врло отузело: абïе премѣнïосамъ я мою лову, и нашаосамъ съ едномъ речи, да еданъ кратъ у ютру у едной еднога стара рога ярца, и у другой три млада ярета едно мушко и двое женско.

Са старимъ нисамъ знао штоћу чинити, ербо э онъ тако дивïи и плашливъ быо,

дасе

дасе я несмедо усудити къ нѣму у яму ићи, дабыга жива оттудъ извукао, ербое то было, башъ штосамъ я имати хотео. Убитисамга врло лако могао, али э то противъ намѣренïя мога было. Испустïосамга дакле радïе на полѣ, и онъ э отъ страха како бесанъ оттудъ побѣгао. Онда їошть нисамъ знао, штосамъ шекарь после научïо, да гладъ и саме Лавове укрочава. Даму нисамъ само едно три четыри дана ништа естти дао, нѣга онда къ води довео, и после мало жита дао, тобысе онъ тако исто, како и мои ярчићи питомъ учинïо, ербосу то врло обучаема и питома зверчадъ, кадъ тко съ ныма разумно поступити знаде.

Но преко свега ясамъ за садашни кратъ нѣга испустïо, заштосамъ їошть онда стварь болѣ разумѣвао; онда отишаосамъ къ онима малима, извукаосамъ едно за другимъ на полѣ, свезаосамъ ихъ съ уженцемъ заедно, и довеосамъ ихъ тако ако и не безъ труда кући.

Дуго э времена прошло, докле они ясти хотеше; али кадсамъ я ныма малко сладка жита дао, дадошесе съ тимъ къ елу раздражити, и стадоше питоми бывати. Садъ видѣосамъ, да кадъ већь нитыбы барута нити олова имао, и козïега меса има-

ныбы

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА

тибы хотео, никаковога другога средства ту нїе было, нежели нѣколико коза питомо воспитати, и онда бы ихъ доиста као едно стадо оваца около куће мое имао.

Али э мени опетъ абїе на паметъ дошло, дабы такожде питоме отъ дивїи особито држати морао, иначе оне, кадбы отрастле, їоштъ свагда опетбы подивяле. Къ тому никаково друго средство нїе было, нежели ограћенъ еданъ комадъ землѣ съ прошћемъ и колѣмъ утвержденъ, да небы ове изнутра на полѣ, нити оне дивїе унутра продрети могле.

За еданъ паръ руку было э то доиста велико предвзятїе, а кадсамъ видѣо, да то еданъ кратъ башъ нуждно быти мора, то э мой первый посао быо, къ тому способанъ еданъ комадъ землѣ изабрати, гди наимено стадо мое траву, воду, и заклонъ отъ солнца иматибы могло.

Они, коисе о таковима оградама разумѣваю, менићеду врло мало мудрости приписати, дасамъ я као едно сва ова свойства имущее мѣсто сасвимъ алватно равни комадъ ливаде или отаве (како што наши жители у западной Індїи зову) избрао, на коему два или три извора фришке воде, и на едной страни доста велика и густа

ста шума была. И грохотомъ хоћедусе о моему разуму смѣяти, кадъ имъ кажемъ, дасамъ я ограду овога парчета землѣ тако започео, да мой отъ прошћа и коля состоящи плотъ найманѣ 2 мїлѣ унаоколо имати э морао. Пакъ їоштъ и ограда нїе была отъ цѣле ствари штогодъ найлуће, ербо акобы я ню и 10 мїля велику начинити хотео, тобы я їоштъ свагда къ тому доволно времена имао: али у тому э свойственно луди поступакъ состаяо, да я промыслїо нисамъ, да козе у овако пространному мѣсту тако исто дивїе быти мораю, како дабы и цѣлый Островъ предъ собомъ имале, и да я толико далеко за ныма терчати морамъ, и да ны никадъ ни едну стигнути немогу.

Но опетъ преко свега, то э доста паметно раћено было, и ясамъ живо предузео дѣло ово.

Моя ограда была э већь започета, и до 15 рифи далеко проведена, кадсу мене мысли ове на паметь дошле. Престаосамъ дакле абїе, и намыслїосамъ къ первому почетку еданъ комадъ землѣ отъ 150 коракляи у дужину и 100 у ширину оградити, у коейће толико, како што я у нѣколико времена по прилицы иматибы могао, мѣста доста имати, и акосе умножи стадо мое,

то

то могу я їошть свагда ограду мою распространити.

Но опеть преко свега то э доволно паметно рађено было, и ясамь живо предузео дѣло. Ясамь сь тимь три мѣсяца провео, докь э первый плоть готовь быо, пустїосамь она три ярета на найболѣй части, и даосамь имь близу около себе пасти, колико возможно было, дабы ихь препитомїо. Такожде донесаосамь имь многократно нѣколико ечмени класова, или едну шаку пирїнча, и даосамь имь изь руке ясти, и такосусе они препитомили, да они кадсамь и већь сь оградомь готовь быо, и ны испустїо, замномь горе и доле шетали, и само за едну шаку жита блекетали.

Тое башь было оно, штосамь я хотео, и за поль трећу годину имаосамь я два туцета коза старе и младе за едно броећи, после две године имаосамь я већь 43 козе, окромь нѣкои, коесамь изузео и за мою потребу заклао. Послѣ оградїосамь различне комаде ныва за ныну пашу, тако сь прошћемь ны унутра утериваши, гдису оне свагда изь едне ограде у другу крозь врапашца ходиле.

Но и то їошть све нїе было, ербо не само штосамь я козіега меса за ело доволно имао,

имао, него їошть и млека, една вещь о коей сь почетка воистину ни помыслїо нисамь, и о коейсамсе я, кадми э на умь пала, нѣкимь верло радостнимь образомь чудїо, садь мораосамь млечарницу начинити, и имаосамь многократно до 2: акова млека у едань дань ако не више.

И тако како што естество свако созданїе сь храномь снабдѣва, и равно тако пристойно употребленїе отъ тога чинити учи, то исто дакле учинїосамь и я, кой никада краве а їошть манѣ козе музао, или сирь, или младо масло правїо нисамь, верло упутно и лепо, ако башь и послѣ нѣколико несрећни проби, сирь и младо масло правїо, и послѣ више никадь недостатка на томь нисамь имао.

Колико много добра и благодѣянїя можетъ великїи создатель своимь созданїямь и у самому оваковому стаю учинити, гди они себе у крайнѣй нужди быти мысле! и како неможе онь и найгорчайше посланїи нѣговихь усладити, и нами причину дати нѣга башь и у самой тавницы и окову хвалити! И какова трапеза нїе овде у пустыни за мене угошована была, гди я сь почетка ништа друго него саму

 поги-

погибель отъ глада умрети предъ собомъ видѣо нисамъ.

Еданъ натуралиста Стоїкусъ мораобысе смѣяти, кадбы онъ мене съ моїомъ маломъ фамїлїомъ кодъ трапезе сѣдяща видѣо. Овде э перво сѣло, мое Величество, Князъ, и Господинъ цѣлога предѣла. Имаосамъ неограничну властъ отъ смерти и живота свїю моихъ поданиковъ. Могаосамъ вѣшати, разтерзавати, животъ и свободу дати и узети, и нисамъ имао ни едноga бунтовчика међу мои поданицы.

Садъ кадбы ткогодъ само видѣти могао, какосамъ кралѣвскїй я обѣдовао сасвимъ особно моими стоящими служителї окруженъ! Поль мой быо э первый любимацъ, кои самномъ говорити дозволенїе имадяше. Мой пасъ, кои э вечь доста старъ и немощанъ быо, и што себи подобнога пара нїе нашао, поколенѣ свое расплодити нїе могао, сѣдяше одесную мене, и две мачке, една на едномъ а друга на другомъ краю трапезе сѣдећи, вребалесу на онай ныма кадъ кадъ отъ мене бачени залогаяцъ аки на знакъ нѣке особне милости мое.

Ово нису быле вечь оне две перве мачке, коесамъ я найпре изъ лаће на суво донео,

донео; ербо обадвесу вечь манькале быле, и моими собственими руками близу обиталища мога погребене. Една отъ овихъ незнамъ коимъ образомъ и отъ какова звертета добыла э младе, и отъ овихъ млади мачића двоесамъ припитомїо; а проче ходилесу као и дивїе по шуми и мени доиста найпослѣ на тяготу быле. Ербосу оне често у мой домъ долазиле и мене сасвимъ опустиле; докъ я найпослѣ принужденъ быо нисамъ ны потући, коїомсамъ приликомъ я ныно множество истребїо. Садсамсе освободїо отъ ови гостїю сасвимъ и само оне две за послугу мою удержао. У овой обилности живїосамъ я дакле тако, и содружество точїю было э само една вещь, о чемусамъ сказати могао, да э неимамъ, а и тогасамъ вечь скоро у кратко време много добїо быо.

За чуномъ моимъ имаосамъ вечь о давно, као штосамъ сказао, верло велику желю, ако э башъ мени сва желя и прошла была себе на таковому їоштъ далѣ погибелемъ отдавати. Ясамъ помышлявао опетъ кадъ кадъ на средства и путь, какобыга около острова овамо донети могао; а кадъ кадъ быосамъ я и безъ нѣга удоволянъ. Али преће мира имати ни-

самъ могао, докле годъ опетъ ко ономъ верху острова не отидо, гдисамсе кодъ мога послѣднѣга путованя на оно бердаще попео быо, дабы положенїе брега и качество рѣке видѣти, и послѣ себе по тому управляти могао. Овай немиръ умножаваосе сваки данъ кодъ мене, доксе напослѣдокъ склонїо нисамъ путь онамо сувимъ учинити, и то покрай брега; коесамъ такожде и учинїо. Али ткобы оваковога человѣка у *Англїи* гдигодъ сусрео, како штосамъ я быо, тайбысе морао полакъ мертавъ отъ страха уплашити или отъ смея прекинутисе. Ясамъ кадъ кадъ стао и себе разсмотрїо, нисамсе могао отъ смѣха удержати, и кадсамъ помыслїо, кадбысамъ у оваковому одѣянїю крозъ сокакъ у *Іорхширу* прошао. Хоћели ткогодъ описанїе отъ онога вида у коемусамъ я онда быо? овде э дакле.

На глави имаосамъ велику незграпну капу отъ козїе коже съ натрагъ висящимъ заклопцемъ, съ коимъ како годъ солнце, тако и кишу отъ леђа хранити и удержавати могаосамъ, ербо подъ овомъ Небесномъ стрѣкомъ ни э ништа тако убиточно было, каок адъ э киша подъ халине на голо тѣло дошла.

Далѣ

Далѣ имаосамъ кратки перслукъ съ рукави отъ такове исте козїе коже, коими э башъ до полакъ колѣна висїо, и отъ такове исте материе чакшире отворене кодъ колѣна. Ове чакшире былесу отъ коже едногъ старога ярца начинѣне, отъ коесу длаке съ обадве стране толико дугачко висиле, дасу оне мени башъ као дугачке гаће до полакъ голени досязавале. Чарапа и цыпела имао нисамъ; алисамъ опетъ штогодъ на подобїе цыпела начинїо, што самъ незнамъ, што э, или какоћуга назвати, тако отъ прилике као подплате, коесамъ преко ноге отъ озго преплести, и као яхаће чарапе стегнути и закопчати могао и кое э сасвимъ гнусно и гадно, као и све мое халине было.

Преко халина имаосамъ еданъ широкъ појасъ отъ суве козїе коже, когасамъ съ двима каишчићи отъ такове исте коже на мѣсто сапонца утвердїо и скопчао. За овимъ имаосамъ намѣсто саблѣ съ едне стране тестеру а съ друге сатару заденену, другїй мало узши таковимъ истимъ начиномъ скопчани попругъ или упрта висящеми преко леђа, и на нѣму подъ левимъ раменомъ (пазухомъ,) две кессе обадве

две отъ козіе коже, отъ коихъ у едной барутъ а у другой олово стаяше.

На лећи имаосамъ мой кошаръ, преко рамена пушку, и надъ главомъ велики незграпни, гадни козіекожни отъ кище щитъ, кои э мени тако исто као и пушка моя потребна вещь быо, коюсамъ кодъ себе имао. Штосе фарбе мое у лицу дотицало доиста верло церна, као што ніе была отъ еднога человѣка, кои такову ніе нинайманѣ чувао и подъ деветимъ до десетимъ степеномъ лініе живіо, надаписе могло. Браду мою пустіосамъ кадъ кадъ читавъ четверть рифа нарастити; али кадсамъ бритава и маказа доволно имао, посамъ я ню подсѣкао доспа кратко, кромѣ онога што э на горнѣй наустницы растло, коесамъ я за еданъ паръ *махометанскій* мустаћа подсекао, као штосамъ у нѣки турака у Салеи видѣо; ербо само ови а не другіи смѣлису такове носити. Да э овай мустаћь кадъ кадъ тако великъ и дугачакъ быо, дасамъ на нѣга слободно шеширъ мой обѣсити могао, нећу ни да кажемъ, али э онъ у дужини и виду быо найманѣ тако верло великъ, дабысе у *Англіи* сватко отъ тогъ уплашіо.

Но све ово мимогредъ; ербо э видъ мой мало очію видѣло, да башъ зато ништа ніе

ніе было, какавъ я быо да быо. Дакле далѣ о томъ нећу ништа говорити, него дасамъ я у овой галли одѣянію мое ново путешествіе предузео, и *5 тъ* или *6 тъ* дана на путу быо. Ишаосамъ съ почепка по край брега у право къ оному мѣсту, гдисамъ чунъ мой найпре на мачки держао, дабысе на верхъ оне гудуре попео. А будући да за чунъ никакове бриге имао нисамъ, то дакле прекимъ путемъ преко сува управо къ оной высини, гдисамъ преће быо пошо, и кадсамъ вышеречене узвышене пећине верхъ видѣо, око коесамсе съ чуномъ моимъ обвести морао, зачудіосамсе отвыше, да э море совершено мирно и равно было; ербо ту башъ ни найманѣ уке, движенія, или рѣке, као на други мѣсти осетити небы.

Какоћу то себи понятно учинити, то знао нисамъ, и намыслiосамъ нѣкое време на то употребити ту вещь ближе и ясніе познати, и дабы видѣо, ніели препливъ, или отпливъ моря къ тому причина было. Ясамсе о томъ скоро увѣріо, како э то было, да э башъ препливъ, ербо э онъ отъ западнѣ стране, и съ нагло текућомъ водомъ едне велике рѣке кодъ Седрахъ соединяваосе, узрокъ ове велике рѣке быти э морао, и да, како што э

вѣтаръ

вѣтаръ яче изъ запада или сѣвера дыхао, ова рѣка или къ брегу приближитисе, или отъ нѣга удалитисе морала. Чекаюћи я овде башъ до предъ вече, попеосамсе опетъ на онай верхъ Клисе и видѣосамъ послѣ отплива ону рѣку сасвимъ ясно, као и преће, но само у већему одалѣнію, то есть скоро едно полъ мїлѣ далеко отъ брега текућу; коя э обаче при моемъ путешествїю сасвимъ покрай брега ревла, и мене съ чуномъ моимъ са собомъ похитила, кое она у друго кое време небы учинила была.

Ово э примѣчаніе увѣрило мене, да я само препливъ и отплывъ позорештвовати потребуемъ, и чунъ мой сасвимъ мирно около Острова довести могу. Али кадсамъ я помыслїо на то, да то у дѣло ставимъ, то э напао мене при упомени погибели, у коейсамъ быо, такови страхъ, да и помысль ту терпити нисамъ могао; ясамъ о томъ други совѣтъ учинїо, кои э много безбѣднїи, ако э онъ башъ и тежи быо; себи їоштъ еданъ чунъ начинити, и на свакой страни по еданъ имати.

Садъ валя знати, дасамъ я садъ већъ зданія на Острову имао. Едно э было мой мали градъ, съ зидомъ подъ пећиномъ окруженъ

женъ, и ямомъ или подрумомъ за собомъ, коюсамъ я у то време распространїо и у разна раздѣленія или подруме раздѣлїо; едно отъ овыхъ раздѣленіяхъ, то есть найсувлѣ и найвеће, у коесу врата съ оне стране мое ограде, то есть гди э зидъ до пећине достизавао, ишла, было э све съ велїима землянима лонцы, о коимасамъ казао, и съ 14 *тъ* или 15 *тъ* велики кошара напунѣно, отъ коихъ сваки 5 или 6 кила у себи содержавати э могао, у коимасамъ я храну мою особито жито нѣколико класова кратко отъ сламе отсечени а друго рукама моима истрвено сохранявао.

Шпосе ограде мое дотицало, та э како шпосамъ казао, отъ дугачки тачака и коля начинѣна была, коесе све послѣ у стална дрвета премѣнило, и шакосусе далеко и дебело разширили, да никаково око человѣческо, никакова обиталища за ньїомъ ниши видѣти, ниши мыслити быы могло.

Не врло далеко отъ овога мога обиталища, али мало далѣ унутра, и на нискомъ мѣсту лежаласу моя два комада ныве; коесамъ я свагда лепо ураћене и посѣяне содержавао, и коесу свагда трудъ и прилѣжаніе мое у време свое съ богатомъ жетвомъ платиле. Требовали я жита вы-

ше

ше, то имаосамъ и землѣ выше къ тому и тако исто добре као и ова.

Кромѣ овога имаосамъ такожде їошть едно лѣтно мѣсто увеселенїя, и кое э такожде сасвимъ добру и цвѣтующу ограду имало. Ербо перво имаосамъ я ту мою малу благосѣнолиствену сѣницу, као штосамъ ю називао, око коесамъ я ограду, коя э ню окружавала, свагда у обикновеной висини содержавао; и лѣствица остаяше свагда унутра. Дрвета, коя съ почетка ништа далѣ него само тачке быше, а садъ вечь тврдо и постояно нарастоше, подсѣкаосамъ свагда тако, дасусе она у многе, и аки дивїе сведено гране разширила, и какосамъ я башъ желїо, преизрядни сѣнъ давала. Усреди нѣ стаяо э свагда шаторъ мой, кои э изъ еднога комада преко мостака разапетъ отъ парусовъ платна состояо, и коме я нуждна поправленїя чинити никадъ нисамъ изоставїо. Подъ овимсамъ я себи креветъ отъ звѣровски кожа, и други мекани вещи начинїо, и едну перину, коя э пре наша лаћарска была, и коюсамъ я съ лаће донео, и їошть еданъ отъ они велики кабата отозго прострео, съ шимсе покривати; и овдесамъ я, колико-

талица отсутствующъ быо, за мой увеселителни конакъ уредїо.

Не далеко оттудъ было э мое марве воспитанїе, то есть козе. И тако, као што э то мене неисказаного труда стаяло овай комадъ землѣ затворити и оградити, тако исто имаосамъ я бригу то све у цѣлости содержавати, да небы козе нигди продрети могле, и я мира имао нисамъ, докле годъ съ неисказанимъ дѣломъ и трудомъ сву внѣшну страну плота съ толико много мали тачака, и тако густо едну до друге утвердїо, да э то выше тараба него плотъ была, и едва э толико мѣста изъ међу ны было, дабы человѣкъ руку унутра уписнути могао, кое э послѣ, кадсу тачке ове при первомъ кишномъ времену пробиле и прорастле, овасе ограда тако яка као еданъ зидъ или башъ їошть яча него икакавъ зидъ быти може, учинила.

Отъ овудъ видитисе може, да я нисамъ безпосленъ быо, и да никаковаго труда штедїо нисамъ све у состоянїе довести, што э надежда и угожденїе мое изыскавало, ербосамъ я помыслїо, да э гуля пипоме марве овако при руцы еданъ живи домъ имутка отъ меса, млека и масла за мене, докле

годѣ я на острову овоме живимѣ, башѣ акобы и 40 година дуго траяло, да я ню обаче свагда при руцы удержимѣ, тосе башѣ у томе состояло, да я плотѣ или ограду тако тврдо начинимѣ, да оне башѣ све заедно стаяти мораю.

У овому предѣлу имаосамѣ я такожде мой виноградѣ, на когасамсе я особито ради мое зимнѣ хране, суварка ослонїо, и когасамѣ я како найболи и найугоднїи сладки залогаи отѣ свїю други за ело вещи врло попечително содержавао, ербо доиста нїе быо онѣ само изрядаиѣ, него такожде и нѣкое лѣкарство крайнѣ здраво, сито и увеселяемо.

Ово э было башѣ на полакѣ пута меѣу моимѣ постоянимѣ обиталищемѣ и онимѣ мѣстомѣ, гди э мой чунѣ стаяо, овдесамѣ свагда обыкновено, кадсамѣ пуповао до мога чуна нѣкои часѣ остао и отпочивао, ербосамѣ чунѣ мой врло прилѣжно походити обычествовао, и держаосамѣ све што э кѣ нѣму принадлежало у добромѣ порядку. Кадкадѣ такожде и возїосамсе на нѣму увеселенїя ради, алисамсе чувао отѣ погибелногѣ пута, и едва на две пустимице отѣ брега далеко удалитисе смѣо, такосамѣ устрашенѣ я быо, да небы рѣкомѣ, вѣтромѣ, или дру-

другимѣ каковимѣ случаемѣ, опетѣ на пучину моря похищенѣ быо. Садѣ обаче долазимѣ на нѣки нови поступокѣ, или путѣ мога живота.

Кадсамѣ еданѣ кратѣ башѣ около полѣ дне кѣ моме чуну ищао, усмотрїосамѣ за велико чудо мое трагѣ или стопу босе человѣческе ноге на брегу, коясе у песку башѣ ясно и добро видѣти могла. Алисамѣ я аки стрѣломѣ пробіенѣ, или како дабы какову аветѣ или утвору видїо, стао овде, вребаосамѣ и сматрао свудѣ около себе, нисамѣ могао обаче ни найманѣ штогодѣ нити чути, нити видѣти. Попеосамсе на едно бердашце, дабы я далѣ што видѣти могао, пролазїосамѣ по брегу горе и доле, али то ништа неползова, я немого никаковаго трага далѣ наѣи, него овай еданѣ. Отишаосамѣ опетѣ кѣ нѣму онамо, да видимѣ, неимали онде їоштѣ выше каковаго трага, илисамѣ я можетѣ быти само штогодѣ привидѣо: алисе помыслити неможе, ербо э трагѣ ноге быо свагда свойственѣ видѣти, персти, пета, и све друге части едне босе ноге, али какое та овамо дошла, то нисамѣ я знао, и нисамѣ могао то себи никоимѣ начиномѣ представити. После неизброени разсѣянїя мысли дошаосамѣ найпосле како еданѣ, кои

э

э сасвимъ смущенъ, или изванъ себе у мой градъ дома, неосећаваюћи землю подъ собомъ, по коейсамъ ходіо, него у крайнѣму страху и трепету, свака два коракляя оврћаосамсе натрагъ, уплашіосамсе отъ свакога кустрника и дрвета, и мисліосамъ сваки пань у одалѣнію, да э человѣкъ. Ніе можно описати, у коликое многоставними видови моя уплашена убавленія сила мени штосамъ годъ видѣо, представляла, коликое много дивіи предмѣта сваки часъ мене окружавало, и какова непоняшна рѣдка страшилища мени путемъ идући на паметъ нису долазила.

Кадсамъ я къ моему граду (ербо такосамъ я нѣга после свагда называо,) дашао, отлештіосамъ у нѣга тако фришко, како дабы острагъ отъ кога теранъ быо. Ели преко лѣствице или на врапашца пећине ућо я у нутра, то ни до данасъ незнамъ, ербо съ већимъ сердечнимъ ужасомъ ніе могао никакови зецъ у свое ложе, никакова лисица у свою яму, како штосамъ я у ово мѣсто прибѣжища утекао.

Нисамъ могао цѣлу драгу ноћь спавати, ербо коликосамъ манѣ причине за страхъ имао, толикое већа была моя старость узрокъ къ тому имати. Чинимисе, да то противо-

тиворѣчно, противо обичая свію други твари быва, кадсе плаше и бое. Алисамъ я быо отъ моихъ собственныхъ представленія вещей тако уплашенъ, да я ништа друго него сама страшилища предъ очима видѣо нисамъ, башъ акосамъ отъ ныхъ и далеко удалѣнъ быо.

Кадъ кадъ помисліосамъ, да то мора башъ сами дяволъ быти; и паметъ стала э мене у овой мысли укрѣпляваши: ербо како бы штогодъ у человѣческому образу овамо доћи могло? гди э была та лаћа, у коей э то овамо дошло? гди быше знацы отъ какове друге стопе? и како э могуће было да ткогодъ овамо доћи може? Али съ друге стране нисамъ могао себи башъ іошть манѣ представити, дабы сатана овде на едно мѣсто, къ чему онъ нинайманѣга повода ніе имао, видъ человѣческій на себе узети, дабы само стопу свою засобомъ оставіо, а то безъ намѣренія, ербо онъ и то знати ніе могао, хоћули я ню и видѣти моћи; онъ э могао сасвимъ другій путова доволно наћи, помисліосамъ я, мене уплашити нежели овомъ едномъ стопомъ. И дабы онъ тако лудъ быо знакъ на онаково мѣсто метнути, гди будући дасамъ я сасвимъ

на

на противо стоящей страни острова живио, свагда сь тысящомь спроћу еднога окладитисе могао, да я ню никада видѣти нећу и іошть кь тому у песку, гди она при первомь припливу моря точію мало дыхающимь вѣтромь могла э оплинута быти? то све чиняшесе сь вещи самомь, и са свима онима понятіяма, кое мы обыкновено о лукавству дявола имамо, сравнено не быти.

Такови коекакви причина паломи э іошть множество на умь, напослѣдокь да э то дяволь было, отъ свега єтраха освобо дисе; но ясамь абіе сь тимь готовь совѣть учиніо, да э іошть то една єтрашніе создана вещь была, то есть еданъ отъ дивяковь са суве землѣ спроћу мене быти морао, коису преко моря у нинымь чунови возећисе или рѣкомь, или противнимь вѣтромь похищени на ову пустыню бачени, и на брегу моралису быти; али опетъ на море отишли, ербо э ныма можетъ быти, ова пустыняя самоћность онако исто неповолна была, како што бы оны мени непріятни были.

Доксусе ове мысли по моей глави мутиле, благодаріосамь я самь у себи отъ сердца Богу, да я срећомь башь у оно

време

време онде было нисамь, или да оны чунь мой видѣли нису, изь чегабы дознати могли, да жителя на Острову имаде, и можетъ быти далѣ мене потражили были. За тимсу мене опетъ на ново мучиле мысли, кадбысу они башь и чунь мой, и да люди овде имаде, дознали, и случилобысе то, тобы они можетъ быти скоро и у већему числу опетъ доиста овамо дошли, и мене изѣли. Мећемь случаи да башь мене самога и небысу наћи могли, тобысу они опетъ мою ограду нашли све житто мое уничтожили, и мое цѣло стадо питоми коза отерали, то бы я дакле отъ глада опетъ найпосле погинути морао.

Тако дакле растерао э страхъ мой сву надежду, коюми э законъ дао. Исчезнуло э све оно прећашнѣ упованіе на Бога, коесе на овако чудесномь искусству, коесамь я отъ нѣгове благости имао, основавало: како да небы онай, кои э мене досадь чудесно хранio, мени такожде власти своіомь имутакь мой сохранити могао, кога э мени благость нѣгова даривала, садь чиніосамь самь себи угризенія о моей угодности, да преко године жита выше сѣяти нисамь хотео, него башь коликосамь до найближнѣга времена нуждно имао, и како да небы никакови случаи међу

тимь

шимъ дошао, и мене уживаня онога, кое э у земли лишити могао. И ову укоризнь держаосамъ башъ за достойну, дасамъ твердо намыслїо у напредакъ на две или три године имутакъ ране скупити, да небы у случаю недостаткомъ хлѣба, умрети морао.

Какосу рѣдко случаи у животу человѣческомъ смѣшани. И каковими тайними и разними источницы неставляюсе желѣ у движенїя, и свудъ обтекаваю, какосе садашня обстоятелства премѣне, данасъ оно любимо, на што сутра мрзимо, данасъ тражимо оно, одашта сутра бѣжимо, и башъ одашта стрепимо, кадъ само помыслимо могућность, дасе э то случити могло. Чуданъ примѣръ отъ овога можемо привести, бысамъ я онда, ербо я, кога э една точїю брига была, дасамъ я отъ цѣлаго человѣческаго содружества себе изгнана быти мыслїо, сасвимъ самоћанъ, и безъ предѣлнимъ Океаномъ (моремъ) отъ цѣлаго человѣческаго рода отсѣченъ, и у нѣку сасвимъ смертну тихость изгнанъ быо, дасамъ я само еданъ быо, кога э Небо за недостойна держало, међу живе причислити, или по међу други свои созданїи являтисе нѣму нїе дало, да взорь еднога точїю мое врсте мени Воскресеніе отъ смерти къ животу и найвеће благопо-

гополучїе быти чиняшесе, кое кромѣ вѣчнаго блаженства мени нитко други него самое Небо дароваги може, я говоримъ, мораосамъ садъ дрктати и трепетати отъ самога страха каковаго человѣка видѣти, и мало нисамъ отъ самаго сѣна или тихаго привидѣнїя человѣческе стопе отъ страха бѣжећи у землю пропао.

Тако э мало станѣ живота человѣческаго само себи равно, и ово э дало мени послѣ, кадсамсе опетъ отъ первога страха подкрѣпїо, къ многимъ особнимъ поводъ. Разсуждаваосамъ, да э ово станѣ живота къ коему э мене безконечна мудрость и благость провидѣнїя Божїя опредѣлила, и да я предвѣдити немого, какова Божїя премудрость при свему овому намѣренїя имаде, то дакле я спроћу нѣгове верховне власти роптати нисамъ смѣо, ербо онъ верху мене и созданїя свога неограничено владати и управляти невоспятственно право имаде, и такожде мене аки созданїе, кое э нѣга увредило, къ свакой казни, кою годъ соизволи, своїомъ власти судейскомъ осудити може; мени надлежи дакле гнѣвъ нѣговъ радостно сносити, ербосамъ нѣму согрѣшїо.

Такожде далѣ помыслїосамъ, да Богъ не само што э праведанъ, но їошть и всемо-

 гућь,

гуѣь, онако како што онъ произволи мене наказати и оскорбѣти, мене такожде спасти, и отъ свега зла освободити може, и кадъ то небы света нѣгова воля была, то бы дакле безъ распрѣ дужность моя была себе сасвимъ и безъ свакога противорѣчія воли нѣговой подложити, съ друге стране былабы такожде дужность моя на нѣга упованіе имати, и нѣмусе молити, и мирно изговоръ нѣговога осужденія, и управленіе нѣговога провидѣнія очекивати.

Ове мысли упражнявалесу мене многе часе, дневе, могу казати и цѣле Недѣле и мѣсеце. Нѣкое особное дѣйство такових не могу овде премолчати. Кадсамъ еданъ кратъ уютру рано іоштъ у моме кревету лежао, и пунъ мысли о погибели ради ожидаеми дивяка быо, коесу мене крайнѣ узнемириле; дочошеми на еданъ кратъ ове речи изъ светога писма на паметъ: *Позовиме, кадси у нужди, яѣуте избавити, а ти да имашъ мене прославляти.*

Кадсамъ затимъ радостно изъ кревета мога устао, осѣтіосамъ, да не само што э сердце мое утѣшено, него іоштъ себе возбуждена и весела Бога искренѣ за спасеніе молити. Кадсамъ молитву мою свершіо, узеосамъ мою Біблію, и перве речи, кад-

кадсамъ ю расклопіо, коесу мени у очи пале, бяху: *Потерли на Гослода! утѣшавайсе, и не отчаявай и потерли на Гослода!* Какосу ове речи мене утѣшиле, тосе речма исказати неможе. Оставіосамъ послѣ книгу съ нѣкомъ внутреномъ благодарности и нисамъ быо выше смутанъ, а найманѣ о дивяцы.

Башъ у средъ ови мысли утѣсненія и размышленія паломи э еданъ кратъ на умъ, да э то мое собствено замышлѣнѣ и мечтаніе, и ова стопа ништа друго ніе, неже-ли трагъ мое собствене ноге была, кадсамъ изъ чуна мога на брегъ изишао. Такожде и овоме малко охрабрило, и я почеосамъ себе надговарати, да э то башъ ямачна превара, и то доиста ништа друго ніе, него моя собственна стопа, ербо зашто небы я могао овимъ истимъ путемъ къ чуну ићи, како штосамъ и отъ нѣга ишао? Помыслiосамъ, да башъ извѣстно выше казати немогу, кудсамъ ходіо и кудъ нисамъ ходіо, и былабы доиста то моя собствена стопа, тобы я дакле тако учиніо быо, како простацы отъ аветиня и привидѣнія повѣсти чине, и послесе выше самъ, него сви други отъ ны бояо.

Садсамъ почео опетъ сердце вооружавати и храбритисе, ербо цѣла три дана и 3-

ноћи

ноћи изъ града мога нисамъ изишао, тако дасамъ я већь започео ради недостатка хране гладовати, ербо кромѣ нѣколико ечмены пита и воде нисамъ имао скоро выше ништа кодъ куће. Садъ э было време, да и козе мое мусти морамъ, кое э обыкновенно моя вечерня забава была, и ова сиротна марва стаяла э врло зло, кадъ э то изостало, и многима такожде изъ међу ны тако верло штету учинило, дасу оне скоро многе отъ млека засушиле.

Охрабренъ дакле овимъ увѣренїемъ да то ніе ништа друго, него моя собствена стопа была, (тако дасамъ башъ истино рећи могао, дасамсе отъ собственога мога сѣна уплашїо.) почеосамъ опетъ свуда ходити, къ моему лѣтному мѣсту увеселенїя исходити, и стадо мое мусти. Али само кадбы тко видѣти могао, съ каковимсамъ страхомъ напредъ поступао, коликосамсе краши напрагъ обратїо, коликосамъ крани хотео кошаръ мой бацыти, и штогодбы болѣ могао бѣжати, то бы тай доиста мыслити морао, да мене или зла совѣсть тера, или я у кратко предъ тимъ мораосамъ кавови врло велики страхъ претерпѣти, кое а башъ и истина была.

Но

Но преко свега послѣ какосамъ я два или три дана онамо ходїо, и ништа нисамъ видѣо, тосамъ я већь почео опетъ свобдни бывати и мыслити, да доиста отъ те цѣле вещи ништа друго нїе было, него само едно мечтанїе. Али я їоштъ нисамъ могао себе о томъ сасвимъ увѣрити, докъ опетъ на брегъ не отидо, ову стопу їоштъ еданъ кратъ добро разсмотраваюћи, по моей ноги мѣрећи и гледаюћи, хоћели она ноги моей совершено равна и умѣрена быти, дабы вѣровати могао, да э то моя башъ собствена стопа; кадсамъ већь на брегъ дошао, тосе абїе перво очевидно показало, да кадсамъ я съ чуномъ моимъ овамо дошао, никоимъ начиномъ нїе было могуће, дасамъ я на овомъ комаду землѣ быти могао, друго: кадсамъ ногу мою спроћу оне стопе измѣрїо, нашаосамъ, да э нога моя отъ стопе доста по добру часть маня была. Ова обадва примѣчанїя напуниласу опетъ главу мою пуну нови замышлѣнїя, и мучимога терзаня тако, дасамъ я отъ хладности како грозничавъ зуби цвокотао, и тако сасвимъ увѣренъ кући поспѣшїо, моралису дакле еданъ или выше люди на брегу быти или можетъ быти, дае башъ самъ Островъ гдигодъ поселѣнъ, могаосамъ дакле преће, него штосамсе надао,

напа-

нападенѣ быти, и како за свободу мою стараписе имамъ, нисамъ знао.

Каковимъ посмѣятелнимъ поступкомъ може страхъ человѣка развратити, онъ лиши нѣга употребленія онога средства, коему иначе память за помоћь нѣгову даетъ. Прво штосамъ предузео, былое мою ограду срушити, и сву мою питому марву у шуму испустити, да ю непрїятель небы нашао, и после у надежди оваковаго или подобнаго добитка често Островъ посѣщавао, после дошаосамъ на тай луди помысль мое обадве ныве раскопати, да небысу они жита нашли, съ тимъ раздражени небысу често на Островъ долазили, онда хотеосамъ сѣницу и шаторъ мой покварити, да небысу никаковаго трага или знака каковаго обиталища видѣли, и съ тимъ побуждени небыли далѣ што, и обитателя тражили,

Овосу быле мысли, коесу мене перву ноћь узнемириле, кадсамъ већь кући дошао, и іоштъ сасвимъ фришка уселенія страха и ужаса главу мою забунила была. Тако свагда обычествуетъ страхъ отъ какове погибели тысящу крати ужасніи быти, неголи башъ погибель сама, кадъ ю предъ очима видимо, и іоштъ теже товари намъ бреме ужаса, нежели оно зло, збогъ когасмо

у

у страху. А што э чемерніе было, нежели све друго, было э ово: да я у овому неспокойству нисамъ утѣху отъ мога досадашнѣга преданства воли Божїей имао, на коюсамсе надати имао. Помыслїосамъ како *Саулъ*, кои не само о томъ тужаше, дасу *Філїстїани* на нѣга дошли, него іоштъ дага э и Богъ изоставїо. Ясамъ почео дакле духъ мой укрѣпляваши неправилна средства Бога у нужди моей призывати, и себе на нѣгово провидѣніе всмотренїи мога страха и избавленія ослонити, како штосамъ други кратъ у оваковомъ случаю учинїо, ербо кадбы я то было учинїо, тобы я кодъ овога новога страха радостнїи и дерзновенїи было, али овако быосамъ све бодрости сасвимъ лишенъ.

Ово смущеніе мысли нїеми дало цѣлу ноћь очи затворити. Уютру обаче заспаосамъ мало, и спаваосамъ такожде сасвимъ утрупденъ и малаксао врло добро, и пробудїосамсе много спокойнїи него икадъ преће. И садъ почеосамъ я ту ствары тише разсмотравати, и съ крайнїомъ распромъ са самъ собомъ учинїосамъ напослѣдокъ совѣтъ: да овай островъ, кои э овако чрезвычайно красанъ, плодоносанъ, и недалеко отъ суве и постояне землѣ удалѣнъ было, како штосамъ примѣтїо, не башъ овако сасвимъ

сасвимъ пустъ быти не може, како штосе чини, и да кадъ небы овде стални обитателя было, тосу могли опетъ кадъ кадъ чунови или съ намѣреніемъ или противними вѣтри доперани отъ иностранн брегова овамо доћи.

У 15 година коесамъ я овде живїо, нисамъ доиста никадъ нинайманѣ сѣнке каковога человѣка овде видѣо: и акосу кой кадъ кадъ случайно бачени были, тосу они опетъ отъ овудъ отићи морали, какосу скорїе могли, ербо досадъ, како штосамъ я видѣо, никакомусе овде окућити допало нїе.

То, отъ чегасамсе я найвеће каковс погибели страшїо, былобы едно таково случайно пришествїе скитаюћисе люди отъ сталне землѣ, кой кадбысу овамо бачени и доперани были, то бысу они безъ сумнѣ противо ныне волѣ овде были, и безъ дугога задержаня овде хитно опетъ отишли, и не башъ тако лако ни едну ноћь овде на брегу изостали, да небысу помоћи приплива или отплива и свѣтлости днева при ныномъ напрагъ возвращенїю лишени были. Дакле я далѣ ништа чинити небы имао, нежели едно свободно мѣс-

мѣсто прибѣжища тражити, кадбы я какове дївяке овде доћи видѣо.

Садсамсе раскаяо врло, дасамъ подрумъ мой тако пространo и дубоко ископао, и дасу врата, како штосамъ казао, на другой страни была, гди э зидъ мой до пећине досязао. Кадсамъ то зрѣло разсудїо, намыслїосамъ їошть еданъ вторый градъ у оваковомъ полукружному виду у нѣкоему отдалѣнїю управо отъ мога зида начинити, гдисамъ пређе 12: година двояки редъ дервета насадїо, а будући дасу ова дрвета и онако густо посаћена была, то небы потребно далѣ ништа было, него дасе међуны неколико панѣва натушка и заглави, дабы то їошть гушће и яче было, такобы дакле моя ограда готова была.

Дакле на овай начинъ имаосамъ я сугуби зидъ или ограду, и крайни био э съ дунћерскимъ дрвети съ старима отъ лаће ужети и сасвимъ, штосамъ годъ измыслити могао, нѣга яка начинити, крѣпко утвержденъ; и у нѣму имаосамъ 7: мали рупа, не већи него као штосамъ руку мою крозъ ны провући могао. Изнутра начинїосамъ зидъ овай до 10: стопа дебео, и къ чемуçамъ непрестано землю изъ мога подрума износїо, коюсамъ чело зида бацао, и

тврдо

тврдо угазїо. Крозъ ови 7 *мъ* рупа хотеосамъ я они 7 *мъ* пушака намѣстити, коесамъ, како штосамъ казао, изъ лаће на суво донео. Ове, како штосамъ рекао, као топове намѣстїосамъ, и начинїо подметке за ны, како што валя, гдису оне башъ како на точкови стаяле, и башъ тако, дасамъ ихъ за 2 минута све 7 *мъ* опалити могао. Правећи ограду ову провеосамъ я много горки мѣсяцы преће него штосамъ съ ныїомъ готовъ быо, и опетъ нисамъ држао себе ни еднога магновенія ока за безбѣднога, докле годъ ню у совершено состоянїе нисамъ довео.

Кадсамъ съ тимъ готовъ быо, посадїосамъ цѣло полѣ изванъ зида мога тако густо съ тачкама и дебелимъ мотка-ма отъ дрвета, кое э тако добро нарастло, како годъ што э едно до другога стаяти могло, ербосамъ я такови тачака слободно до 20000. у землю ударїо. Но опетъ међу нима, и моимъ зидомъ доста велико и пространо мѣсто оставїо, дабы непрїятелѣ мое видѣти могао, и они никакова заслона отъ младе шуме небысу имати могли, акобысе усудили къ зиду приближити.

И

И тако имаосамъ у времену отъ 2: године врло дебео садъ, и у 5: или 6 година башъ совершену шуму предъ обиталищемъ моимъ тако страшно дебелу и яку, да э она доиста непроходна была, и никому небы на умъ пало да и занѣ їоштъ штогодъ имаде, а камоли каково станѣ да има. Штосе пута дотицало, коимѣу я самъ на полѣ и унутра исходити, (ербо ухода нигди нисамъ оставїо:) потребоваосамъ дакле къ тому 2: лѣствице. Едну отъ ови на пећину, гди э она сниска была, наслонїо, и унутра уходїо, на коюсамъ ону другу наслонити могао, тако дакле, кадсу обадве лѣствице снимлѣне и уклонѣне быле, ни една жива душа, да небы вратъ сломила, доле къ мени доћи могла небы, а кадбысе и то учинити могло, тобы текаръ їоштъ свагда отъ внѣшне стране зида мога было.

Овимъ начиномъ предузеосамъ дакле сва средства, коями э годъ человѣческа мудрость икада къ моему храненїю дати могла; и у слѣдству хоћесе видити, да она башъ сасвимъ безъ причине и нису была; ако я башъ їоштъ онда и провидѣти нисамъ могао, него само оно штоми э самїй страхъ проузроковао.

Съ

Съ тимъ себе упражняваюћи непренебрегаваосамъ такожде и друга дѣла моя притомъ. Главно обаче мой мали чопоръ коза лежао э мени верло тежакъ на сердцу. Оне мени нису само у сви способи къ моей нужди служиле, него ми іошћъ барутъ, олово и прудъ заклоняше дивіе ловити и тражити, чегасамсе ны имаюћи свагда обићи могао. Ове прекрасне ползе и користи нисамъ радъ было изгубити, и послѣ опетъ сасвимъ нове воспитаваши.

Али ны сачуваши текаръ послѣ долтаго размышлѣнія едвасамъ два средства изнашао. Едно э то было гдигодъ на другомъ мѣсту алваћну яму у земли ископаши и ны сваку ноћь у ню сатераши; а друго; нѣколико комада землѣ у нѣкоему отдалѣнію едно отъ другога и тако закривено, како што бы могуће было, оградиши, отъ коихъ у свакому баремъ по полакъ туцета коза сачуваши бы могао, тако: да, акобы башъ цѣло мое стадо несрећа какова постигла, я опетъ у состоянію быши бы могао себи такове съ малимъ трудомъ и временомъ опетъ воспиташи, ако э то башъ и много времена и дѣла стаяло, ово послѣдиѣ средство чиняшесе наймудріе быши.

Послѣ

Послѣ тога потражіосамъ дакле нѣкое време у отдалѣнимъ частемъ острова едно къ тому способно мѣсто, и найпослѣ нашаосамга, и кое э тако закривено было, као штосамъ я и кадъ желити могао. Ово э было едно мало парче влажне землѣ у средъ нѣке просѣлине и дебеле шуме, гдисамъ я идући изъ восточне стране острова башъ скоро забасао быо. Овде нашаосамъ едно чисто парче землѣ, до 3: јутра велико, и тако свудъ унаоколо съ шумомъ окружено, да э оно башъ скоро сасвимъ естествено (нравно) ограђено было; найманѣ нисамъ требовао овде ни полакъ посла употребиши, кои э мене кодъ каковогъ другогъ предмѣта доста горко стаяо.

Ясамъ дакле абіе дѣло предузео, и преће мѣсяцъ дана оградіосамъ то свудъ унаоколо тако, дасамъ мое стадо, кое већь ніе было выше онако дивячно како преће у ову ограду сасвимъ слободно утерати могао. Я дакле незакосняваюћи довеосамъ две козе и два ярца, и упустіосамъ ихъ у нутра, и плотъ іошћъ свагда совершеніи и ячи правіо, докле годъ нѣга напослѣдокъ тако добро нисамъ утвердіо, какогодъ штосамъ и друге

начи-

начинїо, али къ тому много выше времена узео, и много дуже пословао.

Све ово дѣло предузеосамъ я изъ самога страха сбогъ оне человѣческе стопе, коюсамъ видѣо, ербо їошть и досадъ нисамъ ни еднога человѣческаго созданїя къ Острову идућа видѣо, и такосамъ већь две године у овому неспокойству живїо, и кое э доиста животъ мой много ужасніе чинило, нежели што э онъ преће быо, и кое доиста сваки знати може, кои знаде штосе то зове непрестано у замки человѣческаго страха живѣти.

Їошть и кромѣ тога жалостно исповѣдити морамъ, да э мое душевно неспокойство такожде моему благоговѣйнству врло убиточно было. Ербо страхъ и трепетъ дивякомъ и человѣкоядцемъ у руке пасти већь э мене скоро надвладао быо, дасамсе я рѣдко у пристойномъ покою нашао, къ творцу моему прибѣгнути, а найманъ не съ онакомъ нѣкомъ спокойномъ тихостїю и понизностїю, као што э иначе обикновено было. Моліосамъ Бога као у великой жалости и утѣсненїю, башъ као дабы непрестано съ погибелїю каковомъ окруженъ быо, и мораосамъ сваку ноћь очекивати їошть преће сванућа убїенъ и изѣденъ быти. И овде изъ мога

мога собственаго искусства примѣтити морамъ, да э человѣкъ съ полнимъ сердцемъ покоя, благодарности, любови и склоности много способнїи къ молитви, него када э полнъ страха и немира, и да подъ непрестанимъ страхомъ близу предстояще несреће тако исто мало дужность свою радостно Богу молећисе исполнити, како годъ и на смертномъ кревету покаяніе учинити може.

Али садъ далѣ. Послѣ какосамъ овимъ начиномъ едну часть мога малога стада у свободу и безбѣдность довео, проходіосамъ дакле свудъ по цѣлому острову, дабы їошть едно оваково мѣсто за мое остале козе наћи могао. Кадсамъ овомъ приликомъ выше къ западнѣму верху острова дошао, и далъ него штосамъ икадъ преће дошао, и къ мору горе погледао, учинимисе, да у нѣкоему великому отдалѣнїю чунъ на морю видимъ. Ясамъ у сандуцы матроски, коесамъ изъ лаће избавїо, нѣколико пусула нашао, али ихъ кодъ себе неимадо, и вещь, коюсамъ я усмотріо, была э тако далеко удалѣна, да я нисамъ знао, штоћу свойствено отъ тога мыслити, башъ акосамъ толико дуго непренући за ньомъ и гледао, колико годъ дуго очи мое

у одер-

одержати могоше. Ели доиста чунъ быо или не, сказати немогу; а кадсамъ съ брда сишао, нисамъ могао выше о томъ ништа видѣти, и такосамъ то дакле оставїо, само намисліосамъ то выше никада безъ пусула на полѣ исходити.

Кадсамъ съ брда на край острова дошао, гди доиста преѣе тога никадъ быо нисамъ, быосамъ абїе совершено увѣренъ, да то никакова рѣдка ствар нїе была, као штосамъ я себи вообразїо человѣческу стопу на острову видѣти; и кадъ я особнимъ провидѣнїемъ Божїимъ не бы на ону страну острова на брегъ баченъ быо, тобы я скоро искусити морао, да ништа обыкновенїе нїе; него да чунови дивяковъ отъ сталне землѣ, кадъ мало далѣ у море заѣу, на овой страни острова стану и пристанище тражу, и дасе они многократно на морю сусретну, и съ нынима чунови едни спроѣу другїи бїюсе, то обычествую побѣдители свое робове овамо на брегъ доносити, гди они ны по своему ужасному обычаю (ербосу сви человѣкоядцы) убїютъ и поядутъ; алиѣу отомъ далѣ у слѣдству сказати.

Кадсамъ вечь, као штосамъ казао, съ брда на брегъ доле дошао, кои э юже восточна

сточна страна верха быо, абїесамъ отъ чуда и ужаса изванъ себе быо. Неможесе никоимъ начиномъ страхъ душе мое представити, кадсамъ я цѣлый брегъ съ мертвими главами, руками, ногами, и членми и костми человѣческога тѣла покривенъ видѣо. Особито смотрїосамъ едно мѣсто, гди э ватра наложена, и кругъ у земли обкопанъ быо, гдису безъ сумнѣ ови безчеловѣчнїи и гнуснїи дивяцы на ныни безчеловѣчнїи пирови тѣлеса своихъ сочеловѣковъ изѣли.

Ясамъ на ово позорище тако ужасненъ быо, да я на погибель, отъ коесамсе самъ бояти имао, нимало помыслїо нисамъ; само помысль отъ ове безчеловѣчне, и башъ пакленске гнусности, и ужасъ о оваковой неваляности человѣческогъ естества прогутаоми э све друге мысли, башъ акосамъ я често што годъ о томъ и говорећи чуо, но кодъ вещи саме їошть никадъ тако близу нисамъ быо. Кратко, отвратїосамъ лице мое отъ овога гнусногa позорища, и абїе быломи э зло, и хотеосамъ скоро у несвестицу пасти, кадъ небы наравъ наглимъ блюванѣмъ къ тому помогла была, истина съ шимсамсе окрѣпїо мало, но ни едногъ часа дуже терпѣти нисамъ

 могао

могао далѣ на овому - мѣсту задержатисе, пошаосамъ дакле штосамъ брже мого; опетъ преко брда горе, и послѣ къ моему обиталищу.

Кадсамсе изъ овога предѣла нѣчшо мало удаліо, стаосамъ нѣко време сасвимъ устрашенъ стоящъ; послѣ какосамъ малко къ себи дошао, погледаосамъ съ внутренимъ побужденіемъ душе мое и съ плачущима очима къ Небу и благодаріосамъ Богу, дасе онъ мени у онаковой части свѣта родити дао ни э, гди я отъ такови страшни созданія преимущество имамъ, и да онъ мени, акосамъ я башъ мое садашнѣ станѣ и за крайнѣ неволно держао, опетъ мени у нѣму много благо дао, да више повода нѣму благодарити, нежели тужитисе имамъ, особито дасамъ я у овомъ бѣдномъ стаю нѣговимъ признаніемъ, и надеждомъ милости нѣгове обдаренъ био. Едно блаженство, кое сву бѣду, коюсамъ я досадъ претерпіо, или іошшъ терпѣти могу, више нежели богато попунява.

У оваковомъ благодарномъ душевномъ укрѣплѣнію пошаосамъ я опетъ у мой градъ натрагъ, и почеосамъ ради безбѣдности мое много спокойніи бывати, нежели штосамъ икадъ прѣе био: Ербосамъ

я примѣтіо, да ови безчеловѣчницы никадъ у таковомъ намѣренію на ову самоћность недолазе, дабысу они што годъ овде за себе тражили; ербо може бити, да они ништа требовали, и такожде овде ништа наћи надалисе нису, и былису безъ сумнѣ много крати овде, у оныма съ шумомъ покривеними предѣли неналазећи нинайманѣга, чега бы они требовали, знаосамъ, дасамъ овде веће пуни 18*тъ* година быо, и никада нинайманѣ што прѣе отъ каковога человѣческога трага видѣо; и тако исто могаобы іошшъ 18 други овде сакривенъ бити, какогодъ и садъ, кадъ имсе самъ небы явіо, къ чему я башъ никакове причине имао нисамъ; садъ э мени до тога было, себе сасвимъ сакривена содержавати, гди стоимъ, кадъ болю классу люди немогу наћи нежели ову человѣкоядцовъ, и хотеосамсе ныма явити.

Али э іошшъ свагда омерзеніе ови безчеловѣчни дивяка, и ныни гнусни обычаи еданъ другога изѣети кодъ мене остало, дасамъ я послѣ тога скоро 2: године іошшъ замышлѣнъ и ужасанъ остао, и себе у моему собствеиому кругу мирно содержавао. Подъ моимъ собственнимъ кругомъ разумѣваосамъ я такожде моя 3 мѣста

и садове: шо есть; мой градѣ, мое лѣпно мѣсто увеселенїя, коесамѣ сѣницомѣ називао, и мое граде у шумахѣ. Ясе послѣ ни о чему нисамѣ бринуо нежели о моима козама; ербо э омерзѣнїе, коесамѣ я отѣ нрави противѣ ови пакленски безчеловѣчника имао, тако велико было, дасамсе тако врло страшїо отѣ ны, башѣ како дабы и самога дїявола видѣо. Такожде за сво цѣло време нисамѣ имао бриге за мой чунѣ нитисамга посѣщавао, него на то склоненѣ быхѣ радїе новѣ начинити; ербо далѣ пробе чинити онай други чунѣ около острова овамо довести, на то выше нипомыслити немого отѣ страха, да небы на нѣкое отѣ ови дїявола на морю ударїо и што бы онда случай мой быо, кадбы имѣ у руке пао, тосамѣ їоштѣ напредѣ знао.

Време меѣу тимѣ и удоволствїе да я нисамѣ у погибели быо отѣ овога народа видѣнѣ быти, учинило э, да э страхѣ и неспокойство ныхѣ ради кодѣ мене мало по мало сасвимѣ изчезнуло; и я стао опетѣ онимѣ начиномѣ мирно живити како и преѣе, само сѣ томѣ разликомѣ, дасамсе выше осврѣао и на себе позорствовао, нежели иначе, да небы коимѣ начи-

начиномѣ отѣ ныхѣ видѣнѣ быо. Особито узеосамсе сѣ пуцанѣмѣ болѣ у паметѣ, да небы кои отѣ ныхѣ на острову гласѣ отѣ пушке чуо. Врло э добро дакле за мене было, дасамѣ себе сѣ чопоромѣ дивїи коза снабдѣо, и выше потребе нисамѣ имао друге по шуми ловити, или пуцати; и кадсамѣ послѣ кою уфатїо, тое свагда было у замку или ловку тако, да послѣ читаве 2 године, какосамѣ мыслїо, ни еданѣ кратѣ пушку мою избацыо нисамѣ, ако башѣ безѣ нѣ никадѣ на полѣ и неизлази, и да нисамѣ кромѣ тога свагда 3 пиштоля или баремѣ два, коесамѣ изѣ лаѣе донео, за моимѣ кожнимѣ поясомѣ задевена имао. Такожде еданѣ отѣ они велики мечева, коесамѣ изѣ лаѣе изнесао, преправїосамѣ како валя, и зато каишѣ или обѣсу начинїо, гдисамга заденуо, садѣ да їоштѣ приложимо кѣ преѣашнѣму описанїю, коесамѣ о самѣ себи учинїо и їоштѣ два пиштоля и овай великїй мечь, когасамѣ у повѣсницы безѣ корица при бедри моей обѣсїо, и нека себи страшни видѣ, когабы я у очїю свакога, койбыме видѣо, представлао, помысли.

На овай начинѣ мыслїосамѣ я, као штосамѣ казао, отѣ нѣкоего времена кромѣ велике

опа-

опасности мое, дасамъ опетъ къ моему первому тихому и мирному животу дошао. Све ове вещи показиващеми свагда выше и выше, колико э станѣ мое отъ тога удалѣно найгоримъ быти у сравненію нѣкихъ другихъ человѣковъ, и башъ съ нѣкими особними обстоятелствы живота, у коя э мене Богъ поставити могао, кадбы само произволео быо. Ово э довело мене такожде и на то разсмотреніе, коликосе мало тужби по между людма о качеству годъ каковога станя и живота чути може, кадъ оны станѣ свое іоштъ съ другимъ каковимъ горимъ сравняваю, и зато Богу благодарніи бываю, него дабысе са срѣнимъ сравнявали, и о томсе тужили и роптали.

Садъ вѣкъ кадъ э у моему садашнѣму станю доиста врло мало вещи было, кое небы имао, помисліосамъ, да э скоро страхъ, у комесамъ я ради ови дивяка быо, и брига мога ради собствената содержанія остроћу мое изобретенія силе къ нѣкимъ угодностемъ сасвимъ утупила. Изъ међу другіи вещи едносамъ добро намѣреніе изоставіо, на коесамъ я кадъ годъ мысли мое управіо быо, а то э было пробу учинити небыли отъ ечма мога матеріялъ брашно

шно начиніо, и пиво кувати могао. Особито наумнѣніе было э то доиста свагда, о коемусамъ често самъ себи изобличеніе учиніо; Ербо при томъ ніе было само то, што я много вещи неимадо, кое къ пиву кувања необходимо нуждне бяху. Као штоми э н: п: абіе немогућно было бечке начинити, дабыга у ны салити и оставити могао; ербо ово, како штосамъ казао, немого никоимъ начиномъ у состоянie довести; акосамъ башъ многе дане недѣлѣ и мѣсяце, али свагда всуе и а то употребіо. Къ тому нисамъ имао млѣха, съ чимбысамга начиніо, дабысе держати могло; никаковога квасца нѣга у движеніе довести; накаковога великога котла, у коемубысамга кувао. И несмаіпраюћи на то све кадъ небы страхъ и ужасъ ради дивяка међу то дошао, то бы я опетъ то дѣло предузео быо, пакъ можетъ быти, дабысамъ и у томъ преуспѣо. Ербо често, кадсамсе вѣкъ усудіо штогодъ започети, то я никадъ неостављя, докле годъ то у совершенство довео нисамъ.

Али э садъ моя сила изобретенія сасвимъ на друге предмѣте управлѣна была; ербо данъ и ноћь нисамъ могао я ништа друго мыслити, него какоћу нѣколико

ко ови безчеловѣчника кодъ ныни гнусни крвави и торжествени ручкова напасти и ако могуће буде, жертву, коюсу овде заклапи донели изъ руку ныни исторгнути моћи. Былабы іоштъ већа книга, него што э ова, по моему намѣренію изискивати, кадъ бы я све оне совѣте, коисусе у мысли мой излегли, овде ставити хотео; ова свирѣпа созданія истребити или найманѣ ны тако уплашити, дабы имъ воля опетъ овамо доћи на вѣкъ исчезнула. Но я себе ни къ чему извѣстному склонити нисамъ могао; ербо ништо неможе дѣиства имати, ако я самъ при томъ небы быо, и што бы могао само еданъ человѣкъ съ нима расправити, гдибы ны, можетъ быти, 20 до 30 съ нынима копіями, и стрѣлама за едно быти могло, съ коима они тако извѣстно у нишанъ, какогодъ и я съ пушкомъ трефити могутъ.

Кадъ кадъ намысліосамъ яму подъ мѣстомъ, гди ватру ложе, ископати, и 5 или 6 фунти баруша у ню метнути, да кадъ оны ватру наложу, дабы ватра барутъ упалила, и свію унаоколо у воздухъ бацыла. Али перво радъ быо нисамъ толико баруша на то потрошити, ербо э и безъ тога савъ мой имушакъ само

само у едному буренцету состояо. Пакъ онда нисамъ могао извѣстанъ быти, даће се барутъ башъ у право време упалити, и ны у страхъ метнути моћи, и ватра бы имъ найвыше мало около ушію ударила, али не толико, дабису оны мѣсто ово на вѣкъ оставили. Ясамъ дакле престао отъ тога и намыслiосамъ на каковомъ приличномъ мѣсту съ моима трима суго-бо набiенима пушками у заклонъ стати, и башъ у ныной крвавой жертви на ны ватру дати, гдибы я извѣстанъ быти могао на сваки удараџъ ны два или три убити, или найманѣ ранити, а кадъ послѣ сасвимъ съ моима трима пишполи, и съ палошемъ на ны нападнемъ, тоћу я ны безъ сумнѣ морати, башъ акобы ихъ и 20 было, свію пошући. Съ овимъ намѣренiемъ услаждаваосамсе нѣколико неделя и тако съ тимъ напунѣнъ быо, дасамъ често о томъ снивао, и башъ кадъ кадъ хтеосамъ изъ самога сна устати и на ны пуцати.

Ясамъ противъ ны мою ярость толико далеко распустити дао, дасамъ съ тимъ читаве дневе провео прилична мѣста тражити, гдибысе у заслонъ ставити могао, дабы на ны вребао. Често отишаосамъ къ самому мѣсту онамо, съ коимсам-

се

се већь сада болѣ познао, особито кадъ ѳ душа моя пуна отмщенїя и тога помисла была, међу 20: и до 30: ны страшно кровопролитїе учинити.

Послѣ дугога траженя нашаосамъ напослѣдокъ таково мѣсто на страни едногa бердашца, гдиђу я, докъ видимъ, да чунови овамо дођу, свободно чекати, и послѣ докъ они сасвимъ на брегъ дођу, угустину шуме уклонитисе моћи, гди ѳ їошть къ тому едно шуплѣ дрво стаяло, и кои ѳ дуплѣ доста велико было мене сасвимъ сакрити. Овде дакле могаосамъ вребати и на сва нына крвава предвзятїя позорствовати, и кадъ оны доста густо заедно у кругъ сѣдну, управо на ныне главе наперити, да небы никоимъ начиномъ могуће было фалити, или баремъ найманѣ 3: или 4: на первый ударацъ ранити.

На овому мѣсту хотеосамъ дакле намѣренїе мое произвести и већсамъ мое две мушкете и птичарицу обыкновену къ тому приправїо. Обадве мушкете напунїосамъ сваку съ нѣколико комади гвожђа, и съ четирма и до пешъ мали шанети а птичарицу съ пуномъ шакомъ найкрупніе сачме, и све пиштолѣ мое напунїосамъ сваку съ четирма шанети: овако вооруженъ съ барутомъ

рутомъ и оловомъ къ другому и трећему набою добро учрежденъ приправїосамъ дакле себе на войску или сраженїе готова.

Послѣ какосамъ савъ совѣтъ мой у чисто довео, и у моей памети већь нѣга произвео, исходїосамъ свако ютро на верхъ онога брда, кое ѳ отъ града мога, како штосамга называо, до 3: мїлѣ далеко было, дабы отудъ на море за чунови гледао нећели кои близу брега доћи, или башъ къ брегу стапи. Послѣ какосамъ я 3: и до 4: мѣсяца непрестано стражу мою всуе держао, напослѣдокъ быосамъ отъ ове тяготне вещи доволно у тружденъ, ербо цѣло ово време ніе было нинайманѣга шта ити близу къ брегу ити на цѣломъ пространомъ морю, коликосу годъ далеко очи мое и пусулъ на све стране видѣти и усмотрети могле.

Коликосамъ годъ я дуго повседневни входъ мой къ брду ићи, дабы штогодъ усмотрїо, чинїо, толико дуго содержавалосе и намѣренїе мое, и душа моя чиняшесе преко цѣлога овога времена у пристойномъ вооруженїю къ оваковоме свирѣпому предвзятїю быти, 20: до 30: голи наги дивяка ради еднога точїю ѣпреступлѣнїя убити, кое я у мысли моей їоште далѣ испи-

тао

тао нисамъ, него само толико коликосе э ярость моя отъ чуда и ужаса упалила, кое э неприродни обычай народовъ ови предѣла у мени возбудило, кое э провидѣніе мудримъ управлѣніемъ свѣта допустило, што быти являшесе, да они никаковога другога вожда непознадоше, нежели ныне собствене развращене и мерзске страсти, и коису дакле — већь много вѣкова можетъ быти — до тогъ доведени были, овакове гнусне погрѣшке чинити, и овакове презрѣне обычае примити, у коесу они само отъ Неба каковомъ сасвимъ презрѣномъ и спроћу тога отъ нѣке пакленске невалялости побужденомъ нрави опровергнутису быти могли. Али кадсамъ я, као штосамъ казао, отъ овога повседневнога и суетнога терчаня у трудженъ био, започелосе такожде и мнѣніе мое всмотренїи овога дѣла самога премѣнити, и ясамъ садъ мирніе и съ хладніомъ крви оно разсмотравао, штосамъ предузети хотео; каковосамъ я право достойнство имао себе за судїю и отмстителя ови люди аки преступниковъ издати, кое э Богъ за добро пронашао толико вѣковъ безъ наказанїя оставити, и ны саме за отмстителѣ нѣговогъ суда по међу собомъ пустити; каковосу зло ови

народи

народи мени учинили, и ткоміе то право дао ны ради собственогъ кровопролитія међу собомъ на хесапъ вући. они овде ништа противо болѣга знаня и совѣсти нечине, и совѣсть нына нечини имъ тога ради никаковога угризенїя. Они ни то незнаду, да они овде каково безаконіе чине, а нечинега Божіей правди утруцъ, као што мы скоро кодъ свїю наши грѣхова чинимо; ербо они недерже ни закакови већи грѣхъ едногъ свога роба како годъ и мы еднога вола убити, и месо человѣческо ясти, како годъ и мы овчіе.

Кадсамъ ово све у самъ себи болѣ разсудїо, то э сасвимъ наравнимъ начиномъ оттудъ и слѣдовало, дасамъ я врло неправо имао; да ови народи у правому разуму узимаюћи никакове убїйце нису были, као штосамъ я ны преће умыслима моима осудїо, и башъ тако мало како хрїстїани, кои често воене робове убїяю, или читаве чопоре люди недаюћи имъ пардона иссѣку, башъ акосу оружїя своя и положили и себе предали были.

Іоштъ и кромѣ тога помыслїосамъ, акое башъ начинъ какосе они међу собомъ предсрѣтаю и крайнѣ скотски, тосе та вещь право судећи опетъ мене ништа до-

пицала

тицала нїе: мене народи ови нису никадъ увредили. Започнули они штогодъ противъ мене, и я нађемъ, да э то ради мога собственога содержанїя нуждно на ны напасти и бранитисе, тоће быти штогодъ друго; али ясамъ садъ сасвимъ изванъ ныне власти: Они доиста нису могли о мени їоштъ ништа знати, слѣдователно и никакови намѣренїя противъ мене неимаду; неправобы было дакле съ овакимъ начиномъ акобы я ны пређе напасти хотео. Овобы дакле поступокъ *Шпанїеровъ* у свима нынима безчествїи оправдало, коясу они у *Америхи* учинили, гдису они милїоне овихъ народовъ потрли и истребили, кои акосу они башъ Идолопоклонцы и варвари были, и разне крваве и гнусне обычае по между собомъ имали, (Н: п: нынимъ Боговомъ живе луде ожертвовати) и всмотренїи Шпанїеровъ опетъ много невини народъ были; и да Шпанїери ондашнихъ временъ о ныномъ изгнанїю изъ ныне землѣ, сами съ найвећимъ омерзенїемъ и ужасомъ, и сви други хрїстїаски народи оовой крвавой и безчеловѣчнойсвирѣпости говорише, коясе нити предъ Богомъ нити человѣчествомъ оптговорити неможе, и кое я ради само име еднога Шпанїера свимъ народомъ, кои человѣчество

или

или хрїстїанско сожалѣнїе припяжаваю, страшно и ужасно есть; башъ као дабы кралѣвство *Шпанско* тога ради знаменито и примѣчанїя достойно было, што э нѣку врсту люди безъ свакога чувства и сожалѣнїя спроћу овихъ неволниковъ сатерло, коесе иначе за знакъ племенитога душевнога мнѣнїя држи.

Ова разсужденїя довеласу мене доиста отъ тога престати, и я мало по мало отъ мога намѣренїя престаяти почеосамъ, и то заключенїе чинити, дасамъ верло неправо имао ове дивяке напасти, и да мени башъ отнюдъ прилика нїе съ нымасе упустити, окромъ акобы они найпре на мене напали, а и тобы морао, акобы могуће было воспятствовати гледати; аколи я дознатъ и нападенъ будемъ, тоћу я онда знати шта чинити валя.

Съ друге стране помыслїосамъ, да ово никакови правилнїи путь нїе себе освободити, но много выше себе башъ у извѣстну пропасть бацыти; ербо ако я небы сталанъ быо свакога убити, не само онога, коибы онда на брегу быо, него башъ и онога, коибы послѣ икадъ на брегъ дошао, тобы они, акобы само точїю еданъ умакао и землякомъ своимъ казао, штосе случи-

ло,

ль, и онибы извѣстно съ тысящама овамо опетъ дошли, смерть своихъ содружниковъ отмастити; и ондабы сасвимъ извѣстно башъ самомъ моїомъ кривицомъ себе у пропасть опровергнуо.

Вообще найпослѣ учиніосамъ совѣтъ, и ніе допустило мени ниши человѣчество, ниши разумъ гдигодъ на какови начинъ у ову вещь упустишисе: но много выше мораосамсе на све возможне начине отъ ны сакривати, и нинаймани знакъ оставляти, изъ когабы они мыслити могли, да гдигодъ каково живо созданіе, то есть человѣческо на острову имаде.

Сами э законъ мене у овомъ разума заключенію укрѣплявао, и быосамъ на различне начине увѣренъ, дабы овде башъ должности моей напротивъ чиніо, кадсамъ сва ова крвава намѣренія ко истребленію овыхъ невинихъ созданїи учиніо. Ербо найманъ всмотренїи мене былибысу невини, и преступленія, коихсе они еданъ спрочу другога повини чине, нисусе мене нимало допицала. Нравна беззаконія наводе такожде на себе и ыну нравну казнь, и правдаће Божія такожде и безъ мене путь и средство изнаћи знати явно учинѣне погрѣшке

грѣшке явномъ правдомъ, ако за добро наће, наказати.

Све э ово тако ясно было, да мени ништа милїе ніе было, него штосамсе іошть задержао едно дѣло учинити, као штосамъ и много причина вѣровати имао, никаковъ маны грѣхъ него башъ едно самоволно убїйство бытибы морало, кадбыга дѣйствително учиніо био. Ясамъ Богу клечећи на колѣни благодаріо, кои э мене отъ оваковога крававога грѣха сачувао; и молїосамга такожде, дабы онъ мени хранимость свога провидѣнія даровао, да я Варваромъ у руке пао небы, или на ны руку мою положїо, башъ ако и есть, да я къ тому явно званіе отъ Бога имамъ животъ мой защищавати.

Овако мыслећи пребываосамъ іошть скоро цѣло едно лѣто послѣ тога, и быосамъ отъ свега способа удалѣнъ гдигодъ ове неволнике напасти желити, да я ово цѣло време на брдо исходїо нисамъ, дабысамъ видѣо, нећули кое видѣти моћи, или знати, нисули нѣкои међу тимъ брегъ послѣпили были, да небы у искушеніе пао мое прећашнѣ намѣреніе обновити, или гдигодъ каковомъ ползомъ, коябысе показати могла, раздраженъ

было ны напасти. Него само то учинїосамъ дасамъ чунъ мой, когасамъ на другой страни острова имао, отъ тудъ отвезао, и нѣга около восточне части цѣлога острова возїо, гдисамга у еданъ заклонъ или убѣгъ кодъ едне высоке пећине, коюсамъ нашао и приставїо, гдисамъ знао, да дивяцы рѣке ради съ нынима чамцы доћи немогу, башъ акобысу и причину имали онамо отѣрани быти.

Съ чамцемъ моимъ отнеосамъ такожде и све друго, што э къ нѣму принадлежало; то есть катарку платна (парусе) и нѣку вещь, коя э мачку отъ лаће представляла, кое доиста нити мачка нити чакля назватисе може, акое то башъ и штогодъ найболѣ было, штосамъ я на нѣки начинъ скрпити могао, тосамъ я све узео, да небы нинайманѣ сѣнке о каковомъ чамцу или обиталищу на острову дознатисе могло.

Преко тога задержаосамсе, као штосамъ казао, много покривени нежели и кадъ преће и неизоставля никадъ иначе подрумъ, него штосу непреривна дѣла моя изискивала, то есть козе мое мусти и мое мало стадо у шуми нагледати, кое э, ербое оно на другой страни острова было, безъ сваке погибели стояло. Ербо э то извѣ-

стно, да ови дивїи народи, кои кадъ кадъ овай островъ посѣщаваю, овамо недолазе, дабысу овде штогодъ нашли и слѣдователно никада себе отъ брега удалявали нису.

Безъ сумнѣ былису они откакосамъ я страхъ отъ ны предупредни учинїо тако исто као преће на брегу, и доиста нисамъ безъ грозеня на то помислїо што бы отъ мене было, кадбысамъ на ны ударїо и отъ ны дознатъ и то кадбысамъ обнаженъ и безъ оружїя было, кромъ едне птичарице, коя э само за птице сачмомъ набїена была, свудъ по цѣлому острову ходїо, дабысамъ гди штогодъ добыти могао. Какобы мени онда было, кадбысамъ на мѣсто человѣческе стопе 15*тъ* и до 20: дивяка видѣо, коибы мене потерали, и коихъ хитрости я никоимъ начиномъ небы избѣгнути могао.

Овесу мысли мене често сасвимъ удручиле и тако врло узнемириле, да я дуго времена къ себы доћи немого. Кадсамъ помислїо, штобысамъ онда чинити имао, и како више небы у состоянїю было ныма противостати, него їошт безъ сумнѣ доволно присуиствїе духа небысамъ имао оно чинити, штобысамъ иначе чинити могао;

и

и много манѣ то, што сада послѣ таковога многога разсмотренїя и пріуготовлѣнїя чинити бы у состоянїю было, кадсамъ я то све здраво разположїо; иосамъ я о томъ, као штосамъ казао, често сасвимъ занешенъ было и често нисамсе за дуго отъ такови мысли освободити могао. Напослѣдокъ растопилосе то све у благодарности спроћу провидѣнїя, кое э мене отъ такови падежа сачувало, отъ коихъ я самъ себе никаковимъ начиномъ освободити небы могао, ербо я нисамъ имао ни еднога помысла, да бы таково штогодъ могуће быти могло.

Овое кодъ мене разсмотренїя обновило, коясу мени прећашни времена често у паметъ долазила, кадсамъ найпре принимати почео, съ каковомъ милостїю Богъ у погибелемъ, кое намъ овога света преће, съ нама управля; коко чудесно мы избавлѣни и сохранѣни бывамо, башъ како да небысмо ни отдашта ништа знали, како да небысмо знали, хоћемоли овудъ или онудъ поћи нама свагда нѣки тайни знакъ на онай путь показуетъ, кадбысмо на какови другый поћи хотѣли и башъ наша паметъ, или наша собствена склоность, или можетъ быти дѣла наша насъ позываю, другимъ

гимъ каковимъ путемъ поћи, опетъ нѣкое особно удрученїе у сердцу, о коемъ мы ништа незнамо, откудъ и отъ какове више власти оно приходи насъ башъ принуждава овимъ путемъ поћи; и гдисе послѣ често покаже, да кадбысмо мы онимъ путемъ ходили были, коимсмо хотѣли ходити, и по мнѣнїю нашему такожде моралибысмо ићи, сасвимъ извѣстно къ нашей пропасти на срѣтенїе ишли и сасвимъ изгублѣни были. Овои више таковихъ разсмотренїя даласуми поводъ, коесамъ после за постояно правило учинїо, да колькосамъ крати такови тайни знакъ или побужденїе у моему сердцу осѣти ово или оно штосамъ науміо чинити, овимъ или онимъ путемъ поћи, никадъ неизоставити овимъ тайнимъ дарованїямъ сердца слѣдовати; ако я башъ и никакову другу причину зато доказати немогу него, да то и то побужденїе, тай и тай знакъ ощущіосамъ у души моей. Какосамсе добро кодъ наблюденїя ови правила цѣлога мога живота находїо, отъ тога бысамъ могао доста примѣра довести, а особито тосе у послѣднимъ временамъ показало, коясамъ на овой нещастной Ади доживїо; и то многи случая неупоминюћи, на кое отнюдъ нисамъ нипозорствовао, и коебы безумнѣ опасніе примѣтити могао, кадбысамъ онда съ овима истима очи-

ма као садъ гледати могао. Али мудримъ быти нїе никадъ касно, и я зато ништа немогу свимъ разумнимъ человѣкомъ, коихъ э животъ овако чрезвичайни приключенїя пунъ, као што э мой, или кадъ и то небы было совѣповатисе, такове тайне знаке провидѣнія болѣ почитовати. Отъ какова-го невидимаго существа они долазити мо-гу, то нећу а такожде и немогу доказити; алису они доиста право доказателство о содружеству съ дуси и о тайномъ союзу съ нашима у тѣламъ живущими душами и съ онима безплотними доказателстви, коеми-се башъ истино чини, и о коемућу я їоштъ способъ имати нѣколико примѣчанія достойни примѣра слѣдствомъ мога самаћнога преби-ваня на овому страшному мѣсту довести.

Нећедусе читатели мои о томъ нима-ло чудити, кадъ имъ исповѣдимъ чисто да э овай страхъ и ужасности непре-ривне погибели, у коимасамъ я живїо и бриге, коесамъ имао, свимъ изобрѣте-ніямъ и совѣтамъ, коесамъ я къ по правленїю мои будущи уређенїя и угодности имао, конацъ учиниле. Брига за мою свободу и безбѣдность лежала э мени садъ ближе на сердцу; нежели сама средства къ препи-танїю. Садъ отъ страха нисамъ смѣо ни чи-вїю или ексеръ еданъ у дуваръ ударити, да-

се лупа отъ тогъ небы чула; їоштъ манѣ изъ тога узрока пуцао изъ пушке мое; а отъ свїю другїй вещи быосамъ у тысящи брига, кадсамъ ватру на ложїо, да мене дымъ, коисе даню верло издалека видити могао, небы издао. Изъ ове причине совершаваосамъ отъ садъ сва дѣла моя коясу ватру изи-скивала, као н: п: лонце и луле жећи и и прочая у моме новоме обыталищу у шу-мн: гдисамъ я такожде послѣ нѣкоего за-держанїя онде на мою неописану радостъ едну сасвимъ нравну яму у земли нашао, коя э врло дубоко унутра ишла и у кою доиста никакови дивякъ, башъ кадбы предъ нїомъ стаяо, сердца небы имао ући, а їоштъ манѣ гдигодъ каковїи другїй человѣкъ на свѣту, кому нидошта другога тако врло нїе было, као едно свободно мѣсто наћи, гдисе сакрити може.

Шуплина ове яме была э близу кодъ края едне велике пећине, гдисамъ я точїю самимъ случаемъ — да рекнемъ дошао, кадъ небы-самъ толико излишни причина имао сва такова приключенїя Божїему провидѣнїю приписати — нѣколико дебели грана отъ дрвета отсећи и отъ ны углѣвлѣ сажећи. Али пређе него штоћу далѣ поћи, морамъ съ двима трыма речма казати, на штосамъ углѣ ово употребїо.

Ясам-

Ясамсе бояо, као штосамъ казао, димъ кодъ мога обиталища учиниити; али хлѣбъ непеѣи некуваши нисамъ могао я тако живити; паломи э дакле на умъ овде, као штосамъ у Англїи видѣо, дрва подъ лончарскомъ землїомъ запалити, доклесе годъ она у суво углѣвлѣ непретворе. За тимъ угасїосамъ ватру, отнеосамъ углѣвлѣ кући, и совершиваосамъ сь нимъ безъ погибели дима све оно, кь чемусамъ досадъ ватру потребовао.

Но то све мимогредъ сѣкући и сваливаюћи овде дрвета усмотрїосамъ за нѣкомъ густомъ шумицомъ нѣки начинъ дупля. Быосамъ дакле отъ выше любопитливъ у нутра погледати, и гдисамъ, кадсамъ послѣ великога труда у яму ушао, видїо, да э доста простирана и доволно велика была, дабы я и їоштъ, можетъ быти, еданъ самномъ у ной управо стаяти могао, али истину исповѣдити морамъ, дасамъ изъ нѣ берже излетїо него штосамъ уню ушао. Ербо кадсамъ я 'дублѣ у яму погледао, гди э совершена тавность распростерта была, усмотрїосамъ 2: велика горяща ока, ели дяволска или человѣческа то нисамъ знао — и коясу као 2: звѣзде трепетала; ербо

э

э помраченость свѣтлости управо, у яму падала и засѣность чинила.

Малко часъ какосамсе охрабрїо и себе тысящу кратъ будаломъ наименовао, рекаосамъ у самъ себи, ткосе бои дявола видѣти, тай неваля да сасвимъ самоћанъ 20: година на едномъ пустомъ мѣсту живи, а башъ найпослѣ ни э могло ни у ями штогодъ страшнїе быти, него штосамъ я самъ быо. Овдесамъ садъ скупїо сву сердечну мою храбрость и пошаосамъ унутра тако щастно сь горящомъ лучомъ у руцы; текаръ штосамъ само 3: коракляя далѣ пошао, алисе я опетъ онако напуни страха као и преѣе. Ербо перво штосамъ чуо, было э едно дубоко уздисанѣ человѣческо, коибы какову болесть терпити имао, за коимъ э смутни шумъ аки отъ полу изговорени речи и за нымъ їоштъ едно уздисанѣ и слѣдовало. Овдесамъ натрагъ уступїо и быосамъ тако уплашенъ, да э мене хладни зной по цѣлому тѣлу пробїо; и кадбысамъ быо шеширъ на глави имао, немогу добаръ стаяти зато, да нѣга кика, коями э у высину расла, небы сь главе свалила. Но преко свега ясамъ добїо на ново бодрость, и скупїосамъ крѣпости, коликосамъ годъ могао, и сь тимъ помысломъ себе о-

петъ

петъ охрабрїо. Богъ есть всемогућанъ и вездѣ присутствующъ, тай мене може и овде сачувати; и такосамсе усудїо опетъ 2: коракляя напредъ поступити, и тамо уємотрїосамъ мою горящу лучу мало више отъ главе держећи едногъ страшногъ старога ярца у послѣднѣму издиханїю на земли лежаща, и кои башъ изъ саме дубоке старости манкати э хтео.

Покренуосамга едно мало съ мѣста, да видимъ, нећулига моћи на полѣ изнети, и онсе такожде самъ трудїо, дабы устао, али ни э быо у состоянїю, и я самъ у себи помыслїо, нека онъ ту свагда лежећи остане, гди э; и кадъ э мене онъ тако уплашїо, тоће онъ доиста и свакога дивяка, коибысе усудїо унутра ући, їошћъ више уплашити, ако онъ їошћъ узживи.

Кадсамъ отъ страха опетъ къ себи дошао, стаосамъ свудъ унаоколо разгледати, коесамъ и нашао, да э яма верло малена была, рецы едно 12 *тъ* стопа простирана, али нити э округла нити четвероуголна была, и гдѣ никада рука человѣческа нинайманѣ што привредила нїе, него башъ све само дѣло естества было. Смотрїосамъ такожде, да э и настражнѣй страни едно дуплѣ было, кое э у дублину далеко ишло, али

тако

тако єниско, да я и на ногахъ и рукахъ пузитисамъ морао, акобысамъ унутра хотео; кудъ э ово дуплѣ ишло, то нисамъ знао. А садъ кадъ више свећe нисамъ имао, мораосамсе свега оканити; намыслїосамъ обаче са свећомъ и кресивомъ снабдѣнъ, когасамъ отъ фалѣ едне мушкепе начинїо, опетъ овамо доћи.

Другїй данъ дошаосамъ опетъ овамо са шестъ велики свећа мога собствената дѣла (ербосамъ я верло добре свећe отъ козїега лоя правїо:) снабдѣнъ, и мораосамъ у више речену яму 10 *тъ* кораклаи четвероношке далеко ићи: но то э мимогредъ казано — доволно дерзновено, ербо знати нисамъ могао, коликосе далеко она простирала, и кудаћу изићи. Послѣ какосамсе крозъ перву тѣснину провукао, примѣтїосамъ, да э кровъ или горня часть яме, све више и више а найпослѣ и до 20: стопа высокъ было. Али то казати могу, да їошћъ никада на цѣлому острову оваковога славнога предмѣта видѣо нисамъ, као штосамъ у стѣнамъ и крову ове яме видѣо. Више отъ стопину тисяща свѣтила бацылису свое луче изъ стѣна на мое 2: свећe ныномъ противо-свѣтлостїю натрагъ. Што э то дакле у овима стѣна-

ма

ма было ели Дїаманти, каменїе драгоцѣнно или злато, коесамъ и найпре вѣровати могао, немогу сказати.

Мѣсто, гдисамсе я нашао, была э една чрезвичайно красна яма или грота али сасвимъ мрачна; патосъ био э савъ сувъ и раванъ и съ малимъ краснимъ пескомъ покривенъ, ништа гаднога видѣти небы, такожде ниши паре, нити мокроће на стѣнамъ и крову видѣти. Овде э была само една тягота при уходу, но овосамъ я держао, даће мени мѣсто свободе и прибѣжища за едну особиту ползу быти. Ясамсе доиста о овому изобретенїю отъ свега сердца возрадовао, и намыслїосамъ безъ отложенїя нѣке отъ они вещи овамо пренети, коесуми найвыше на сердцу лежале; особипо мой имутакъ баруша, и мое оружїе, као: мое две птичарице ербосамъ ихъ 3: у свему имао: шры мушкеше, коихъ э 8: у свмеу было, отъ коихъ э дакле само 5: у моему граду остало, и коесу као топови намѣщене къ моему защищенїю за опалѣнѣ готове стояле, и коесамъ обаче кадбы ихъ годъ требовао, отудъ сни мити могао.

При овому способу мораосамъ такожде мое буренце съ барутомъ, коесамъ изъ мора

мора извадїо, и кое э већь мокро было, отворити, и видѣосамъ, да вода на свима странама унаоколо нїе выше него 4: цола у нѣга ушла, а будући дасе э внѣшнѣ у тверду кору учинило, а внутренѣ равно као езгра у люски читаво и добро содержало: тако дасамъ скоро до бо: фунти верло добра баруша у среди буренца нашао, коеми э у оно време верло поволны добитакъ было. Ясамъ то дакле све скупа овамо пренео, и никада выше отъ 2: или 3: фунше баруша у моему граду изъ страха каковога нападенїя кодъ себе задержао. Све олово, коесамъ за кугле правити держао донесамъ у ову яму.

Ясамъ у свачему тако преуспѣвао, као еданъ отъ етари Рисова, коису, као штосе сказуе, у яма и дупли пећина обитавали, гди къ ныма нитко живи доћи нїе могао, и ясамъ увѣренъ было, да акобы мене и 500: дивяка потерали, они мене опетъ, кадбы я већь овде было, никада небы могли наћи, и акобыме башъ и нашли, небысе опетъ усудити смѣли, мене овде напасти.

Онай сшари яраџъ, когасамъ овде нашао, манькао э сутра данъ у уходу яме и верломисе лакше учинило овде велику яму ископати, нѣга шамо бацыши и земљомъ по-

крити

крити нежели нѣга на полѣ извлачити, и закопаосамга дакле овде, дабы носъ мой отъ свакога злога мириса сачувао.

Кадсамъ већь садъ 23: године мога живота на острову провео и мѣсто и уживанѣ мое навикао, него само дасамъ їоштъ извѣстанъ быти могао, да нећеду какови дивяцы овомо доћи и мене узнемирити, я бы доиста сасвимъ удоволянъ быо, цѣли остатокъ мога прочега живота и башъ до самога послѣднѣга мога издиханїя овде провести, докле годъ небы као и онай стари вождъ стада (яраць) у яму пао, и духъ мой Богу предао. Ясамъ већь толико далеко дошао быо, дасамъ себи нѣка увеселенїя и забаву прибавїо, коясу учинила, да э мени време много радостнїе нежели преће пролазило. Первосамъ мога папагая говорити учїо и онъ э све тако исто правилно и ясно изговарао, дасамъ я о томъ неисказану радость имао и онъ 26. лѣта самномъ живяше. Коликое онъ послѣ тога живити могао, то незнамъ; него толико, дасамъ у *Бразїлїи* чуо, да птице ове стотину година живити могу. Можетъ быти, да нѣкои отъ мои папагаїа їоштъ и садъ на острову живу, и непрестано *сирото Робїнъ Круссе* вичу. Я доиста ни

едному

едному Англезу тую несрећу нежелимъ онамо доћи и ны слушати; али акобысе случило, тобы онъ сасвимъ извѣстно мыслити морао, да то дяволъ овде быти мора, пасъ мой быоми э пуны 16: лѣта верло поволни и вѣрни содружникъ и отъ саме дубоке старости морао э манькати. Штосе э мои мачака дотицало, онесусе съ почетка тако умножиле быле, дасамъ я на послѣдокъ принужденъ быо ны потући, да небысу мене самога, и све штосамъ годъ имао, изѣле. Послѣ какосамъ оне две старе, коесамъ сасобомъ донео, отерао, и друге свагда отъ себе на друго време отеравао, и оне кодъ мене за ело ништа наћи нису могле, подивячилесусе и отишле све у шуму кромѣ еднога пара мои любимїй, коесамъ питомо воспитао, и ныне мачиће, кадсу кое добиле, абїе у воду бацыо, овесу такожде чиниле едну часть мога домаћега дружства. И кромѣ ови держаосамъ свагда два или три мала ярчића, коесамъ изъ руке ясти научїо. Тако дакле имаосамъ їоште выше папагая, коису сви верло добро говорили, и сви *Робїнъ Круссе* викали, ако башъ не сви онако као мой первый, ербо съ ныма и толико труда нисамъ имао, као съ онимъ первимъ. Такожде морскїй птица,

коихъ имена нисамъ знао, коесамъ на брегу уфатїо и припитомїо и крила подстригао, и кое послѣ кадсу тачке, коесамъ предъ зидомъ мога града насадїо, вешсе украсанъ лѣсъ премѣниле быле, све тамо живиле, и на ниски дрвети легласе, кое э моя велика радость была, и такосамъ, као штосамъ казао, животъ мой овде сасвимъ удоволно проводїо, кадбысамъ само отъ погибели дивяковъ свободанъ быти могао.

Али э за мене штогодъ друго опредѣлено было, и сваки, кои ову повѣсть чита, може отудъ полезну науку примити, да врло често у животу нашему оно штасе найвешма ошаяти тражимо, и да намсе, кадъ вешь у то паднемо, найстрашніе чини, башъ право средство и врата къ нашему избавленїю водяща есть, и да тимъ отъ свїю противностей нашихъ избѣгнути можемо, у коясмо пали. Я бысамъ то неизброенимъ числомъ примѣровъ мога живота освѣдочити могао: и то никадъ однако: примѣчанія достоинимъ начиномъ ніесе показало, као у послѣднимъ лѣтамъ мога самошнога на овой Ади пребываня.

Када э вешь мѣсецъ Декемврій у моему 23*му* лѣту было; и да э южни вѣтаръ

таръ (ербо зимомъ ніесе могло назвати:) и време мое жетве было, и вышесамъ на полю нежели кодъ куће быти морао. Кадсамъ еданъ кратъ уютру, прешће него што э данъ было, на полѣ изышао, видѣосамъ за велико чудо свѣтлость отъ нѣке ватре на брегу, рецы 2: мїлѣ далеко отъ мене, и башъ при краю острова, коесамъ я примѣтїо и дознао, дасу дивяцы али не на моей него на оной другой страни острова были, али э ово садъ на мою велику жалость на моей страни острова было.

Ясамъ доиста о овоме усмотреню сасвимъ уплашенъ было, и абіе у нѣку малу шумицу фришко побѣгао, изъ кое отъ страха, да не бы нападенъ было, на полѣ изићи нисамъ смѣо. А и у шуми нисамъ мира имао, ербо э мене ова брига утѣсняла, да небы мое іошть полакъ пожнѣвено житто или гдигодъ едно мои зданія или ограде видѣли, изъ чегабы абіе дознати могли, да жителя на мѣсту овому имаде, и послѣ отъ траженя небы престати хотѣли, докле годъ башъ и мене самаго небы нашли. У овой бѣди и страху повратїосамсе у мой градъ натрагъ, узвукаосамъ лѣствицу засобомъ унутра и уредїосамъ све да

дивячно и нравно буде, како штосамъ болѣ могао.

Затимъ ставїосамъ себе у возможно защищенїя станѣ, дабы све мое топове, као штосамъ ихъ називао, то есть мое мушкете, коесу на моему новому граду намѣщене быле, ктому їоштъ и мое пиштолѣ, и быосамъ намышлѣнъ себе до послѣднѣга часа крѣпко бранити; причему нисамъ заборавїо сердечно Бога призвати, да бы мене изъ руку ови Варваровъ избавїо. У овому стаяосамъ рецы 2: сама дуго, алисамъ я почео отъ выше нестерпѣливъ бывати извѣстіе добити, како на полю стои; ерво Шпїона когабы онамо послао, нисамъ имао.

Послѣ нѣкоего часа сѣдећи и мислећи шта у овому случаю започети имамъ, нисамъ могао напослѣдокъ выше терпити и дуже у неизвѣстности овой остати; намѣстїосамъ дакле лѣствицу мою на страни брега, гди э равно мѣсто было, узвукаосамъ ю за собомъ, и намѣстїосамъ ю опетъ, и тако попеосамсе на верхъ берда. Овдесамъ извадїо мой пусулъ, когасамъ на тай конацъ съ сасобомъ узео, легаосамъ на тербу на землю доле, и гледаосамъ къ мѣсту

мѣсту оному. Абїе усмотрїосамъ найманѣ до десетъ дивяка, коису наги голи около ватре, коюсу наложили, сѣдили. Мыслїосамъ, ватру нису отнужде наложили, дабысе грѣяли, ербое и безъ тога чрезвичайна врућина была, него на онай конацъ, као штосамъ я мыслїо, еданъ ныни Варварски ручкова отъ меса человѣческога угоповити, коесу они — ели живе или мертве, я знати нисамъ могао, съ собомъ овамо донели.

Ималису два чуна съ собомъ, коесу къ брегу привукли, а будући да э онда бащъ време приплива было, учнимисе, да оны на отпливъ чекаю, да съ острова опетъ натрагъ отиду. Страхъ, кога э ово позорище у сердцу моему пробудило, едва-се помыслити може, а особито кадсамъ ихъ на моей страни острова и їошъ къ тому тако близу себе видѣо. Али кадсамъ я већь еданъ кратъ примѣтїо, да они другоячїе нежели съ припливомъ овамо доћи немогу, тосамъ и я затимъ мирни быо, и себе увѣрїо, да я преко цѣлога овога приплива и отплива времене у полной свободи по цѣлой Ади моей ходити могу, ако они већь преће тога небы на суву были. Такожде послѣ овога искуства, и ишао-

самъ

самъ на полско дѣло мое съ мирномъ душомъ, како годъ штосамъ я мыслїо, онако э было. Ербо едва штосе отпливъ къ западу кренуо, ясамъ ны свїю смотрїо у ныне чунове улазећи, и вообще отъ овудъ веслаюћи. Заборавїосамъ сказати, дасу они еданъ читавъ сатъ преће него штосу отишли, коло уватили и играли, при коемсамъ я све скокове и поскакиваня нына на мой пусулъ гледећи верло добро и ясно видѣти могао. Съ моимъ остримъ примѣчанїемъ смотрїосамъ такожде, дасу они сви наги голи были, и нинайманѣ што на тѣлу имали; есули жене или люди были, то разznати нисамъ могао.

Какосамъ видѣо, дасу они у чунъ ушли и отишли, узеосамъ што скорїе мое 2: пушке на лећа, и заденуосамъ пиштолѣ запоясъ, припасаосамъ мой велики мечь безъ корица, и поспѣшїосамъ овако вооруженъ хитно къ ономy берду, гдисамъ найпре дивяке опазїо. Кокосамъ онде дошао быо, коесе текаръ послѣ 2: сата (ербо акосамъ я бащъ спѣщїо, коликосамъ годъ могао, то опетъ съ тешкимъ оружїемъ натоваренъ нисамъ онамо онако фришко доћи могао, као штосамъ желїо:) усмотрїосамъ, дасу іошть и друга три чуна съ дивяцы на

овому

овому мѣсту была, и кадсамъ іошть далѣ погледао, видѣосамъ, дасу они већь сви заедно на морю были, и къ сталной земли пловили.

Овое едно страшно позорище замене было, особито кадсамъ долѣ на брегъ дошао, и гадни трагъ усмотрїо, кои э отъ ужаснога дѣла, когасу они учинили, за ныма остао, то есть крвъ кости, и комади человѣческихъ тѣлесъ, коясу ови безчеловѣчницы съ полномъ радостїю и увеселенїемъ изѣли. Овое мене наново такове ревности противъ ны напунило, дасамъ я намыслїо изаклеосе первога, коими предъ очи доће, штанетомъ моимъ на хрпу стровалити, и акобы ихъ башъ толико много было, коликому драго.

Учиниломисе то башъ истино быти, да посѣщенїя, коя они овому острову чине, верло рѣдка быти мораю; ербо э прошло више отъ 15 мѣсецы, доксамъ я найманѣ што отъ нихъ чуо, или видѣо. У кишно време немогу они и безъ тога излазити а найманѣ овако далеко усудитисе. Но прико свега тога ясамъ опетъ цѣло ово време у непрестаномъ неспокойству проводїо страха ради, да не бы они изненада овамо дошли и на мене напали. Отъ овудъ ви-

дѣти

дѣти можемо, да э много горе каково зло или напасть очекивати, нежели то баш дѣйствително терпѣти, особито кадсе отъ овакога чаянїя или страха никоимъ начиномъ освободити неможемо.

Ово цѣло време ходїосамъ убїйства мыслими напунѣнъ, и съ тимъ многе часе изгубїо, коебысамъ на штогодъ болѣ употребити могао, и съ тимъ дасамъ размышлявао, какоћу ихъ, кадъ ихъ первый кратъ усмотримъ, вребати и напасти, акобы они као послѣдни кратъ у две части раздѣлени были. Али притомъ непомысли, акобы ихъ 10 *то* и до 12 тъ отъ едне часпи убїо, то бы можетъ быти первога дана Недѣлѣ или мѣсеца опетъ други ги овамо дошли, коебы такожде убити морао, пакъ послѣ опетъ други, и тако на вѣкъ, докле я небы на послѣдокъ онакови убїйца, као штосу и они человѣколядцы, или можетъ быти їоштъ гори постао.

Ясамъ дакле дневе мое у найвећему страху и неспокойству проводїо, ербосе ништа другога надао нисамъ, нежели данасъ или сутра овимъ немилосерднимъ созданїямъ у руке пасти. Кадсамъ кадкадъ на полѣ изишао, тое съ великомъ бригомъ и позорностїю быти морало, коясе икадъ помыслити може. Садсамъ съ великимъ утѣшенїемъ добро провидѣо, какова э то велика срећа за мене, дасамъ я себе са стадомъ питоме марве снабдѣо, ербосе садъ већъ нисамъ смѣо усудити ни одну пушку избацити, а найманѣ на оной страни, гди дивяцы обыкновено долазу, и то отъ страха да небы мећу ныма какову буну учинїо; и кадбысу башъ за садашни кратъ отъ мене умакли были, тобы я опетъ сасвимъ увѣренъ быо, дабысу они у нѣколико дана можетъ быти и съ две три стотине чунова опетъ овамо дошли, пакъ бы я онда знао за Госу.

Мећу тимъ прошло э едно цѣло лѣто и три мѣсеца, доклесамъ я опетъ еднога овихъ дивяковъ видѣо; текаръ послѣ овога времена нашаосамъ я ны опетъ, коећу садъ абїе сказати. Онису можетъ быти мећу тимъ їоштъ кои кратъ овде были, али можетъ быти, дасе они овде нису за дуго задержали, или я о ныма ништа чути нисамъ могао. Али у мѣсецу маїу по моему брою и у 24 *му* лѣту мога овде пребываня сусрѣосамсе я съ ныма на нѣки особитпи начинъ; коећу на мѣсту гди валя сказати.

У времену ови 15 *тъ* мѣсецы было э душевно мое неспокойство врло велико.

Ни-

Нисамъ спавао мирно, и имаосамъ свагда страшна сновидѣнїя, и скочїосамъ много краћи у полноћи изасна. Даніомъ утѣсняваo э мене непреривни страхъ, а ноћомъ сниваосамъ о убійству дивяковъ и причинама, чимћусе зато оправдати. Али и то све да на страну метнемъ. Было э у средъ маїа 16 данъ, какосамъ мыслїо, ако моему сиротинскому дрвеному Календару повѣрити могу (ербосамъ я їоштъ свагда дневе у стубъ урезивао) дакле э то 16 *ти* данъ маїа отъ прилике было, када э цѣли данъ страшна муня, и грмлявина съ послѣдствующомъ олуїомъ рикала и сѣвала; и послѣ тога врло страшна ноћь слѣдовала, башъ кадасамъ я незнамъ каковимъ особнимъ поводомъ Бїблїю читао, и у сасвимъ занешене мысли о моему садашнѣму стаю углублѣнъ было; кадсамъ я на еданъ кратъ съ великимъ удивлѣнїемъ *exo* или гласъ отъ топа, кои э, какосамъ мыслїо, на морю опалѣнъ было, чуо.

Ово э было, као што лако мыслити можемо, страхъ сасвимъ особногъ Качества нежели сви други, коесамъ досадъ имао; ербо э ово мысли сасвимъ другога начина у сердцу моему пробудило. Скочїосамъ, штосамъ скорїе могао, горе, и тай часъ

часъ средствомъ мое лѣствице на верху брда створїосе, и башъ у оному часу, кадъ э мени пламенъ втори гласъ топа возвѣстїо, когасамъ я, рецы: у полъ мїнута чуо, и изъ гласа къ мене дошедшега познао, да э то на оной страни моря, гдисамъ я рѣкомъ съ моимъ чуномъ баченъ было.

Омасамъ помыслїо, да мора какова лађа на морю у нужди быти, коя э можетъ быти їоштъ какову другу сасобомъ имала, коей э овимъ нужде пуцанѣмъ знакъ дати хотѣла, да она помоћи нѣне требуе. Ясамъ у овому магновенїю ока їоштъ доволно присутствїе духа имао, дасамъ помыслїо, ако онде и ништа помоћи немогу, тобысу можетъ быти они мени помоћи могли; и тако фришко и штосамъ скорїе могао сва сува дрва на едно мѣсто скупїо, начинїосамъ отъ ныхъ доста велику хрпу, и запалїосамъ ю горе на брду. Дрва быше сува и горѣше полно свѣтлимъ пламеномъ, и башъ ако э вѣтаръ и врло яко дуао, горела э она опетъ до края, тако да лађа кадбы можетъ быти една была, вапру сасвимъ извѣстно видѣти морала, као што ю э и безсумнѣ видѣти могла. Ербо какосе э ватра моя упалила и дигла, чуосамъ я опетъ послѣ едно отъ топа *exo*, и за-

ньмъ-

нымъ іоштъ различне друге, и то све отъ оне стране моря, како штосамъ казао. Такосамъ содержавао я ватру мою цѣлу ноћь, башъ до самога дана, а кадъ э башъ полни данъ быо, и воздухсе исчистіо, усмотріосамъ съ ове пустинѣ у страни къ востоку у нѣкоемъ врло далекомъ одалѣнію нѣчто на води пловуще, кое башъ и на пусулъ мой разазнати нисамъ могао, ели лађа подъ растегнутимъ парусомъ, или точію разбитакъ отъ лађе быо; ербо э то врло далеко удалѣно было, а и воздухъ э найманѣ на морю іоштъ свагда малко магловитъ быо.

Овако цѣлъ данъ и често онамо гледаюћи усмотріосамъ, дасе предмѣтъ тай нималo некреће. Изъ тогасамъ ома заключіо, да то мора какова годъ на мачки стоећа лађа быти; и любопитливъ, како што лако мыслити можемо, вещъ ову са свимъ дознати, шта э, узеосамъ мою пушку у руке и поспѣшіосамъ у юже-восточну страну Острова ко оной клісси или камену, гдисамъ преће тога рѣкомъ похищенъ быо; попеосамсе горе и отовудъ могаосамъ, ербо э време чисто и красно было, башъ совершени остатокъ лађе видѣти, коясе ноћномъ на овима сакривенима седрама разлупала

пала, коесамъ я съ чуномъ моимъ идући овудъ такожде нашао, и кое онда, кадсу оне силу рѣке проузроковале, и нѣки видъ отъ противо текуще рѣке учиниле, способъ мени дале изъ найочаятелнѣга и сваке надежде лишенога стања, у коему я іоштъ никада быо нисамъ, избѣгнути.

Тако есть, што едному человѣку спасеніе и щастіе быва, често другому погибель снискава. Ербомисе чини, дасу ови сиромаси люди, когасу народа были да были, кадъ већь выше знали нису, гдисе находе, на ове морске седре, коесу сасвимъ у води сакривене быле, ноћомъ силнимъ восточно-сѣвернимъ вѣтромъ бачени были. Можетъ быти, да они Островъ видѣти могли нису; ербо кадбысуга видѣли, то бысе они, као штосамъ я мыслію, потрудити морали, да бысе у чамцу ныномъ овде насуво избавити могли. Али ныно пуцанѣ, особито кадсу они, као штосамъ я помыслію, мою ватру видѣли, проузроковало э мени опетъ различите мысли. Наипре помисліосамъ, кадсу они ватру мою усмотрили, дасу можетъ быти, у чамацъ нынъ ушли, трудилисе, дабысу къ сувоме доћи могли, али када э море верло высоко нарасло, на страну бачени были. Далѣ помыслiосамъ, дасу они

они можетъ бити чамацъ нынъ изгубили, као штосе то у многими случаи догодити може, особито ако таласи и волна врло о лађу удараю, гдисе често чамацъ на двое разсећи, или собственомъ рукомъ отъ лађе бацити мора. Други кратъ опетъ помыслїосамъ, моглису они у каковой другой лађи или съ лађама у содружеству быти, коису къ ныма на ныно нужде пуцанъ на помоћь дошли, и ны къ себи примили. И томиисе за вѣроятно быти учинило, дасусе они сви заедно у нынимъ чамцу на воду отписли отъ оне рѣке, коя э и мене похитила была, у велики *Океанъ* похищени были, гди э на ны неволя и пропасть очекивала, и гдићеду они можетъ быти еданъ другога отъ глади изѣсти морати.

Но све ово далѣ ништа ніе было него само едно размышлѣніе. Я дакле у овому станю, у коемусамсе находїо, ништа друго чинити нисамъ могао, нежели неволю ови сиромаха люди размышлявати, и о ныма соболѣзновати. Случай овай имао э найманъ доброе дѣйство кодъ мене, да э онъ мени свагда выше повода дао Богу благодарити, коисе за щастїе и увеселеніе мое, такожде и у овому изостављѣному станю овако отечески побринуо, дасу већь две лађе у

овой части свѣта Кораблѣкрушеніе терпиле, и кромѣ мене еднога ни една душа ніесе спасла. Изъ овога научїосамъ на ново познавати, да насъ провидѣніе Божіе рѣдко у онаково хрђаво станѣ живота или у онакову велику неволю поставля, гди мы небы свагда многое, што нашу благодарность изискуе, нашли, и други іошть у много бѣдныма обстоятелстви спаяти могу, нежели мы.

Ово э доиста случай кодъ ови люди было, гди я ни найманїомъ сѣнкомъ истине само мыслитисамъ могао, дасе э само една душа отъ ныхъ спасла, Све штосамъ я разумнимъ начиномъ іошть желити или надатисе могао, было э то, дасу они можетъ быти отъ какове друге лађе нынога содружества примлѣни быти могли; а и то э было само еданъ могућни случай, о коему я ни найманѣга знаменія или сѣна нисамъ видѣо.

Никакове речи нису доволно силне внутреню желю и жактеванѣ исказати, кое э душа моя при овому взору чувствовала, и коесусе кадъ кадъ у ове речи просуле: Кадбы само еданъ или два, ахъ! само еданъ отъ лађе избавлѣнъ и къ мени дошао было! дабысамъ точїю само еднога содружника,

едно созданіе мое врсше имао, сѣ кимбысамѣ говорити и дружитисе могао. Цѣло э време мога самоѣнога живота нисамѣ іошѣ никада овакову озбилеку топлу желю за содружествомѣ мое врсте созданія имао, и іошѣ никада овакову внутреню жалость за недостатокѣ таковимѣ чувствовао!

Имаду нѣки подбадачи у нашима пожеланіяма, кои, кадѣ гдигодѣ каковимѣ предмѣтомѣ близу или далеко, души силомѣ, убавлѣнія крѣпости, присутствующѣ быва, и у движеніе ставлясе, и душу сѣ таковимѣ силнимѣ нестерпѣніемѣ за онимѣ предмѣтомѣ похищаваю, да отсутствіе таковаго предмѣта ніойзи сасвимѣ несносно есть.

Оваковога истога Качества былесу оне внутренѣ желѣ: кадбысе само еданѣ едини человѣкѣ оттудѣ спасти могао! *Само еданѣ едини! Само еданѣ едини!* — Ове речи: *еданѣ едини!* есамѣ доиста тисящу кратѣ повторіо; и желя моя была э сѣ тимѣ тако возбуждена, да кадсамѣ то изговоріо, рукесамѣ тако склопіо и прсте тако яко стискао, дабысамѣ све оно, штобысамѣ у руку имао, быо здробіо; и зуби мои тако шверао шкрипанѣмѣ стискошесе, да ихѣ за дуго расклопити немого.

Све

Све то и причину и начинѣ како то быва, нека естества испытатели изясне. Све што я о томѣ сказати могу, есть то, да я вещь башѣ самѣ описуемѣ, коя э вѣѣ за мене самога доволно чудна была, кадсамѣ ю примѣтіо и разабрао, ако башѣ праву причину отѣ тога сказати немогу; морало э можетѣ быти дѣйство мои тепли и жестоки представлѣнія у моей души быти, кое э услажденіе, штобы содружество еднога моега сохрістіанина мени было содѣйствовало. Но то еданѣ кратѣ да реченѣ ніе хотело быти: нынѣ или мой случай или можетѣ быти обоихѣ судбина, ніе допустила да то буде. Ербо башѣ до послѣднѣ године моего овде бытія нисамѣ искусіо никада, елисе ткогодѣ отѣ оне лаѣе избавіо или не; и имаосамѣ само нѣколико дана затимѣ, на мою велику жалость ужасни взорѣ еднога утоплѣнога Матроса на верху Острова, гдіе разбитокѣ или комадѣ отѣ лаѣе лежао, на брегѣ дотерана видѣти. Онѣ на тѣлу ништа имао ніе, кромѣ обыкновени матроски перслукѣ, платнене чакшире, и платнену кошулю; али ништа изѣ чегабы я познати могао, кога э народа онѣ быо. У нѣгови жепови ніе было ништа другога нежели два таліра, и една

лула; коя э замене много вредныя была, нежели оно сребро.

Садъ кадъ э веħь море тихо было, имаосамъ велику желю у чуну моему къ оному остатку иħи, не дабы у памети имао, даħу я тамо штогодъ наħи, штобыми отъ потребе было; и томи нїе лежало тако врло на сердцу, као могуħность, него то мыслїосамъ, даħу тамо, каково живо созданїе наħи моħи, коему, несамо штоħу я животъ спасти, него башъ и мой собствени овимъ случаемъ много благополучныи учинити могу. Овай э помысль мене тако усилявао, да я данъ и ноħь мира имао нисамъ, докъ нисамъ у чуну моему къ оной разлупаной лаħи отишао, а друго како было, да было, отложїосамъ све Божїему провидѣнїю; еданъ кратъ было э удрученїе, кое э ово души моей учинило тако силно, да я нѣму башъ отнюдъ противостати нисамъ могао, и нѣга за нѣки невидими знакъ држати морао, кога ако неучинимъ, хоħу врло согрѣшити.

Силомъ овога удрученїя принужденъ поспѣшїосамъ у градъ мой натрагъ и прибавїосамъ абїе све што э къ путешествїю моему нуждно, спремїосамъ хлѣбъ, еданъ велики бокалъ фришке воде, Компасъ, едну флашу

флашу сладке ракїе, (ербосамъ отъ таковогъ їоштъ свагда доста имао) и едну пуну котарицу суварка. Овако сасвима потребностми натоваренъ, отишаосамъ къ моему чуну, и исплюскаосамъ воду изъ нѣга, преправїосамга за пловъ, и сложїосамъ савъ мой товаръ на нѣга, пакъ опетъ повратїосамсе куħи, да їоштъ штогодъ выше узмемъ, мой другїй товаръ состояосе изъ еднога великога жака пунъ пїрїнча. солнечномъ обраномъ (щитомъ) їоштъ еднимъ пунимъ лонцемъ фришке воде, їоштъ изъ еданъ паръ тестета мой мали самунчиħа, или пита, ечменогъ хлѣба, съ едномъ флашомъ козїега млека, и еднимъ сиромъ: Све ово донеосамъ съ великимъ трудомъ и зноемъ на мой чунъ; и помолїосамсе Богу, дабыми на путу моему помощникъ быо, и отискаосамсе отъ брега. Возеħи нѣкое време све покрай бреговъ дошаосамъ найпослѣ до крайнѣга верха острова на овой трани, то есть Сѣверно-Восточнѣ. Али э садъ нато дошло на океанъ пространи навести и упуститисе; хоħулисе усудити или не? Промотрїосамъ издалека рѣку, коя э съ обадве стране острова непрестано текла, откоесамсе верло уплашїо, кадсамсе погибели оне опоменуо, у коейсамъ

већь еданъ кратъ овде быо, и онда изгубiосамъ сву бодрость мою; ербосамъ я iошть напредъ промыслiо, да ако я у едну отъ овы рѣка паднемъ, даћу верло далекъ путь на море, и можетъ быти тако далеко на пучину отеранъ быти, даћу и сами островъ изъ очiю изгубити, и къ нѣму выше никоимъ начиномъ досягнути моћи; пакъ онда, ербо э чунъ мой верло маленъ быо, кадбысе найманѣ штогодъ вѣтра дигло, тобы я доиста безъ свакаго избавленiя изгублѣнъ быти морао.

Овесу мысли мене тако убиле, да я отъ намѣренiя и предзвятiя мога сасвимъ престати хтедо, и будући дасамъ чунъ мой у едну малу зашкулину къ брегу привукао, изишаосамъ на суво, и сѣосамъ на еданъ мали брежулякъ сасвимъ дубоко замышленъ међу страхомъ и желiомъ. Сѣдећи овде у шаквомъ размышлѣнiю усмотрiосамъ, да э припливъ наступати почео, кои э пловитву мою за нѣколико часова невозможну учинiо. Овдеми э абiе на умъ пало, дасе на найвыши брегъ попнемъ, кои преће наћи могу, и свакимъ начиномъ теченiе и управлѣнiе рѣкахъ да примѣтимъ, кадъ припливъ наступи, дабы изъ тога разабрати могао, ако я еднимъ путемъ на море бачень бу-

будемъ, опетъ другимъ и ономъ похищаемомъ хитростiю рѣкахъ опетъ натрагъ дотеранъ быти могу. Какомiе тай помысль у паметъ дошао, бацiосамъ очи мое абiе на едно мало бердашце, сь коего море на обадве стране прегледати мого, и такожде доволно ясно рѣке и времени входъ приплива, и кой путь натрагъ узети морамъ, примѣтити могаосамъ. Овде нашаосамъ дакле, да како годъ рѣка приплива сасвимъ близу отъ южне стране, тако и рѣка отплива близу брега сѣверне стране течаше, и да я себе, кадсе натрагъ вратимъ, само Сѣверо-странѣ къ острову держати имамъ, и онда хоће све добро поћи.

Овимъ примѣчанiемъ съ новомъ бодростiю одушевлѣнъ заключiосамъ дакле первога ютра съ первимъ отплывомъ отиснутисе, и какосамъ послѣ ноћь подъ великимъ кабатомъ у моему чуну преспавао, абiесамъ тай данъ себе на путь отправiо. Съ почетка управiосамсе малко на воду, то есть: съ руке Сѣверно, докле нисамъ стао праваць рѣке примѣчавати, кои э Востоčнѣ ишао, и мене по доста добаръ комадъ похитiо, али не онако верло као што пре-ћашня южна рѣка учинила, и да я небы у-

сосiо-

состоянїю быо мой чунъ управляти: него само съ весломъ остро управляюћи пловїосамъ управо къ срушенїю лађе, и до 2: сата већсамъ онде быо.

Воистину овое ужасни взоръ быо оваково штогодъ погледати. Лађа, коя по направи гледећи шпанска э быти морала, заглавиласе э међу две камените седре крѣпко. Цѣла стражня часть или фара была э силомъ моря у комаде разлупана, а предня часть, коя э међу седрама была, морала э съ великомъ силомъ међу ны натерана быти, ербосу велика и предня катарка съ мѣста исторгнуте и доле оборене быле, а кровъ їоштъ савъ цѣлъ бяше. Кадсе већь онамо приближи, изишао э еданъ пасъ, кой кадъ э мене угледао, лаятїе и цыкати стао, и кои, какосамга вабнуо, у воду э скочїо и къ мени допливао. Ясамъ нѣга уфатїо и у чунъ мой бацыо, и видѣосамъ, да э онъ отъ глада и жеће полакъ мертавъ быо. Бацыосамъ нѣму дакле еданъ отъ моихъ сомунчића, кога э онъ съ яростїю куряка, кои э 14: дана у снѣгу лежећи гладовао, изѣо. за тимъ даосамъ овому сиротному зверчету малко фришке воде, отъ коебы онъ быо, кадбысамму допустїо, толико дуго пїо, докъ небы манькао.

Сад-

Садсамсе попео на лађу. Перво штосамъ усмотрїо; быласу! два человѣка, коису у кухини или преднѣй части лађе удавлѣни были, и коисусе руками крѣпко еданъ другога загрлили были. Отъ овудсамъ дознао, као што и истина естъ, дае буря морала верло высоко преко лађе укати, башъ кадсе насукала была, и тако непрестаюћи грувати морала, да люди усостоянїю нису были такову отерпѣти, и отъ непрестано нападающе воде тако исто, као дабы и подъ самомъ водомъ были, скапати морали.

Окромъ овога еднога пса, нїе выше ништа на цѣлой лађи было, штобы животъ имало, а такожде и никаковога добра, коликосамъ я годъ видѣти могао, кое отъ воде небы покварено было. Истина, усмотрїосамъ два бурета съ пићемъ далеко унутра лежаща, када э вода већь уступила была, али знати нисамъ могао, ели ракїя или вїно у ныма было, но бурадъ верло велика быше, да я съ ныма ништа чинити немого. Него нѣколико сандука, коису по прилицы галїашки были, узеосамъ и доneосамъ на мой чунъ неопвораюћи и негледаюћи, шта упыма быти може.

Кад-

Кадбы стражня часть лађе читава а предня покварена была, тобы мени по свой прилики трудь мога пута верло добро плаћенъ быо. Ербо по ономy, штосамъ у сандуцы нашао судећи, морала э лађа неоцѣнnена богатства у свому магазину имати, и по теченію, кое э она за свой путь предузела была, безъ сумнѣ отъ тако називаемыхъ мѣстахъ *Буеносъ*, *Аїресъ*, или отъ *Рїо* дела платна у южнима частма *Америхе*, преко *Бразїлїе* горе до *Хафаннаа* у *Мехсиканскимъ* пристаницамъ и тако далѣ у *Шланїю* опредѣлена быти. Коликосу велика та богатства была, да была, коя э она съ собомъ носила, то дакле она садъ ни едному человѣку, кои э годъ на лађи быо, накакову ползу небыше, и шпосе съ прочимъ людствомъ тамо случило, іошть онда знао нисамъ.

Окромъ сандука нашаосамъ іошть едно мало буренце, рецы отъ 20: мѣра якога пића, коесамъ съ великимъ трудомъ на мой чунъ донео; у соби быше нѣколико пушака, єданъ великій рогъ за барутъ, у коему э рецы до 4: фунте баруша было. Пушке, кое нисамъ требовао, оставїосамъ онде лежеће, а барутъ узеосамъ сасобомъ. Узеосамъ такожде ватраль, клѣште, коеми

ми э верло отъ потребе было, іошть къ тому два бакрача, еданъ ибрикъ за чоколаду, и еданъ рошшиль. Съ овимъ товаромъ и съ псомъ отправїосамсе я, ербо э припливъ опетъ растити почео, моимъ путемъ натрагъ, и дошаосамъ ту исту вечерь, но еданъ сатъ касніе ноћу, крайнѣ уморанъ и утрупженъ на островъ.

Ову ноћь преспаваосамъ у чуну и сутра уютру намысліосамъ ове добыте вещи у мою магазу (яму) спремити, а не къ сталному граду моему носити. Послѣ какосамсе малко окрѣпїо, изнесаосамъ цѣли мой еспапъ на брегъ, и почеосамъ све комадъ по комадъ разгледати. Буренце оно съ пићемъ, како штосамъ нашао, была э сладка ракїя али не онаковога начина и онако добра, као наша у *Бразилїи*. А кадсамъ сандуке отворїо, нашаосамъ у ныма многе вещи, коесуми отъ потребе быле. Нашаосамъ н: п; у едному сасвимъ прекрасна канавета за флаше, отъ чрезвичайно краснога посла съ чистимъ и верло добримъ кардїаломъ напунѣна (мирислива вода отъ *Аромать и Алоевъ*:) у сваку отъ ови флаша могла э отприлике полдруга мѣра стати, и на верхусу све сребромъ оковане быле. Такожде нашаосамъ два лонца пуна Суккадо

до съ шећеромъ начинѣне вещи тако добро затворена, да слана вода ныма никакове штепе учинити ніе могла; іошть такова два лонца, кое э обаче вода покварила. Далѣ нѣколико добри кошуля, о коимсамъ башъ казати могао, дасуми добро дошле; и до полъ туцета бели платнени у жепъ, и шарени на вратъ марама. Овесуми башъ верло отъ потребе и чрезвичайно угодне быле, ербосамъ съ ныма, када э данъ верло топаль быо, зной съ лица убрисати могао. Кадсамъ затимъ на фіочице у сандуцьу дошао, нашаосамъ іошть три велике кесе пуне *Шпанскій* таліра, коихсе у числу до 1100: комада состояло; и у едной отъ ови кеса 6: комада злата и нѣколико мали грудица злата, кое э рецы све заедно до едну фунту тешко быти могло, у папіеру завіено.

У другому сандуку быше, као шпомисе учинило, нѣколико комада халата али отъ мале цѣне, изъ свію обстоятелсшви судећи морао э онъ настойникова остава быти, ако башъ и никаковога другога баруша овде ніе быо, него рецы до 2: фунте фінога у 3: флашице, кои э безъ сумнѣ за птичарице спремлѣнъ быо. Вообще нисамъ на овому путу ништа добіо, шпобыми

на

на какову особну ползу быти могло: Ербо шпосе э новца допицало, тога нисамъ ни на какови начинъ употребити могао, и онисуми были толико исто вредни, како годъ и блато подъ ногама, какобы я сдраге волѣ све оно, шпосамъ годъ отудъ донео, само за два или три пара Англійскій цыпела и чарапа дати хотѣо. Овоеу быле вещи, за коимсамъ я отвыше гинуо, ербо ихъ већь отъ много година на ноге моє обуо нисамъ. Истина дасамъ еданъ паръ цыпела оному утоплѣнику съ ногахъ свукао, іошть еданъ парь нашаосамъ у едному отъ ови сандука, о коемсамъ отъ выше радостанъ быо; али такове нити у доброти ни у угодности съ нашима Англійскима далеко сравнитисе немогу, него вообще или много выше оно быше, што мы шлогаре а не цыпеле называмо. У другому матроскому сандуку нашаосамъ 50: комада шпанскій таліра али не у злапу.

И ове новце дакле скупіосамъ и отнеосамъ у мою магазу како годъ и оне перве, коесамъ на нашой лађи нашао; али э вѣчна штета была, као шпосамъ казао, да она друга страна лађе ніе на мою ползу была: ербосамъ то знао извѣстно, дабы я мой чунъ нѣколико крати съ самимъ

зла-

златомъ натоварити могао, и да кадбы већь еданъ кратъ у *Англію* дошао, међу тимбы оно овде већь доволно сохранѣно было, докъ бы я нѣга отовудъ опетъ узети и отнети могао.

Послѣ какосамъ све вещи мое на суво и усвободу донео, отишаосамъ къ моему чуну натрагъ, и отвезаосамга покрай брега на нѣгово старо мѣсто, гдисамга утвердїо и свезао; и штосамъ скорїе могао опетъ къ моему старому обиталищу повратїосе, гдисамъ я све тихо и мирно и удоброму станю застао. Садсамъ започео малко отпочивати, по старому обычаю моему живити, и моя домашня дѣла прискорбляваши. Овако дакле живїосамъ нѣкое време верло мирно и угодно; само дасамъ позорнїи био нежели иначе, честосамсе отвраћао и огледао, и неисходи често на полѣ. Кадсамъ кадъ кадъ мало и безбрижнїе на полѣ усудїосе, тое свагда къ восточной страни острова было, и гдисамъ извѣстанъ био, да никакови дивяцы недолазе, и гдисамъ я безъ толике многе опасности, и безъ толикога бремена, оружїя, коесамъ свагда, кадсамъ другимъ коимъ путемъ ишао, собомъ узети обычествовао, уѣи могао.

У

У оваковому станю живїосамъ їошть едно 2: године непреривно. Али луда глава моя, коями э свагда примѣтити дала, да э она само зато на мени, дабы тѣло мое несрећно учинила, была э цѣле ове 2: године съ самима планови и совѣти напунѣна, небыли могуће было изъ овога острова измакнути? кадъ кадъ помыслїосамъ їошть едно путешествїе къ оной разбїеной лађи учинити, акоми э башъ и паметъ моя ясно казивала, да тамо выше ништа нейма, штобы трудъ платити могло, онамо иђи. Кадъ кадъ имаосамъ волю часъ овамо часъ онамо проходити и лутатисе, и мыслїосамъ доиста, кадбысамъ онай чамацъ имао, у коемусамъ изъ *Салее* побѣгао, я бысе у нѣму на срећу упространость моря у пустити усудїо, и башъ незнаюћи камо и на кою страну?

Ясамъ свакїй крапъ, и у свима мойма обстоятелстви увѣщателни примѣръ за онакове было, койсу общомъ болестїю человѣческаго рода, откуду доиста половица отъ све ныне неволѣ приходитъ, отроврни; а съ тимъ найменовано, да они съ онимъ станѣмъ никада удоволни нису, у кое э ны Богъ и естество поставило. Недолазећи обаче садъ къ моему первому

станю

станю, и преизрядному совѣту отца моего натрагъ, (упорство, противность, спрочю коего мой наслѣдствени грѣхъ, какога башъ и назвати могу, бяше:) тосу дакле мое послѣ пришедше погрѣшке овога начина свагда средство было, чрезъ коесамъ я у ово неволно станѣ дошао. Ербо кадбы я био у благощастному станю, у кое э мене провидѣнїе Божїе у *Бразилїи* метнуло, мое излишене желѣ зауздати знао, и себе сотимъ у доволствовао, мало по мало далѣ доћи, то бы я онда (доксамъ на острову био:) еданъ отъ знатнѣйшихъ садовъ строителя у *Бразїлїй* быти могао. Ясамъ увѣренъ био, изъ подизаня и поправлѣнїя, коесамъ у оному краткому времену већь учинїо био и изъ далѣга доброга напредка, коибы безъ сумнѣ и слѣдовао био, судећи; могаосамъ сто тысящь *мойдоровъ*,* у моему имѣнїю лако имати, што э дакле мене могло на овай несрећни случай донети, извѣстно имѣнїе, добро уређени и снабдѣни садови, коису свагда выше, и болѣ предуспѣвали, изоставити, и као терговацъ у *Гвїнеу* ићи, да

(*) Знатна Бразїлска монета отъ 7мъ Талїра.

да тамо Негровъ купимъ и доведемъ, међу коимсамъ я терпѣнїемъ и прилѣжанїемъ мой капиталъ кодъ куће толико умножити могао, дасамъ я ны отъ они, коихъ э то дѣло было, ны овамо доносити предъ моима врати купити могао. И акобыме башъ и выше штогодъ коштовало, то нїе была ова багателна разлика цѣне никоимъ начиномъ вредна тога ради овакой великой погибели себе подвергавати.

Али како э ово обыкновено млади безразсудни глава; такое исто обыкновено послѣ и разсужденїе, кое они о нынимъ будалаштинама чине, дѣло зрѣли лѣта или друго куплѣно искуство, тое исто дакле и кодъ мене было. И преко свега я їошть никадъ нисамъ могао, тако э дубоко ова погрѣшка у моему мнѣнїю начину коренъ усадила, съ моимъ станѣмъ задоволянъ быти, него мораосамъ непрестано за средствомъ мыслити, какобысамъ могућно учинити могао изъ овога мѣста себе избавити, можетъ быти, дађеду мои читатели съ већимъ услажденїемъ їошть и далшей части мое повѣсти слѣдовати, кадъ я ныма о первима моима умствованїяма, коя э луди совѣтъ, изъ острова опиђи кодъ мене проузроковало, и на како-

ковомъ темелю себе оснивамъ, извѣстіе дадемъ.

Да представимо, ясамсе находіо послѣ мога послѣдньега путешествія къ оной разбіеной лађи у моему граду, чунъ э мой на води у заклону и свободи быо, и живіосамъ као и преће у моему обыкновеному станю. Имаосамъ доиста и выше новаца нежели преће, али съ тимъ нисамъ нимало богатіи постао, ербо я отъ тога нисамъ имао выше никакове ползе, него штосу *Індіани* у Перру имали, преће него штосу *Шланіери* онамо дошли.

Была э една отъ ноћи онога кишнога времена у марту у 24 *мѣ* лѣту мога первога дошествія на Островъ ове самоћности, кадсамъ я башъ у моему лађарскому кревету лежао сасвимъ здравъ безъ печали, безъ болести, безъ неугодности ни у тѣлу, ни у души, али опетъ очи къ сну затворити нисамъ могао ни еднога часа цѣлу драгу ноћь.

Колико э неможно толико э излишно оно неизброено множество мысли назначити, коесумисе цѣлу ову ноћь по глави мутиле. Представіосамъ себи цѣлу повѣсть мога живота башъ до самога мога дошествія на овай Островъ у моему умно-

умному описанію (ако себе тако изяснити смѣмъ) и затимъ такожде време, коесамъ на овому Острову провео. Сравніосамъ благополучно качество мога станя у первима лѣти мога овде бытія съ слѣдствомъ ужаса страха и бриге, у коимасамъ ово цѣло време живіо, откакосамъ ону стопу у песку видіо. Не тога ради дабысамъ о томъ сумняо, дасу дивяцы цѣло ово време и често Островъ посѣщавали, и коихъ э можеть быти кадъ кадъ и стотина на брегу быти могло; и будући да я о томъ ништа нисамъ знао, слѣдовательно отъ тога и страшитисе нисамъ имао, то э опетъ удоволствіе мое сасвимъ совершено было, акосамъ я башъ и у немалой погибели живіо; а будући да я погибель мою нисамъ знао, тосамъ я опетъ преко свега доволно срећанъ быо, башъ као да небы таковой погибели ни подверженъ быо. Овоми э дало поводъ къ многимъ прехвалнымъ разсмотреніямъ, а особито овимъ: како э іоштъ преко свега благо и добро провидѣніе Божіе, да э оно у управлѣнію своему съ человѣческимъ родомъ нѣговога примѣчанія, и познанства вещей такове тѣсне предѣле поставило; ербо кадъ онъ башъ често посредъ тисяцу погибелей ходитъ,

дитъ, кое кадъ онъ ны дозна, нѣга сасвимъ смуте и све бодрости лише, но онъ сасвимъ миранъ и веселъ остане, ербо э слѣдство вещей отъ очію нѣгови свагда сакривено и погибели, кое нѣга окружаваю, отпнюдъ непознае.

Съ овима мыслима забављајућисе нѣкое време дошаосамъ садъ башъ на саму дѣйствителну погибель, у коейсамъ толико много година на овому Острову био; и какосамъ у найвећой свободи и миру свуда ходіо, кадъ э можетъ быти ништа друго него само верхъ еднога брдашца, едно велико дрво, и случайно приближеніе ноћи между мною и найгоромъ пропастію было, то есть: человѣкоядцемъ (дивякомъ) у руке пасти, коибысу мене у тому истому намѣренію напали были, какогодъ што я козу или корнячу, и низакакови већи грѣхъ небысу держали мене убити и изѣсти, него какогодъ што и я еднога голуба или морскока пѣтла. Я бы самъ себи неправо учиніо, акобысамъ рекао, да я небы изъ свега сердца моему Вседержителю и хранителю благодаріо, кога цѣлое особное храненіе, коесамъ съ глубочайшомъ кротостію признао, мени сва ова несамо еданъ кратъ познана избављенія преписати имамо,

мамо, и безъ коихъ бы я сасвимъ неопходително у ныне немилосердне ногте пасти морао.

Кадъ већь ове мысли прођоше, имаосамъ за нѣкое време разсмотренія о качеству ови гнусни созданія, то есть дивяковъ, како то быти можетъ, да мудри Владѣтель свію вещи само нѣкое своихъ созданій у оваково безчеловѣчіе и доиста їоштъ кь чему горему, нежели штосу дивіи звѣри, то есть свою собствену браћу изѣсти предати э могао? А кадсе ово съ нѣкоима онда їоштъ сасвимъ неполезнима мыслима и планови окончало, дошаосамъ већь на то башъ извидѣти, у коей части свѣта ови безчеловѣчницы живѣти мораю? Коликобы далеко было до онихъ бреговъ, отъ кудъ они долазе? Шта раду они, када тако далеко изъ землѣ изилазити усућуюсе? Какови начинъ чунова они имаду? и немогулисе и мое вещи тако уредити, дабы я тако исто онамо ићи могао, као што они овамо приходе?

Штобы онда чинити започео, кадбы већь онде было? И штобы отъ мене было, кадбы дивякомъ у руке пао? И какобысамъ умакнути могао, кадбысуме они потерали? и то све ніе учинило мени никакове бри-

ге. Я ни помислїо нисамъ никадъ на то, ни какобыми могуће было брегъ нынъ досягнути, а ныной потери и вребаню неподлежати, и отъ ны избѣгнути моћи. Међемъ и тай случай, башъ ако небысамъ у нынѣ руке и пао, отъ кудбы што за храну добїо, и кудабы теченїе мога пута управїо? Отъ свїю ови мысли могу казати, нїеми дошла ни едина у паметъ; него само душа моя съ тимъ э напунѣна была, какобы я съ чуномъ моимъ гдигодъ къ сталной земли приплити могао. Садсамъ стао опетъ на мое садашнѣ станѣ и живлѣнѣ гледати, као на каково найневолиће и найгоре, коесе икадъ помислити можетъ, и да кромѣ смерти саме я ни у каково веће зло пасти немогу. Дошаолибы я еданъ кратъ къ сталной земли, тобы могао можетъ быти онде какову помоћь наћи, илибысамъ могао, као шшосамъ кодъ бреговъ *Афрїканскихъ* учинїо, по край брега пловити, докбы гдигодъ къ каковой обитаемой земли дошао, гдибысе какове помоћи надати могао. Можетъ быти, шко зна? дабысамъ гдигодъ на какову хрїстїанску лађу ударїо; коябыме прїимила и акобы зло на горе дошло, то небы далѣ ништа могло быти, нежели умрети, и ондабы сва моя

неволя

неволя на еданъ кратъ совершени конацъ прїимила. Прошу примѣтити, да э свеово страхъ смутне душе, и нестерпѣливога мнѣнїя было, кои э долгимъ траянѣмъ мое неволѣ у отчаянїе доведенъ было; къ чему э їошшъ и преварена надежда дошла, гдисамъ я већь оно, шшосамъ найвећма желїо, близу быти мыслїо, то есть на оной разбїеной лађи кога годъ наћи, съ кимбысамъ говорити и дружитисе могао, и отъ когабы я извѣстїе о мѣсту мога пребываня и о средствахъ себе освободити искусити могао. Чрезъ све ове мысли, говоримъ, дошаосамъ у велико неспокойство сасвимъ. Све мое душевно спокойство при преданїю воли Божїей, и очекиванѣ края о судбинамъ Небеснимъ садъ э на еданъ кратъ престало, и да тако рекнемъ, сва сила былами э отузета, дабы мысли мое гдигодъ на шшогодъ друго управити могао, него башъ на само путешествїе онамо къ сталной земли, кое э мене съ таковомъ наглостїю и съ таковомъ нестерпѣливомъ желїомъ пресмлявало, да я тому никоимъ начиномъ противо стати нисамъ могао. Кадъ э већь све ово читава два сата дуго мысли мое съ таковомъ жестокостїю узнемирило, да э крвъ моя отъ чрезвичайне

тепло-

теплоте, у кою э душа моя тога ради пала была, започела дизатисе, и жила моя тако нагло као у грозници ударала: занесло э мене само естество, као дабы оно отъ сами ови мысли утруждено и почерплѣно было, у нѣки здрави и кротки санъ. Садъ да помыслимо, ябысамъ отъ тога снивати морао, али я нити отъ тога, нити отъ шта другога, штобы съ тимъ у каковомъ союзу стаяло, саня; негосамъ сиивао, дасамъ я уютру као што э обыкновено изъ мога града на полѣ изишао, и на еданъ кратъ кодъ брега 2ва чуна и 9тъ дивяка усмотрїо, коису на суво излазили, я їоштъ други дивяка съ собомъ донели, кое су они башъ заклати и изѣсти хотели. Кадъ на еданъ кратъ али изтржесе и искочи башъ онай дивякъ на страну, когасу убити хотели, и бѣжао э штогодъ э могао, дабы животъ свой спасао. Менисе учинило у сну, да э онъ управо къ моей малой шумици, коя э предъ градомъ моимъ стаяла, бѣгао, дабысе тамо сакрїо, и я кадсамъ нѣга сама видѣо, а не смотрїо оне, коига тражише, показаосамсе нѣму, и гледаосамъ нѣга моимъ дружескимъ осмѣяніемъ бодростїю напоити. Онъ э пао предамномъ и являшесе мене молити, даму помогнемъ.

Затимъ

Затимъ показаосамъ я нѣму мою лѣствицу, даосаму дасе попне горе, отвеосамга у мою магазу, и онъ э постао моимъ слугомъ. Какосамъ овога человѣка добїо, рекаосамъ самъ у себи; садсе могу слободно къ сталной земли усудити; ербо овай юноша хоћеми за корманоша служити, и мени казивати што я чинити, и куда ићи морамъ, дабы средства къ препитанїю добїо, и кудъ валя да неидемъ, да небы изѣденъ био; къ коима мѣстма смемсе усудити и коихсе ошаяваги имамъ. Башъ у средъ ови мысли пробудїосамсе, и чувствовао неисказано удрученїе радости о близъ стоящей надежди мога избавлѣнія у сну, кадъ небы неудовлствїе, коесамъ я осѣтїо, кадсамъ већь къ себи дошао, и видѣо, да э то све точїю еданъ санъ, съ друге стране опетъ толико невоздержливо было есамъ, и себе у найвеће отчаяніе бацыти.

Међу тимъ изъ овога учинїосамъ я опетъ совѣтъ, да едно едино средство отовудъ избѣгнути есть еднога дивяка у властъ мою добити; а наимено, ако могуће буде, онаковога, когасу они опредѣлили изѣсти, и овамо донесли нѣга овде убити. Но ове мысли быше свагда съ теготомъ спрегнуте, да неће можно быти то у дѣ-

ло

ло ставити, да небы цѣли полкъ нынъ напасти валяло, и ны свїю потући. И ово небы само очаятелно предвзятїе точїю было, него може їоштъ и врло лако несрећомъ фалило. На другой страни имаосамъ такожде велику сумню, о правди оваковога поступка, и сердце мое при оваковомъ помыслу трепеташеми у перси толико много крви пролити, акобы то башъ и за избавлѣнїе мое было. Причине, коесуми на противъ тога на умъ пале, нећу овде да повторавамъ, ербосу то быле башъ оне исте, о коимасамъ већь преће говорїо. Али преко свега акосамъ я башъ и друге причине на противъ тога ставити имао, него само дабы ови люди непрїятели мога живота были, и менебы доиста изѣли, кадбысу само могли; и дабы я овде тако добро къ моему собственому защищенїю чинїо, како дабысуме они башъ дѣйственително напали были, и прочая. Говоримъ, ако башъ и све ове вещи за мене говоре, по опетъ помысль за мое освобожденїе крвъ человѣческу пролити быо э ужаснъ, и нисамъ могао за дуго времена о томъ нинакои начинъ самъ сасобомъ уединитисе.

Послѣ многе тайне распрѣ у самъ себи, и послѣ многога неспокойства и скаћивања

ныванья (ербо све ове причине една спроћу друге дуго времена по моей глави боришесе:) одержало э напослѣдокъ усиляемо желанїе за моїомъ свободомъ надъ свему другому побѣду, и намыслїосамъ ако могуће буде, еднога овыхъ дивяковъ у руке мое добити, шта стаяло да стаяло. Перво, штосамъ учинїо, былое мыслити какоћу то учинити? Али доиста то э доста тешко было, и я башъ право средство къ тому изнаћи нисамъ могао. Заключїосамъ дакле стражу чувати и гледати, кадћеду они на брегъ доћи; а у прочему слѣдство очекивати, пакъ онда онакова умѣрена правила узети, каковами годъ способъ собомъ донесе, была она каковаму драго.

Съ овимъ намѣренїемъ у самъ себи ставїосамсе тако често, како што э годъ могуће, на мотренїе и вребанѣ, и то доиста тако често, дасамсе отъ нѣга сердечно утрудїо быо. Ербо э то скоро полъ другу годину траяло, дасамъ я непрестанно вребао и найболю часть времена ишаосамъ скоро свакїи данъ къ заднѣму краю, и къ Южнѣ-западнѣму верху острова, дабысамъ чунове видїо, али никакови чунъ нїесе дао усмотрити. Ово э мени на послѣдокъ бодрость отузело, и почеосамъ мирнїи бывати, али то засадашни кратъ онакога

кога дѣйства кодъ мене нїе имало, кое э иначе у шаковимъ случаямъ имало, то есть наглость за вещи самомъ угасити; него э оно їоштъ свагда много яче бывало, коликосе дуже задоволность таковога продужавала. Кратко я нисамъ быо съ почетка вѣнь одавно тако забринутъ взорь овихъ дивяковъ ошаяти, и себе чувати, отъ ны невидѣнъ быти, као штосамъ садъ желателанъ быо на ны ударити.

И преко тога ставїосамъ себи у паметь: съ еднимъ дивякомъ кадбысамга имао, и акобы два или три были, съ нимабысамъ фришко готовъ бїо и ны надвладао, дабысу они сасвимъ мои робови были, и све што имъ заповѣдимъ, чинити морали; а притомъ їошть и воспатствовао, да они мени никаковога вреда учинити небы могли. Съ представлѣнїемъ ове вещи питаосамсе дуго времена, али їошть свагда ништасе нїе появило, и то їошть свагда у мышлѣню и совѣту остало, ербо отъ долгога времена немогошесе никакови дивяцы видѣти.

Послѣ полъ друге године какосамсе съ овима мысли забаляо, и ны съ таковомъ долгомъ главоболїомъ вѣнь скоро къ ничему излѣчи нисамъ могао, ербо никадъ способа неимадо то удѣйство ставити, сумотрїосамъ на еданъ кратъ уютру за

велико чудо найманѣ 5: чунова сви на моей страни острова кодъ брега, изъ коихсу люди сви изашли были, и вѣнь изъ очїю мои изгубылисе. Множество ныно покварило э сва моя предузета правила. Ербо кадъ э чунова толико было, и ясамъ знао, да свагда 4: б: а другїй кратъ и више у едному чуну быти обичествуетъ, то знао нисамъ, шта съ таковомъ вещи мыслити имамъ, и какоѣу као еданъ самацъ человѣкъ, ны 20 *тъ* и до 30 *тъ* на еданъ кратъ напасти. Заостаосамъ дакле сасвимъ смутанъ и неутѣшенъ у моему граду. Али абїе свесамъ ставїо у приправность, како годъ штосамъ и преѣе уредїо быо, ако случайно нападенъ будемъ, и быосамъ къ свему, штобысе приключити моглао, готовъ и приправанъ. Послѣ какосамъ позадуго чекао и вребао, нѣули какови шумъ отъ ны чути моѣи, быосамъ найпослѣ нестерпѣливъ, метнуосамъ мою пушку доле на лѣствицу, и попеосамсе као обыкновено преко обадва члена на бердашце горе, алисамсе абїе тако ставїо, да не бы глава моя выша отъ берда была, тако да они мене никоимъ начиномъ небы опазити могли. Отъ овудсамъ средствомъ мога пусула абїе видѣо, да ны скоро до 30:

имаде

имаде. Коису већь ватру наложили и ручакъ сготовили были, какосу ручакъ готовили и изъ чега э онъ состояо, то видѣти нисамъ могао, али то, дасу они различними варварскими скокови по ныномъ начину около ватре играли, усмотрїосамъ.

Доклесамъ я ны овако вребао, усмотрїосамъ на пусулъ мой двоицу ови нещастни изъ чунова, гдису они, како штосамъ мыслїо, чувати были, на брегъ влекоме, и тамо на клупу заколѣнія доведене. Еднога отъ ови усмотрїосамъ абїе погружена, кои э безсумнѣ батиномъ или дрвеснимъ мечемъ (ербосу они такове правити обычествовали:) могао э убїенъ быти, и двоица или троица абїе предузелису дѣло нѣга за куванѣ или печенѣ исећи, а међу тимъ друга жертва толико дуго онде стаяла э докле на ню редъ недоће. Башъ у оному магновенїю ока, кадъ э овай други нещастни себе малко оптвезана и свободна осетїо истергаосе, естествомъ, съ надеждомъ къ животу возбужденъ на еданъ кратъ отъ ныхъ, и бѣгао э съ неописаномъ хитростїю покрай брега у право на мене, на ону часть брега, гди э мое обиталище стаяло.

Испо-

Исповѣдити морамъ, дасамсе я отъ тога верло уплашїо, кадсамъ нѣга тако близу къ мени терчећа видѣо, а особито кадсамъ нѣга, такомисе учинило, отъ цѣлога онога полка потерана видѣо, садсамсе опоменуо доиста, да већь извѣстно ова часть мога сна у исполненїе долази, и онъ хоће башъ извѣстно у моей шумицы убѣгъ и отбрану тражити, али у прочему нисамъ могао я сну моему никоимъ начиномъ вѣровати, дакеду дивяцы нѣга доонде терати, и нѣга тамо наћи. Ясамъ међу тимъ стаяо вооруженъ и стаосамъ себе опетъ укрѣпляваши, кадсамъ усмотрїо, да више дивяка за нимъ у потеру нетерче него троица, и їоштъ више храбрости добїо, кадсамъ смотрїо, да э онъ у терчаню отъ ны далеко претежнїи и већь э напредъ толико далеко быо, и лакосамъ видѣти могао, да бы онъ ныма, акобы їоштъ полъ сата тако одержати могао, срећно умакнути могао.

Садъ э спаяо међу мномъ и ныма еданъ савитакъ, о коемусамъ я у первой части мое повѣсти често опоминанїе чинїо, кадсамъ о моему путешествїю къ разбїеной лађи говорїо. Преко овога знаосамъ, да э овай сирома человѣкъ нуждно пливати

мора

мора, ако неће уфаћенъ да буде. Али кадъ э већь и на то дошло, то нѣму ништа небы, акое башъ онда и припливъ быо, него скочіо э у воду и препливао э рецы у 30 *тъ* размаовъ, изишао э срећно на другу страну брега, и бѣжао э сасвимъ чрезвичайномъ якостїю и хитростїю опетъ отъ брега. А кадсу она тройца, коису за нымъ употеру терчали на брегъ свитка дошли, усмотрїосамъ двойцу отъ ныхъ да пливати знаду, а трећи нїе знао, него стоящъ остао, и мотряше за другима двойцомъ, пакъ затимъ повратїосе мирно натрагъ; кое башъ и за нѣга верло добро было, какоћесе послѣ казати.

Овдесамъ примѣтїо, да она двойца, коису пливали, выше него їоштъ два кратъ толико требовалису преко воде пливати нежели онай юноша, кои э имъ утекао. Садсамъ осѣтїо верло жестоко и непротивоборно побужденїе, да э садъ већь време себи слугу, и можетъ быти содружника и помощника прибавити, и дасемъ отъ провидѣнїя башъ ясно позванъ животъ овога сиротнога человѣка спасти. Абїе сишаосамъ съ лѣствице са свомъ возможномъ поспѣшностїю доле узеосамъ мое две пушке, коесу чело лѣствице прислонѣне

быле,

быле, попеосамсе съ таковомъ истомъ хитростїю опетъ на бердо горе, потекаосамъ управо къ морю, и дошаосамъ ербое путъ верло кратакъ быо, и све низъ бердо было међу бѣгунце и тераоцы. Повыкаосамъ овому первому ясно. Онсе э освратїо натрагъ, могао э обаче съ почетка отъ мене тако исто, како годъ и отъ нѣгови непрїятеля уплашенъ быти. Алисамъ я на нѣга абїе рукомъ мануо, дабы онъ малко натрагъ уступїо, и поступїосамъ међу тимъ сасвимъ полагаио на нѣгова обадва тераоца, напаосамъ на еданъ кратъ изненада на онога преднѣга, треснуосамга съ кундакомъ отъ пушке, и оборїосамга къ земли, ербо пуцати нисамъ быо радъ, да они другїи небысу чути могли, као што у оваковомъ отдалѣнїю и нису могли, и да димъ такожде видѣти нису могли, то дакле низнати нису могли, штобысу изъ тога чинили. Кадсамъ овога первога утукао, остао э онай другїй нападатель стоећи, као да отъ страха небы далѣ бѣжати могао, ясамсе абїе на нѣга устремїо. Али кадсамъ ближе нѣга дошао, усмотрїосамъ абїе, да нѣму стрѣла преко рамена виси, съ коїомсе онъ приправляо башъ на мене бацати. Ясамъ себе дакле принуждена видѣо преће

на

на нѣга пуцати; тосамъ дакле учиніо, и на первій удараць пао э дивякъ къ земли. Овай бѣдни дивякъ кои е бѣжао, међу шимъ мирно стояше, ако э онъ башъ (по нѣговому мнѣнію) и мертве свое непріятелѣ видѣо, но опетъ ватромъ и гласомъ пушке мое тако верло уплашенъ, э быо, да э онъ као пань стоящъ остао, пакъ ними напредъ ними натрагъ поступіо, ако э онъ башъ іоштъ свагда къ бѣжаню, выше склонѣнъ быо, нежели дабы къ мени дошао. Ясамъ нѣга іоштъ еданъ кратъ зовнуо, и даосамъ нѣму знакъ дабы онъ къ мени дошао. Онъ э абіе то разумѣо и пошао э малко напредъ, пакъ э опетъ фришко стао, и послѣ поступіо опетъ далѣ, пакъ затимъ опетъ скоро стао; и садъ примѣтіосамъ, да онъ отъ страха стрепитъ, како дабы робомъ учинѣнъ быо, и башъ зато, какосу ободвоица нѣгови непріятели убіени были. Ясамъ мануо іоштъ еданъ кратъ рукомъ на нѣга, дабы онъ ближе къ мени дошао, и гледаосамъ на све возможне начине нѣга съ бодростію напоити. На кое онъ све ближе къ мени приходяше, и сваки 10: или 12: коракляя за знакъ благодарности, дасамъ я нѣму животъ освободіо и даровао, на землю клецаше. Ясамъ іоштъ еданъ

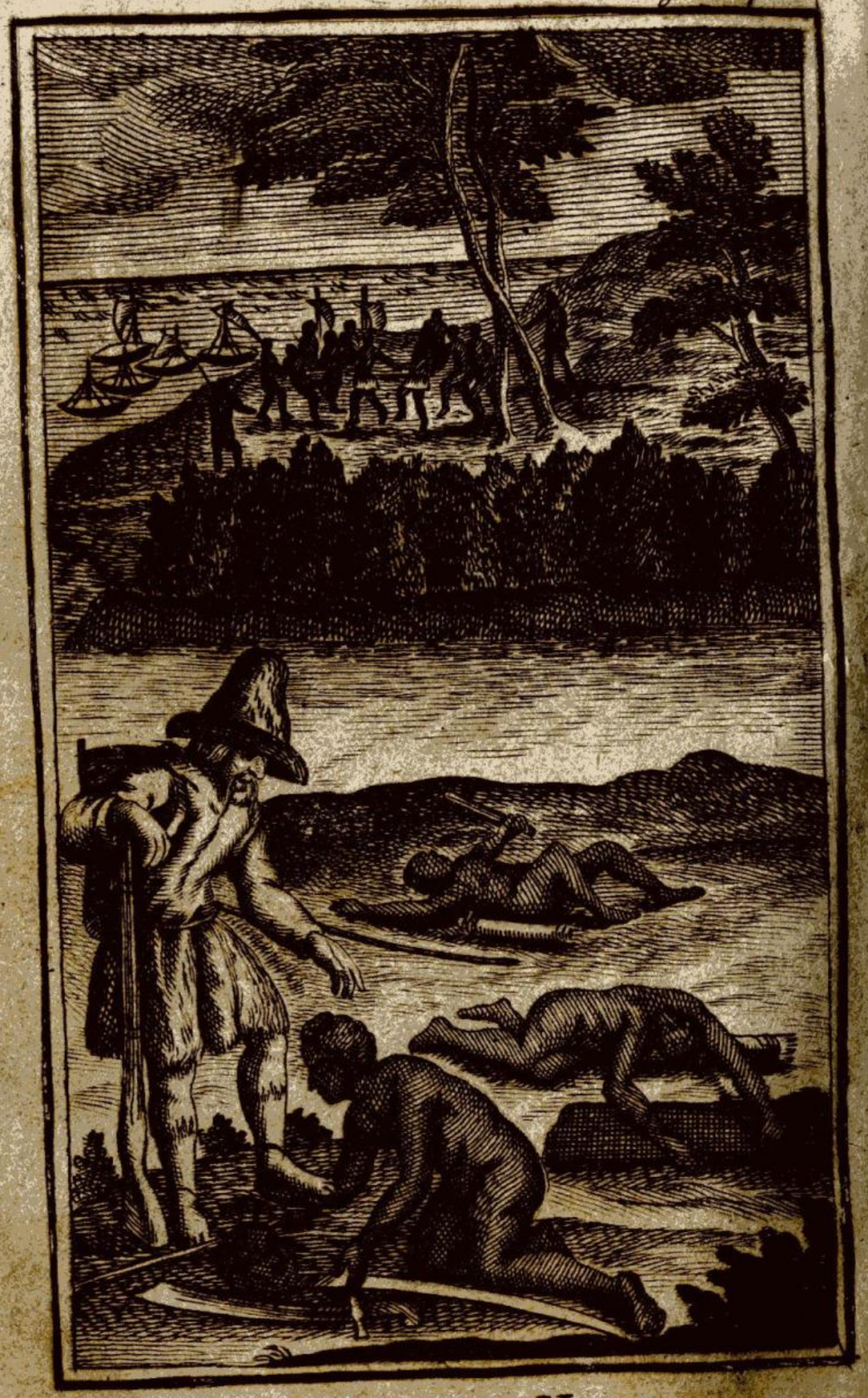
данъ путъ на нѣга мануо, и спроћу нѣга насмѣяваосе пріятна себе показивао, дабы онъ къ мени ближе дошао. Напослѣдокъ дошао э онъ къ мени, сасвимъ као валя, и клекнуое опетъ на землю, цѣливао э землю предамномъ, приклоніо э главу сасвимъ къ земли, узео э мою ногу и метнуо э себи на главу, кое э безъ сумнѣ знакъ быти морао, дасе онъ заклео моимъ вѣчнимъ робомъ быти. За коимсамъ я нѣга абіе са землѣ подигао, себе нѣму дружески показао, и мотріо свакимъ начиномъ, како годъ штосамъ болѣ могао, нѣга бодростію напоити. Али садъ имаосамъ іоштъ выше посла, ербо усмотріосамъ, да дивякъ онай, когасамъ већь утукао быо, іоштъ ніе сасвимъ мертавъ, него само ударцемъ забунѣнъ, и стао э опетъ къ себи долазити. Овдесамъ перстомъ показао на нѣга, и моему дивяку назнанѣ дао, да онъ іоштъ ніе мертавъ. Затимъ проговоріо э онъ нѣколико речи къ мени; и ако ихъ я башъ нисамъ ниразумѣо; тосу оне мени опетъ верло сладке быле, кадсамъ ихъ чуо, ербосу оне первый звукъ человѣческога гласа быле, коесамъ я кромѣ моихъ собствениихъ отъ 25: година первый кратъ чуо. Али къ таковимъ разсмотреніямъ ніе садъ време-

на

на было. Онай дивякъ, когасамъ већь утукао быо, окрѣпїосе опетъ добро, да э већь устати могао, и ясамъ усмотрїо, дасе мой дивякъ отъ нѣга бояти почео. А кадсамъ я то видѣо, дигаосамъ и управїо мою другу пушку на нѣга, као дабысе їоштъ еданъ кратъ на нѣга бацыти хотео. Али затимъ дао э мени мой дивякъ (ербосамга отъ садъ тако называо:) разумѣти, дабыму мечь мой узаймїо, кои э обиаженъ при бедри моей висѣо, коесамъ я и учинїо. Едва штое онъ мечь у руку имао, устремїосе абїе на свога непрїятеля, и на еданъ ударацъ нѣму тако лепо главу отсѣкао, да никакови желать у цѣлой Нѣмецкой то хитрїе и лепше небы учинити могао. Отъ овога дивяка, о коемусамъ я полну причину вѣровати имао, да онъ кромѣ ныни дрвени сабаля свога живота овакови мечь видѣо нїе, учинимисе отъ нѣга верло много бынти; али ясамъ послѣ искусїо, да они ныне дервене саблѣ тако изостригти знаютъ, и дасу оне отъ таковога тврдога дервета, и тако тешке, да они съ нима на еданъ ударацъ главу или руку отсѣћи могу. Када э онъ то совершїо, дошао э съ знакомъ побѣде смѣюћисе къ мени, дао э мени мой мечь опетъ на-

трагъ

Pag: 419.



Освобожденіе Петково.

прагъ, и положїога э съ множествомъ разни изображенія, кое я нисамъ разумѣвао, кодъ главе онога дивяка, кога э посѣкао, управо предъ мене.

О чемусе онъ найвыше чудїо, и што онъ отнюдъ поняти нїе могао, было э то, какосамъ я онога другога *Индїанца* у овакому одалѣнію убити могао. Онъ э дакле показао на нѣга онамо, и дао э мени знакъ да нѣму дозволимъ онамо иѣи. Коесамъ я нѣму, како штосамъ могао, показао да може свободно онамо поѣи. Када э онамо дошао, стао э сасвимъ као изванъ себе, разгледао э све опасно около нѣга, окренуога э найпре на едну пакъ послѣ на другу страну, промотрїо э ране, кое э тане начинило, кое э башъ у перси было, гди э оно рупу начинило, отъ коихъ э онъ мало съ поля али многовыше изнутра крвъ излїо; ербо э абіе мртавъ остао. Затимъ узео э мой дивякъ съ нѣга стрѣлу, и дошао э натрагъ; садсамсе окренуо, да отовудъ поѣемъ ману главомъ на нѣга, да замнмъ слѣдуе, нѣму знакомъ казуюѣи, даѣеду іоштъ више дивяка доѣи.

Затимъ э онъ мени знакъ дао, даѣе онъ ове убїене у песакъ закопати, да они други, акобы кои овамо дошли, ове небысу

видѣти могли; ясамъ нѣму съ персти и знаками изобразїо, да онъ ны закопа у песакъ. Онъ э абїе предузео дѣло, и за еданъ живи часъ съ руками яму у земли ископао, коя э доста велика была еднога у ню закопати моћи, кога э затимъ у ню бацїо, и пескомъ засуо, пакъ онда и съ онимъ другимъ то исто учиніо. Мыслимъ, да э онъ съ обадвоицомъ, преће него што э фертаљ сата прошао, готовъ быо. Садсамга позвао и повео не къ моему граду, него много далѣ къ моей новой магази на оностраной части Острова. У овой части дакле, да э онъ заклонъ и брану у моей шуми тражїо, непроизиће сцена по моему сновидѣнїю.

Овдесамъ дао нѣму хлѣба и едну киту суварка да еде, и еданъ напитакъ фришке воде, кою э онъ, како што самъ видѣо, ради многога трчаня врло отъ потребе имао. Послѣ какосамъ нѣга овако храномъ подкрѣпїо, даосамъ нѣму знакомъ разумѣти, да можетъ легнути и спавати показиваюћи на едно мѣсто, гдисамъ я еданъ велики снопъ пїрїнчне сламе и преко нѣга едну поняву простреo быо, на коемсамъ и самъ кадъ кадъ спавати обычествовао. На

коесе

коесе ово сиротно созданїе сложило на землю и заспало.

Овай дивякъ быо э еданъ прекрасни учтиви юноша совершено возрастанъ, съ долгими и сасвимъ здравими удови, и членови тѣла, не неотесанъ, него высокъ и благоустроенъ, и по моему мнѣнїю до 26 *тъ* година старъ. Нѣговъ изгледъ быо э врло благъ, и нїе имао ништа дивїега или мрскога, но многовыше мужественога знака у нѣговому лицу, и їоштъ къ тому сву благопрїятность и благость еднога *Европейца* у своему образу, особито кадсе смѣяше. Власи нѣгови былису черни и долги, и не кудрави као вуна; чело высоко и широко; очи врло животне, и взоръ или погледъ нѣговъ полнъ жеравичне остроте. Фарба нѣгове коже ніе сасвимъ черна, него врло жуточерна была, и не онако као шпосу *Бразїлїани, Вїргїнїани*, и други рождени *Американи*; него свѣтлогъ вида нѣке загасите зейтинъ фарбе, коя э нѣчто врло угодно на себи имала, коесе лако описати неможе. Лице нѣгово было э округло и пуно; носъ э нѣговъ маленъ али не онако пльоснастъ као другихъ Негровъ быо, уста нѣгова врло лепа и устне врло танке; зубы нѣгови былису лепо посаћени, и тако бѣли, како

годъ

годъ кость *Елефантовъ*. Послѣ, реци: едно полъ сата, како э онъ выше куняо него што э спавао, пробудїосе опетъ и изишао э изъ магазе къ мени на полѣ; ербосамъ я мећу тимъ козе мое музао, коесамъ у тору близу магазе имао. Како э онъ мене усмотрїо, поспѣшїо э абїе къ мени, пао э опетъ на землю, и сасвима возможнима знацы кроткога и благодарнога наумнѣнїя, и учинїо э многе и редке церемонїе мени таковое показати. Найпослѣ приклонїо э онъ їоштъ еданъ кратъ главу свою къ земли, и мени съ тимъ сасвима возможнима знаками покорности робства и подданства разумѣти дао, даће онъ мене докле годъ живи, служити. Ясамъ нѣга у многима вещма разумѣвао, и даосамъ нѣму опетъ возвратително разумѣти, дасамъ я съ нимъ врло удоволянъ. Мало затимъ почеосамъ съ нымъ говорити, и обучаваосамга самномъ бесѣдити. Найпре даосамъ нѣму то разумѣти, даћесе онъ *Петко* звати, кое э онай данъ быо, кадсамъ животъ нѣговъ спасао. Такожде обучаваосамга ову речь: Господинъ изговарати, и даосамъ нѣму разумѣти, да онъ мене тако звати имать, равно и ове речи: есть и нїе, и што оне значе. Даосамъ нѣму нѣчто мало млека у едному земляному

мляному лонцу, и казаосамъ нѣму, да онъ добро мотри, како я пїемъ, и хлѣбъ у нѣга дробимъ, затимъ даосамъ нѣму еданъ лебчићь и съ нимъ то исто учинити, све э онъ то хитро урадїо, и дао э мени знакъ, да э нѣму то све врло угодно, и вкуса полно было.

Овдесамъ съ ниме цѣлу ноћь провео. Кадъ э свануло, даосамъ нѣму разумѣти да самномъ поће, и даћуму нѣкое халине дати, о чемусе онъ, какомисе учинило, врло возрадовао, ербо э нагъ голъ быо. Кадсмо башъ идући путемъ кодъ онога мѣста были, гди э онъ ону двоицу закопао, показао э онъ опасно башъ на оно мѣсто погребеныхъ, и дао э мени знакомъ разумѣти, да ихъ опетъ ископамо и изѣдемо. На то учинїосамсе я врло разсрћенъ, и показаосамъ нѣму знакомъ мою гнусность и гадность отъ такови вещи, и учинїосамъ као дабы при самомъ овомъ помыслу блювати хотѣо, и мануосамъ на нѣга рукомъ, дасе абїе отъ онога мѣста удалити имать, кое э онъ абїе сасвомъ покорностїю учинїо. За тимъ отвеосамга на верхъ брда, да видимо, есули нѣгови непрїятели већь отишли; извадїосамъ овде мой пусулъ, погледаосамъ свудъ у наоколо, и усмотрїосамъ

самъ ясно оно мѣсто, гдису они были, али отъ ны самихъ или ныни чунова не бы ништа выше видѣти; дакле э садъ сасвимъ извѣстно было, дасу они отишли, и обадвоицу свои содружниковъ овде оставили далѣ ны нетражећи.

Но съ овимъ извидѣнїемъ нисамъ могао я їоштъ удоволянъ быти. Садъ кадсамъ выше храбрости, слѣдователно, и выше желанїя имао, узеосамъ мога Петка сасобомъ, даосамъ нѣму мой мечъ у руку, стрѣлу и ударце, съ коїомъ э онъ, како штосамъ видѣо, врло хитро и упутно поступити знао, на леѣа, дадому їоштъ и мою пушку, да понесе, ербосамъ я две носити имао, и такосмо пошли къ оному мѣсту, гдису ови люди были; ербосамъ я свагда волю имао, себе їоштъ опаснїе о ныма извѣстити. Али э крвъ моя абїе сва у жилахъ моихъ стала и умрла, кадсамъ на мѣсто ово дошао, и сердце хотяшеми у перси о взору овога гнусного позорища, когасамъ овде видѣо, пући. Ужасни, мерзости и запуштѣнїя полни взоръ, доиста! За мене найманѣ, ако Петко башъ о томъ нехтеде ништа низнати. Свудъ быше кости человѣческе разсѣяне, земля съ крови офарбана, овде и онде велики комади,

комади человѣческога меса разбачени, полакъ изѣдено растргано, и одрто, кратко, сва знаменїя еднога побѣдоносного обѣда, когасу они послѣ одержане побѣде ныни непрїятеля овде держали. Усмотрїосамъ три мртве главе, петъ руку, и кости двѣю трїю кукова и ногу; и Петко дао э мени съ знакомъ разумѣти, дасу они 4ри роба овамо за ручакъ донели были. Трећицу отъ овыхъ есу изѣли, а четврти (показиваюћи на самъ себе) быо э онъ. Да э мећу ныма и еднимъ близъ граничнимъ Кралѣмъ, къ коего подданикомъ отъ прилике и онъ надлежаше, велика битка быти э морала, и дасу они много робова учинили, коису сви отъ они, коису ны у бѣгству пофатали, на различна мѣста отведени были, дабысу тамо отъ ныхъ обѣдъ готовили и держали, како штосу и ови безчеловѣчницы, коису овде были, съ онима учинили коесу овде донели.

Ясамъ заповѣдїо Петку абїе све тикве, кости, месо, и што э годъ друго ту было, собрати, то на едну хрпу сложити, пакъ подъ тимъ велику ватру наложити, и све вообще у пепелъ премѣнити.

Овдесамъ примѣтїо, да Петко їоштъ свагда велику волю за месомъ человѣческимъ

скимъ има, и їоштъ свагда человѣкоядацъ есть. Но ясамъ нѣму показао толико много гнусности о самомъ помыслу или сѣну отъ шта годъ таковаго, дасе онъ выше нїе усудїо себе о таковомъ чему показати; ербосамъ я нѣму нѣкимъ извѣстнимъ образомъ разумѣти дао, дањуга абїе утуѓи, ако онъ икадъ о таковомъ чему и помыслити усудисе.

Кадсмо ово совершили, дошлисмо опетъ у нашъ градъ натрагъ, и садъ стаосамъ я за мога Петка бринутисе и уредбу чинити. Преѓе свїю вещи даосамъ нѣму еданъ паръ платнени гаћа, коесамъ у настойниковомъ сандуку нашао, и кое нѣму послѣ нѣке мале поправе сасвимъ добре быше. Затимъ начинїосамъ нѣму едну опаклїю отъ козїи кожа тако добро, коликое годъ способность моя допустила, и ясамъ постао отъ садъ веѓь доста добаръ крајачъ, Дадому їоштъ едну капу, коюсамъ отъ зечїе коже начинїо, коя э їоштъ кь тому алватна и доста порядочна была. Овимъ начиномъ быо э онъ дакле їоштъ засадъ, доста добро одѣвенъ, и врло удоволянъ съ тимъ, видеѓи себе тако исто добро како годъ и свога Господина одѣвена. Истина съ почетка, када э онъ ове халине, обу-

обукао, дасе доста дедачки показивао, чакшире или гаће носити былому э верло несносно, и рукави отъ кожуха пиштализу нѣму плећа и рамена. Али кадсамъ я то онде, гдисе онъ найвеѓма тужїо, дага пишти, попраїо и шире начинїо, то э облачїо онъ послѣ све верло радо.

Другїй данъ кадсамъ съ нымъ куѓи дошао, стаосамъ о томъ мыслити, гдиѓу нѣму мѣсто законакъ назначити. Дабы онъ сву возможну угодность, и я такожде отъ нѣга нинайманѣ ништа боятисе небы имао, начинїосамъ дакле на оному чистому мѣсту меѓу моима двима градови еданъ мали шаторъ, увнутренѣй страни послѣдиѣга а у внѣшнѣй первога. А будуѓи дасу овде врата или уходъ кь моей магази была, то дакле начинїосамъ порядочни перваз, и на нѣга врата отъ дасака, и намѣстїосамъ ихъ мало далѣ унутра у уходу, заключаосамъ ихъ, ербосусе унутра отворала, пакъ затимъ и мою лѣствицу унутра увукао. Петко дакле нїе могао никоимъ начиномъ у внутреню страну мога внутренѣга зида уѓи, да небы толико много лупе учинїо, дасе я небы нуждно пробудити морао. Ербо э первый зидъ мой имао совершени кровъ надъ собомъ отъ

они

они дугачки чамчиħа, коесамъ преко шатре на страну брега препречіо и съ малима тачкама на мѣсто летви опетъ препречіо, кое э верло яко было, кадъ э трска на то дошла. На ону рупу или мѣсто, коесамъ оставіо, дабы преко лѣствице на полѣ и унутра улазіо, начиніосамъ вратанца, коя кадбы ткогодъ съ поля унутра хотео, дигнуписе небы могла, него бы унутра пасти и велику ларму учинити морала. Преко ноħь такожде оружіе свое унеосамъ къ себи унутра.

Али доиста да рекнемъ, то э све безъ ове позорности быти могло; ербо на свѣту ніе ништко могао вѣрніега, честніега и свога Господина више любящега служителя имати, као штосамъ я мога Петка имао; ербо у нѣму ніе было никаковога самоумія никакове упорности, никакове преваре, него сама доброхотность и поданство спроħу мене. Онъ э мене съ полнимъ серацемъ као чадо отца свога любіо; и смѣемъ свободно реħи, онъ бы быо при свакомъ способу сдрагомъ душомъ свой собствани животъ жертвовао, гдибы мой искупити могао. И отомъ нису дале мени оне многе пробе о любови нѣговой спроħу мене нинаиманѣ сумняти, и скоросамъ сасвимъ увѣ-

ренъ

ренъ быо, да я всмотреніи мое безбѣдности нѣга ради нинайманѣга позорства отъ потребе имао нисамъ.

Ово э мени често поводъ дало, примѣчаніе, а наймено съ удивлѣніемъ учинити, да акое Богъ башъ при путѣхъ своего провидѣнія и управлѣнія дѣлъ руку нѣговихъ соизволіо, оваковой великой части своихъ созданій у свѣту найлепше употреблѣніе къ коему моей крѣпости и способности душъ нынихъ способне есу, украшити, онъ э ныма опетъ онакове исте душевне силе, онакови исти разумъ и склоность, онакова иста чувствованія благостоянія, и союза, оне исте страсти и чувства о неправди, оно исто чувство благодаренія, искрености и вѣрности, и све способности доброе творити и доброе примати даровао, коя э и нами дао; и да акобы онъ соизволіо ныма способъ дати све ово показати, они све тако исправно, и іошъ исправніе нежели мы ова свойства сва ко истиному и правому употреблѣнію уредити, къ чемусу она ныма и дарована. И овое мене често сасвимъ смутило; кадсамъ то овако промыслio, каково злоупотреблѣніе мы отъ свію ови естествени дарова чинимо, акосу башъ кодъ насъ ове силе и

крѣ-

крѣпости великимъ свѣтомъ наставлѣнія духа Божія и познанства міра много више просвѣщене и подкрѣплене, и зашто ѳ Богъ соизволїо оваково благощастно познанство отъ толико много мїлїона душа сакрити, кои судећи по овому сиротному дивяку, можетъ быти, бы могли много болѣ употреблѣніе отъ тога учинити, нежели мы.

Ова размышлѣнія многократно далекосу мене съ пута развратила и безпредѣлному Господству провидѣнія близу ступити дала; ербосамъ я нѣга равнѣ и нахесапъ таковога ради самоволнога урежденія вещей позвао, зашто ѳ оно свѣтъ овай отъ нѣкой сакрило, а другимъ открило, и явило и еднаку должность и покорность отъ обоихъ изискуетъ. Но ясамъ ове занешене мысли, опетъ скоро съ тимъ заключеніемъ удержао: перво што мы знали нисмо, каковимъ просвѣщеніемъ или каковимъ закономъ они суѣни будутъ, него да Богъ нуждним начиномъ естествомъ своего существа безконечно свитъ и праведанъ быти мора, то дакле нїе могло иначе ни быти, акобы сва ова созданія нѣгово лице невидѣти осуждена была, то башъ тога ради быти бы морало, што су, они

они противо онога свѣта погрѣшили, кои ѳ као што писмо говори, ныма сами законъ быо, и даѣеду они поправиламъ таковимъ суѣени быти, коя ѳ совѣсть нына сама за достойне и праведне признати морала, ако намъ башъ отъ тога истина права откровена и нїе была. Друго: да мы сви ништа друго нисмо были, него само земля или блато у руку лончара, и никаковїй лонацъ нїе нѣму казати могао: Зашпоси ты майсторе лончару мене паковога начинїо?

Али садъ опетъ дасе моему новому содружднику возвратимъ, имаосамъ велику радость о нѣму, и унињосамъ себи за должность нѣга обучавати, што нѣга мени полезна спомогателна и содѣйствителна учинити може, преѣе свега о томесамъ имао дѣло, да онъ говорити и мене разумѣвати може, кадбы снимъ говорїо, и имаосамъ у нѣму просвѣщенога ученика, коисе икадъ помыслити може, и при томъ быо ѳ онъ тако веселъ, тако непреривно прилѣжанъ, и тако удоволянъ о томъ, кадъ ѳ само мене разумѣти или учинити могао, да я нѣга разумѣмъ, дасамъ доиста верло велику радость о томъ имао съ ниме говорити. И сада ѳ животъ мой почео тако сладакъ бывати, дасамъ често у самъ себи

бы

би рекао: кадбысамъ само отъ више дивяка свободанъ быти могао, то я о томъ никада запитао не бы, кадъ небысамъ никада выше докле годъ живимъ изъ овога мѣста отишао.

Послѣ два дана бываюћи у моему граду помыслїосамъ, дабы мога Петка отъ нѣговога морскога обычая месо человѣческо не ясти и отъ нѣгове человѣкоядне волѣ сасвимъ отвратити могао, мораосамъ нѣму дакле другога меса ясти дати. Повеосамъ нѣга дакле еданъ кратъ уютру сасобомъ у шуму. И ясамъ башъ у тому намѣренїю изишао на полѣ едно яре изъ моега собственога чопора заклати, и сготовити. Идући путемъ усмотрїосамъ едну козу и два ярета кодъ нѣ у ладку лежећа: Стани! рекаосамъ я моему Петку уфатећи нѣга рукомъ, и даосамъ нѣму знакъ съ мѣста некренутисе, и стао э, запимъ напiегнуосамъ мою пушку, и упукаосамъ едно яре отъ они млади. Овай сирома юноша, кои э већь видѣо, какосамъ я изъ далека онога дивяка нѣговога непрiятеля убїо, али о петъ, нїе знао нити э себи представити могао, како э то было, уплашiосе о томъ да э онъ отъ страха дрктао и трепетао, и тако уплашенъ быо, дасамъ я свакога

кога часа мыслїо, даће онъ отъ страха мертавъ на землю пасти. Онъ оно младо яре нїе видѣо, коесамъ я убїо, такожде нїе примѣтїо, да э оно већь мертво, него э свукао кожухъ свой и стадесе пипати, да нїе гдигодъ ранѣнъ быо, и мыслїо э дѣйствително, коликосамъ я примѣтїо, дасамъ я нѣга убити хтео. Ербо э онъ абїе къ мени припао, клекнуо предамномъ и говорїо мени обимаюћи колѣна моя велику хрпу кое какови речи, кое я нисамъ разумѣо, али откудъ я баремъ толико погодитисамъ могао, да э онъ мене молити хтео, дага небы живота лишїо.

Алисамъ я абїе средство нашао, коимсамъ я нѣга совершено увѣрїо, да я нѣму ништа убиточна учинити нисамъ мыслїо. Узеосамга за руку и смѣаосамсе дружески къ нѣму, показуюћи нѣму на яре рукомъ, коесамъ убїо, и даосамъ нѣму разумѣти, да онамо отиде и дага донесе. То э онъ сдраге волѣ учинїо, доклесе онъ чудїо и удивлявао, какосамъ я то зверче убити могао, набїосамъ я мою пушку по другїй кратъ видећи едну велику птицу ястребу подобну на нѣкоемъ дрвету сѣдящу, да ю убити могу. Дабы я дакле моему Петку о томъ нѣчто мало поняпно учинїо,

штоћу я чинити, зовнуосамга опетъ къ себи и показаосамъ нѣму на птицу (коя э папагай была, акосамъ ю я башъ и за ястреба держао:) на мою пушку, и на землю подъ птицомъ, дабы нѣму разумѣти дао, даћу ю доле свалити; избацыосамъ пушку затимъ на птицу, и рекаосамъ нѣму, да гледа и позорствуе, и онъ э такожде птицу доле оборену видѣо. Но несматраюћи на све то штосамъ я нѣму казао, стаяо э мой сиромахъ Петко їоштъ свагда верло устрашенъ, и тосамъ примѣтїо, да э онъ їоштъ выше уплашенъ быо, ербо видѣо ніе, штосамъ я у пушку мешнуо. Онъ э мыслїо дакле, да мора гдигодъ какови чудесни имутакъ отъ смерти и запустѣнія у овой вещи стояти, съ чимсе люди, звѣрови, птице и све штогодъ дыханіе имаде, было оно близу или далеко, убити може. Стрáхъ, кои э то нѣму прозрокова-ло, быо э тако великъ, да онъ задуго къ себи доћи ніе могао, и кадбы я допустїо быо, онъ бы дойста и мени и пушки моей кланяосе и жертву приносїо. А пушке самé ніесе задуго време ни додирнупи смѣо, негосе разговарао и забаляо съ нїомъ, кадъ э самъ быо, као дабыму она какови отвѣтъ дапи знала, и то све како штосамъ

я послѣ отъ нѣга искусїо, да э пушку молїо, дага убила небы.

Када э веће овай стрáхъ малко прошао, даосмаъ нѣму разумѣти, да оттрчи онамо и донесе ону птицу, коюсамъ убїо. Онъ э и то дрговолно учинїо, али э задуго изостао, ербо э папагай, кои ніе сасвимъ мертавъ остао, доста по добро парче отъ онога мѣста, гди э пао, быо отишао. Найпослѣ нашао э онъ папагая и донеога э къ мени. Кадсамъ невѣжество нѣгово всмокъ мени примѣтїо, учинїосамъ нѣгово отсутствїе фришко на ползу мою и набїосамъ мою пушку їоштъ еданъ кратъ, недаюћи нѣму видѣти, да бы опетъ, акосе прилика какова укаже, бацытисе могао, но за садашни кратъ непоявисе ништа. Донесосмо дакле яре кући, коемусамъ я їоштъ ону вечеръ кожу свукао, расправїосамга, како штосамъ болѣ могао, и спаосамъ месо куваши, ербосамъ лонацъ къ тому имао, отъ кога э врло добра чорба произишла. Кадсамъ отъ тога малко ео, даосамъ и моему Петку ясти, кои э о томъ врло удоволянъ быо и врло добро и сладко ео. А шпосе нѣму врло чудно и рѣдко при томъ учинило, да э онъ мене месо съ солїю ядуща видѣо. Онъ э мени абїе зна-

комъ показао, да соль ясти нїе добро, и учинїо э, када э малко соли у уста узео, као дабы отъ нѣ велику гадливоеть имао и исплувао э ю съ великомъ гнусностїю изъ уста, пакъ съ чистомъ водомъ уста и зубе изапрао. Затимъ узеосамъ я еданъ залогай меса безъ соли, и учинїосамъ, као дабысе и я тако исто гадїо и исплювати морао, ербо э неслано, као што э онъ преће съ солїю учинїо. Но то све ништа нїе ползовало, онъ нїе хотео нити меса нити чорбе съ солїю вкушати; и то тако дуго времена траяше, пакъ э и послѣ отъ нѣ врло мало употреблявао.

Ясамъ нѣга за садашни кратъ само съ обаренимъ месомъ и чорбомъ частїо, а сутра данъ намыслїосамъ нѣга съ ярећимъ печенѣмъ частити. Обѣсїосамъ дакле еданъ комадъ меса на едному ужету предъ ватромъ, као штосамъ отъ многи люди у Англїи видѣо, и кои са обадве стране ватре по еданъ Колчичь ударе, и отозго еданъ попреко метну, на кои уже свежу и тако печенѣ све дурма окрећу. О томсе е Петко врло чудїо, а када э послѣ меса окусїо, дао э онъ мени съ многима знацы разумѣти, какому то врло добро и сладко пада, и заклеосе напослѣдокъ мени, да неће выше ни-

никада человѣческога меса ясти, кое е мени врло драго розумѣти было.

Други данъ даосамъ нѣму штогодъ пословати, и даосамъ нѣму по моему начину мало жита истерти и истући. Онъ э абїе поняо, какосе то чинити мора, тако добро како годъ и я самъ, особито када э видѣо, штаће значити и къ чемуће то быти, и штаће изъ тога быти, ербосамга абїе привео и даосамъ нѣму гледати, какосе хлѣбъ меси, пакъ послѣ какосе и пече, и украткому времену быо э мой *Петко* тако способанъ све ово за мене тако добро радити, како годъ штосамъ я преће свагда за самъ себе чинити морао.

Далѣ помыслїосамъ, да я отсадъ двоя уста хранити имамъ на мѣсто досадашни еднихъ, слѣдователно више ныве копати, и выше жита сѣяти морамъ, него штосамъ досадъ сѣяти обычествовао. Измѣрїосамъ дакле еданъ великїй комадъ землѣ, и стаосамъ нѣга као и друге плотомъ ограћивати, при коему э дѣлу *Петко* не само прилѣжно и охотно, него такожде съ радостїю и веселїемъ изъ свїю крѣпости мени радити помогао. Ясамъ нѣму казао, къ чемуће то быти, то есть дабысмо жита добыли, ербо я, будући да нѣга садъ

кодъ

кодъ себе имамъ, више и хлѣба имату морамъ, да не бысмо и я и онъ никаковога недостатка о хлѣбу имали. О томъ учинїосе онъ врло возбужденъ быти, и рекао э мени, дасе нѣму види, да я нѣга ради садъ више дѣла имамъ, нежели за себе; и да хоће съ радостїю много више за мене радити, ако я нѣму само кажемъ, шта онъ радити има.

Ово э лѣто найкрасніе и найизрядніе было, коесамъ я цѣлога мога живота на овому острову доживіо. Садъ э *Петхо* започео доста прилично говорити, и имена скоро свїю вещи, коясамъ я отъ потребе имао, и отъ свакога мѣста, гдисамга годъ шиляти морао примѣчаватн. И тако за дуго ніе траяло, да мени языкъ мой опетъ къ чему полезанъ не бы было, отъ когасамъ доиста досадъ врло мало употреблѣнія чинити могао; то есть на разговоръ. И кромѣ услажденія съ нимъ говорити имаосамъ такожде о овомъ юношы велику радость. Нѣгова простодушна искренность и честность откриваласе мени сваки данъ више тако, дасамъ я нѣга башъ отъ свега сердца миловати стао; и онъ съ нѣгове стране, како штосамъ я причину мыслити имао, мене више любяше, него што э преће

тога

тога икадъ штогодъ друго свога живота любїо.

Еданъ крапъ добїосамъ волю нѣга на пробу узети, нетужили онъ опетъ за своимъ отечествомъ натрагъ. И будући дасамъ я нѣга већъ толико Англїйски научїо, да онъ скоро на све вопросе отговорити э могао, запитаосамга, учинили народъ онай, къ коему онъ принадлежи, кадъ годъ какову побѣду? О: Есть Есть! рече онъ смѣюћисе, wir allemal beſten fechten мы свагда юначки воюемо, и такосе започео слѣдующи рязговоръ међу нами.

Петко кои їоштъ Англїйски речи нити Грамматїчески слагати, нити совершено изговарати знао ніе, опетъ э съ Робінзономъ доста приличанъ разговоръ водіо. Петко. Mein Nation gut fucht das mag nun ſein, wies will. Мой народъ добро воюе, може то быти какому драго.

Робїнзонъ. Кадъ э то тако, какое дакле могло быти, да ты заробљѣнъ будешъ?

Петко. Sie mehr waren an dem Orte denn, mein Nation; ſie fangen einen, zwey, drei und mich. Mein Nation ſie ſchlug an ein ander Ort wo mich nicht war, da mein Nation gefangen, eine zwei, große Tauſende.

Не-

Непрїятеля было э више на ономy мѣсту, нежели мога народа, они заробише еднога, двоицу, троицу и мене. Народъ е мой опетъ на другомъ мѣсту, гди я нисамъ быо ны избїо, гди э народъ мой заробїо еднога, двоицу и велике тысяще.

Робїнзонъ. Али зашто твоя страна тебе изъ руку твои непрїятеля нїе избавила?

Петко. Sie liefen einer, zwey, drei, und ich; in das Kann mich brachten; meine Nation nicht hatte Kanen damals.

Онису терчали еданъ, двоица, троица, и я у чунъ мене увукоше, мой народъ нїе имао онда чунова.

Робїнзонъ. Добро Петко, Ашта чини твой Народъ съ своима робови? валя да ихъ отведу кудъ годъ на страну, пакъ изѣду, као шпосу и ови овде учинили?

Петко. Ja, meine Nation auch Menſchen eſſen, alles aufeſſen. Есть мой народъ изѣде такожде люде, све прождре.

Робїнзонъ. Куда, и на кою страну доводе они робове?

Петко. Gehen an ein andern Ort wo ſie Luſt haben.

Идутъ гдигодъ на друго мѣсто, гди увеселенїе имаю.

Ро-

Робїнзонъ. Долазели они такожде и овамо?

Петко. Ja, ja, kommen auch hieher; kommen, auf einer andern Seite hier. Есть, есть, долазу такожде и овамо, долазу съ друге стране овамо.

Робїнзонъ. Нисили и ты съ ныма кои кратъ овде быо?

Петко. Ja, ich bin auch ſchon hier geweſen (Er zeigt gegen die Nordweſtſeite, welches wie es ſcheint, ihre Seite war).

Есть, и ясамъ већъ овде быо (и показао э рукомъ къ сѣверо-западнѣй страни Острова, кое э по свой прилики нына страна была)

Изъ овога разговора видѣосамъ, дае и мой Петко прѣже съ дивяцы овде быо, коису на отдалѣнимъ частемъ острова башъ таковога истога человѣкоядства ради, кога э ради и онъ овамо донешенъ быо, на брегъ долазити обычествовали. И послѣ нѣкоего времена, кадсамъ опетъ храбрость добыо Петка на другу страну острова отвести, кое э она иста была, како шпосамъ горе рекао, познао э онъ абїе башъ мѣсто, и рекао э мени, да э онъ еданъ кратъ овде быо, кадсу они 20. люди, две жене и едно дѣте изѣли. Двадесетъ нїе

знао

знао Англїйски изброити, али э онъ и то изброїо, ербо э онъ нанизао уредъ толико пиляка, имени показао да ихъ изброимъ.

Ясамъ то тога ради овде увео, ербоѣе то за вступлѣнїе къ слѣдующему служити. Кадсамъ веѣь съ ныме тай разговоръ имао, запитаосамъ нѣга, коликобы далеко отъ наше пустынѣ до брега сталне землѣ было, и нисули често чунови у море пропали? онъ э дао мени разумѣти, да ту никакове погибели нейма, и да нїе ни еданъ чунъ никада пропао; него само кадсе малко далѣ у море завезе, да э тамо нѣка рѣка, и нѣки извѣстни вѣтаръ свагда до полъ дна, а други послѣ полдна дыхао.

Ово низашто друго держати нисамъ могао, него за обыкновено време приплива, и отплива морскаго, Али послѣсамъ искусїо, да э ово отъ оне яке матице и нарастѣнїя велике рѣке Ороунока долазило, у коея наустїю, како штосамъ послѣ и держао зато, нашъ островъ лежи, и да земля, коюсамъ я къ западу и сѣвернозападнѣ видѣо, велики островъ *Санитъ тринидадъ* на сѣверномъ верху ове рѣке была.

Ясамъ выше отъ тысящу вопроса моему Петку задао о земли, о жители, о морю, о брегахъ, и какови народи на близу

зу около насъ живу и све што э годъ онъ знао, исказао э онъ съ найвеѣимъ простосердечїемъ, коесе и кадъ помыслити може. Запитаосамга о именахъ разныхъ народовъ, о той класи людства, къ коей онъ надлежаше, нисамъ могао обаче никаковога другога имена искусити нежели *Карибей.* Откудсамъ абїе и дознао, дасу то Карибеи, кое наша землеописанїя карта на оной части Амерїке ставля, коя э отъ наустїя Ороокова до *Гвїнее* и тако далѣ до святе *Марѳе* досязавала. Онъ э показао мени такожде нѣки далеки путь чакъ преко мѣсяца онамо (онъ э хотео казати съ ону страну мѣсечнога захода, кое э у ныной земли у западу быти морало) обитаваю, люди съ белима брадама као и я (онъ э затимъ показао на мой велики бркъ, когасамъ я горе описао) и дасу они много тикови люди (такосе онъ изяснїо) убили: Изъ овагасамъ я абїе дознао, да онъ за Шпанїере говори, коихъ безчеловѣчїе и мерзость у цѣлой Амерїки и свимъ предѣламъ былое разширено и извикано, и коихсе споменъ между свима народи отъ отца на сына содержава.

Далѣ запитаосамга, не были онъ мени казати могао, какобы я изъ овога острова къ онима белима людма доѣи могао. Есть, есть,

есть, ты можешь у двима чунови онамо доћи, я нисамь могао знати, шта онь хоће сь нѣговима двима чунови да каже, докле я найпослѣ сь многимь трудомь нисамь изнашао, да то толико значи, да я морамь у едному великому и широкому чамцу поћи, коибы толико велики быо као два чуна.

Ова часть Петковога разговора быламїе чрезвичайно поволна, и отъ овога времена почела э надежда у мени наново расти, да я данась или сутра їошть способь изь овога мѣста себе избавити наћи могу, и овай сирома дивякь може средство быти и мени кь тому помоћи.

Цѣлога овога времена, кое э Пешко кодь мене быо, и онь самномь говорипи и мене разумѣвати почео, нисамь я такожде изоставїо нѣкое основанїе о познанству закона у сердцу нѣговомь насадити. Особито запитаосамь я нѣга едань кратъ, шкое нѣга сотворїо? али ово бѣдно созданїе мене нинайманѣ нїе разумѣло, него э помыслило: да я нѣга питамь; шкое нѣговь отацъ. Но ясамь стварь сь другога края предузео, и запитао нѣга: шкое море, землю, на коей онь ходитъ, берда и шуме сотворїо? то э быо, рекао э онь мени, онай

онай стари Бенамукее, кои э найстарїи и кои э све преживїо. И далѣ никаково описанїе о овой великой Персони или лицу нїе онь мени могао дати, него да э онь врло старь, много, много старїй, рече онь, него што э море и земля, мѣсяцъ и звѣзды. Добро дакле, запитаосамь я нѣга далѣ, кадь э овай старацъ све вещи сотворїо, зашшосе оне све нѣму немоле? о чемусе онь савимь упрепастїо и узвѣрїо, пакь сь истинимь образомь невине простоте рекао: све швари говору о нѣму. Ясамь нѣга далѣ запитао, хоћедули они люди кои у оной земли умиру, послѣ смерши гдигодь на друго мѣсто доћи? Есть рекао э онь: они сви опетъ кь великому Бенамукеєу идутъ. Идули дакле и ови запитаосамь я нѣга далѣ, и они шамо, кое вы овде изѣдете? то э шако рече онь, иду да.

Запимь сшаосамь я нѣга у познанству истинного Бога обучавати. Показаосамь нѣму да велики создашель свїю швари онде горе обишава: (на небо показуюћи) да онь свѣшь онаковимь испимь провидѣнїемь и властїю управля, сь коїомь э онь нѣга и сотворїо; да э онь всемогућь за нась све чинипи, нама све дапи, и отъ нась опешь све изепи може; и шако

отво-

отворїосамѣ мало по мало нѣгове помрачене очи. Онѣ э мене верло позорно слушао, и све радостно прїимао, штосамѣ я годѣ нѣму о Исусу Хрїсту говорїо, да э онѣ на свѣтѣ посланѣ быо насѣ искупити, и какосе мы нѣму молити имамо, и како онѣ насѣ, башѣ ако э онѣ и у небу, чути може. Еданѣ кратѣ рече онѣ мени, да кадѣ нашѣ Богѣ насѣ чакѣ преко солнца чути може, то онѣ мора свакимѣ начиномѣ много већи Богѣ быти, него што э Бенамукее, кои башѣ отѣ насѣ далеко и необитава, пакѣ опетѣ насѣ чути неможе, доксе годѣ горе на велико брдо непопнемо, гдисе онѣ задержава. Ясамѣ нѣга запитао, нїели онѣ кои кратѣ горе на бердо ишао, да сѣ нымѣ говори. Онѣ э мени отговорїо, дя нїе никада, ербо млади люди тато иѣи несмѣду. И нитко други тамо неиде, него стари люди, кое э онѣ ныне овоокакее називао, то есть, као штосамѣ отѣ нѣга разумѣо, толико, као ныни попови и монастирцы. Ови само ишлису онамо, да бы о! сказали, (тако низиваше онѣ молитву) дошлису опетѣ натрагѣ, казивалису людма, шта э Бенамукее рекао. Оповудасамѣ абїе видѣо, да нѣкая лица такожде и међу найслѣпїима, и найглуїпима Поганицы Господствую,

и

и да э политически поступокѣ какову Релїгїю учинити, дабы страхопочитаніе народа спроћу Начальствующыхѣ общаго благополучїя ради содержавати моћи не само Риму свойственѣ, него можетѣ быти међу свима закони, и можетѣ быти башѣ и међу самима скотскима и варварскима дивяцы наћисе мора.

Потрудїосамсе я дакле моему Петку ову превару указати говорећи нѣму, да преданіе ныни страда, да оны на бердо кѣ ныноме Богу Бенамукее отходе, да бысу онде о, сказали нїе истина, и їоштѣ ложнїе дасу они отговорѣ натрагѣ донели, кога имѣ э онай Богѣ дао. Добилибысу они тамо отговорѣ, илибису дѣиствително сѣ кимѣ годѣ тамо говорили, то не бы ништа друго быти могло, него еданѣ нечисти духѣ. Овдесамсе сѣ нимѣ у пространѣ разговорѣ упустїо о дяволу, нѣговоме началу, нѣговой ребелїи противѣ Бога, нѣговоме непрїятелству и враждби противѣ чековѣка, причини о тому, какосе онѣ у темнимѣ частемѣ свѣта богомѣ учинїо и као истини богѣ почитоватѣ быти хотѣо, и о многоставнимѣ лукавимѣ предпрїятїямѣ, коихсе онѣ послужава родѣ человѣчески у пропастѣ навести; како онѣ

нѣки

нѣки тайни приступакъ кь нашимъ страстемъ и склоностемъ имаде, и свою замку кодъ наши пожеланія тако добро намѣстити знаде, да мы чрезъ такову наши собствени искусители бывамо, и изъ собственога избранія у нашу пропасть терчимо.

Коликосамъ примѣтіо, ніе было могуће нѣму правилна понятія о дяволу, као о бытію божіему у сердце уселити. Естество э само подкрѣплавало моя истиная доказателства нѣга башъ о нуждности велике перве причине и всеобладающе власти тайно дѣйствующега провидѣнія, и о праведности и должности нѣму, кои э насъ сотворіо вѣровати и молитисе и: т: д: очевидно увѣрити. Али отъ свега тога ніе было ништа, при понятію отъ нечистога духа, нѣговога естества и качества, и особито нѣгове склоности злое створити и іоштъ насъ на таковое навести; и еданъ э кратъ мои добрыи Петко съ самими естественими и невиними вопроси мене у такову тѣсноту доперао, да я нисамъ знао, штоћуму већъ на то отговорити. Яасамъ съ нымъ много о власти божіей, нѣговой весмогућности, нѣговому омерзѣнію противъ грѣховъ говоріо; и нѣму казао, каковъ

ковъ э онъ страшный у снѣдающи огнь свимъ злочинцемъ; како э онъ, када э насъ свію сотворіо, насъ и цѣли свѣтъ у едному магновенію ока опетъ уничтожити могао, и Петко слушао э мене ово цѣло време съ великимъ позорствомъ Затимъ казаосамъ нѣму, каковъ э дяволъ непріятель Божій у сердцахъ человѣческихъ, и сву свою злобу и коварство употреблява, да бы блага намѣренія провидѣнія опровергао и царство хрістово разоріо, и: т: д: Добро дакле рекао э Петко, ты кажешъ, да э Богъ тако силанъ, тако великъ; нѣели дакле онъ выше силнїи, много већи нежели дяволъ? Всячески Петко, рекаосамъ я нѣму, наравно э Богъ крѣплшїи и силнїи нежели дяволъ; Богъ есть и верху дявола и зато мы молимо Бога, да бы нѣга подъ ногама нашима сокрушили, и себе укрѣпили, нѣговимъ искушенїамъ противостати, и нѣгове разжжене стрѣле угасити могли. Али (рекао э онъ возвратително) ако э Богъ выше силнїи, выше крѣплшїи нежели дяволъ, зашто Богъ несокруши и неубіе дявола, да онъ выше зла чинити неможе?

Ясамъ доиста о ови вопроси доста забунѣнъ быо, ербо воистину акосамъ я већь и доста старъ человѣкъ быо, тосамъ я

опетъ къ таковому чему врло младъ богословъ быо, и быосамъ доста врло мало къ тому упутанъ овакова Богословна сумнѣнія изяенити. Съ почетка башъ нимало нисамъ знао, штаћу на то казати, учиніосамсе дакле, као да небы нѣга разумѣо и чуо, и запитаосамга штогодъ друго, али ево бѣде, онъ э башъ отговоръ захтевао, вмѣсто дабы вопросъ нѣговъ тако фришко заборавіо. Онъ э повторіо нѣга съ онима истима несовершенима речма, као штога э найпре учиніо. Међу тимъ ясамсе окрѣпіо опетъ малко и рекао нѣму: Богъ хоће нѣга найпослѣ опетъ остро казнити, онъ есть къ суду опредѣленъ и бытиће баченъ у бездну, гди края и конца неима; и даће огню вѣчному преданъ быти. Али и съ тимъ ніе мой Петко іошть даволянъ быо; него повторіо э мое речи и рекао, до найпослѣ удержанъ и опредѣленъ? неразумѣвамъ я то, него зашто онъ неубіе дявола? И зашшога већь отъ давно ніе убіо? — Тыбыси могао равно и мене питати, рекаосамъ я, зашто Богъ мене и тебе не убіе, кадъ мы нѣга нашими злими дѣли вређамо. Него насъ чува, дабы мы покаяніе учинили, и отпущеніе грѣховъ добили. Отомусе онъ молко промысліо. Добро, добро

бро рекао э онъ сердечно возбужденъ, то э добро што ты, я, и дяволъ зло чинимо, свисмо дакле опредѣлени покаяніе учинити и свимъ намъ хоће Богъ све опростити. Овдесамъ я дакле по други кратъ опетъ изъ нѣговога реда и членова совершено избаченъ быо, и овоми э доказателство было, ако башъ сама естествена понятія разумне твари къ познанію Божію и къ прославѣнію, и подданству, кое мы высочайшему существу аки слѣдство нашега естества дужни есмо, доводе: то дакле божествено сасвимъ само откровеніе може у нама познаніе Исусъ Христово утемелити; оно само насъ о нашему спасенію и искупѣнію извѣстити, о посредственику новога завѣта, и о молителю кодъ престола Божія и: п: само едно откровеніе небесно, само оно едно, говоримъ, можетъ ова понятія у сердцу нашему изобразити. Евангеліе и благодать Господа нашего и спасителя Исусъ Христа (я мыслимъ слово Божіе) и духъ святи, кога э онъ достоянію своему за вожда и утѣшителя обѣщао, есу дакле необходимо нуждни наставницы душъ человѣческихъ у спасаемому познанію Божію и средствахъ нашего спасенія.

Садсамъ тога ради нашъ садашни разговоръ самномъ и Петкомъ моимъ на еданъ кратъ претергао, ербосамъ я нагло устао, као да бы фришко на полѣ ићи морао. Затимъ послаосамъ нѣга подалеко на страну, и молїосамсе међу тимъ сердечно Богу, да бы мене упутїо овога сиротнога дивяка къ нѣговомъ спасенїю наставити и овому нищему глупому созданїю помоћь святаго своего духа даровао, да бы онъ свѣтъ познанства Божїя у Исусъ Христу прїимїо, нѣга съ овимъ примирїо и мене упутїо о слову Божїю съ ннмъ тако говорити, да бысе совѣсть нѣгова у вѣрити могла, очи нѣгове просвѣтилесе, и душа избавлѣна и спасена быти могла. Кадъ э мой Петко опетъ натрагъ дошао, упустїосамсе съ нымъ у еданъ долги разговоръ о искуплѣнїю человѣка съ спасителѣмъ мїра, о науки Евангелїа, кое э отъ Небесъ возвѣщено было, а наимено о познанїи къ Богу и о вѣри къ нашему всехвалному спасителю Исусъ Христу. Овде изяснїосамъ нѣму, како годъ штосамъ болѣ могао, зашто нашъ всеблаги спаситель нїе естество Ангела него сѣмя Аврааамлѣ на себе прїимїо, и како изъ ове причине отпадши Ангелъ никакова участїя на избавлѣнїю нїе имао, него да

да э Христосъ само зато дошао изгублѣне овце изъ дому Израилева искупити и: т: д:

Дасамъ я кодъ свїю ови разни прописа, коесамъ за наставлѣнїе овога сиротнога созданїя употребїо, выше простосердечїя нежели науке имао, то Богъ знаде, и я исповѣдити морамъ, штобы и сви други, кои бы овакимъ начиномъ искусили, примѣтити могли, да кадсамъ нѣму какову-вещъ ясну и понятну учити гледао, дасамъ самъ себе у многима частма обучавао и наставлявао, кое прѣе тога можетъ быти башъ нисамъ знао, или поне доволно размыслїо; коесу мени садъ обаче сасвимъ наравно на паметъ дошле и ясне быле, нежели онда, кадсамъ ихъ за наставленїе мога дивяка испитивао. Такожде нашаосамъ много выше услажденїя у тому овимъ способомъ вещь какову болѣ испитати, нежели штосамъ и кадъ прѣе чувствовао. Могло э ово мое наставленїе овому сиротному дивяку выше или манѣ ползовати, тосамъ я опетъ велику причину имао Богу благодарити, да э онъ нѣга мени послао. Моя жалость была э съ тимъ врло облакшана, мое обиталище было э мени чрезвичайно сладко и угодно, и кадсамъ помы-

мислїо, да у овому самоћному животу, у коисамъ я поставленъ быо, не само дасамъ я само возбужденъ быо къ небу горе погледати, и руку ону потражити, коя э мене овамо довела, него їоштъ да я и самое дѣйство провидѣнія Божїя будемъ, животъ, и како штосамъ мислїо, такожде и душу еднога бѣднога дивяка избавити и спасти, и нѣга ко истиному познанству закона и Хрїстїанске науке довести, да бы онъ Исусъ Хрїста познати могао, кога познавати есть истини животъ вѣчни; кадсамъ ово све размислїо, говоримъ, то просѣкоше тайне радости цѣлу душу мою; и ясамъ о томъ често внутренѣ радостанъ быо, да э мене провидѣніе на ово мѣсто донело, коесамъ я тако често као найвеће мѣсто страданія мислїо быти, коебыме икадъ постићи могло.

У овима благодарнима наумнѣніяма остаосамъ я толико дуго, доклесамъ годъ овде быо, и забава и разговоръ съ Петкомъ, кое э наше празне часове испуняавало, быомїе тако у годнъ, да э онъ мени оне три године коесмо мы овде за едно проживили, сасвимъ и совершено благополучна учинило, ако иначе совершеное благополучїе гдигодъ подъ солнцемъ нађисе може.

же. Дивякъ э постао веће добримъ хрїстїанином, и боли їоштъ него штосамъ я самъ быо, акосамъ я башъ и причину нада писе и Богу благодарити имао, дасмо мы обадвоица покаянія и утѣшенія, кое э покаянїю готовимъ опредѣлено, уживали. Мысмо имали овде слово Божїе читати, и духа нѣговога насъ наставляюща тако близу, како годъ да бысмо у Англїи были.

Ясамъ свагда самъ Бїблїю прилѣжно читао и трудїосамсе разумъ читанаго моему Петку тако добро, како што э могуће было, у сердце уселити. Онъ э напротивъ тога своимъ постоянимъ истязиванѣмъ и вопроси, као штосамъ сказао, мене много болимъ книжникомъ него што бы икадъ собственимъ читанѣмъ быти могао, учинїо. Їоштъ и зато немогу ништа, што овде изъ собственога искуства у моей самоћности назначити моромъ, то есть: какова э то безконечна и неисказана блаженость, да познаніе Божїе у науки о нашему спасенїю Исусъ Хрїстомъ тако ясно у слову Божїему описано и тако лако прїимити и разумѣпи есть, дасамъ я само чтеніемъ святаго писанія доволио должности мое рязумѣвати научїо, да бы велико дѣло искреняго покаянія моихъ грѣховъ предузео

и

и себе ко искупителю спасенія держати, и непреривному упражненію богоспасаемости и покорности спрећу Бога безъ икаковога (разумћвамъ человћческога) учителя упутитисамсе могао, то э дакле такожде ово ясно наставлћніе совершено доволно было ово дивіе созданіе просвћтити, и нћга таковимъ Христіанином учинити, каковихсамъ доиста мога живота мало познавао.

Сви разговори хинати, распрћ и несогласія, коясу кадъ годъ ради закона на свћту родитисе могла, могласусе она отъ остроизобрћтенія у науки или уставовъ церковнога полка дотицати, былаcу овде за насъ сасвимъ непотребна и неполезна, како штосу, као штосамъ самъ и до садъ отъ тога разумћвао, такожде на вћкъ и за савъ прочи свћтъ быти могла. Мысмо имали истиного путевожда Небо, то есть слово Божіе и уживалисмо — Богу буди благодареніе зато! — помощь святаго духа, кои э насъ своимъ словомъ учіо и наставляо, и ко свакой истини водіо, и насъ у наставлћнію слову нћговому слћдовати доброхотне учиніо; и овдесамъ видћо, штабы найвећа наука и знанство свію хинатнихъ пунктовъ и членовъ у закону, коису толика

ка смущенія у свћту учинили, нами ползовати бы могла, башъ акобысмо их и знали. Али садъ морамъ опетъ у повћсть вступити и све порядочно исказати.

Кадсмо садъ већь я и мой Петко међу собомъ іошть повћритељніе познализе, и онъ э скоро све, штосамъ нћму сказао, разумћвао, такожде и самъ, ако башъ и несовершено Англійски, доволно плавно самномъ говорити э могао: учиніосамъ нћму повћсть мою или найманъ толико отъ нћ познато, коликосе мога дошествія на ово мћсто дотицало, и каковимъ начиномъ и коликосамъ дуго овде живіо: Ясамъ нћму откріо такожде и таинство (ербо э то за нћга све едно было) танета и обучаваосамга пуцати; даосамъ нћму такожде еданъ ножъ, о чемусе онъ врло возрадовао, и начиніосамъ нћму поясъ и каишъ, као што мы у Англіи кратке саблћ у ныма носимо, да бы за нћга сатару или брадву заденути могао, коя несамо што э у многима случаи добро оружіе, него такожде у многима способи іошть и много полезнія есть.

Садсамъ нћму землћ Европейске особито обаче Англію, изъ коесамъ я, описао, како мы тамо живимо; како ми Богу служимо,

жимо, и какосе мы єданъ спроћу другога обходимо, и како мы съ нашима Лаћама у свима обитаемима частма свѣта тергуемо; казаосамъ нѣму такожде о сокрушеной лаћи, на коейсамъ я быо, и показаосамъ нѣму тако близу, како што э могуће было, мѣсто, гди э она лежала; али већь одавно све у комаде разлупано и нинайманѣ штогодъ отъ нѣ ніе видѣти было.

Такожде срушенія или остатке нашега чамца показаосамъ нѣму, у коемусмо хтели насъ изъ лаће на суво избавити, и кога я їоштъ онда са свима моима крѣпостми ни мѣста кренути нисамъ могао, а садсе већь савъ у комаде распао. При усмотренїи чамца стао э Петко по добаръ часъ замышлѣнъ ни едну речь неговорећи: а кадсамъ я нѣга найпослѣ запитао, о чемусе онъ тако замыслїо? отговорїо э онъ мени: „Solch Boot gesehen hab kommen an den Ort meiner Nation“ „Овакови чамацъ видїосамъ, да э на мѣсто мога народа дошао.“

Я нѣга за дуго нисамъ разумѣти могао, али кадсамъ я ствaръ опаснїе извидѣо, тосамъ изъ тога дакле дознао, да э оно овакови чамацъ быо, и бурѣю къ бреговомъ нѣговога отечества дотеранъ и баченъ быо. Ясамъ абїе помыслїо, да э какова Evро-

Европейска лаћа, кодъ ныни брегова разбитисе морала, и чамацъ могаосе отрѣшити и къ нынимъ бреговомъ дотеранъ быти; алисамъ тако глупъ быо, да башъ и непомысли нѣга запитати, нисули такожде люди отъ разбіене лаће онамо дошли и избавилисе, и їоштъ манѣ откудабы они могли тамо доћи; него само описанїе чамца отъ нѣга испитао есамъ.

То э онъ доста добро описао и къ тому їоштъ э и мени болѣ помогао нѣга разумѣти, садъ э онъ съ нѣкомъ топлотомъ їоштъ къ тому приложїо: Wir erretten gethan die weiße Manns vom Ersauf, мысмо избавили оне бѣле люде отъ утоплѣнія. Ясамъ нѣга абїе запитао, нїели было бѣли люди, како онъ ны називаше, у чамцу? Ja wohl sagte er, der Boot voll von die weiße Manns. „Есть рекао онъ; чамацъ э пунъ бѣли люди быо. Колико ихъ э могло быти, запитаосамъ я далѣ. И онъ э у прсте изброїо 17тъ. Пакъ послѣ кудасу доспѣли? предначеосамъ а далѣ. Sie leben, sie geblieben bei mein Nation. Онису живи и осталису кодъ мога народа.

Ово э мени нове мысли у главу ставило, ербосамъ я абїе помыслїо, дасу то они люди, коису къ оной лаћи принадлежали,

коя

коя э кодъ мога острова (ербосамга я тако називао) насѣла, и коису, кадсу лаћу ныну на седре насукану и себе неошаштелно изгублѣне видѣли, себе у чамцу избавили и къ бреговомъ међу дивяке стигли.

Затимсамъ я нѣга опаснїе и обстоятелнїе испитао, штасе онде съ онима людма случило? и онъ э мене увѣрїо, дасу они їоштъ свагда живи, и дасу већь 4 године онде, и да ныма дивяци никакове пакости нечине, него їоштъ ныма и средства къ препитанїю даютъ. Али како э то могло быти, запитаосамъ я нѣга далѣ, да они ны нису убили и изѣли? нису рекао э онъ, ſie mach Bruder mit ihnen, негосе друже съ ныма, то есть коликосамъ я разумѣти могао, еданъ союзъ држе, їоштъ рекао э къ тому, Sie eſſen kein Manns, auſſer wenn macht der Krieg fechten, то есть: они неядутъ люде окромъ кадъ войну имутъ.

Затимъ позадуго времена кадсамъ, я еданъ кратъ на оному брду на восточной страни острова было, съ коегасамъ, како штосамъ казао, при чистоћи дневной сталну землю отъ Америке усмотрїо, погледао э мой Петко — време бяше чрезвичайно чисто — врло опасно къ сталной земли онамо, и на еданъ кратъ стао э отъ радо-

радости играти скакати и повикао э изъ гласа къ мени, ербосамъ я у нѣкоему удалѣнїю отъ нѣга было, а кадсамга запитао, штаму э; O Freude, рече онъ o froh! dort ſieh mein Vaterland mein Nation. О радости рече онъ, о радости и веселїя! онде видимъ мое отечество! онде мой народъ!

Садъ на лицу нѣговомъ видїосямъ чрезвичайну радость, очи нѣгове чистосу као ватра горѐле, и цѣли нѣговъ изгледъ показао э жестоку желю опетъ у нѣговомъ отечеству быти. Ово примѣчанїе довело э мене на различна размышлѣнїя, коя мени съ почетка нису дала тако сасвимъ мирнимъ отъ мога Пешка быти; као штосамъ преће было: ербо ясе сумняо нисамъ; дошели мой Петко опетъ у отечество свое натрагъ, то не само штоће законъ него їоштъ и цѣли союзъ и обвязателство спроћу мене заборавити, и доволно несперѣливъ быти своимъ землякомъ извѣстїе о мени дати, пакъ онда можетъ быти съ двема стотинама дивяковъ опетъ овамо доћи, и ручакъ отъ мене сготовити, при коемће можетъ быти и онъ тако веселъ быти, као што э и кодъ ручка нѣгови непрїятеля быти обычествовао, кое э у войни заробїо.

Али

Али овдесамъ я о овому сиротному и честному человѣзу врло неправо мисліо, коеми э послѣ и врло жао было. Но мѣшутимъ да э подозрѣніе мое свагда расло, и нѣколико недѣля траяло, то дакле мораосамъ и я малко позорніи и опаснїи, и не онако повѣрителенъ, и дружествен спроћу нѣга быти, као преће; у чемусамъ доиста сасвимъ неправо имао, ербо ово честно и благодарно созданіе и э имало никаковога помысла на штогодъ друго, него само оно, што э съ найболимъ основаніемъ како еднога смиренога Хрїстїанина, шако и благодарнога пріятеля соглашавалосе, како штосамъ послѣ къ моему совершеному удоволствію йскусїо.

Колико э годъ дуго мое подозрѣніе траяло, можемо лако мыслити, дасамъ я нѣга сваки данъ опасно искушавао, да бы видѣо, нећели онъ гдигодъ у чему какове нове мысли изявити, коесамъ я о нѣму мыслїо: али све што э годъ онъ говорїо, нїе ништа друго было, него сама честноетъ и невиность, да я нинайманъ сѣнке у тому за мое подозрѣніе наћи нисамъ могао, и уприкосъ свега мога неспокойства учинїо э онъ мене напослѣдокъ себи опетъ сасвимъ свойствена. Онъ шакожде нїе о моему

неспокойству ништа примѣтїо, слѣдователно нисамсе могао ни я отъ нѣга никакова хамишага или лукавства надати.

Кадсмо мы еданъ данъ за едно на оному берду были, и помраченога воздуха ради на морю сталну землю видѣти немогосмо, зовнуосамъ я Петка къ себи и рекаосамъ нѣму: Петко! нежелишли ты у твою землю и къ твоему народу опетъ натрагъ? Ja рече онъ, ich ſehr froh ſeyn, wenn ich bei mein eigen Nation. Быобысамъ врло радостанъ, кадбысамъ опетъ кодъ собственога народа быти могао. А штабыси ты онде чинїо? рекаосамъ я нѣму, нећешли ты опетъ дивякъ дабудешъ и да месо человѣческо ядешъ као и преће? о томсе э онъ врло оскорбїо, и вертяше гловомъ говорећи: Не: не! Freytag ihnen ſagen eſſen Kornbrod, Thierfleiſch, Milch; Menſchenfleiſch nicht eſſen wieder. Петко хоће ныма казати отъ жита хлѣбъ, звѣрское месо, млеко; а человѣческога меса више не ясти. Како дакле, рекаосамъ я нѣму, ако они башъ тебе самога убїю? ово э нѣга сасвимъ устрашило и узвѣрило. Nein, рекао э онъ напослѣдокъ, ſie mich nicht todtſchlagen, ſie gerne mögen lehrnen. Нећеду они мене утући, него бы сдраге волѣ штогодъ отъ мене научили, їошть э далѣ онъ къ

тому

тому придао, да нѣгови земляцы много отъ они бѣли и брадати люди, коису у чамцу онамо дошли, научаваю. Запимсамъ я нѣга запитао, нећели онъ къ ныма опетъ иѣи? о томсе э онъ насмѣао и ракао, да онъ толико далеко пливати неможе. Акакобы онда кадбы я теби еданъ чунъ начиніо, рекаосамъ я нѣму далѣ? онда бы онъ сдраге волѣ ишао, отговоріо э онъ, кадбы и я сныме пошао. — Я съ тобомъ да идемъ? твоибы земляцы мене абіе изѣли, кадъ бы я съ тобомъ поѣи хтео. Nein, Nein, рекао э онъ, ich ſchon machen, daß dich nicht aufeſſen, ich machen, daß ſie dich viel lieb haben. Не, не яѣу то учинити, да они тебе нећеду изѣсти, него много више радо имати и любити, онъ э мыслїо то, даѣе ныма казати, дасамъ я ныне непріятелѣ потукао, и нѣговъ животъ избавїо, и тако даѣе онъ учинити, даѣеду они мене верло миловати. Запимъ э онъ мени, као што э болѣ могао, казао, како пріятелски они съ онима 17. бѣли и брадати люди (како што э онъ ны называо) поступаю, коису у нужди у ныну землю дошли.

Отъ овога времена, то исповѣдити морамъ, добїосамъ свагда выше волю онамо къ сталной земли усудитисе поѣи,

и пробирати нећели можно быти да овима брадатима людма, коесамъ я за *Шпанїере или Португїзе* держао, доѣи, ербо кадбы я то могао, то сумняо небы, да мы средство небысмо изнаѣи могли насъ послѣ отонудъ избавити. Ербо кадбысмо мы на сталной земли онде, и насъ подобро число за едно были, тобы морало отонудъ свагда болѣ поѣи, нежели сасвимъ самъ и безъ сваке помоѣи отъ еднога 40: миля отъ бреговъ далеко отстоящега острова. Послѣ нѣколико дана запимъ предузеосамъ я опетъ мога Петка предъ себе, и рекаосамъ нѣму, даѣу я нѣму чунъ дати, у коему онъ къ Народу свсему напрагъ поѣи може. Отвеосамга такожде къ моей фрегати, коя э на другой страни острова лежала, и довезаосамъ ю послѣ; какосамъ ю отъ воде испразніо (ербосамъ ю свагда подъ водомъ заливену держао:) на воду, показаосамъ ю нѣму, и тако сѣлисмо мы ободвоица у ню.

И тосамъ видѣо, да э онъ съ чуномъ и возніомъ преизрядно поступати, и нѣга скоро тако хитро повести и задержати знао, како годъ и я самъ. Кадсмо већь у чуну были, рекаосамъ я нѣму: Но Петко садѣемо къ твоему народу иѣи? При овому

вопросу быо э онъ сасвимъ као убіенъ, кое э, какомисе учинило, отудъ э произишло, што э онъ чунъ за врло маленъ держао, тако далеко на нѣму возитисе. Затимъ рекаосамъ нѣму, де я већи чунъ имадемъ, и такосмо сутра данъ на оно мѣсто отишли, гди э мой первый чунъ лежао, когасамъ направіо, али величине ради нѣга на воду донети нисамъ могао. Овай бы доста велики быо, рекао э Петко, али будући да я о нѣму никакове бриге нисамъ имао, и онъ э већь 23 лѣта онде лажао, то э онъ дакле савъ отъ солнца испуданъ, изсушенъ, и скоро савъ иструіуе быо, Али э Петко мыслїо съ оваковимъ чамцемъ, могло э сасвимъ све преизрядно поћи, моглобысе у нѣга такожде Fleiſch Brod und Trinck месо хлѣбъ и пиће, како што э онъ сказао, доволоно метнути.

Ясамъ у ово време (да кратко рекнемъ) моіомъ главомъ зато ставитисе могао съ ныме онамо къ сталной земли свободно поћи, и рекаосамъ нѣму: Петко! мыћемо дакле нама други чамацъ овако испо велики како годъ што э и овай начинити, и на нѣму можешъ ты у твою землю натрагъ вратитисе. Warum du zornig ſeyn auf dein Freytag: Зашто, едаси ты срдитъ на твога

твога Петка? запитао э онъ сасвимъ сожалително, шпосамъ я теби согрѣшіо? — Ніе, я нисамъ на тебе срдитъ, ніе, ни найманъ. — Nicht zornig? nicht zornig, несрдитъ? несрдитъ? повторіо э онъ нѣколико крати, Warum den Freytag fortſchicken heim zu mein Nation? — Зашто Петка послати кући къ нѣговому народу? Ели дакле Петко, нисили ты мени рекао, дабыси ты врло радъ опетъ онде быти? Ja, ja, wollte wir beide da ſeyn; nicht Herr da ſeyn, nicht Freytag da ſeyn mag. — Есть, есть обадвоица мы онде быти; не Господинъ овде быти и Петко неће онде быти. — Кратко онъ ніе хотео о таковомъ путу башъ ни мыслити, ако я небы хотео съ нимъ поћи. — Я онамо ићи, рекаосамъ я Петку? Штаћу я онде чинити? — Du ſehr viel gutes machen; du lehren wilde Manns gut ſeyn, Gott betten, und neu Leben leben. — Тыћешъ много добра учинити; тыћешъ учити дивяке да добри буду, Бога молити, и изъ нова животъ уживати. — Ахъ Петко ты самъ незнащъ што говоришъ, рекаосамъ нѣму, та и ясамъ самъ невѣжа человѣкъ. — Ja, ja du mich gutes gelehrt, du ſie auch gutes lehren kannſt. — Есть есть, тыси мене на добро наставіо, тыћешъ и ны такожде къ добру

наставити моћи. — Али преко свега ты Петко мораш самъ онамо ићи. Остави мене самога овде живити, као штосамъ и преће живїо, при овима речма узвѣрїосе и смутїо Петко, отрчао э фришко на еданъ кратъ, и донесао э едну отъ они сатара, кою э собомъ носити обычествовао, и дао э мени. Штоћу я съ тимъ чинити? рекаосамъ нѣму. — Du Freytag todſchlagen! ты убїй Петка! — Али зашто? Warum Freytag fortſchicken, Freytag lieber lieber todſchlagen, nicht fortſchicken! — Зашто да оттераш Петка, болѣ утуцы нѣга, него да нѣга оттераш! Ово э онъ съ таковомъ жалостїю изговорїо, дасамъ я сузе у очїю нѣгови стоеће видѣо. Съ еднимъ словомъ, ясамъ био о нѣговой искренной спроћу мене склоности, и о нѣговомъ полномъ наумнѣнїю, дасе онъ самномъ никада разспати неће, тако врло увѣренъ, дасамъ я нѣму башъ онда, а такожде и послѣ често говорїо, да я нѣга никада отъ себе оппустити нећу, само ако онъ волю кодъ мене изоспати имаде.

Тако исто, као штасамъ я изъ свїо нѣгови разговора нѣгову сердечну и непремѣнну спроћу мене любовь видѣо. и ощутїо, тосамъ дакле и видѣо, да э причина нѣговога захтеваня у отечество свое

свое моћи само у горящей любови спроћу свога народа, и у той надежди положена была, даћу я тамо кодъ ны много добра учинити: али я кои самъ о томъ довольо нисамъ разумѣвао, то дакле нисамъ нинайманѣга помысла, волѣ или захтеваня имао себе у штогодъ таково упустити, али свагда чувствоваосамъ велику склонность и волю мое бѣжанѣ предузети усудитусе; коесе у той надежди, коюсамъ изъ прећашнѣга разговора почерпао, основавало, а наимено дасе они 17 люди онде находятъ. Ясамъ дакле незакосняваюћи съ Петкомъ дѣло предузео едно велико и къ тому способно древо свалити и изъ нѣга еданъ велики чамацъ начинити, у коему можемо наше путешествїе предузети. Было э доиста на острову толико дервета, да бы отъ ны читаву флотту (галїе) а не само еданъ чамацъ (Periaguas) него читаве и велике галїе начинити могао: али главна вещь была э ова, таково древо гдигодъ близу воде добити, дабы я чунъ, кадъ готовъ буде, лако на воду донети могао, и прећашнѣ погрѣшке ошаятибысе могао.

Напослѣдокъ нашао э Петко таково едно дрво; ербосамъ я видѣо, дасе онъ у то-

тому болѣ разумѣвао нежели я, какови ѳ видъ древета къ тому найспособнии. И я до данашнѣга дана сказати незнамъ, каково ѳ оно древо было, коесмо мы сваили, него само толико знадемъ, да ѳ оно ономy дервету верло подобно было, кое мы *Бразїлскимъ* дерветомъ називамо, и рецы нѣка средствена верста међу овимъ и тако называемимъ *Нїкараитъ* дерветомъ была, ербое оно такове исте фарбе и мириса было. Петко ѳ держао за найболѣ средство нѣга изшуплити или издубити, и ватромъ испалити, дабы отъ нѣга собанъ чунъ начинити могли. Алисамъ нѣму показао, какобысмо мы то много лакше съ нашимъ халатомъ издубити могли; кое ѳ онъ, кадсамъ я нѣму то показао, какосе съ тимъ поступа, за верло добро и способно нашао. Послѣ едно мѣсячнога и тешкога дѣла быо ѳ напослѣдокъ нашъ чунъ сасвимъ готовъ, и быо ѳ верло лепо начинѣнъ, особито кадсмо мы съ нашима брадвама, съ коїомсамъ я нѣга радити научїо, внѣшнѣй страни прекрасни видъ еднога чамца дали. Но то ѳ насъ іошъ выше отъ 14: дана времена стаяло, кадсмо нѣга, тако да рекнемъ, еданъ цолъ задругимъ на великимъ вальцы на воду донесли.

Кад-

Кадсмога вечь на воду донесли были, овдесамъ съ великимъ удивленїемъ видѣо, съ каковимъ ѳ вѣжествомъ и хитростю, мои Петко нѣга несматраюћи на величину нѣгову управляти, окренути и повести знао. Затимъ запитаосамъ нѣга, хоћемолисе смѣти у нѣму онамо усудити поћи, и ѓли онъ тому склонѣнъ? есть рече онъ, er ſich darinnen hinüber wagen ſehr gut, obgleich blies groß Wind. Можемосе свободно на нѣму онамо упустити, и верло добро, башъ акобы и велики вѣтаръ дуао. Ясамъ међу тимъ іошъ друго намѣренїе имао, кое онъ нїе знао, то есть катарку и парусъ начинити, и нашъ чунъ съ мачкомъ и съ ужети устроити. Пошаосамъ дакле за то еданъ млади кедръ тражити, коихъ ѳ на острову доволно наћи было, и когасамъ близу онога мѣста нашао. Петко дакле морао ѳ ово дрво подсећи, и ясамъ нѣму показао, какоће онъ нѣму пристойни видъ дати, и све лепо уредити моћи. Али за платна и парусъ мораосамъ я самъ бринутисе и радити. Истина знаосамъ, дасамъ старихъ парусовъ имао, или много выше комада отъ старога платна доволно; али будући дасу они 26: година кодъ мене лежали, и я о содержанїю ныномъ никаковога

осо-

особногъ помеченія имао нисамъ, ербо какобысамъ помыслити могао, даћу нѣга іошћъ овако добро требовати моћи? то дакле друго и мыслити нисамъ могао, него да э оно већь све испрунути морало. Као штосу и многа доиста већь испрунула была: али опетъ нашаосамъ међу тимъ два комада, коисе мени іошћъ доста добри быти учинише. Овесамъ дакле абіе предузео, и найпослѣ съ великимъ трудомъ и дѣломъ, и послѣ верло неспособнога и гаднога крпежа (као што лако мыслити можемо и безъ игала и конаца) произишла э нѣка троеуголна гадна вещь, коя э отъ прилике као еданъ парусъ изгледала, на свѣтъ.

Кодъ овога послѣдньѣга дѣла могу свободно казати, дасамъ 2: мѣсеца времена утрошіо; доксамъ капарку и парусъ дигао, и како што валя уредіо, ербосамъ я све совершено, како што требуе, правіо, съ дебелимъ ужетомъ къ тому надлежащимъ преднымъ платномъ, коеће намъ на помоћь служити, кадбысмо мы верло яко противо вѣтра держаписе морали, и што э выше нежели све друго было, утвердіосамъ весло на мѣсто думена на стражньѣй части чамца, дабы нѣга съ тимъ по произволенію управляти

ти могао. И акосамъ я башъ само еданъ крпећіа у послу лаћарскому быо, посамъ я опетъ, кадсамъ ползу и башъ нуждность овакове вещи провидѣо, све съ таковимъ прилѣжаніемъ начиніо, и съ тимъ доста труда имао, да э то напослѣдокъ све срећно произишло, ако э мене то башъ и толико много труда стояло, коликогодъ и самъ чамацъ.

Кадъ э то већь све готово было, научіосамъ я такожде мога Петка у кораблѣплаваніію, ербо ако э онъ башъ и знао чунъ повести, то онъ отъ думена и паруса опетъ ништа ніе знао, и быо э полнъ удивлѣнія, кадъ э онъ мене чамацъ думеномъ и платномъ по вѣтру управляема видѣо. Но коликосе э онъ о томъ чудіо, тое онъ опетъ съ нѣкимъ малимъ упражнѣніемъ съ тимъ верло добро поступити научіо, и постао э совершенимъ корманошемъ, окромъ еднога вѣжества у компасу, о чему я нѣму мало или башъ ништа понятно учинити нисамъ могао. А будући да у овимъ странамъ мало тавнога времена и магле верло рѣдко или никада ніе было, то дакле и компасъ ніе отъ велике потребе быо; ербо ноћомъ свагда звѣзде, а даньомъ брегове видѣти э можно

было

было, кромѣ кишнихъ мѣсецовъ, у коима и безъ тога нїе никому на паметъ пало, нити водомъ нити сувимъ путовати.

Садсамъ већь 27 *мо* лѣто робства на овому острову започео; ако башъ она послѣдня 3: лѣта, у коимасамъ мога Петка кодъ себе имао, свойствено къ тому причислити немогу; ербо отъ онога времена было э мое пребыванѣ овде сасвимъ другоячїе устроено, нежели цѣло прећашнѣ време. Садсамъ торжествовао годишнѣ воспоминанїе мога овамо дошествїя съ онаковимъ истимъ благодаренїемъ къ Богу за нѣгова благодѣянїя, како годъ и первый кратъ. И будући дасамъ первый кратъ къ тому причину имао, то садсамъ таковихъ їоштъ выше имао ербосамъ їоштъ и выше проби нѣговога провидѣнїя и сверху мене управлѣнїя и їоштъ преко тога велику надежду имао већь скоро башъ дѣйствително избавлѣнъ быти. Али мећу тимъ я нисамъ изоставляо домостроенїе мое водити, копаосамъ, насаћиваосамъ, ограћиваосамъ, собираосамъ, и сушїосамъ грожће мое како годъ и преће.

Мећу тимъ дошло э мени садъ кишно време завратъ, у коемсамъ више нежели иначе

иначе кодъ куће задержаватисе морао. Ясамъ дакле нашу нову лаћу тако добро, како што э могуће было, у завѣтрину ставїо; ербосамъ я ню у онай свитакъ зашкулине увезао, гдисамъ найпре съ моима сплавови пристаяти обычествовао, и при нарастѣнїю воде на брегъ извукао, и Петку заповѣдїо, да еданъ яракъ ископа, гди э она равно толико мѣсто имала, и доволно дубокъ быо, да бысе она за пловитву свагда содержавала. Када э припливъ уступїо, начинилисмо съ предъ попреко еданъ яки ендекъ, да вода унутра небы ући могла; и тако э она, када э припливъ дошао, отъ морске воде свагда сува остала. Да бысмо дакле нашу фрегату и отъ кише сачувати могли, покрилисмо ю съ множествомъ грана тако густо, да э она добро како годъ еданъ домъ покривена была. И тако очекивасмо мѣсецъ Ноемверъ и Декемвръ, у коимасамъ я намѣренъ быо страшно мое путешествїе започети.

Када э лепо време мало по мало опетъ дошло, обновилесусе съ овимъ лѣпимъ временемъ такожде и мое мысли о моему намѣренїю, о когасамъ произведенїю я повседневно уредбу приправляо. Перво штосамъ учинїо, было э то, за наша средства къ пре-

препитанїю за путь старатисе, пакь онда мысліосамь у 8: или 14: дана ископати, каналь отворити и мой чамаць на воду довести., Съ таковимь чимгодь едань кратъ уютру забављућисе зовнуосамь Петка и рекаосамь нѣму, да на брегь отиде и да мотри, нећели моћи кою корнячу добити, коесмо мы сваке недѣлѣ едань кратъ, како меса тако и яета ради фатали. Петко нїе толико дуго на полю ни быо, кадь э онь на еданъ кратъ нагло терчећи натрагь дошао, и преко мога внѣшнѣга зида или ограде, као еданъ кои терчећи подь собомь землю нїе осѣћао, унутра ускочіо, и їоштъ преће него штосамь я имао времена съ ниме говорити, повыкао изь гласа кь мени: O Herr; Herr! O Jammer! O ſchlimm! — О Господине! Господине! О жалости! О бѣде! Што э Петко? штотни э: рекаосамь нѣму, Ach dorten рекао э онь eins zwei drei Kanen eins zwei drei! Ахь ондесу, еданъ два три! изь овога начина броя, мыслїосамь я да б: чунова имаде, али кадсамь опасніе извидѣо, то нїе выше было него три. Добро дакле Петко, рекаосамь я, тога ради небойсе ты ништа, и мотрїосамь, коликосамь годь больбе могао, нѣга охрабрити. Али несматраюћи

на то све примѣтїосамь я, да э овай сиротни юноша сасвимь страха и ужаса напунѣнь, ербо онь у глави ништа друго нїе имао, него дасу дивяцы опетъ дошли нѣга тражити, и даћеду нѣга на комаде изсећи, и изѣсти; и онь э трепетао и тресаосе непреривно и тако верло, да я већь нисамь знао, штоћу съ нимь започети. Но дасамь нѣга међу тимь, колико э годь могуће было, утѣшавао и представїосамь нѣму, дасамь и я самь башь у таковой истой погибели како годь и онь, и даћеду они тако исто мене како годь и нѣга изѣсти. Алисамь я рекао нѣму, чуешь Петко, мы себе морамо направити и съ ныма брань учинити? хоћешли ты то Петко? Ich ſchießen рекао э онь aber deren dort gar viel, viel — али ны отудь идутъ много, много! — Ништа зато отговорїосамь я, кое мы неубіемо, онимаћеду наше пушке много страха задати. И ако я обећамь тебе бранити (рекаосамь я далѣ) хоћешли и ты мене защищавати, кодь мене держатисе и чинити оно, штоћути заповѣдати? — Ich ſterben wenn du heiſeſt Herr! Яћу умрети, ако ты заповѣдишь Господине! рекао э онь, и съ тимь отишаосамь и донеосамь добарь

напитакъ ракіе, пакъ даосамъ нѣму; ербосамъ я ракію мою тако добро шпедіо, дасамъ отъ нѣ іошпъ свагда подобру часть имао, када э онъ то попіо, даосамъ нѣму оне две птичарице, коесмо свагда сасобомъ носили, и набіосамъ ны съ крупномъ сачмомъ, коя э као мала пушчана танета была. Затимъ узеосамъ оне 4 мушкете и набіосамъ сваку съ двима комади гвожђа, и съ петь другій танета, и два пишполя свакій съ двима танети.

Кадсамъ себе већь овако вооружіо, узеосамъ мой пусулъ и отишаосамъ съ ныме горе на бердо, дабы видѣо, шпаћу усмотрити моћи, и средствомъ мога пусула абіе усмотріосамъ, дасу онде 21: дивякъ; 3: роба, и 3: чуна были, и да они никаковога другога узрока ради овамо дошли нису, нежели нынъ побѣдоносни ручакъ отъ овихъ трію человѣческихъ тѣлесъ держати.

Іошпесамъ примѣтіо, да они садашни кратъ нису на оному мѣсту изишли, гди э нима Петко преће умакао, него ближе къ моему савишку, гди э брегъ малко низкій быо, гдисе густа шума скоро до близу моря отезала. Ово дакле и іошпъ къ моему омрзѣнію о безчеловѣчному намѣ-

ре-

ренію ови неволниковъ напунило э мене такове ярости, дасамъ я іошпъ еданъ кратъ долу къ Петку дошао и нѣму рекао, дасамъ я већь заключіо онамо къ ныма поћи и свію попући; при чемусамъ іошпъ нѣга запитао, хоћели онъ мени помоћи? Овай, коему э страхъ већь малко прошао было, и онай напипакъ ракіе бодростъ учиніо, было э већь сасвимъ радостанъ и рекао э мени као и преће: да хоће за мене, ако я заповѣдимъ, умрети.

У овой распалѣной ярости узеосамъ найпре оружіе, кое э већь напунѣно было, и подѣліосамъ изъ мећу насъ. Даосамъ Петку іошпъ еданъ пишполь, да за нѣговъ поясъ задене, и три пушке нѣму на леђа, еданъ пишполь и оне три пушке узеосамъ я самъ да носимъ. Овако вооружени изышлисмо дакле на войску.

Ясамъ едну флашу ракіе у мой жепъ метнуо, а Петку даосамъ едну велику кесу съ барутомъ и оловомъ носити. Заповѣсть, коюсамъ я нѣму дао, была э ова: да онъ устопце замномъ и сасвимъ близу ступати имаде, некрепаписе непуцати или шпогодъ найманѣ чинити, докле я нѣму незаповѣдимъ и мећу тимъ ни едне речи говорити. У овому вооруженію

учи-

учинїосамъ я на десну руку еданъ заодакъ, рецы скоро едно полъ Англїйске мїлѣ, дабы како преко савитка воде, тако и у шуму онамо доћи могао, тако дасамъ само на еданъ пушчани хитацъ већь близу ны быо, преће него штобы они мене видѣти могли, кое э како штосамъ я на пусуль мой видѣо, верло добро ишло.

Доксамъ я їоштъ на путу быо, дошлесу мени мое прећашнѣ мысли опетъ у паметъ, и мое дерзновено намѣренїе стало э колеблемо бывати. Не тога ради штобысе я отъ нынога множества страшїо, ербосу они наги голи и невооружени были, то бы я ныма доиста їоштъ самъ свагда превозвишанъ быо: него э мени опетъ на паметъ дошло, какови э поводъ и нужда мене къ тому возбудила онамо ићи, руке мое у крви обливати и люде напасти, кои мени никакова зла учинили нису, нити учинити намѣренїя имаду; и коису всмотренїи мене сасвимъ невини и коихъ варварскїй обычай нына собствена несрећа есть. Ово э доиста кодъ ны явни знакъ быо, да э ны Богъ їоштъ съ прочими народи ове части свѣта у овакову безчувственость и варварске обычае предао; али мене на то позвао нїе, Судїомъ ныни

ныни дѣла и їоштъ манѣ исполнителѣмъ нѣгове правде быти. Наћели онъ то задобро, тоће онъ ову вещь у свое собствене руке узети, и народня беззаконїя народнѣю казнїю казнити: и я мећу то отнюдъ ништа мешатисе неимамъ. Петко бы у овой вещи їоштъ преће могао оправданъ быти, ербо э очъ познани и заклети непріятель овога истога народа, и у явной войни съ ныма сплетенъ. Нѣмубы дакле свободно было ны напасти а я причину за себе немогу показати. Ове мысли мутилесусе цѣлога пута по моей глави, дасамъ само то намыслїо само на близу къ ныма доћи, и нынъ варварскїй ручакъ гледати, пакъ послѣ чинити оно, што Богъ опредѣли; и себе ништо упустити, него акобысе штогодъ приключило, штобы я выше нежели познанїе, и све досадашнѣ мотрити могао.

Съ овимъ заключенїемъ пошаосамъ у шуму, и ишаосамъ (Петко устопце замномъ:) сасвимъ возможнимъ позорствомъ и тихостїю, докле годъ нисамъ на страну, коя э къ ныма найближа была, на край шуме дошао, тако да э само една пустимица шуме мећу мною и ныма лежала. Овдесамъ верло полагано Петка зовнуо, и

показующи нѣму на едно дрво, кое э башъ на верху или краю шуме стаяло, рекаосамъ нѣму, да онамо отиде и послѣ мени скаже, можели онъ ясно видѣти што они чине. Онъ э то абїе учинїо, дошао э къ мени натрагъ и казао, дасе све верло лепо видѣти може. Они сви около ватре сѣдише и ядоше месо еднога ныни робова. Недалеко отъ ны лежао э другїй робъ на песку свезанъ, когаѣеду, како Петко рече, за первимъ утуѣи, о чемусе душа моя сва у саму ватру премѣнила. Онъ э рекао, да то ни еданъ нїе отъ нынога народа, него еданъ отъ бели люди, о коихъ э онъ мени сказао, дасу на чамцу у ныну землю дошли. Мерзостъ и ужасъ напунїо э перси мое, како э онъ бѣлобраде люде споменуо, и кадсамъ ближе дрвету дошао, видѣосамъ дѣйствително на мой пусулъ и сасвимъ ясно еднога бѣлога человѣка на брегу лежеѣа, коемусу руке и ноге съ гужвицомъ или рогозомъ свезане быле, и да э башъ Европеацъ быо, и халине на себы имао.

Отъ прилике 50: коракляя ближе къ нима, гдисамъ я стаяо, было э едно друго древо, и предъ нимъ еданъ мали кусторникъ, до коега я, како шпосамъ видѣо, еднимъ

еднимъ малимъ обиткомъ лако невидѣнъ доѣисамъ могао, и ондабы само едно полакъ пушчанога хитца далеко отъ ны быо. Алисамъ я гнѣвъ мой задержао, акосамъ башъ веѣь и крайнѣ противо ны ополченъ быо: и послѣ кадсамъ 20: корачаи за нѣки грмъ натрагъ учинїо, коисе покрай цѣлога пута отезао, доклесамъ я до онога другога древеца дошао, нашаосамъ дакле еданъ узвишакъ, откудсамъ я ны рецы едно 80: корачаи далеко совершено видѣти могао.

Садъ веѣь нисамъ имао ни еднога часа изгубити; 19: ови страшни безчеловѣчника сѣдише сви еданъ до другога густо збїени на земли, и у тай исти часъ послалису были другу двоицу онога бѣднога хрїстїанина довести и заклати, и отъ нѣга, можетъ быти, членъ по членъ на ватру метати. Веѣсусе они сагнули были нѣму ноге отрѣшити, кадсамсе я на еданъ кратъ къ моему Петку окренуо и рекао: Садъ Петко чини све оно, штоѣути я заповѣдати. Хоѣу све съ радостїю, отговорїо э онъ мени. Дакле садъ Петко, рекаосамъ нѣму далѣ, чини све оно верло опасно, што годъ мене видишъ, да я чинимъ, и немой дами фалишъ или какову погрѣшку

учинишъ. Ясамъ положїо едну отъ мушкета и птичарицу на землю, и Петко э тако исто учинїо, а изъ друге пушке бацыосамъ живо ватру на дивяке онамо; и Петко э то учинїо. Затимъ запитаосамъ, ели онъ већь къ пуцаню готовъ? и када э рекао да есть, повикаосамъ я Петко бацы опетъ ватру и у едномъ часу опалисмо обадвоица заедно.

Петко э много болѣ и правилнїе бацао пушке и стрѣляо, нежели я, ербо на оной страни, на кою э онъ пуцао, былаcу 2 мертва и 3 ранѣна, а на моей страни само еданъ мертавъ и еданъ ранѣнъ. Какови э ово ужасни страхъ и трепетъ међу ныма проузроковало, лако себи представити можемо. Сви они, кои танетомъ потрефлѣни нису были, скочилису горе и хтелису бѣжати, али нису знали куда; изъ узрока што нису знали отъ куда ына смерть и погибель приходитъ. Петко э свагда нетренуѣи на мене гледао, дабы, како штосамъ я нѣму заповѣдїо, на све опасно позорствовао, што я чинимъ. Како э первый ударацъ прошао быо, метнуосамъ абїе мою пушку на страну и узеосамъ птичарицу. И Петко э то исто учинїо. Кадъ э видѣо, дасамъ я натегнуо и наперїо пушку;

ку; то э исто абїе и онъ учинїо. Есили готовъ Петко, выкнуосамъ я. — Есамъ отговорїо э, удри дакле у име Божїе, повыкаосамъ я, їоштъ еданъ кратъ, и тако бацыосамъ їоштъ еданъ кратъ ватру, међу уплашене варваре, и Петко равнимъ начиномъ. А будуѣи дасу наше птичарице за садашни кратъ съ крупномъ сачмомъ или съ малима танети набїене быле; то нисмо видѣли дакле, нежели двоицу къ земли опровержене; али ренѣни было э ны много, тако] дасу они као помамни урликаюѣи и выкаюѣи свудъ терчали, и многи отъ ны крваво и смертно уранѣни былису; їоштъ затимъ скоро палису отъ ны тройца, башъ ако и не сасвимъ мертви къ земли.

Дакле Петка повыкаосамъ я метнувшїи избачене пушке на землю и набїену у руке узимаюѣи, садъ ступай замномъ! кое э онъ абїе съ великомъ храбростїю учинїо; и затимъ изъ шуме искочїо, и себе съ Петкомъ моимъ явно показао. Какосамъ примѣтїо; дасу они насъ видѣли, стаосамъ абїе изъ свега гласа выкапи, и заповѣдїосамъ Петку то исто чинити; полетїосамъ затимъ тако хитро, како годъ што э могуѣе было, (кое мимогредъ говореѣи

ѣи башъ и нїе верло фришко было, ербосамъ верло съ оружіемъ обтереѣенъ быо) къ оной бѣдной жертви, коя э, како штосамъ казао, на брегу меѣу онимъ мѣстомъ, гдису они сѣдили, и моремъ лежала. Ова сбадвоица желати, коису нѣга башъ тай часъ у руке предузети хотели, былису къ морю побѣгли и съ великимъ страхомъ у ныне чунове скочили, за коима іошть троица отъ прочихъ слѣдоваше. Напредъ ступай! повыкаосамъ я, кадсамъ то видѣо, осврашившесе натрагъ на Петка, пакъ бацай живо ватру на ны! Онъ э мене абіе разумѣо и поступіо рецы 50 корачаи, дабы ближе къ ныма приступіо и бацыо э опетъ ватру на ны. Ясамъ доиста мыслїо, да э онъ ны свїю потукао; ербосамъ ихъ я свїю у едной хрпи у чунъ падаюће видѣо, но опетъ двоицу отъ ныхъ видѣосамъ таки на ногахъ. Но меѣу тимъ онъ э ны двоицу очевидно убїо и трећега раніо, тако дасу они у чуну аки мертви лежали.

Докле э мой храбрїй Петко на ны живо пуцао, извукаосамъ я ножь изапоясa и опсѣкаосамъ штранчицу, съ коїомъ э ова бѣдна жертва свезана была, подигаосамъ ю горе, кадсамъ ей всѣ руке и ноге освободїо

Pag: 486.

Сраженїе съ Дивяцы.

бодїо, и запитаосамъ *Португїски*, тко э онъ? и онъ э мени *Латїнски* отговорїо Хрїстїанинъ (Chriſtianus) али э онъ тако слабомощанъ быо, да э едва стояти или говорити могао. Извадїосамъ флашу съ ракїомъ изъ жепа, и даосамъ нѣму, дасе напїе, кое э онъ и учинїо. Даосамъ нѣму їоштъ парче хлѣба, кога э онъ такожде изѣо: и запимъ запитаосамга каковъ э земляк онъ? Отговорїо э онъ мени да э онъ *Шланїеръ*, и кадсе э мало окрѣпїо, дао э онъ мени съ свима возможнима знацы, кое э годъ указати могао, разумѣти, коликое онъ мени за избавлѣнїе живота нѣговога благодарно обвезанъ. Далѣ рекаосамъ я (Sennor) Господару, коликосамъ годъ у фришкоћи *Шлански* изговорити могао, мыћемосе послѣ разговарати али садъ морамо дасе бїемо, и бранъ одержимо. И ако їоштъ и мало крѣпости имаше, то узмите дакле овай пишполь и мечь у руке и употребите ихъ на оно къ чемусу садъ отъ потребе. Онъ э съ великомъ благодарностїю ова оружїя прїимїо, и само шпога э у руку имао, полетїо э абїе као дабы нѣга по нове бодрости напоило было, и као фурїа на нѣгове убїйце, и двоицу отъ нихъ у едному магновенїю ока све у комаде исѣкао;

као изъ узрока, што э све ово за ны крайнѣ ненадано нападеніе было, то дакле всячески и истина есть, дасу ова бѣдна созданія отъ ларме и пуцаня наши пушака у такови страхъ и ужасъ ставлѣна была, дасу она башъ отъ самога страха и трепета къ земли падали, и равно тако тешко побѣћи могла, како годъ што э и нына плоть нашимъ пушчанимъ ударцамъ противостати могла. И такови э исти случай и съ онима трима было, кое э мой храбри Петко у чуну убіо; ербо кадсу троица отъ ны смертно уязвлѣни пали, то стровалилисусе и она друга троица отъ самога страха на ны.

Ясамъ пушку мою іошть свагда у руку пуну держао, ербосамъ свагда еданъ набой у преправности держао, заштосамъ Шпаніеру мачъ и пиштоль мой дао было. Садсамъ повикао Петка, и рекао нѣму, да оттрчи къ оному дрвету, отъ кудасмо најпре на дивяке ватру дали, и да донесе оно испукнуто оружіе, кое онде лежи; кое э онъ абіе съ великомъ хитростію учиніо. Међу тимъ даосамъ нѣму мою набіену пушку, и сѣосамъ на землю, да све проче оружіе набіемъ говорећи ныма, дабы овамо дошли, кадбы оружія отъ потребе има-

ли.

ли. Набіяюћи я пушке, то започесе међу Шпаніеромъ и еднимъ дивякомъ, кои э на нѣга съ еднимъ нынимъ дрвенимъ мечемъ ударіо, страшна битка; съ онимъ истимъ оружіемъ, съ коимъ бы онъ живота свога лишенъ быо, кадъ я срећомъ нѣговомъ то небы воспятствовао быо. Шпаніеръ, ако э башъ іошть слабомоћанъ быо, но опетъ тако дерзновенъ и храбръ бяше, како штосе помыслити може, тукаосе доста дуго съ овимъ *Индіаномъ*, и у глави нѣму две велике ране учиніо; дивякъ обаче, кои э крѣпокъ и свободанъ человѣкъ быо, уфатіо э Шпаніера у руке и нѣга (ербо э іошть слабъ быо) на землю баціо, и башъ хтео э нѣму мачъ изъ руку исторгнути, кадъ Шпаніеръ, ако э башъ и на земли лежао, мачъ мудро изъ руке избаціо, пиштоль иза пояса извукао, и съ нымъ дивяку утробу провалiо, кои э абіе и преће него штосамъ я къ Шпаніеру на помоћъ поспѣшити хотѣо, мртавъ остао.

Храбри Петко, кои э већъ садъ чинити могао, што э годъ хтео, поперао э бѣгунце никаковимъ другимъ оружіемъ, нежели съ сапаромъ у рукахъ, и съ таковомъ онима трима, како штосамъ преће рекао, дасу преће ранѣни пали были, пол-

но

но остатокъ дао, и свимъ прочимъ, кое э годъ достићи могао, жизнь окончао. Шпаніеръ дошао э къ мени, да пушку узме, и дасамъ нѣму птичарицу, съ коіомъ э онъ за двоицомъ дивяцы у потеру полетіо и обадвоици ране задао, а будући да ніе већь могао трчати, то дакле сакрилисусе обадвоица у шуму отъ нѣга, на кое э мой храбри Петко за ныма потеру учиніо, и едногa отъ ныхъ утукао. Други обаче очистіо э чувствія. И башъ ако э и ранѣнъ быо, скочіо э онъ у море и сасвима крѣпостми, кое э іоштъ имао, за онима пливо, коису већь у чуну были, дакле ова троица у чуну іоштъ съ еднимъ ранѣнимъ, о коемъ нисмо знали, ели быо већь мртавъ, или не, былису сви, коису отъ 23*ри* изъ руку и жестокихъ нашихъ оружіи умакнули.

ОПИ-

ОПИСАНІЕ ПРОЧИХЪ ЕСТЬ СЛѢДУЮЩЕЕ

мертвыхъ.

На нашъ первый удараџаћ			
Кодъ древета	—	—	3.
На другіи	—	—	2.
Отъ Петка у чуну		—	2.
Опетъ отъ Петка отъ они			
первый уранѣни	—	—	2.
У шуми отъ Петка		—	1.
Отъ Шпаніера	—	—	3.
Сѣмо, и овде отъ рана померли,			
и отъ Петка у потери убіени			4.

Подъгшій.

У чуну међу коима еданъ ра-		
нѣнъ или мертавъ	—	4.

Сумма у свему 21.

Они, коису у чуну были, веслалису изъ свію крѣпости, дабы отъ нашихъ пушчанихъ ударцовъ умакнути могли, и акое Петко два или тры кратъ на ны пуцао, то я видѣти нисамъ могао, дае онъ бѣшъ и еднога потрефіо. Петко э радъ быо, дабысмо еданъ отъ ныни чунова добыти могли, и на таковому за ныма у потеру повезли, и истину да рекнемъ, дасамъ тога ради, штосу они побѣгли, доста оскорблѣнъ быо, да неѣеду они Народу своему,

кадъ

кадъ дома доћу, о нама извѣстїе дати и послѣ можетъ быти съ две или три стотине чунова овамо натрагъ доћи, и множествомъ своимъ насъ у прахъ учинити. Ясамъ дакле позволїо, да ны на води потерамо, отишаосамъ къ едному чуну, скочїосамъ у нѣга и заповѣдїосамъ Петку замномъ слѣдовати. Али кадсамъ у чунъ ушао, зачудїосамсе отъ выше видѣвши їоштъ едно бѣдно созданїе лежеће, кое э, као и Шпанїеръ, на руку и ногахъ на заколѣнїе свезано было, и незнаюћи штосе на полю случило, скоро э мертво отъ страха было, ербо изъ чуна на полѣ нїе видѣти могао; ербо э онъ у врату и ногама у кругъ тако тирански свезанъ, и већь толико дуго у квргу стегнутъ лежати морао, да э доиста їоштъ врло мало живота у нѣму было

Ясамъ нѣму абїе ону отъ выше стегнуту штранчицу, съ коїомъ э онъ свезанъ быо, разсѣкао и радсамъ быо, дага подигнемъ; али онъ нїе могао нити стояти нити говорити, него сожалително яучући и їоштъ свагда мыслећи да э онъ већь на заколѣнїе отрѣшенъ быо, лежао..

Али кадъ э Петко къ нѣму дошао, заповѣдїосамъ нѣму съ нимъ говорити, и нѣму

нѣму освобожденїе нѣгово явити, и извукаосамъ мое стакленце съ ракїомъ изъ жепа, да онъ овому сиротному человѣку еданъ напитакъ дадетъ. Ово дакле и извѣстїе, да э онъ отъ смерти освобожденъ, содѣйствовало э да э онъ опетъ на ново оживїо и у чуну сѣо. Али кадъ э Петко нѣга говорећи чуо, и нѣму болѣ у очи погледао — могу казати, до сами суза моралобы то найнечувственїе сердце возбудити. Како э Петко нѣга любїо, обнимао, къ себы пригибао, выкао, восклицавао, скакао и играо, пѣвао, и паки подвикивао, руками плѣскао, и самъ себе по лицу и главы тукао, и послѣ опетъ аки безуманъ пѣвао и играо. Траяло э то дуго времена, доксамъ я съ нимъ говорити или нѣга къ тому склонити могао, дабы онъ мени причину нѣговога рѣдкога поступка сказао, и кадъ э онъ опетъ къ себи дошао, рекао э онъ мени, да э то нѣговъ отацъ.

Нїе могуће тако ласно исказати, кадсамъ видѣо, у какову э радость дѣтинска любовь овога сиротнога дивяка при познанїи нѣговога отца, и того отъ смерти избавлѣнїе ставило. И доиста немогу ни полакъ отъ оне радости нѣговога послѣ бывшега утончанїя и любезности опи-

писати, ербо неизброено крапи ишао э онъ у онай чунъ, и опетъ изъ нѣга на полѣ, сѣо э, кадъ э къ нѣму дошао, кодъ нѣга на землю, отворїо э халину свою на персѣхъ, и держао э главу отца свога по читаво полъ сата на перси свои, дабы съ тимъ нѣга угрѣяо. Затимъ узео э нѣгове руке, коесу отъ ширанске свезе сасвимъ удручене и утрнуте биле, и протирао э ны своима рукама; а кадсамъ я то смотрїо, даосамъ нѣму изъ флаше ракїе, да съ нїомъ удрученїя и ране испере, кое э бѣдному старцу врло ползовало.

Ово приключенїе учинило э нашой потери за другима дивяцы, коису намъ вечь сасвимъ изъ очїю умакли были, конацъ, и срећа э за насъ была, дасе э то тако случило; ербо послѣ 2: сата и пређе неголи шпосу они едну четверть нынога пута учинити могли, дигаосе врло нагли сѣверо-западни вѣтаръ, кои э ныма сасвимъ напротивъ дуао, и рикао э цѣлу ноћь тако силно, да я никоимъ начиномъ вѣроваши немого, даће чунъ нынъ то одержаши, или они ныне брегове достигнути моћи.

Али садъ опетъ да говоримъ о доброму Петку, онъ э около отца тако прилѣ-

лѣжавао, да я никоимъ начиномъ нисамъ могао сердцу одолѣти нѣга само кратко време отудъ исторгнути. А садъ кадсамъ већь видѣо, да онъ нѣга мало изоставити можетъ, выкнуосамга, да доће къ мени, и онъ э абїе пѣваюћи и скакаюћи скоро сасвимъ изванъ себе отъ радости къ мени дошао. Есили (рекаосамъ нѣму) твоему отцу мало хлѣба дао? онъ э протресао главомъ да нїе! Ich häßlich Hund ſelbſt alles aufgefreſſen? Я мерскїй пасъ свесамъ самъ изѣо? Даосамъ нѣму дакле еданъ лебчићь изъ жепа, когасамъ на тай конацъ съ собомъ понео; даосамъ нѣму їоштъ и еданъ напиткъ ракїе, кога э онъ узео, и абїе съ тимъ ко отцу своему отерчао, и све нѣму дао. Имаосамъ їоштъ две три ките суварка у жепу, и отъ тогасамъ Петку дао, да отцу своме даде. Едва што э онъ овай суваракъ отцу своему дао, скочїо э изъ чуна и отерчао э, као дабы помаманъ было. И тако э терчао (ербо э онъ вообще найбержи человѣкъ на ногахъ было, когасамъ я икада у животу моему видѣо:) дасе онъ за часъ изъ очїю мои изгубїо; ясамъ могао выкапи и звати, коликосамъ годъ хотео, то э све забадава было; отлетїо э онъ аки стрѣла хитро; али пре-

ће

ѣе него што э фертальъ сата прошао, дошао э онъ, ако башъ и не онако фришко, као што э отишао быо, натрагъ, и када э ближе дошао, видѣосамъ, да э ходъ нѣговъ тога ради дужи быо, ербо э онъ што годъ у рукахъ носїо.

Кадъ э већь сасвимъ къ мени дошао, видѣосамъ, да э онъ међу тимъ башъ кодъ нашега дома быо, и еданъ земляни бокалъ донео, дабы отцу своему фришке воде донео; коїомъ э приликомъ онъ їоштъ и 2: сомуна хлѣба донео. Онъ э хлѣбъ мени а воду отцу своему дао: а будући дасамъ и самъ верло жеданъ быо, то дакле напо їосамсе и я еданъ кратъ. Ова вода укрѣпила э нѣговога отца много више, неже-ли она ракїя, коюсамъ я нѣму дао; ербо э онъ већь отъ жеђи изчезнути хотео.

Кадъ э отацъ Петковъ воде већь доволно пїо, зовнуосамъ Петка и рекаосамъ нѣму, ели їоштъ штогодъ воде остало? и кадъ рече есть, рекаосамъ нѣму, дабы и оному Шпанїеру напитисе дао, кои э такове исто требовао, како годъ и нѣговъ отацъ. Послаосамъ такожде еданъ отъ они хлѣбовъ, кое э Петко донео Шпанїеру, кои э доиста верло слабъ быо, и на едной зеленой травицы у ладу едно-

га

га древета почивао; ербосу удови нѣгови отъ люотога везаня сасвимъ утрнули и отекли были. Кадъ э Петко съ водомъ къ нѣму дошао, дигаосе онъ, сѣо э и напїосе воде, узео э такожде и хлѣбъ и стао э ясти, на коесамъ и я къ нѣму дошао и даосамъ нѣму едну шаку суварка, онъ э мени съ свима знацы внутренѣ благодарности, коясе икадъ видѣти може, у лице мотрїо, быо э обаче несматраюћи што э онъ себе у битки онако храбра показао, тако слабъ, да э онъ едва више на ногахъ стаяти могао. Пробирао э два тры кратъ дабы устао, али башъ отнюдъ нїе могао, такосу врло нѣгове голени и руке отъ везаня отечене быле, и нѣму излишну болѣзнь проузроковале. Рекаосамъ нѣму дакле, да мирно сѣди, и Петку казао, да нѣгове голени онако исто, како годъ што э и нѣговоме отцу, ракїомъ истре и испере.

И тосамъ видѣо, како э благо и чувствително ово созданїе, свакога мїнута и чешће їоштъ, колико э годъ дуго кодъ Шпанїера быо, главу на страну искрећао, дабы видѣо, ели отацъ нѣговъ на оному истому мѣсту и у оному истому стаю, у коему э онъ нѣга оставїо. Напослѣдокъ нїе могао онъ нѣга усмотрити, и абіе съ та-

 ковомъ

ковомъ хитростїю кь нѣму онамо отлестїо, дасамъ я едва примѣтити могао, да ноге нѣгове на землю стаю. Кадъ э онамо дошао, нашао є отца, дасе онъ кь земли сложїо, да отпочинѣ; Петко э дошао абїе кь мени опетъ натрагъ, и я реко Шпанїеру, дабысе онъ съ Петкомъ помагао, и кь чуну ишао, и отудъ кь нашему обиталищу пренесшисе, гдиѣу я послѣ за нѣга бригу имати. Петко обаче аки фришки и млади момакъ узео э Шпанїера самъ на леѣа и отнесаога э до чуна, метнуо э нѣга съ ногама у нутра, и послѣ сасвимъ тихо на край чуна доле, подигаога э їоштъ мало, пакъ послѣ нѣга сасвимъ до свога отца намѣстїо. Затимъ изишао є фришко изъ чуна и отиснуога э съ брега, и повезао э чунъ покрай брега хитрїе нежели штосамъ я ходити могао, башъ акое и вѣтаръ доста яки быо, и овимъ начиномъ, довезао э онъ ны безбѣдно у савитакъ нашега убѣга. Овде э онъ ны у чуну оставїо, и повратїосе натрагъ, да и другїй чунъ довезе. Кадъ э башъ покрай мене ишао, запитаосамга, куда хоѣе онъ да иде? — Sehen mehr Boot hollen, идемъ да выше чунова довеземъ, рекао э онъ, и съ тимъ као вѣтаръ отишао; ербо доиста ништи марвинче

винче нити человѣкъ нису могли съ ниме упоредъ терчати, и скоро тако равно, као штосамъ я сувимъ онамо дошао, быо э веѣь и другїй чунъ у нашему убѣгу. Овде э онъ мене превезао и отишао э, да нашимъ новимъ гостемъ изъ чуна изиѣи помогне; алису они тако слаби были, да ни еданъ ходити нїе могао и сирома Петко нїе веѣь знао, шпаѣе съ нима започети.

Ясамъ абїе зато мыслїо овой нужди помоѣи. Даосамъ ныма чрезъ Петка казати, да они само на брегу мирно сѣдеѣи остануть, и кадъ э онъ натрагъ дошао, начинилисмо абїе нѣки начинъ носила, и такосмо ихъ обадвойцу отнесли. Али кадсмо веѣь кь внѣшнѣй страни зида нашега града дошли, былисмо їоштъ у веѣой бѣди нежели преѣе. Ербо ны преко зида пренести нїе можно было, а зидъ продрети нисамъ я никоимъ начиномъ хотео. Ясамъ дакле абїе кь тому средство изнашао, и дѣло предузео, и преѣе него штосу 2: часа прошла, скрпилисмо отъ старихъ парусовъ еданъ приличанъ шаторъ и нѣга съ гранѣмъ покрили, на ономъ мѣсту меѣу нашимъ внѣшнимъ зидомъ и ономъ младомъ шумомъ, коюсамъ я насадїо. Подъ о-

 вимъ

вимъ начинилисмо ныма два кревета отъ матерїала, когасмо имали, то есть отъ добре пирїнчне сламе съ простирачемъ, дабы они лежати могли, и покривачемъ за свакїй креветъ.

Садъ э островъ веħь населѣнъ быо, и мыслїосамъ себе врло богата отподданниковъ быти. Веселое было оно разсмотренїе, коесамъ я често о томъ имао; и како я садъ себе едному Кралю сравнити могу. Перво: цѣли островъ быо э мое притяжателство; тако дасамъ безсумнѣно право Господства надъ нымъ имао. Второ: народъ мой быо э мени сасвимъ подложанъ. Ясамъ быо Самовластни Господинъ и Законодатель; сви они моралису мени за животъ свой благодарити, и былису готови у нуждному случаю свой собствени за мене жертвовати. Но само то што э примѣчанїя достойно было, дасу мои подданицы, ако ихъ выше и нїе, нежели троица было, и сви троица различнога закона (вѣре). Мой храбрїи Петко быо э Луторанъ (Proteſtant) нѣговъ отацъ Поганикъ и человѣкоядецъ (Kannibal:) А Шпанїеръ Римо-Каѳоликъ: но преко свега ясамъ совѣсти свободу у моему Кралѣвству дозволїо; но ово мимогредъ.

Кад-

Кадсамъ веħь моя два слабомощна избавлѣна роба подъ кровъ у безбѣдность донео, и ныма креветъ, на коемуħеду почивати, уредїо, предузеосамъ такожде о средствахъ къ препитанїю за ны мыслити. Первое э было, штосамъ учинїо, заповѣдїосамъ Петку еднога годишнѣга ярчиħа изъ мога особнога чопора заклати, и послѣ изсѣкаосамъ стражнїй трупъ на комаде, рекаосамъ Петку, да то кува и готови и тако уготовилисмо мы обадвоица нашимъ гостемъ прекрасанъ ручакъ отъ меса и чорбе (у коюсамъ я пирїнча метнуо:) и почастилисмо наше слабомощне госте. И будуħи да э све изванъ обиталища мога готовлѣно было, (ербо у нутра мое ограде редкосамъ ватру ложїо:) тосмо дакле све ело у нови шаторъ, гдисамъ я такожде еданъ асталъ донести дао, унели, кодъ когасамъ и я сѣо и съ ныма ручао, ны понуħаваюħи, како годъ штосамъ болѣ знао, дабысу охотно и сладко ручали. Петко э при ручку мой толмачъ быо, особито кодъ нѣговога отца, а доиста такоħеръ и кодъ Шпанїера, ербо э Шпанїеръ языкъ дивяковъ врло добро говорїо.

Послѣ какосмо ручали или много выше вечерали, заповѣдїосамъ Петку, да сѣ-

дне

дне у еданъ чунъ и наше мушкете и друга оружїя донесе, коесмо изъ недостатка времена на военомъ полю оставили были, и сутра данъ заповѣдїосамъ нѣму такожде сва мертва тѣлеса дивяковъ закопати, коясу танети издроблѣна подъ жаромъ солнца лежала и вечь нама несносна бывати почела. Такожде да имаде и оне останке варварскога ручка, коихъ э, како штосамъ знао, тамо много разбачени лежало, закопати; ербо да то самъ учинимъ, нїе за мене башъ отнюдъ могуће было, зашто я отъ гнусности, кадсамъ путемъ онимъ проћи морао, нисамъ на мѣсто оно ни погледати могао. Ово све совершїо э онъ точно и тако добро, дасе отъ тога више ни найманѣга трага видѣти нїе могло, или дасу кадъ годъ дивяцы онде были, и я нѣга никако другоячіе нежели мѣсто запустѣнія на ћошку шуме именовати нисамъ могао, кадсамъ кадъ кадъ у предѣлъ онай дошао.

Затимъ започеосамъ све мало помало себе съ моима двѣма новима поданици у разговоръ упуштаватн. Найпре спаосамъ питати Петковога отца, шта онъ за оне дивяке мысли, коису отъ насъ на чуну умакнули, и мыслили онъ, да нећедули они

съ

съ онаковомъ силомъ, коей мы нећемо моћи противостати, опетъ овамо доћи? перво нѣгово мнѣніе было э то, да дивяци никоимъ начиномъ бурю преживити нису могли, коя э цѣлу ноћь, кадсу они отишли, траяла, него дасусе подавили, или южнѣ къ онимъ бреговомъ операни быти морали, гди они тако исто извѣстни бытису могли, дањеду изѣдени быти, како годъ да бы и моремъ похищени были и подавилисе. А што бысу чинили были, кадбысу невредими на суво дошли, рече онъ, да казати незнаде; но међу тимъ опетъ мысли онъ, дасу они средствомъ онаго начина, коимсмо мы на ны ударили, и лармомъ и ватромъ у такови страхъ и ужасъ ставлѣни были, дањеду они башъ доиста народу ныному казати, да они, коису годъ остали, нису отъ руке человѣческе, него отъ саме мунѣ и грома погинули, и обадва представљша лица (то есть Петко и я) былису два небесна духа или Адске Фурїе (нечисти дуси) коису свыше дошли да насъ свїю у прахъ учине, а не люди съ оружїемъ. То онъ отъ туда знаде, како што э рекао, ербо э онъ то отъ свїю ны у оной буни еданъ другому викаюће и говореће чуо; зашто они то себи никоимъ начиномъ нису предста-

вити

вити могли, како да человѣкъ ватру бацати и громъ испущавати, и руку недижући тако далеко убити можетъ, као штосе случило. И овай стари дивякъ имао э доиста право; ербо како штосамъ я послѣ другимъ начиномъ искусїо, нису дивяцы никада више къ предѣламъ оне пустинѣ дошћи усудилисе. И быћеду о повѣсти они четворице люди (ербо какосу обстоятелствa являла, онису цѣло срећно у ныну землю дошли) тако уплашени, даћеду мыслити, да сваки, коисе годъ усуди на овай дяволскїй островъ отићи, быћеће ватромъ и жупеломъ Боговъ спалѣнъ и истреблѣнъ!

Али да я ово башъ извѣстно знати нисамъ могао, їошћъ дуго времена у непрестаному страху живитисамъ морао, и быосамъ непрестано съ цѣломъ войскомъ моїомъ у преправности и позорству! ербо кадсмо већь насъ четворица были, тобысе я у свако време усудїо быо ны стотину на средъ поля дочекати и побѣдити.

И будући да већь отъ нѣколико времена никакови чунови нисусе появили, то дакле и страхъ отъ ныногa овамо доласка престао э, и ясамъ опетъ на пређашнѣ мое мысли дошао путешествїе къ сталной земли предузети, къ чему э мене їошћъ и Пет-

Петковъ отацъ увѣрїо, да я себе, ако онамо поћи хоћу, нѣгове волѣ ради, на найкрасніе прїемлѣніе и дочеканѣ нѣговога народа свободно ослонити могу.

Но послѣ мудрога разговора, когасамъ съ Шпанїеромъ держао, попустила э опетъ мало моя пређашня теплота. Ясамъ истина отъ нѣга разумѣо, да 16: нѣгови земляка и Португиза, коису при кораблѣкрушенїю тамо доперани и бачени были, съ дивяцы мирно живутъ, алиће ныма доиста доста горко пасти храну снискавати и доиста башъ и сами животъ сачуваши. Далѣ, вопрошаваосамъ нѣга о свима особнима обетоятелстви ныногa путешествїя и разумѣо, дасу они отъ едне Шпанске лађе были, коя э отъ Рїо де ла Плата у Хафану ишла, онде товаръ свой, кои э особито изъ кожа и сребра состояо истоварити, и штабысе тамо отъ Европейскога добра и хеспапа добити могло сасобомъ донесла; да э она 5 Португалски Матроса (Галїаша) имала, коя э ны изъ друге пропадше лађе прїимила, и да э 5 ныни собствени люди, када э лађа найпре пропала, удавилосе; а они 16 дасу съ великимъ трудомъ и погибелїю, и скоро полакъ мертви отъ глади къ Каннїбалскимъ бре-

го-

говомъ дошли, гдисусе свакога часа бояти морали изѣденимъ быти.

Далѣ рекао э онъ мени, дасу они нѣчто мало оружїя кодъ себе имали, и кое э ныма сасвимъ неупотребително было, ербо нису нити барута, нити олова имали, зашто э вода савъ барутъ нынъ до само нѣчто мало покварила, и коебысу были само у едному набою, акобысу што годъ за храну добити хтели, потрошили.

Далѣ запитаосамъ нѣга, што онъ мысли, какоће до послѣдка съ нѣговимъ содружници онде быти, и нисули они їоштъ онда на бѣгство ныно мыслили. Онъ э казао мени, дасу они о томъ често совѣтъ держали; али да они нити лаћу, нити халата себи такову начинити, нити каковаго средства къ препитанїю имали нису, то дакле нїе ништа друго, нежели сузе и отчаянїе досадъ свагда конацъ свїю ныни совѣщанїя было.

Шта онъ о томъ мысли, запитаосамъ нѣга далѣ, кадбы они совѣтъ ко избавлѣнїю отъ мене прїимили; и не были то найболѣ пошло, кадбы они сви овамо дошли? и мећу тимъ рекаосамъ нѣму съ полнимъ простодушїемъ, ясе боимъ, да я отъ нынога издателства невѣрности и злихъ пред-

предсрѣтенїй небы свободанъ быо, кадбы животъ мой у руке ныне ставїо; ербо благодарность есть велика добродѣтель, коя обаче свимъ человѣкомъ нїе сасвимъ природна; и люди непоступаю свагда съ еднимъ онако, како што э онъ заслужїо, него много више онако, како што користь и прилика нына донесе. И то рекаосамъ я, былобы врло тешко, кадбы я орудїе нынога освобожденїя быо, а они бы мене послѣ робомъ у новой Шпанїи учинили, гди еданъ Англезъ, какова быга годъ нужда или случай онамо донести могли, свагда съ животомъ своимъ опроститибысе морао. И свагда бысамъ волїо себе дивякомъ предати и изѣсти дати, нежели у немилосердне ногте шпански попова пасти, и себе на Інквїзїцїу вући дати. Далѣ рекаосамъ я, да бы зато добаръ стаяо, кадбы они сви овде были, и съ толико много руку моглибысмо еданъ чамацъ начинити, коибы доволно великъ быо насъ свїю или страноюжнѣ у Бразїлїу, или страно-сѣвернѣ къ Шпанскимъ островамъ и бреговомъ донести. Али акобы они мене за благодарность, штосамъ ныма оружїе у руке дао, съ насилствїемъ у нынъ собствени народъ отвели; то бы я за добро мое зло прїимїо, и

и мое станѣ былобы їошть чемерніе нежели пређе.

Онь э мени на то съ многимь простодушїемь и искренностїю отговорїо, да э станѣ ныно тако врло бѣдно, кое они тако врло чувствую, да онь мысли, да бы они башь и сами помысль о таковому чему презирали и омерзѣвали онаковога человѣка непріятелски и враждебно предсрѣсти, кои бы ныному освобожденїю найманѣ што годь помогао. Ако э мени дакле поволно, то хоће онь съ старимь дивякомь онамо къ ныма отиђи и о томь разговоритисе, пакь послѣ опетъ натрагь доћи, и мени отговорь донести. Они дакле да имаду уговорь съ пѣлесномь заклетвомь присягнути, кога онь съ нима учини, да они всячески подь моїомь рукомь аки верховнога повелителя и вожда спаяти, такожде съ свяшима тайнама и Евангелїемь заклетисе мени вѣрнимь быти ни у какову Хрїстїанску землю поћи, гди я соизволїо небы; и тако овому концу намѣренїя да имаде отъ ны собственоручно подписани уговорь донести.

На то рекао э онь мени, даћесе онь мени найпре самь заклети, да онь, докле э годь живь, мене оставити неће, ако я нѣга не

не отпустимь; и акобысе найманя невѣрность између нѣгови земляка приключила, на страни моей до послѣднѣ капи крви стапи.

Али отъ таковога чега невалясе ништа ни страшити, рекао э онь мени далѣ, ербосу они сви избрани и честни люди, кои у найвећой нужди, коясе и кадь помислити може, сїпеню; зашто они нити оружїя нити одѣянїя, нити средства къ препитанїю, неимаду, кое они отъ дивяковь за милость пріимити небы морали безъ сваке надежде и кадь више у отечество свое доћи; и да э башь о томь увѣрень, даћеду они, ако я освобожденіе ныно предузмемь кодь мене живити и умрети.

На ова увѣренїя дакле заключїосамь напослѣдокь намѣреніе предузети ныма, ако можно буде, на помоћь доћи, и старога дивяка съ Шпанїеромь ради уговора къ нима послати. Кадь э већь къ путу све приправлѣно было, дошао э Шпанїерь самь на еданъ помысль, изъ кога э на едной страни сама мудрость, а на другой толико много искрености свѣтлило, да самь я съ тимь башь нуждно и доволнь быти и нѣговому совѣту слѣдовати, избавлѣніе нѣговихь содружниковь їошть на едно

полъ

полѣ године отложити морао. Случай э было овай.

Онѣ э реци еданѣ мѣсецѣ дана дуго кодѣ насѣ было. И међу овимѣ временемѣ показаосамѣ я нѣму, каковимѣ начиномѣ я сѣ помощїю провидѣнїя Божїя себи храну и содержанїе есмь прискорблявао; онѣ э такожде велики имутакѣ мога пирїнча и ечма видѣо, кое э доиста за мене и излишно было; али нїе, акосе мы крайнѣ опасно неспомогнемо, за мое домаће дружство, кое э већь у 4. лиѣа состояло, доволянѣ: и їоштѣ бы манѣ доволянѣ было, ако бы нѣгови земляци, коихѣ, како што э онѣ рекао, їоштѣ свагда 14. у животу овамо дошли, и їоштѣ бысмо манѣ имали нашу лаћу сѣ тимѣ снабдѣти, акобы мы какову за наше путешествїе гдигодѣ у какову Хрїстїанску землю отѣ Америке начинити хотѣли. Онѣ держи дакле за мудро и паметно, како што э рекао, кадбы я нѣму и оной другой двоици їоштѣ выше ныве за толико сѣтве, колико я за посѣвѣ отредити могу, ускопати и урадити наложїо, и да мы їоштѣ едну жетву дочекамо, дабысмо, кадѣ земляци нѣгови доћу, сѣ доволнимѣ житомѣ снабдѣни были; и они о недостатку хлѣба небысу у искушенїе пали отѣ

отѣ уговора свога отступити, или дасу изѣ едне бѣде у другу дошли вѣровали. Ясамѣ знао, какосу сынови Израйлеви, акосусе сѣ почетка и врло о избавлѣнїю своему изѣ Егупта радовали, но тога ради опетѣ на Бога самога, кои э ны избавїо, роптали, кадсу у пустыни недостатокѣ хлѣба (гладѣ) терпѣли.

Ово э предупрежденїе башѣ у право време доведено было, и нѣговѣ совѣтѣ было э тако полезанѣ, дасамѣ я сѣ предлогомѣ и совѣтомѣ нѣговимѣ тако исто добро кагодѣ и сѣ вѣрностїю нѣговомѣ задоволянѣ быти морао. Мысмо дакле сви четворица абїе дѣло предузели землю копати онако, како што э сѣ нашимѣ древенимѣ халатомѣ поћи могло; и у едно мѣсячномѣ времену, при коего э концу време сѣтве было, толикосмо землѣ прекопали и урадили, дасмо 22 мерице ечма, и 16 пуни бокала Пирїнча посѣяти могли, што э дакле сѣме было, когасмо на конацѣ сѣтве у потребити могли. И доиста нисмо ни ечма доволно на нашу собствену храну за 6. мѣсецы оставили, гдисмо мы башѣ на жетву нашу чекати морали; отѣ времена онога броећи, кадсмо сѣтву нашу особито отдѣлили, ербо мыслити

ти неваля, да житo у овой земли цѣло полѣ године лежеће остаетъ.

Садъ, кадъ э насъ већь доволно было, отъ дивяковъ ништа више бояписе, него ако бы они башъ у сасвимъ чрезвичайномъ множеству дошли, то дакле ходилисмо безъ сваке бриге по цѣлому острову, и гдинамъ э годъ ићи нужда была. Мысли наше дакле былесу мећутимъ свагда на освобожденіе наше управлѣне; было э дакле найманѣ за мене неможно, да не бы я на средства о томъ мыслїо. Къ овому намѣренія концу тражїосамъ я и бележїо древета, коясамъ за наше намѣреніе услужна и способна держао и налагаосамъ Петку и нѣговому отцу такова сваливати, а Шпанїеру, коемусамъ я мысли мое о овой вещи већь сообщїо быо, повѣрїосамъ надзирателство и попеченіе башъ самога дѣла. Показаосамъ ныма, съ каковимсамъ я тешкимъ и неутрудимимъ дѣломъ, каково велико дрво у особите платине испословао, и показаосамъ ныма то исто чинити, доксу они 12 велики платина отъ доброга растовога дрвета реци 2 стопе широке и 35 дугачке испословали. Каковога э неисказаногa труда то стаяло, можемо себи лако представити. Такожде имаосамъ и за то бригу мой мали

чопорь

чопорь питоми коза, колико э годъ могуће, умножити. У овому намѣренїю заповѣдїосамъ Петку и Шпанїеру еданъ данъ на ловъ изићи, и я и Петко (ербосмо мы порядочно у свима нашима дѣли еданъ другога меняли) ишлисмо други данъ, и овимъ начиномъ прибавилисмо 20 млади коза, коесмо съ другима питомима воспитати хотели. Ербо коликосмо годъ крати стару кою козу убили, свагдасмо младо яре сачували, и у нашъ чопорь довели. Преће свїю други вещи даосамъ я, ербо э садъ време грожће сушити дошло, такового толико множество на солнцу обѣсити, дасамъ мыслїо, мыбысмо отъ нѣга, кадбысмо у Аликанту были, гдисе найвыше суварка прави, бо тъ и до 80 буради напунити могли. И ово э чинило їоштъ покрай хлѣба нашега такожде едно отъ нашихъ главнихъ средствъ препитанїя, ербо э оно едно врло кормително и здраво ело было.

Садъ э већь и жатва дошла, и ако и ніе башъ найбогатїя, коюсамъ я на острову доживїо, была, тосмо мы опетъ толико много жита добили, коликосмо годъ требовали; ербо отъ 22*ва* креста ечма отуклисмо мы 220 мѣрица, и спроћу тога їоштъ и много пирінча. Отъ овага бысмо башъ до

 бу-

будуще жатве свагда доволно имали, башъ акобы и сви они 16тъ Шпанїера кодъ мене были, и то бы такожде излишно доволно было съ тимъ къ каковомъ годъ брегу свѣта (то есть Амерїке) доћи, кадбысмо само къ путу сасвимъ приправни были. Кадсмо веѣь жито наше у свободу подъ кровъ донесли, то э дакле валяло кошаре плести, ербосмо таковихъ много отъ потребе имали жито у такове сасути и сачувати. Шпанїеръ показаосе при свому дѣлу врло фришакъ и способанъ, и мене често кудяше, да я къ овому начину дѣла ништа за утверѣенѣ нисамъ начинїо, къ чему я обаче никакове нуждности нисамъ видѣо. И садъ, кадсмо веѣь имутка за све наше ожидаеме госте доволно имали, да э осамъ Шпанїеру дозволенїе онамо къ сталной земли поћи, да искуша, штоће онъ онде съ своима онде оставшима земляцы расправити моћи. Даосамъ нѣму писмено умѣрену заповѣсть никога оттудъ собомъ неузети, кои не бы у нѣговомъ и старога дивяка присутствїю заклетисе хтео, на острови живущему и находящемуся лицу; кое э толико благо и добро было, ны ради нынога освобожденїя овамо послати, никада никакови вредъ или убитакъ учинити, и про-

противо нѣга воевати или нѣга напасти: но много више нѣму у свимъ таковимъ нападенїямъ спомоществовати и защищавати, и куда бы годъ пошли нѣга као вожда и началника свога признавати, и нѣговимъ заповѣстемъ сваку покорность отдавати. Све ово да имаде писмено сочинѣнно и отъ руке ныне подписано быти. Али какоће то быти моћи, знаюћи я да они нити пера нити мастила имаду, то э доиста еданъ вопросъ быо, о коему мы отнюдъ ни помыслили нисмо.

Съ овомъ уредбомъ снабдѣни пошлису дакле Шпанїеръ и стари дивякъ Петковъ отацъ у едному отъ они чунова, на коемусу они дошли, или многовише довучени были, да бы аки робови отъ дивяковъ овде изѣдени были.

Даосамъ свакому по едну мушкету съ Нѣмецкимъ Тетїкомъ, и реци 8 набоя барута и олова, и при томъ ныма препоручїо врло штедећи съ тимъ поступити, и никаковога употреблѣнїа окромъ у найнуждніемъ случаю отъ того учинити.

Све ово учинїосамъ я съ великимъ услажденїемъ, ербо э то перва прилика была, коюсамъ я отъ 27 година и нѣколико дана къ моему избавлѣнїю дѣйствително у-

чиніо. Ясамъ ны съ толико много хлѣба суварка снабдѣо, кое они у много дана потрошити нису могли, и даосамъ такожде и за ныне земляке опъ обадвога на 8. дана. И тако поздравіосамъ и желіосамъ нима благополучанъ путь и рекаосамъ, да поћи могу, послѣ какосамъ съ ныма напредъ знаменіе уговоріо, коећеду при ныномъ натрагъ возвращенію на капарку заденути и развити, да бы я іошть у отдалѣнію, и прѣе него штоћеду они къ брегу приспѣти, по знаменію ны абіе познати могао.

Отишлису дакле башъ онай данъ, кадъ э полномѣсячіе было, съ добримъ вѣтроть, и по моему численію у мѣсецу октомврію, но я себе іошть нисамъ могао на мой дневни-брой, ербосамъ еданъ данъ изгубіо био, тако сасвимъ ослонити, а такожде и у числу година нисамъ іошть онда извѣстанъ био, дабысе усудити смѣо за правилность ныну добаръ стати, акосе башъ послѣ при извидѣнію хесапа и нашло, дасу оне совершено и полно правилне быле.

Я іошть ни пуни 8 дана на ныно натрагъ пришествіе нисамъ чекао, кадсе на еданъ кратъ сасвимъ рѣдки и неожидаеми случай приключіо, какови можетъ быти іошть ни у каковой повѣсти нієсе никадъ чуо.

Еданъ

Еданъ кратъ уютру спаваосамъ мирно у моей колиби, кадъ э на еданъ кратъ мой Петко къ мени безъ душе терчећи дошао и повикао: Herr! Herr! ſie ſind gekommen, ſie ſind gekommen! Господине! Господине! онису дошли! онису дошли! Ясамъ абіе изъ кревета скочіо и безъ бриге о свакой погибели пошаосамъ и тако фришко, како штосамъ годъ могао, баціосамъ халине на себе, крозъ малу шумицу, коя э (мимогредъ говорећи) у времену пространомъ већь густа и велика шума нарасла была, на полѣ, неузевши, кое никада изоставлао нисамъ, ни оружіе мое сасобомъ. Али каково э велико у дивлѣніе было то мени, кадсамъ я очи мое къ морю баціо, и чамацъ съ у правляемимъ малимъ парусомъ, реци само іошть едно полъ друге Англійске мілѣ удалѣнъ, у право къ брегу пловущь видѣо. И тосамъ абіе примѣтіо, да онъ не отъ стране сталне землѣ, него отъ южнога края острова идетъ. На то зовнуосамъ Петка и рекаосамъ нѣму, дасе сакривенъ содержава; ербо ово нису они люди, кое мы очекивамо, іошть знати не можемо, есули они други или врази наши.

Перво э было, штосамъ овде учинио, узеосамъ мой пусулъ и попеосамсе по лѣ-

ствици

ствици на верхъ брда горе, какосамъ, кадсамсе штагодъ бояо, свагда чинити обичествовао, да бы невидѣнъ све іошть болѣ мотрити могао.

Едва штосамъ ногомъ моіомъ на брду стао, гдисамъ абіе сасвимъ ясно едну лађу усмотріо, коя э полъ трећу мілю југовосточнѣ отъ мене, али не више него полъ другу мілю, отъ брега на мачки стаяла. Ова э како, штосамъ я сасвимъ ясно видѣти могао, една Англійска лађица, или Англійски вооружени чамацъ было (Schaluppe).

Страхъ и трепетъ, кой э у овому часу мене обяо, неможесе описати, и іошть манѣ радость лађу какову видѣти, а наимено такову, о коей причину вѣроваписамъ имао, и былабы съ моима земляцы а слѣдователно съ моима пріятели поселѣна; али у равно време доћоше мени и нѣка тайна сумнѣнія у сердце, о коима никакову истину сказати незнамъ, алису она мене позоръ на себе имати поострила. Перво паломіе на умъ, штабы какова Англійска лађа у овой части свѣта тражити имала; ербо ово ніе путь было никаковой части свѣта, гди Англези какову терговину имаду, знаосамъ што, да ніе на морю никакове бурѣ было, коябы ны

ны овамо бацити могла; ако бы башъ истино Англези были, то э дакле башъ права истина, да они ни у каковому доброму намѣренію овамо неидутъ; и за мене хоће болѣ быти, да я останемъ онай койсамъ, нежели да у руке разбойниковъ и убійцахъ паднемъ.

Ништко дакле да непрезире тайне знаке увѣщанія о каковой погибели, кое онъ кадъ кадъ, башъ акосе то и немогућно быти чини, добива, да мы дѣйствително такова тайна увѣщанія имадемо, немогу я башъ нимало отрећи, коясу у себи самимъ нѣкомъ мѣромъ позорлива. Дасу она извѣстна изявлѣнія невидимога свѣта и обхожденія съ дуси о томъ сумняти неможемо, и да ныно намѣреніе ясно видится насъ о погибели уваћавати, зашто дакле небысмо мы ны аки благодѣтелно существо держали (шта она прочее была да была) и вѣровали, дасу они къ нами зя нашу ползу и добро послани?

Садашнѣ приключеніе укрѣплява мене на ново у той мысли, какосу испинна моя мнѣнія о овой вещи была. Ербо кадъ я овимъ тайнимъ увѣщаніемъ небы на позоръ учинѣнъ было, то бы необходимо изгулѣнъ

и

и у далеко горему станю быти морао, нежели пређе, како штоћесе абїе видѣти.

Я нисамъ башъ на брду дуго ни быо, кадсамъ усмотрїо, дасе чамацъ къ брегу приближава, као дабы каковъ убѣгъ за угодно пристанїе тражїо; и будући да нису далеко горе повезли, то дакле нису онай мали убѣгъ или пристанище, гдисамъ я пређе са сплавови моими пристаяо, ни видѣли, него отишли съ нынимъ чамцемъ управо горе къ равнини брега. Срећомъ моїомъ было э то їоштъ едно полъ мїлѣ далеко отъ мене; ербо и наче, тако да реknемъ, былибысу башъ управо предъ мои врати стали, и мене затимъ скоро изъ моега града исперали, и їоштъ къ тому тве, штобысамъ годъ имао, поробили. Кадсу већь на брегу были, быосамъ сасвимъ увѣренъ, дасу Англези, или найманѣ боля часть отъ ныхъ; двоицу держаосамъ за Холлендере, но послѣ показалосе, дасамъ фаліо. Ны у числу было э 11*тъ* люди, међу койmасу тройца безъ оружїя, и какомисе учинило, свезани были; и кадсу перви четворица или петорица на брегъ искочили, то дакле узелису ову тройцу аки робове изъ чамца на полѣ. На едному отъ ныхъ могаосамъ сожалителне знаке и изображенїя прошнѣ,

жало-

жалости, и отчаянїя, коясу досамога излишества ишла, примѣтити; а ону другу двоицу, кои, кокомисе учинило, нису тако врло оскорблѣни были, видѣосамъ, дасу кадъ кадъ руке къ Небу дигли.

О овому взору быосамъ я сасвимъ смущенъ, и нисамъ знао башъ штаћу ошъ тога чинити. Петко э повыкао къ мени, колико э годъ могао, Англїйски: Herr! da ſiehſt du Engliſchmanns eſſen Gefangene ſo gut, als Wildmanns! — Господине Англези ядутъ свое робове, како годъ и дивяцы! — Шта? Петко шта? Мыслишъ ты, даћеду они ны изѣсти? — Ja ja werden ſie aufeſſen! — Есть, есть, хоћеду ихъ изѣсти. — Нїе, нїе Петко, него само даћеду ихъ убити; тосе боимъ я; али ны изѣсти доиста нећеду, за то теби добаръ стаяти могу.

Цѣлога овога времена нисамъ їоштъ ни еднога помысла имао, штаће та ствaрь свойствено значити, него само о овомъ взору отъ чуда трепещущъ стаяо и свакїй часъ очекивао, кадћеду она тры роба убїени быти; еданъ кратъ већсамъ дѣйствително еднога отъ овихъ бездѣлниковъ усмотрїо руку съ великимъ сѣчивомъ (како што морепловцы называю) или мачемъ вооружена на еднога отъ ови бѣ-

дни

дни люди дигнути, и нисамъ друго мисліо, него даће онъ већь мертавъ къ земли пасти; о коемъ взору сва крвь у жилахъ моихъ тећи э престала.

Садсамъ сердечно желїо, дабысамъ Шпанїера и дивяка, кои э съ нимъ отишао, кодъ себе имао; или дабы гдигодъ какови путь знао, невидѣнъ на еданъ пушћани хитацъ къ ныма близу доћи, и она три бѣдна человѣка избавити, ербо :видѣти нисамъ могао, дасу они оружїя собомъ имали. Али э то мени опетъ другимъ начиномъ по желанїю моему пошло.

Послѣ какосамъ немылостиви поступокъ ови яростни морепловцевъ спроћу они трїю бѣдны люди видѣо, тако равно и тосамъ усмотрїо, дасу ови бездѣлницы сѣмо и овамо по брегу ходили, аки дабы предѣлъ овай разсмотрити хотѣли: и преко тога и тосамъ видѣо, дасу ови троица люди свободу имали ходити свудъ по произволенїю; али они сви троица сасвимъ смутни сѣлису на землю, и былису као очаяницы.

Ово э мене на оно перво време опоменуло, кадсамъ я на брегъ овай дошао, и стаосамъ около себе гледати, какосамъ себе за изгублѣна держао, какосамъ дивячко

ко около себе мотрїо, и каковасамъ страшна мнѣнїя и ожиданїя имао, и какосамъ цѣлу ноћь на дрвету преноћїо изъ страха, да небы отъ дивыхъ звѣровъ растерганъ и изѣденъ было.

Тако као што я ону ноћь ни о каковой помоћи нисамъ знао, кою э мени провидѣнїе Небесно опредѣлило, лаћу бурею и припливомъ ближе къ брегу доперало, и мене изъ нѣ толико дуго съ средствами препитанїя и другими потребностми снабдѣло: то дакле и ова троица бѣдна и изостављѣна їоштъ ништа о томъ нису знали, како э извѣстно, и како э близу ныхъ избављѣнїе и спасенїе ныно было, и какосу они већь башъ дѣйствително у состоянїю безбѣдности были; и то башъ у оно време, кадсу себе сасвимъ изгублѣне держали, и себе свїю средствъ ко избављѣнїю за полно лишене мыслили.

Тако мало видимо мы, што э у свѣту предъ нама, и толико много причина имадемо себе радостно, веселога сердца, великому Творцу свѣта повѣрити, кой созданїя своя никада у тако сасвимъ изостављѣному стаю изгубитисе недопушта, да они небы їоштъ свагда такожде и онда, кадъ нина обстоятелства найгора быти

явля-

вляюся, нѣму за штогодъ благодарити причину имали, и често ближе кодъ избавлѣнія стоятъ, нежели штосу мыслили; и башъ често онимъ истимъ средствомъ, кое э пропасть ныну содѣйствовати мыслило, избавлѣніе свое получаютъ.

Припливъ быо э у найвышему степену, кадсу ови люди на брегъ дошли, и доксу они отъ части коекудъ проходили, и предѣлъ разгледали, забавилисусе они заборавлѣнимъ начиномъ толико дуго, да э приливъ већь толико много отишао, да э чамацъ нынъ сѣдећь на суву остао.

У чамцу оставилису два матроса, коису, како штосамъ я послѣ видѣо, ербосу много ракіе пили, добро заспали были. Али еданъ изъ међу ны, коисе э преће пробудіо и чамацъ твердо на суву сѣдящъ видѣо, да онъ нѣга отурити неможе, выкао э оне друге, коису сѣмо и овамо разсѣяни были, на кое они сви абіе къ чамцу снидошесе: али ево бѣде! на овой страни быо э брегъ меканога и угнѣтаемога песка, и чамацъ тако тежакъ быо, да све крѣпости ныне нису быле доволнѣ нѣга на пловъ довести.

Као правіи пловцы, кои изъ међу свію други люди найманѣ мудрости и предвидѣнія ка-

каковога притяжаваю, оставилису то тако да остане, пакъ на ново по Предѣлу блудити почели, — Laſt doch ſtehen Hanns! остави Іоанне! (чуосамъ еднога отъ ныхъ изъ чамца вычући:) Онъ хоће съ первимъ припливомъ опетъ къ пловитви способанъ быти, као и досадъ! и сада говоръ нынъ ніе мени нинайманѣ сумнѣ изоставіо, башъ сасвимъ знати, каковису они люди были.

Цѣло ово време содержаваосамсе я сасвимъ сакривенъ, и никадсе усудіо нисамъ себе далѣ отъ града мога удалити, нежели до моега позорителнога мѣста близу верха отъ брда; и быосамъ сердечно радостанъ, кадсамъ видѣо, дасамъ себе овако лепо и твердо оградіо. Знаосамъ и то, да они чамацъ нынъ преће іо сами на пловъ добити немогутъ, и даће међу тимъ већь мракъ быти, слѣдователно и я выше храбрости и свободе имати на нына движенія и поступке мотрити и ныне разговоре, акобы кое имали, чути.

Међу тимъ приправіосамъ себе съ већомъ позорностію іоштъ найпре на битку, ербосамъ знао да я садъ сасвимъ съ другимъ непріятелѣмъ посла хоћу имати, нежели первый крашъ. Даосамъ такожде Петку, когасамъ већь за еногъ преизрядногъ стрѣлца

ца съ нѣговомъ пушкомъ учиніо, запо-вѣстъ себе добро съ оружіемъ снабдѣти. Ясамъ узео две пичарице, а нѣмусамъ дао 3 мушкете. Видъ или образъ мой быо е доиста верло страшанъ видѣти. Быосамъ у мое страшне отъ козій кожа скроене ха-лине обученъ съ великомъ отъ шакове исте коже капомъ на глави, како шпосамъ горе описао; обнаженъ при бедри высящъ мечь и два пиштоля за поясомъ и на свакомъ рамену по една пушка висяща.

Мое намѣреніе было э, како шпосамъ казао, ништа непредузети, доклесе годъ сасвимъ несмеркне. Али опетъ около 2: сата послѣ полудне, кадъ э врућина най-већа была, усмотріосамъ, дасу они сви у шуму отишли, и како шпосамъ мыслію, спавати легли. Они троица бѣдни и помо-ћи лишени люди, консу верло о ужасному своему случаю смутни были, нису спава-ти могли, сѣдилису у ладу подъ еднимъ древетомъ четвертъ мілѣ далеко отъ ме-не, и како шпосамъ смотріо; подоста отъ другихъ отдалѣни.

Оваком добромъ приликомъ заключіо-самъ дакле ныма явиписе и извѣстіе о ныномъ стаю отъ ныхъ разумѣти. Абіе пошаосамъ у горе описаному стаю онамо

къ

къ ныма. Мало подадѣ замномъ ступао э мой храбрый Петко, кои э тако исто ра-ди многога оружія страшанъ быо, али опетъ ніе овако сасвимъ дяволу подобно као я изгледао.

Дошаосамъ дакле невидѣнъ толико близу къ ныма, коликосамъ годъ могао, и прѣће него шпосу они мене видѣли, пови-каосамъ гласно къ ныма Шпански: Ткосте вы Господо моя? На овай гласъ скочилису сви, алисусе іоштъ десетъ крати выше у-плашили, кадсу они страшни стасъ вида, когасамъ я представляо, предъ собомъ видѣли. Они ни слова неотговорише, али кадсе ме-ни учинило, да башъ они бѣжати хотѣдо-ше, повыкаосамъ я ныма Англійски, моя Господо! небойтесе ништа отъ мене; мо-жетъ быти, да имате пріятеля верло бли-зу, о коему никада помыслили нисте. — То онъ дакле мора невидимъ къ намъ отъ Неба посланъ быти, рекао э еданъ отъ ны мени доста мужествено равно и шеширъ съ главе снимаюћи; ербо люди немогутъ намъ у стаю нашему ништа помоћи. — Свака помоћь съ выше отъ Неба прихо ди, мой Господине, рекаосамъ я нѣму. Али хоћетели вы едному страному лицу казати, какобысе вамъ помоћи могло? ер-

босе

босе мени доиста чини, дасте вы у великой нужди. Ясамъ васъ видѣо, кадсте на суво дошли, и какосте еднога отъ оны безчеловѣчниковъ молили, коису съ вама дошли, и тосамъ видѣо, да э еданъ башъ вечь мечь дигао быо, да васъ погуби.

Съ сузами, коесу нѣму преко лица текле, трепещущъ и аки сасвимъ изванъ себе, рекао э овай добри человѣкъ: говоримли я съ Божеством или съ каковимъ человѣкомъ? ели истини человѣкъ или Небесни Ангелъ? — Немойтесе о томъ ништа бринути Господине! рекаосамъ я нѣму, кадбы Богъ вами Ангела на помоћь хотѣо послати, тобы онъ у лепши халина, и сасвимъ другимъ оружїемъ вами предстао, нежели што мене овде видите. Само васъ любезно молимъ. Ясамъ человѣкъ и башъ Англезъ, и есамъ благонаклонъ, како што сами видите, вами помоћи. Я само еднога служителя имамъ, али оружїя и што къ тому надлежитъ доволно: кажите намъ просподушно, можемоли мы вами помоћи? и како ствар съ вама стоитъ.

То э Господине, рекао э онъ, дуго казивати, а наше убїйце стоятъ близу насъ. Дакле у две тры речи и кратко. Ясамъ Господинъ отъ едне лаће быо; и мои

люди скочилису, и започелису ребелїю противъ мене, и едвасамъ ихъ съ великимъ трудомъ къ тому склонїо, да мене неубїю. Напослѣдокъ, то есть, донелису мене овде на ово пусто мѣсто съ овима двѣма людма, отъ коихъ э еданъ корманошъ а другїй э путникъ, на суво; и овде ништа другога неочекуемо нежели погинути, ербо мы мѣсто ово за пусто держимо, їоштъ незнамо, шта о нѣму мыслити имадемо.

Гдису дакле овы безчеловѣчницы ваши непрїятели? рекаосамъ я, незнатели, камосу отишли? — Ондесу они Господине рукомъ на едну густу шумицу показуюћи; сердце мое отъ страха стрепи, ако они видѣли или насъ говореће чули будутъ; ако та несреća буде, тоћеду они насъ башъ свїю потући.

Имадули они оружїя сасобомъ, запитаосамъ я. Само два комада отговорїо э онъ, а трећису у чамцу оставили. — Добро дакле, а друго све само мени изоставите. Онису сви, како што я видимъ заспали; тобы врло мало труда стаяло ны свїю потући, али э болѣ да мы ны свїю заробимо? — Али међу ныма имаду два верло опака бездѣлника, отговорїо э онъ мени, коима едва безбѣдность и милость позво-

литисе

литисе можетъ; кадбысмо само ову двоицу дочепати могли, то несумнямъ послѣ нимало, да другїи къ должности своей вратилисе небы. Ясамъ запитао нѣга, какошилисе небы. Ясамъ запитао нѣга, какошилисе небы. Ясамъ запитао нѣга, какош

тимъ держимъ за найболѣ средство на еданъ кратъ на ны опалити и ватру дати, докле їоштъ єпаваю. Ако еданъ или другїй абїе на первый удараць мертавъ неостане, и хотеобысе предати, то мы нѣму животъ поклонити можемо; а проче ударце нека провидѣнїе Небесно управля.

Онъ э врло смирено рекао, дањему врло жао быти, ако ихъ убїемо, и акосе то премѣнити може; али преко свега они ободвоица былибы опетъ неисправлѣни бездѣлницы и причина и почетакъ сваке невѣрности и буне на лањи; и акобы ихъ живе умакнути испустили, тобысмо опетъ свагда изгублѣни были, ербо бысу они опетъ на лању отишли и све лањаре овамо довели, и насъ свїю живота лишили. Добро дакле, нуждность сама потверждава овде мой совѣтъ, и то э дакле цыгли еданъ путь и средство жизнь нашу спасти. А кадсамъ я нѣму казао, да я никада то видѣти и къ тому нисамъ склонѣнъ, кровь пролити, то рекаосамъ я нѣма стваръ ныну самимъ чинити, како имъ драго, и како за добро нању, и да я иначе ништа чинити незнамъ.

Усредъ овога нашега разговора, чулисмо, дасу нѣкои отъ ныхъ већь пробудилисе,

лисе, и абїе затимъ видѣлисмо, дасу двоица већь на ноге устали. Запитаосамъ нѣга, нїели еданъ међу овима отъ они подбадача, кои ребелїю дижу? Нїе ни еданъ, рекао э онъ. Добро дакле, рекаосамъ я нека идутъ, и ны э провидѣнїе само, како мыслимъ, пробудило себе у овому часу спасти. И ако вамъ они другїи умакну, тоће дакле ваша сама кривица быти.

Съ овима моима речма возбужденъ узео э онъ мушкету, коюсамъ я нѣму дао, у руке, заденуо э пиштоль за поясъ, такожде и свакїй нѣговихъ содружниковъ узео э оружїе у руке. Обадвоица нѣговихъ содружниковъ, коису напредъ ишли, учинилису нѣки шумъ, на коесе еданъ лањаръ, кои э устао быо, осврнїо, и кадъ э ны идуще видѣо, къ другимъ повикао: Али э то већь касно было, ербо у тому истому часу опалише обадвоица содружницы Капетанови, а међу тимъ э онъ самъ ударацъ свой мудро сачувао. Онису обаче тако добро свое предмѣте потрефили, да э абїе еданъ отъ оне двоице Ребелїантовъ на мѣсту мертавъ остао, а другїй смертно уранѣнъ быо. Али да онъ абїе мертавъ нїе остао, пошао далѣ и выкао э за другима жалостно за помоћь. Али э Капетанъ къ

нѣму

нѣму говорећи фришко дошао, већь э касно за помоћь выкати; болѣ э да онъ Бога на помоћь зове, дабы онъ нѣму нѣгова беззаконїя опростїо, и съ тимъ нѣга съ кундакомъ по глави треснуо, да онъ выше никакове речи далѣ непроговори. Садсу были дакле їоштъ троица у содружеству, и еданъ быо э такожде, али лако уязвлѣнъ. Међу тимъ дошаосамъ и я на то, и кадсу они погибель ныну видѣли, да отнюдъ нїе можно ныма противостати, сталису они за милость молити. Капетанъ э рекао, даће имъ животъ поклонити, ако они нѣга увѣре, даћеду они предателство и невѣрность, коимсу себе повине учинили презрѣти, и заклетисе, нѣму вѣрно спомоществовати лаћу опетъ добити, пакъ послѣ у Ямайку, откудасу и дошли, опетъ натрагъ возвратитисе. Они дакле дадоше нѣму сва возможна увѣренїя свое искрености, коясусе икадъ захтевати могла, и онъ э склонѣнъ быо, ныма вѣровати и животъ поклонити, на противъ чега я ништа чинити нисамъ могао; него само затимсамъ настаяо, да онъ ны, доклесу годъ овде на острову, и у ногахъ и у рукахъ свезане держитъ.

Докъ

Докъ э то све тако траяло, послаосамъ мога неустрашимога Петка съ Капетановимъ Корманошемъ къ чамцу, таковы дочепати у руке, и весла и парусъ отяти, кое э такожде и было. Абїе затимъ дошлису їоштъ троица отъ разсѣяни морепловцевъ, коисусе ныномъ срећомъ отъ други отдѣлили были, на гласъ пушке, когасу чули, натрагъ, и кадсу свога Капетана, кои э мало преће нынъ робъ быо; већь аки побѣдителя предъ собомъ видѣли, былису абїе покорни себе свезати дати, и наша побѣда была э полно совершена.

Садъ већь ништа далѣ остало нїе, него да мы, Капетанъ и я наша обстоятелства ближе еданъ другому познати дадемо. Ясамъ дакле почетакъ учинїо и нѣму цѣло житїе мое исказао, кою э онъ съ таковомъ позорностїю, коя э заудивлѣнїе была, слушао; особито зачудїосе онъ о чудесномъ начину, какосамъ я съ средстви препитанїя и барутомъ снабдѣнъ быо, и дѣйствително увукласе э нѣму повѣсть моя, ербо э она сасвимъ порядокъ чудесни была, дубоко у сердце. А кадъ э онъ свое разсмотренїе о мени на себе окренуо, и размыслїо, дасамъ я овде, какосе нѣму учинило, башъ зато сохранѣнъ быо; дабы у овому часу животъ нѣ-

говъ

говъ избавіо, потекоше нѣму сузе преко лица аки бисеръ една за другомъ, и онъ ніе могао далѣ ништа говорити.

Кадсе већь повѣсть ова окончала, увесамъ нѣга и двоицу нѣгови люди у мое собе, и то онимъ истимъ путемъ, коимсамъ на полѣ излазіо, то есть: преко верха обиталища, овдесамъ ны съ онимъ, штосамъ кодъ руке имао, угостіо, и све показао, штосамъ себи у времену мога долгога пребыванія на овому мѣсту за мою потребу и угожденіе измыслію и начинію.

Све штосамъ я ныма показао, све штосамъ ныма говоріо, было э ныма за врло велико удивлѣніе; али отъ свію други вещи чудіосе Капетанъ о устроени мога града, и какосамъ я мое обиталище тако совершено съ лѣсомъ отъ дрвета сакріо, коя кадсу већь 20: година посаћена была, и дрвета или садъ овде много брже нежели у *Англіи* растутъ, већь у велику и густу шуму претвориласе, дасе крозъ ню нигди никоимъ начиномъ проћи ніе могло, нежели на оной едной страни, гдисамъ я мою малу скрозъ проходящую стазицу оставіо. Ово э рекаосамъ ныма, мой градъ и Резіденціа была, али я іоштъ къ тому едно другго лѣпно мѣсто увеселенія имадемъ, као што

што и многіи Прінцови имаду, гдисамъ я, кадмисе захтело, отићи могао себе увеселити, и коећу нѣму такожде приликомъ и временеммъ показати. А садъ э наша вещь разсмотрити, какоћемо лаћу опетъ предобыти. Онъ э у тому согласанъ самномъ быо, али каково средство къ тому предузети валя, рекао э онъ, да башъ отнюдъ незнаде, ербо іоштъ свагда 26: глава на лаћи имаде, кои кадсусе већь еданъ кратъ у овакову опаку ребелію упустили, чрезъ коюсу они сви по законамъ земалскимъ животъ проиграли и съ тимъ очаяніемъ бићеду іоштъ више ожесточени крайнѣ себе защищавати, ербо они добро знаду, да како у *Англію* или у кою *Англійскихъ Колоніяхъ* донешени будутъ, ништа друго нежели вѣшала очекивати имутъ; и число наше бытиће врло слабо на ны ударити.

Ясамъ о томъ, што э онъ говоріо, нѣкій часъ мыслію, и нашаосамъ, да э овай совѣтъ врло разуманъ быо, и да што скорѣе штогодъ изнаћи морамо, како годъ люде на лаћи изъ ненада у замку довући, тако исто ныма къ брегу приступити и насъ надвладати всячески воспятствовати. Овоми э абіе на паметъ дошло, лаћари чудећисе, кудасу ныни содружницы съ чамцемъ

цемъ доспѣли, хоћеду башъ извѣстно на другому чуну къ брегу доћи и ны потражити, и кадбы можетъ быти вооружени дошли, тобы они отъ насъ крѣпшій были. Ово э врло паметно было, како што э онъ мыслїо. Далѣ рекаосамъ я, дабы найболѣ было, што бысмо учинили, кадбы нынъ чамацъ, кои на суву лежи, разбили тако, да они нѣга выше небы потребовати могли.

Кадъ све отонудъ на полѣ узмемо, онъ може дакле свагда онако лежећь остати, кадсе онъ само нинашто више употребити не може. Отишлисмо дакле на чамацъ и узелисмо све оставше оружїе и што смо годъ друго тамо нашли, на полѣ; едну чутуру ракіе, едну са сладкомъ Англїйскомъ ракіомъ, нѣчто мало симипа, еданъ рогъ за барутъ, и едну велику груду шећера отъ 5. до 6тъ фунти у едномъ комаду платна завїену. Све э ово мени добро дошло было, особито обаче ракія и шећерь, отъ коихъ већь доста отдавно ништа имао нисамъ. Послѣ кадсмо све већь оттуда изнели на полѣ, (весла, катарку, парусъ и думенъ былису већь їоштъ преће снимлѣни) провалилисмо велику яму на средъ лаће, да небы они, ако бы ихъ и мно-

много дошло, насъ преобладати и чамацъ опетъ съ мѣста кренути не бы могли.

Доиста да рекнемъ, ясамъ їоштъ свагда слабу нядежду имао, даћемо мы лаћомъ обладати моћи: мое намѣреніе было э то, кадбысу они само безъ чамца опићи морали, то бысе друго све опетъ послѣ лако начинити могло, до они подъ вѣтромъ лежащихъ острова на нѣму отплити, и съ нашима пріятели Шпанїери путуюћи разговоритисе, ербосу ови мени їоштъ свагда у памети стаяли.

Послѣ какосмо уредбу нашу учинили, и перво са сѣомъ снагомъ чамацъ толико високо на суво извукли, да припливъ съ найвишомъ водомъ нѣга отплинути не може; и їоштъ къ тому велику рупу, коясе нїе лако зачепити могла, у чамцу провалили, и совѣтовалисе, штаћемо далѣ чинити; ондасмо чули, да э лаћа на морю еданъ топъ опалила, и видѣлисмо, да э знаменіе на полю на катарки за видѣніе изнешено было, да бы съ тимъ чамцу знаменіе дали опетъ къ лаћи натрагъ поћи, али всуе никаковъ чамацъ нїесе кренуо више!

Напослѣдокъ кадсу они видѣли, да э све ныно пуцанѣ и знаменія показиванѣ всуе было, и чамацъ никакови некрећесе,

усмотрилисмо средствомъ нашега пусула, да они други чамацъ на воду спустише и къ брегу повезошесе; а кадсу къ брегу ближе дошли, видѣлисмо ясно, да 1от люди у чамцу имаде и да ови оружіе са собомъ имутъ.

И будући да э лађа нына скоро 2. мїлѣ далеко отъ брега лежала, моглисмо мы ны дакле врло лако къ нама идуће видѣти, и башъ у лицу све люде познати. Ербо э припливъ ны малко восточнѣ отъ первога нынога чамца отбаціо, дакле моралису подъ брегомъ до онога мѣста возити, гдису они други пристали были и гдіе чамацъ лежао.

Овимъ начиномъ дакле ималисмо мы ны управо предъ очима и Капетанъ э све люде у чамцу познао, и мени извѣстіе о нынномъ карактеру и нарави дао. Троица међу ныма, рекао э онъ, дасу врло добри младићи, коису башъ извѣстно отъ они други къ овой ребеліи страхомъ, пређенѣмъ и насилствіемъ развращени и приморани были.

Али верховни корманошъ спроћу мога, кои э, како што быва, найстарїи Оффіцїръ међу ныма, и сви прочи такосу неваляни и опаки, коисе икадъ међу цѣлимъ мореплов-

пловства людствомъ наћи могу, и былибы башъ безъ сумнѣ при нынномъ новомъ предвзятїю до самога отчаянія доведени себе бранити, онъ дакле изъ овога узрока боисе врло, дађеду они насъ надвладати и несрећне учинити.

Ясамъ нѣму смѣюћисе рекао, люди нашега стања мораю верху дѣиства страха превознесени быти; ербо да мы већь садъ видимо, да свако станѣ, коесе икадъ помыслити може, болѣбы было, нежели оно, кое мы очекиватн можемо, то морамо дакле слѣдство, было оно смерть или животъ, свагда аки избавлѣніе разсмотравати. Ясамъ нѣга запитао, шта онъ дакле о моему жувоту мысли, и немыслили да онъ заслужава труда нѣга на играчку метнути, и себе еданъ кратъ отовудъ избавити? Гдіе садъ Господине она ваша прећашня вѣра, дасамъ я за избавити и спасти животъ вашъ овде сохранѣнъ быо, и коя э вами у кратко предъ тимъ толико много бодрости дала? Мени съ мое стране чинисе, да само една вещь кодъ цѣле ствари недостае. Шта э то кажитеми? рекао э онъ, то штосте вы казали, да међу ныма четворица честни люди имаде, коебы сачувати валяло; ербо кадбысу сви отъ оне опаке стра-

стране были, то бысамъ морао мыслити, да э ны свїю провидѣнїе Божїе опредѣлило у руке наше предати. Далѣ ослонитесе на то, да ткогодъ отъ они люди на сувоће, тай э доиста нашъ, и мора, какогодъ што нѣгово обхожденїе спроћу насъ заслужи, живити или умрети.

И будући дасамъ я ово съ постоянимъ гласомъ и неустрашимимъ и бодримъ сердцемъ изговорїо, усмотрїосамъ, да э то нѣга чрезвичайне бодрости напоило. И тако приправилисмо себе полни радости и дерзновенїя къ нашему намѣренїю. Заключилисмо дакле, како чамацъ усмопримо, робове наше еднога отъ другога раставити, и већсмо ихъ дѣиствително у полну безбѣдность ставили.

Двоицу отъ ови, коима Капетанъ нїе повѣренїя имао, послаосамъ я чрезъ Петка и еднога отъ оне двоице избавлѣнихъ у мою яму, гдису они доста далеко удалѣни были, и мы ништа боятисе неимадосмо, дакеду они видѣни или чувени быти, или бы путь на полѣ изъ шуме наћи могли, ако бы имъ срећа послужила отрѣшитисе. Тамосу они дакле свезани спаяли, дапасу ныма средства къ препитанїю и обѣщано было, акосе они за време кратко мирно содер-

держе, дакеду само за 2. дана свободу свою добити ; аколи имъ дяволъ мира недаде и ныма то у память доће да побѣгнутъ, тоћеду они безъ сваке сумнѣ абїе живота лишени быти. Онису дакле вѣрно обѣщали робство свое съ терпѣнїемъ поднести, и признаше нѣга съ благодарностїю, дасу они тако предсрѣтени были хлѣба и свеће добити, (ербо э Петко ныма свећа дао, коесмо мы сами правили и ови ни о чему ништа знали нису, нежели да э Петко ны на уходу яме чувао).

Іоштсу болѣ они други робови предсрѣтени были. Двойца отъ ови моралису такожде свезани быти, коима Капетанъ савимъ вѣровати нїе хотео! двоица обаче былису на Капетанову препоруку и на ныно торжествено обѣщанїе самномъ живити или умрети, у службу мою прїимлѣни. Съ ныма и съ ономъ тройцомъ честни люди, коесамъ я избавїо, броилисмо мы сви за едно 7. люди, и былисмо сви добро съ оружїемъ снабдѣни. Садъ я дакле нинайманѣ сумняо нисамъ, да мы нећемо съ ономъ десеторицомъ, коесмо очекивали, врло добро посао совершити и особито, кадъ э Капетанъ казао, да међу ныма 3. и до 4. честна мужа имаду.

Ка-

Какосу ови дакле на оно мѣсто, гдіе нынъ други чамацъ лежао, дошли, дошлису съ чамцемъ нынимъ на песакъ горе и изишлису на суво, и чамацъ на суво насукали, коесамъ я врло радо видѣо. Ербосамсе страшїо, да они чамацъ у отдалѣнїю на мачки неудержу и нѣколико люди тамо неоставу чамацъ чувати; гди мы небысмо у состоянїю были, нынога чамца дочепатисе.

Перво штосу учинили, кадсу веħь на брегу были, было э то, дасу сви къ оному другому чамцу оттерчали; и ласносе видѣти могло, дасусе они чрезвичайно зачудили, кадсу чамацъ отъ свега, што э на нѣму было, опустѣнъ и велику рупу у средъ нѣга нашли.

Кадсу веħь нѣкое време о томъ разсмотренїе держали, почелису два и до три кратъ изъ свега герла викати, да бы искушали, хоħедули ны ныни содружницы чути, али ево бѣде то э све всуе было. Затимъ собралисусе сви у кругъ густо, опалилису сви на еданъ кратъ пушке, коесмо и мы башъ добро чули, како отзивъ (ехо) изъ шума гласъ отъ пушака повторава. И то э врло мало ныма помогло; они штосу у ями были, нису доиста отъ тога ништа чути могли, о томусмо увѣрени

рени были, а они коису подъ нашимъ храненїемъ были, акосу то башъ и сасвимъ добро чули, усудитисе нису смѣли отговоръ на то дати.

Онису о томъ у таково чудо дошли, дасу они, како штосу намъ послѣ казали, веħь заключили были сви опетъ натрагъ къ лаħи ныной поħи, и содружникомъ своимъ сказати, дасу люди овде сви убїени и чамацъ до конца разлупанъ, онису дакле тога ради веħь чамацъ башъ дѣиствително на воду опетъ довукли, и сви у нѣга ушли.

О овому поступку ныному быо э Капетанъ крайнѣ устрашенъ и смутанъ, мыслеħи ониħеду опетъ къ лаħи ныной отиħи и послѣ съ лаħомъ на море отплити, а содружнике свое за изгублѣне казати, и тако лаħу свою на вѣкъ изгубити, кою э онъ мыслїо, даħемо ю задобиши натрагъ. Али э онъ и съ друге стране скоро опетъ у такови исти страхъ дошао.

Они съ чамцемъ своимъ їоштъ нису далеко отъ брега удалѣни ни были, кадсмо мы ны опетъ свїю за едно скуплѣне видѣли. Али сасвимъ себе другоянїе содержаваюħи; (коесу они доиста меħу собомъ уговорили были) онису 3. человѣка у чамцу оставили,

а другису на брегъ изишли, и потражилису по предѣлу свое содружнике.

Ово э гнусни заметакъ у нашему хесапу быо, ербо садъ нисмо знали, штоћемо чинити. Ербо они *7мъ* на брегу заробити нїе намъ ни къ чему помоћи могло, акобысмо чамацъ умакнути испустили, заштоће онъ къ лаћи отићи, кояће послѣ абїе мачке извући, и на пловъ отићи; и ондабы надежда наша лаћу опетъ задобити сасвимъ изгублѣна была.

Мы дакле никаково друго средство имали нисмо, нежели терпѣливо ожидавати и гледати, штоће намъ далѣ слѣдство на руку дати моћи. Они седморица люди изышлису на брегъ, и тройца, коoису у чамцу остали, отиснулису нѣга подалеко отъ брега, и спустилису мачку, да бы на содружнике свое чекали, и тако мы нисмо могли у чамацъ къ ныма доћи.

Они, коису на брегъ изишли, содержавалисусе на близу еданъ до другога, и пошлису управо къ верху бердашца, подъ коимъ э градъ мой быо, и мысмо ны ясно видѣти, ако они насъ и нису примѣтити могли. Намъ бы врло драго было, кадбысу они, ближе насъ дошли были, и мы на ны ватру дати мо-

могли; или да бысу далѣ отишли были, дабысмо мы ны на полѣ добити могли.

Кадсу они на верхъ берда дошли, гдису они далеки путь у долине и шуме, коесу къ сѣверной части острова найниже стаяле, прегледати могли; диглису велику вику, и викалису тако непрестано, доклесу годъ могли. Отъ брега удалитисе или еданъ отъ другога растатисе нису они посвой прилики хтели; ербосу они подъ едно 'дрво сѣли и вещь ову мећу собомъ далѣ разсуждавали. Мы више ништа желили нисмо, нежели да бы они хтели спавати лећи: али ево бѣде, онису много више отъ страха погибелїю напунѣни были, нежели дабысе усудили лећи спавати, башъ ако и нису знали, какове погибели страшитисе мораю.

При способу овога нынога совѣтованїя учинїо э мени Капетанъ еданъ зрѣли и мудри предлогъ. Безсумнѣ, рекао э онъ мени, даћеду они їоштъ еданъ кратъ ватру дати, дабысу содружницы ныни чути могли: пакъ онда, рекао э онъ, башъ кадъ они пушке избацу, на ны живо ударити, и такоћедусе они извѣстно предати, и мы ны безъ кровопролитїя заробити можемо. Овай предлогъ быо э мени поволянъ: само э

 мо-

морало то быти, кадъ већь доста близу будемо, на ны ударити преће, него што бы они пушке набити могли.

Али ово нїе тако пошло, како штосмо мы мыслили, и стаялисмо дуго времена незнаюћи, штоћемо започети. Найпослѣ рекаосамъ я ныма, да бы мнѣнїе мое было преће ништа непредузети, докле годъ ноћь небуде. И акосе не бы они къ чамцу ныному повратили, мы бысмо можетъ быти гдигодъ путь наћи могли, да бысмо међу ни и међу чамацъ дошли, и тако гдигодъ каковомъ ни будъ преваромъ оне изъ чамца на брегъ измамити.

Мысмо чекали ако башъ и съ великимъ нестерпѣнїемъ доста времена, да бысу они отишли, и былисмо о ныномъ долгомъ закоснѣнїю врло нестерпѣливи. Найпослѣ видѣлисмо, дасу они послѣ долгога совѣщанїя међу собомъ сви устали, и путь свои къ морю предузели. Учинимисе, да э ны велики страхъ о погибели, коейсу они ньде подвержени были, на заключеніе довео быо опетъ на лађу поћи, и содружнике свое за изгубльне обявити, и тако свое предузето путешествїе съ лађомъ и безъ ны предузети.

Тосамъ помыслїо, како я ны видимъ, да они къ брегу идутъ, како што э и было. Капетанъ, кадсамъ а нѣму мысли мое казао, быобы скоро отъ страха о томъ у несвестицу пао. Алисамъ абїе хитрость превареизмыслїо ны опетъ натрагъ домамити, кое э мени и преизрядно преуспѣло.

Заповѣдїосамъ Петку и Капетановомъ корманошу западнѣ на страну преко малога савитка или залива на оно мѣсто поћи, гдису дивяцы онда дошли были, кадсамъ я Петка избавїо; и кадъ већь едно полъ мїлъ далеко будутъ, абїе, како гдигодъ на каковъ узвитакъ доћу, изъ свега герла, какогодъ што могутъ, викати да имутъ, и толико дуго чекати, докле неусмотру, дасу морепловци башъ ны чули; и како крикъ и гласъ нынъ отъ овихъ отвѣтствованъ будетъ, опетъ викати започети, пакъ онда съ онога мѣста отступити, трагъ заметнути и свагда отговарати, кадъ годъ они вичу, и ны овимъ начиномъ толико далеко на островъ и у шуме домамити, колико э годъ можно, пакъ послѣ опетъ разними странпутицами окренутисе и къ мени доћи.

Онису башъ хтели у чамацъ ући, кадсу Петко и корманошъ изъ гласа викати спали,

ли, коесу они абїе чули, и кь ныма отговораюћи покрай брега южнѣ на гласъ, когасу чули, потекли, али себе на еданъ кратъ отъ савитка отоке удержане видѣли, преко кое они, ербо э вода врло високо нарасла была, прећи немогоше. Повикалису дакле за чамцемъ, да бы ны превезао, како штосамъ я доиста їоштъ и найпре мыслїо.

Превозећисе они, усмотріосамъ я, да, кадсу съ чамцемъ подобаръ комадъ у отоку савитка горе, и равно у нѣку зашкулину убѣга у нутра ушли были, они еднога отъ оне троице у чамцу бывше съ собомъ узеше, а другу двойцу опетъ у чамцу оставище, послѣ какосу чамацъ о едномъ маломъ паню кодъ брега свезали и утвердили.

Ово э дакле было оно, штосамъ я желїо. Абїе узеосамъ я оставивши Петка и Капетановогъ корманоша (думенћїю) кодъ ынога дѣла — проче све сасобомъ, и тако прешлисмо преко отоке тайно, да они насъ видѣти нису могли, ударилисмо на ону двоицу у чамцу преће, нежели штосу они насъ смотрили. Еданъ отъ ови лежао э на брегу, а другїй было э у чамцу. Онай, кои э на брегу было, полакъ спаваюћи а полакъ будањ хтео э башъ устати, кадъ э Капе-

петанъ, кои э напредъ ишао, кь нѣму потерчао и нѣга абїе кь земли поразїо, и затимъ ономy у чамцу повикао: дасе предати имаде, илиће абїе животъ изгубити.

Еднога человѣка преволети дасе преда, нїе требовало много говора, кадъ э онъ 5 люди на себе и свога содружника убїена видѣо: и преко тога было э овай, каконамсе учинило, еданъ отъ оныхъ, кои нїе као прочи на невѣрству участїя имао, и даосе дакле їоштъ лакше преволети не само себе предати, него їоштъ послѣ и искрено кь нашей страни придружити.

Међутимъ учинилису Петко и Капетановъ думенћїа свою вещь съ прочима врло добро, ербосу ови ны непрестанимъ викањемъ и отзиванѣмъ отъ еднога берда кь другому, и отъ едне шуме кь другой мамили, докле годъ они несамо штосусе сердечно утрудили, него їоштъ и на таково мѣсто доћи премамилисе, гдису увѣрени были, да они башъ извѣстно кь чамцу своему до сутона доспѣти немогутъ. И наши люди былису доиста доволно утруждени, кадсу већь кь намъ напрагъ дошли.

Садъ намъ већь нїе ништа далѣ остало, нежели у темности на ны вребати, пакъ онда сасвимъ свободно на ны ударити.

Те-

Текарѣ послѣ многи часовѣ, како э Петко већь къ мени натрагъ дошао быо, дошлису они къ ныному чамцу натрагъ, и моглисмо оне перве, преће него штосу савимъ онамо дошли были, стражнимъ выкаюће чупи, и ове послѣднѣ моглисмо чути, како они тужећисе отговараю, какосу отъ многога хода трудни и скоро ошанташили, и како нїе можно, да бы они берже ићи могли, кое э мени врло радостно чути было.

Найпослѣ дошлису већь къ чамцу: али чудо ныно нїе описати могуће, кадсу они чамацъ твердо на суву у отоки сѣдяцъ, отплившъ уступлѣнѣ и обадвоицу своихъ содружниковъ оттуду удалѣне видѣли. Мысмо ны тужителнимъ начиномъ еданѣ другому выкаюће и сказиваюће чупи могли, дасу они на нѣку дяволску чародѣиствену Аду дошли. И или мора жителя на ей быти, отъ коихѣеду они сви убїени быти: или сами дявола и хавештиня, коиѣеду ны у воздухъ дићи и све растергати.

Онису опетъ започели викати, и викалису своимъ содружникомъ многократно, и често именемъ, али све всуе, отговоръ никаковъ на то нїе изслѣдовао. Мало запимъ моглисмо мы ны при послѣднихъ солнечнихъ

чнихъ лучахъ сутона сѣмо и овамо терчеће и равнѣ отчаяникомъ подобне руке плескаюћи видѣти, кадъ кадъ отишлису и сѣлису у нынѣ чамацъ, дабы отпочинули, пакъ опетъ на брегъ дошли и терчали сѣмо и овамо, и тако непреривно часъ ово, часъ оно предузимали.

Мои люди былибысу ради, кадбысамъ я ныма допустїо быо у мраку на ны на еданъ кратъ и внезапу ударити; алисамъ я то болѣ уредїо на ны съ користїю напасти и съ тимъ ны уязвити, и мало убити, коликое могуће: особито нисамъ я хтео животъ ни еднога мои люди у погибель метати, ербосамъ знао, дасу сви други съ оружїемъ врло добро снабдѣни были.

Заключїосамъ дакле їошть мало чекати и видѣти, нећедулисе они растапи. Поступїосамъ дакле дабысе ны їошть извѣстнїе дочепати могао, съ моимъ засѣдомъ ближе, и заповѣдїосамъ Петку и Капетану, да на ногахъ и рукахъ (чепвероножке) колико годъ ближе могутъ, да не бы видѣни были, онамо къ нима допужутъ, и преће на ны неопалити, доклесе гогъ доволно близу не прикуче.

Они у овому станю нису дуго ни были, кадъ э верховный думенѣїа, кои э найглавнїи

нїн коловоћа ове цѣле ребелїе быо, и себе измећу свїю найпакостнїега и невалянїега показао, їошть съ двоицомъ отъ ове чете на ны дошао. Капетанъ, кадъ э већь найвећега овако доволно у своей власти видѣо, быо э тако возбужденъ, дае едва толико терпѣнїя имао нѣму ближе приступити дати, да э онъ нѣга извѣстно трефити могао; ербосу они нѣга досадъ само поговору познавали. Али кадсу они ближе дошли, скочилису Петко и Капетанъ на еданъ кратъ и опалилису пушке на ны.

Верховный думенжїа оспао э на мѣсту мертавъ; а ближи до нѣга танетомъ крозъ тербу протрескань, и пао э абїе къ земли, ако э онъ башъ текарь послѣ 2. часа умро; и трећи э, како э годъ терчати могао, побѣгао.

На гласъ первога ударца пошаосамъ я абїе съ цѣлимъ моимъ полкомъ онамо, кои э већь садъ 8. люди быо, а наймено: я аки Фелдмаршалъ, храбри Петко мой Генералъ Лаитенантъ, Капетанъ и нѣгови двойца люди, и она тройца воени робови, коимсмо оружїе повѣрили.

Колико э насъ у числу было, они нису знали, ербосу отъ насъ у мраку нападени были, и ясамъ заповѣдїо оному отъ ныхъ у

у чамцу оставшему человѣку, кои э садъ већь на нашой страни быо, ны именемъ зовнути, дабы искушали, нећемоли ихъ къ разговору, и послѣ можетъ быти къ погодби приволети моћи. То э пошло дакле какосмо годъ мы желили, и моглосе э доиста при онаковомъ станю, у коемусу они онда были, такожде лако мыслити, дањеду они врло охотно приправни быти, у сваки уговоръ вступити. Онъ э дакле повикао еднога измећу ны изъ свега гласа: Ѳомъ шмїтъ! Ѳомъ шмїтъ! Ѳомъ шмїтъ отговорїо э на то абїе: и повыкао э, тко зове? Нисили ты? Робїнзонъ? — ербо, какомисе учинило, онъ э нѣга по гласу познао. Есть, есть, отговорїо э онай другїй, за име Божїе Ѳомъ шмїтъ баци твое оружїе безтрага и предайсе, или вы сви у овому часу сынове смерти будете!

Комућемо мы насъ предати? гдису они, отговорїо э Ѳомъ шмїтъ — овдесу они! овдесу! рекао э овай другїй; нашъ Капетанъ и 50. люди, кои васъ већь читава 2. сата тераю. Вїллъ Фрїе есть ранѣнъ а ясамъ заробљѣнъ, и акосе вы не предате, тосте доиста сви пропали.

Али хоћедули они нама пардонъ дати? рекао э Ѳомъ шмїтъ, тако хоћемосе дакле

пре-

предати. — Ако вы то обѣщаете, рекао э Робінзонъ, тоћу я дакле онамо иѣи и запитати. Онъ э дакле питао Капетана, и Капетанъ э самъ отговарао: ты Ѳомо шмїте ты познаешъ добро мой гласъ; ако ваша оружїя положите и себе предате, тоѣе вамъ дакле животъ свима поклонѣнъ быти, окромъ Віллъ Актїна.

Ахъ за волю Божію, повикао э Актїнъ, Господине Капетану! штосамъ я учиніо? та и онису други сви тако опаки были као и я! — кое (мимогредъ) нїе истина была; ербо овай Актїнъ быо э перви; кои э абїе съ почетка буне и ребелїе руку на Капетана дигао и нѣга найгоре и найнепристойніе предсрѣо, ербо э онъ нѣму многе поругателне, и безчестне речи изговореѣи руке свезао. Но Капетанъ э остро рекао, дасе онъ абїе на милость или немилость предати и оружїе положити имаде, а друго све хоѣе на самой милости Губернера стояти, кога э мене мыслїо, ербосу мене и другїи сви Губернеромъ називали.

Съ еднимъ словомъ положилису они сви оружїе и молилису за животъ свой, на коесамъ я онога человѣка, коисе съ нима разговарао и їоштъ тройцу другу къ нима послао и свїю свезати заповѣдїо. Затимъ по-

пошла э моя велика войска отъ 50 люди, коя особито числеѣи и ову тройцу не изъ више нежели изъ 8: люди состояше, и покорила э ны свїю съ чамцемъ за едно подъ свою власть, само я, и їоштъ еданъ самномъ изъ особни владѣтелни, и полїтїчни причина себе видѣти дали нисмо.

Перво дакле, штосмо чинити имали, было э то чамацъ опетъ поправити и на завоеванїе лаѣе мыслити. Капетанъ, коисе садъ съ нима сасвимъ поволи разговарати могао, бацїо э ныма ныно безчеловѣчно предвзятїе и злобу нынога їоштъ далшега намѣренія на очи, и какоѣеду они напослѣдокъ башъ необходимо у нужду и неволю, и можетъ быти башъ на сама вѣшала доведени быти.

Онисусе сви врло раскаятелни показали, и молише сердечно за нынъ животъ. Штосе тога дотиче, рекао э онъ ныма, да они нису нѣгови, него Губернатора и властителя отъ острова робови. Онису мыслили, дасу ны на какову пусту Аду довели, али э Богъ изволїо, да то тако буде, дасу они нѣга на поселѣни островъ довели, и Губернаторъ башъ прави Англезъ быти мора. Онъ можетъ ни свїю обѣсити дапи, ако само воля нѣгова буде, али э онъ

сви-

свима ныма пардонъ дао, то дакле намѣра-ва онъ свїю у Англїю послати, да онде прїимутъ награжденїе, коесу нына славна дѣла заслужила; кромѣ еднога Актїна, коему онъ на заповѣсть Губернера казати мора, дасе онъ къ смерти приправити имаде, ербоѣе онъ сутра обѣшенъ быти.

Ако э онъ то башъ и све самъ измысліо быо, то э ово опетъ желаемо дѣиствїе имало. Актїнъ э пао на колѣна и молїо э Капетана, да бы онъ толико милостивъ быо кодъ Губернатора за нѣга молити, да бы нѣму животъ поклонїо, и сви други молилису за волю Божїю, да ны Губернаторъ небы у Англїю послао.

Садъ э мени на паметъ дошло, да э време мога избавлѣнїя вечь кодъ куће, и даће врло ласно быти ове лупеже до тога склонити, дакеду они себе къ обладанїю лаће употребити дати. Ясамъ међу тимъ отстрагу у мраку стаяо, да они видѣти небы могли, каковога страшнога Губернатора они имаду, и послѣ завнуосамъ Капетана къ себи. Кадсамъ викнуо, кое э у доста великомъ отдалѣнїю было, имао э еданъ отъ наши люди налогъ Капетану казати: Господинъ нына Ексцелленцїа Господинъ Губернаторъ васъ позиваю, и абїе отговорїо

э

э нѣму Капетанъ: Скажи ныной Ексцелленцїи, яђу абїе овай часъ на служби быти. Ово э ны їошть више у ныной мысли укрѣпило; и мыслилису сви вообще вечь извѣстно, да э Губернаторъ съ 50 люди вечь сасвимъ близу.

Кадъ э Капетанъ къ мени дошао, казаосамъ нѣму планъ намѣренїя мога лађу завоевати, кои э нѣму врло поволянъ быо, и абїе заключїосамъ нѣга слѣдующи данъ произвести.

Дабы дакле нѣга съ вечимъ вѣжествомъ способности произвести, и доброга слѣдства сасвимъ извѣстни были, рекаосамъ я нѣму, да мы робове раздѣлити морамо. Онъ дакле да имаде онамо отиђи, Актїна и їошть найгору другу двоицу узети и свезане у яму, гди и они другїи лежатъ, послати. Ово э было Петку и онима двоицы людма наложено, коису съ Капетаномъ на суво дошли.

Онису дакле ове у яму аки у тавницу отвели, али доиста и было э врло страшно мѣсто особито за люде ныноѓа станя.

Оне друге заповѣдїосамъ къ моему лѣпшему мѣсту увеселенїя, какосамга називао, довести, о коемусамъ вечь обилно описаніе учинїо. Да э ово мѣсто ограђено и

они

они свезани были, то э мѣсто дакле доста постояно было, и они и безъ тога ради свога обхожденїа моралисусе у паметъ узети.

Къ овима послаосамъ сутра данъ Капетана, дасе съ нима разговори и ны искуша, пакъ онда мени да кажетъ, немыслили онъ, дасе ныма повѣриши може съ ныма къ лаћи поћи и таковую напасши. Онъ э съ ныма говорїо о увређенїю, коесу они нѣму учинили и о ныномъ садашнѣму состоянїю. Истина да э Губернаторъ ныма животъ поклонїо штосе садашнѣга преступлѣнїя допицало, аколи онъ ны у Англїю пошлѣтъ, тоћеду они башъ извѣстно сви обѣшени быши. Аколи они нѣму садъ у нѣговому праведному предвзятїю спомогашелни будутъ лаћу опетъ завоеваши, то хоће онъ дакле кодъ Губернатора издѣиствоваши, да ныма ништа зло случишисе неће.

Ово лако представиши можемо, како э радостно овай предлогъ отъ люди ныног стања прїимлѣнъ быо. Онису пали сви предъ Капетаномъ на колѣна и обѣцалису съ страшномъ заклетвомъ, даћеду нѣму до капи крви вѣрни быши, и животъ свой аки даръ отъ нѣга почитоваши, и съ нимъ до крайнѣ часши свѣта поћи; и докле годъ живутъ,

живутъ, хоћедуга за свога правилнога отца признаваши.

Добро дакле! рекао э Капетанъ. Дакле я идемъ и принесшићу што Губернашору, шшосше вы мени сказали, да видимъ, шшоћу учиниши моћи, да бы нѣгово дозволенїе къ тому добиши могао. Онъ э донео мени извѣсшїе о наумнѣнїю, у коему э ны нашао, и да онъ башъ извѣсшно вѣруетъ, даћеду они вѣрни быши. Мы обаче дабысмо сасвимъ безбѣдни были, рекаосамъ я нѣму, да онъ їошшъ еданъ кратъ онамо къ ныма отиде, петорицу отъ ныхъ отдѣли: и ныма само толико скаже: да мы о людству никакова недостатка неймамо, то вы добро видите; яћу дакле ови 5 люди аки спомоћнике сасобомъ узеши, Губернеръ обаче хоће ону двойцу и ону тройцу, коису већь као робови у градъ послани, на мѣсто овихъ 5: вѣрности ради у залогу удержаши, акобысе ови усудили при нашемъ предвзятїю невѣрность какову учиништи, то дакле они петорица у залогу сѣдящи поруцы хоћеду сви еданъ до другога живи на брегу обѣшени быши.

Ово э врло остри изгледъ имало и ны увѣрило, да Губернаторъ никакове шале непроводи. И мећутимъ ныма никаково

 дру-

друго средство нїе остало, нежели понуђенѣ или предлогъ овай пріимити, и ово э какo робовомъ, тако їошть выше Капетану на сердцу лежало и тиштало ону петорицу преволети, дабысу они дужность свою вѣрно чинили.

Наша власть и сила кь нашему предвзятїю есть овако раздѣлена была 1) Капетанъ нѣговъ думенђїа и онай путникъ 2) Затимъ она двоица робови отъ перве чеће, коимасамъ я по увѣренїю Капетанову о честности ныной свободу даровао, и оружїе повѣрїо. 3) Она обадвоица друга, коесамъ досадъ у сѣницы моей свезане держао, али на рѣчь Капетанову освободїо. 4) Ова петорица, коису найпослѣ освобождени; тако да э ны 12 у числу было, кромѣ оныхъ, коису аки емцы у ями хранѣни были.

Ясамъ запитао Капетана, хоћелисе онь смѣти усудити сь овимъ людствомъ на лађу ударити? ербо штосе Петка и мене дотицало, то дакле ради они 7: робова небы добро было, да и мы сь ныма поћемо, и имаћемо доста посла воспятствовати, даее они заедно собрали небы, и ны сь средствами, препитанїя снабдѣвати.

Што-

Штосе оне петорице у ями дотицало, намыслїосамъ такове свезане держати; и Петко морао э ны 2: кратъ сь еломъ и пићемъ снабдѣвати, и заповѣдїосамъ думенђїи и оному путнику, да они ємо до нѣкоего извѣстнога мѣста донесу, гди э Петко то узео и робовомъ у яму уносити морао.

Было э у присутствїю Капетановомъ, кадсамъ я себе оной двоицы поруковъ перкадсамъ я себе оной двоицы поруковъ перкадсамъ я себе оной двоицы поруковъ перк

вѣка. А онъ самъ, нѣговъ думенжїа, и їошть петорица другихъ ушлису у другїй чамацъ. Онису ствари свое тако добро уредили, дасу башъ около полноћи къ лаћи дошли. Кадсу већь толико близу дошли были, дасу ны већь у лаћи чути могли, стао э Капетанъ къ ныма именемъ Робїнзонъ выкати и казати, дасу они люде нашли и у чамацъ довели, али э дуго траяло, доксу они ны нашли и т: д: и тако непреривно съ ныма спрдати, докле годъ нису съ праве стране къ лаћи дошли. Овдесу скочили Капетанъ и нѣговъ думенћїа съ оружїемъ у рукахъ на лаћу горе, и абїе манѣга думенћїю, и дунћерина отъ лаће (шектора) кундакомъ отъ пушака упукли, при коемсу люди наши ы ма изрядно и вѣрно служили. Свїю другихъ, коису по крову лаће лежали, дочепалисусе они абїе, и башъ хотѣлису вратаоца отъ крова затворити и съ тимъ оне друге, койсу унутра были, задержати, кадсу они изъ другога чамца съ преднѣ части лаће продрли, и преднѣ крѣпости и врата, коясу у кухиню водила, дочепалисе, и троицу люди, коесу онде нашли, заробили.

Кадсу съ тимъ готови блыи и на крову съ поля све свободно было, заповѣдїо э Капетанъ Думенћїи съ троицомъ людма у собу

собу продрети, гдїе новый Капетанъ спавао. Али э овай, кадъ э ларму чуо, већь устао было, и себе їошть съ трима людма покрай себе съ оружїемъ снабдѣо. Кадъ э већь Думенћїа врата съ силомъ изставїо и на землю свалїо, бацїо э Капетанъ съ троицомъ свои люди ватру међу ны, ранїо э Думенћїю нашега и нѣму танетомъ скоро руку смрскао, и їошть двоицу нѣгови люди, али никога нїе на мѣсто убїо.

Думенћїа э за помоћь повыкао, и несматраюћи што э уязвлѣнъ, ушао э опетъ у собу унутра, и танетомъ изъ пиштоля новому Капетану тако главу протрескао, да э нѣму тане кое э на уста ушло, кодъ уха опетъ, на полѣ изишло, и онъ далѣ ни слова говореће къ земли погрузїося. Затимъ сви другїи предалисусе абїе, и лаћа э већь дѣйствително безъ изгублѣнїя выше люди преобладана была.

Како э лаћа овимъ начиномъ већь зароблѣна была, дао э Капетанъ 7 топопа аки међу нама уговорени знакъ побѣде опалити, коимъ э онъ мени о исходу предвзятїя вещи дати морао. Помыслити лако можемо, какосамъ я радостань было знакъ овай чути башъ до 2: сата уютру на брегу стражећи и чекаюћи.

По-

Послѣ какосамъ ово знаменїе ясно чуо, легаосамъ спавати, а будуѣи да э данъ овай за мене врло тежакъ и труда полнъ быо, спаваосамъ врло добро, докле нисамъ звукомъ отъ топа уплашенъ быо. Скочїосамъ абїе горе и чуемъ, да мене ткогодъ именемъ Губернаторе! Губернаторе! выче. Ясамъ абїе гласъ Капетановъ познао и попеосамсе на брдашце, гди э онъ стаяо и рукомъ лађу показуюѣи мене загрлїо. Драгоцѣнный друже и избавителю мой, рекао э онъ затимъ, онде э лађа ваша; ербо э она сасвимъ ваша, и све што э на лађи, и мы сви, и све есть ваше. Ясамъ абїе очи бацїо онамо, и усмотрїосамъ ю рецы едно полъ мїлѣ далеко отъ брега приставшу; ербосу они абїе, какосу лађу завоевали, мачке извукли, и будуѣи да э лепо време было, у право спроћу наустїя малога убѣга опетъ мачке спустили и съ лађомъ стали, а Капетанъ, ербо э припливъ высоко ишао, съ своимъ малимъ чамцемъ близу онога мѣста, гдисамъ я первый кратъ съ моимъ сплавомъ дошао, и тако управо предъ мои врати стао.

Съ почетка быобысамъ скоро отъ ужаса и чуда у несвѣстицу пао; ербосамъ видѣо дѣйствително освобожденїе мое оче-

видно

видно у рукахъ, све къ тому готово и приправно, и велику лађу, коя э само на то очекивала мене повести онамо, куда я захтевати будемъ, и съ почетка нисамъ у состоянїю быо за дуго времена ни едну речь проговорити; а кадъ э онъ мене на руке свое узео, держаосамсе добро за нѣга, иначебы доиста на землю пасти морао.

Онъ э страхъ мой абїе примѣтїо, и извадїо э флашу изъ жепа и мени лѣкарство за укрѣплѣнїе сердца дао, кое э онъ къ овому намѣренїю ссобомъ донео. Послѣ напитка онамѣренїю ссобомъ донео. Послѣ напитка овога сѣосамъ на землю и прошло э їошть доста часа, доксамъ опетъ кою рѣчь проговорити могао.

Цѣлога овога часа быо э овай добрїй мужъ како годъ и я изванъ себе, само што нїе тако у чуду быо као я, и изговорїо э тысящу дружескихъ и прїятнихъ вещи мене разговорити и опетъ у совѣсть довеспи: али тако э велика и силна волна радости у персѣхъ моихъ была, да э она сва одушевлѣнїя моя у смущенїе довела. Напослѣдокъ протргласе она у саме грозне сузе, и ясамъ затимъ опетъ говорити почео.

Сѣдсамъ я нѣга опетъ отъ мое страше умилно загрлїо, и то аки избавителя мога, и купно обадвоица чувствовалисмо не-

описану сладость радости. Ясамъ нѣму рекао, да я нѣга аки мужа, кои э отъ Бога самога мене освободити посланъ, почитуемъ, и цѣла вещь ништа друго, нежели порядокъ сами чудеса быти видится. И дасу овакове вещи, као штосу ове, явна свидѣтелства, коя мы отъ тайне деснице провидѣнія имадемо, коя свѣтомъ влада и управля, и явно доказателство, да око безконечне власти и всемогућства, и у найсакривеніе затворе (уголъ) свѣта видитъ и проницаетъ, и бѣдному и страждущему помощь послати можетъ, како произволитъ.

Но я при свему нисамъ заборавіо сердце мое кь Богу благодарно возвысити. И коебы сердце изоставило было онога Бога славити, кои не само што э чудеснимъ начиномъ за еднога человѣка у оваковой пустыни и у оваковому бѣдному спаню попеченіе имао нѣга сь храномъ снабдѣвати, него о коему їоштъ и признати морамъ, да свако избавлѣніе и помоћь отъ нѣга самога сасвимъ приходитъ?

Овако нѣко време еданъ сь другимъ забавляюћисе рекао э Капетанъ, да э нѣка мала укрѣплѣнія за мене сасобомъ донео, каковихъ э на лаћи имао, и коя ови бездѣлницы

ницы, доклесу они нѣгови Господари были, їоштъ опустили нису. Затимъ повыкао э гласно къ чамцу, и заповѣдіо своимъ людма, дабысу вещи, коесу за Губернера опредѣлене, на суво изнели. И доиста то э такови даръ быо, башъ као дабы я дѣйствителни какови Губернаторъ быо, а не онакови, коиће сь нима поћи, него непрестано на острову остати и ны безъ себе оправитибы имао.

Перво, донесао э онъ едну флашу преизрядне мирисливе воде: (кордіалъ) 6 велики флаша медерскаго віна свака отъ 2 мѣре, 2 фунте доброга дувана, 12 комада насолѣнаго говећега меса, и 6 комада свинскога меса, еданъ пунъ жакъ грашка, и рецы 100 фунти симита.

Донесао э еданъ велики сандукъ шећера, еданъ бѣлога фінога брашна, еданъ пунъ жакъ лімуни, и їоштъ множество други вещи. Али преко тога їоштъ и што э мени тысяцу кратти милїе и дражїе нежели све проче было, што э онъ мени полъ туцета чисти и нови кошуля, 6: врло добри марама на вратъ 2: пара рукавица, еданъ паръ цыпела, еданъ шеширъ, еданъ паръ чарапа, и едне нѣгове халине донео, коесу їоштъ врло добре и мало ношене быле, сь еднимъ словомъ онъ э мене отъ главе до ногу одену.

Лако

Лако дакле помыслити можемо, каковъ э ово благодѣтелни и радосни даръ за еднога человѣка моега станя быти морао. Али у свѣту ништа гадніе, хапльвіе и неугодніе ніе быти могло, нежели штосу ове халине мени быле, кадсамъ ихъ первый кратъ обукао.

Кадъ э већь ова церемонія прошла и све ове изрядне вещи у мое малое обиталище донешене быле, почелисмо совѣтъ держати, штоћемо съ робови, кое имадемо, чинити? ербо э доиста то и разсмотренія требовало, ели шакове съ собомъ узети или не: особито двоица изъ међу ны, о коимасмо знали, дасу неисправляеми и крайнѣ упорни и опаки были, и о коима э Капетанъ казао, дасу то онакови бездѣлницы, коисе никаковомъ добротомъ предобити немогутъ. И ако онъ ны съ собомъ узме, то дакле иначе быти неможе нежели у увожћу и свези, дабы ны у первой Англійской коллони (поселѣнію) у руке земалской правди аки преступнике предали, видѣосамъ дакле, да и самъ Капетанъ отъ ны страха имаде.

Затимъ рекаосамъ нѣму, да ако онъ мени повѣри вещь, даћу я до тога довести моћи, даћеду они нѣга сами молити, и обо-

двоица

двоица ови люди, о коима онъ говори, овде на острову заостати. Тобы мени отъ свега сердца драго было, рекао э Капетанъ.

Добро дакле, яћу по ны послати и съ ныма у име твое говорити. Послаосамъ дакле Петка и она обадва порука (ербосу ови већь освобождени были зато, штосу содружницы ныни обѣщаніе свое исполнили) къ моей ями или подруму, и даосамъ они 5 люди онако, како штосу свезани были, къ моей сѣницы горе довести и ны тамо чувати, докле я онамо дођемъ.

Затимъ мало времена дошаосамъ я у моему новому одѣянію онамо, и садъ опетъ називаосамсе Губернаторомъ, кадсмо већь сви собрани были и Капетанъ кодъ мене, даосамъ робове предъ себе довести и рекаосамъ ныма: я о вашему злобному и пакостному поступку спроћу вашега Капетана полно извѣстіе имадемъ, и знадемъ какосте съ лађомъ побѣћи и іошть выше бездѣлія и убійства чинити хотѣли: Али э провидѣніе то на другу страну обратило, дасте вы у ваше собствене замке уфаћени, и сами баш у ону яму, коюсте другому копали, пали.

Ясамъ казао ныма, да э лађа на заповѣсть мою удержана была, и да она предъ

бре-

брегомъ на мачки стоитъ, и даћеду они скоро видѣти, да э нынъ Капетанъ плаћу пріимію, кою э бездѣліе нѣгово заслужило, ербоћеду они нѣга на найгорнѣй мотки среднѣ капарке высяща видѣти.

Штосе васъ дотиче, радбы я дакле знати, што вы на противъ тога отговорити знадете, да я васъ небы башъ као у самому дѣлу уфаћене разбойнике обѣситидао; како што и сумнятисе неможете, да я власть къ тому имадемъ.

Еданъ отъ овихъ отговоріо э у име свю други, да они ништа далѣ неимаду казати, него кадсу зароблѣни были, да э Капетанъ ныма свима вообще животъ даровао, и сви дакле милости просятъ умилно. Но, ясамъ нымаj отговоріо, да незнамъ какову милость ныма указати имамъ: ербо штосе мене дотиче, ясамъ намѣренъ островъ съ свима моима людма изоставити и съ Капетаномъ у Англію поћи: а штосе Капетана касаетъ, то онъ ны иначе неможетъ, нежели аки робове у гвожћу оковане у Англію повести, и ныма тамо ради учинѣнѣ ребеліе и бѣжаня съ лаћомъ процесъ на вратъ бацыти, изъ чега, како што и вы нужлно знати мораше, есу вѣшала неошаятелно слѣдство. Я дакле незнамъ, штобы за

ны

ны найболѣ было, ако они волѣ небы имали спасеніе свое овде на острову наћи. Ако то буде, тоће дакле за то быти, дабы я свободу имао ны овде оставити. И ако они тако мысле овде заостати, тобы и я къ тому склонѣнъ быо ныма животъ поклонити. Онису сви ово съ великомъ благодарностію признали, и рекоше, да хоћеду много радіе усудитисе овде остати, нежели себе у Англію повести, и тамо обѣсити дати, дакле э то тако изостало.

Капетанъ э међу тимъ нѣко э тягости учиніо, аки да онъ ны овде небы оставити смѣо. На коесамъ я на Капетана себе мало сердита показао и нѣму рекао, дасу то мои а не нѣгови робови, и кадсамъ ныма већь толико милости обѣщао, то хоћу дакле и рѣчь мою да одержимъ. Недопаднелисе нѣму ово позволѣти, тоћу я ны абіе у свободу ставити, како штосамъ ихъ и нашао, и ако нѣму и то по воли ніе, онда можетъ ихъ онъ опетъ у робство узети, али ево питаня, ако ихъ уфатити можетъ.

Овдесу они сви себе врло благодарне показали, и ясамъ свима свободу даровао и заповѣдіосамъ, дасе они у шуми сви на оно мѣсто соберу, откудсу и дошли, и яћу имъ оружіе съ барутомъ и оловомъ, и нѣ-

ка

ка упутствованїя оставити, какоћеду они овде сасвимъ добро живити моћи, само ако хотели буду.

Затимъ приправїосамъ себе сасвимъ на лађу поћи, казаосамъ обаче Капетану, дађу я iоштъ ову ноћь овде остати, дабы све вещи мое уредити могао, а онъ да идетъ на лађу све тамо уредити, и сутра уютру по мене чамацъ овамо послати, и такожде међу тимъ новаго Капетана на лађи обѣсити дати, дабы нѣга сви другїи видѣти могли.

Кадъ э Капетанъ отишао, даосамъ я ны опетъ свїю у мое обиталище собрати и упустїосамсе сь ныма у постояни разговоръ о ныному стаю. Рекаосамъ ныма, менисе чини, дабы ово, штосамъ казао, ныно найлепше избранїе было, ербо доиста ако Капетанъ ны сь собомъ отведе, то мораю они башъ извѣстно висѣти: показаосамъ ныма затимъ нынога Капетана на лађи обѣшена, и рекаосамъ, да и они то исто безсумнѣ очекивати имутъ.

Кадсу они већь сви свою готовость овде изостати изяснили, рекаосамъ ныма, дађу имъ нѣка извѣстїя о моему овде бывшему животу, и средства на руку дати, какоћеду животъ свой овде врло угоданъ учинити

Pag: 575.

Отшествіе изъ Острова.

нити моћи. Исказаосамъ ныма цѣлу повѣсть и качество овога мѣста, мое овде дошествіе, града мога строеніе, начинъ какосамъ хлѣбъ пекао, грожће сушіо, кратко, све што э годъ ныма отъ потребе овде сасвимъ угодно живѣти моћи. Такожде казаосамъ ныма повѣсть о онихъ 16 Шпанїеровъ, кое они овде очекивати имутъ; за коесамъ я овде писмо оставіо и съ коимсу они мени торжествено обѣщати морали братски и единодушно живѣти.

Оставіосамъ ныма такожде све мое оружіе, то есть 5 мушкети, 3 птичарице и 3 меча съ еднимъ буренцетомъ баруна, коесе іошпъ нашло, ербо послѣ перве 2 године верлосамъ мало баруна требовао и о свемусамъ ныма добаръ совѣтъ дао.

Кратко да рекнемъ: ясамъ ныма цѣлу повѣсть живота мога исказао и обѣщао ныма, даћу Капетану говорити, дабы онъ ныма іошпъ 2 буренца баруна и што годъ башченога сѣмена оставіо, даосамъ ныма такожде и онай жакъ грашка, кога э мени Капетанъ за ело донео, и наложіосамъ ныма таковъ сѣяти и умножаваши.

Послѣ како э то све овде совершено было, оставіосамъ я ны другій данъ на острову, и отишаосамъ на лаћу. Съ почетка

хоте-

хотелисмо абїе пловити, но и ову ноћь ïошть неизвукосмо мачке. Слѣдующи данъ врло рано допливалису двоица отъ оны пе-торица, коису на острову остали кь лаћи, и почелисусе о онима троицы врло тужити, и молилису за волю Божїю, дабысмо ихъ на лаћу прїимили, ербоћеду ихъ она троица цѣло убити.

Капетанъ э себе показао, аки да небы то безъ мене у нѣговой власти было, обаче какосу они свято исправлѣнїе обѣщали, былису прїимлѣни, и послѣ затимъ живо батинама бїени, крозъ воду вучени были, за коимъ ови раскошницы послѣ сасвимъ честно и мирно владалисусе.

Послѣ нѣкоего времена пошаосамъ у време приплива съ онима обѣщанима вещма на чамцу кь брегу, кь чему э ïошть и Капетанъ на мое прошенїе ныне сандуке и халине издао, и коесу они съ великомъ благодарностїю прїимили. Ясамъ ны бодрости налоїо говорећи ныма, акосе способъ случи, да я ныма лаћу послати могу, коябы ны прїимила, то я ны заборавити нећу.

Кадсамъ већь разлученїе отъ острова мога узео, донеосамъ такожде велику отъ козіе коже капу, коюсамъ начинїо, мою солнечну обрану, и еднога моихъ папагаевъ аки

аки святе мощи воспоминанїя на лаћу; та, кожде нисамъ и новце узети заборавїо, о коимсамъ горе сказао, и коису толико дуго време сви кодъ мене неполезни лежали, дасу већь сасвимъ захерћали и поплѣснивили и едва выше за сребро познавати были, докле годъ я ны нисамъ малко протрео и очистїо, при томсу были и они новцы, коесамъ на Шпанской лаћи нашао.

И тако изоставїосамъ овай островъ 19 Декемврїа (како штосамъ у лаћарскому брою нашао 1686: на коемусамъ 28: лѣта 2: мѣсеца и 19: дана живїо, и наимено изишаосамъ изъ овога второга робства у онай исти данъ мѣсеца, у коемусамъ на барки изъ *Салее* отъ морскога харамїе побѣгао.

У овой лаћи дошаосамъ послѣ долгога путешествїя 11го Іуніа лѣта 1687; у Англїю послѣ 35: лѣтнога отсутствїя.

Кадсамъ у Англїю дошао, быосамъ свакому странъ, аки да небы овде никада никому познанъ нибыо. Моя благодѣтелница и вѣрна хранителница, коейсамъ я новце мое повѣрїо, живила э ïошть, али э и велику несрећу у свѣту претрпила, была э већь други кратъ удовицомъ и врло у нищету пала, Ясамъ ню тога ради што э она мени дужна полно утѣшїо, и рекао, да она о томъ ни-

какове бриге неима, ясамъ ей много више изъ благодарности за нѣзино пречашнѣ попеченіе и вѣрность спрочу мене, колико э годъ мой мали капіталъ допустіо, помогао, кои э доиста іошть онда врло маленъ био. Увѣріосамъ ню обаче, да я нѣзину пречашню доброту спрочу мене никада заборавити нећу. Кое башъ и дѣйствително заборавіо нисамъ, какосамъ я већь доволно имао, да ей помоћи могу, коећу на надлежащему мѣсту сказати.

Затимъ отишаосамъ у *Іорхъ Сїръ*, али родители мои и цѣла фамілія већсу сви изумерли были, до 2: сетре и двое дѣце мое браће, коесамъ у животу застао: и будући дасу мене већь отдавно за мертва држали, и на мене отнюдъ ништа нїе броено, тако дакле да нисамъ нинайманѣ помоћи или укрѣплѣнія за себе нашао; и оно мало новаца штосамъ іошть имао, нїе доволно досягнути могло мене у свѣту подигнути.

Истина добіосамъ нѣку пробу благодарности, кою доиста очекивао нисамъ. Лаће Капетанъ, когасамъ я тако щастно отъ штете освободіо, и коегосамъ лаћу я и нѣзинъ товаръ различними предузетими средствами полно избавіо, дао э припяжателѣмъ преизрядно извѣстіе о начину и поступку, коимсамъ я лаћу и на ей животъ находящагося людства спасао, дасу они мене къ ныма доћи замолили, и мени іошть съ другима купцы, коису при томъ користь имали, не само велику похвалу о овой благощастно произведеной побѣди, него іошть и лепъ даръ отъ 200 фунти Штерлінговъ поклонили.

Послѣ какосамъ я различна разсмотренія о станю мога живота учиніо, и како мало све ово мени помоћи можетъ у свѣту опетъ дигнутисе: заключіосамъ дакле путешествіе *у Лізабону* учинити, да видимъ, не были каково извѣстіе о станю мога сада у Бразиліи и штосе съ моимъ ортакомъ случило, добити могао, кои э мене већь отъ много година безъ сумнѣ за мертва держао.

У овому намѣренію отишаосамъ дакле у *Лізабону*, гдисамъ слѣдующега мѣсеца Апріла дошао. Мой храбри Петко свудъ э самномъ путовао, и у свима способи вѣрнѣйшій слуга показиваосе.

Кадсамъ већь у Лізабону дашао, нашаосамъ распитиваући на мою велику радость мога старога благодѣтеля Капетана, кои э мене при брегахъ Афріканскихъ къ себи на лаћу пріимio. Онъ э већь доста остаріо био, отъ морскога живота престао

и лаћу сыну своему, кои такожде ніе отвише младъ быо, предао, и кои э іоштъ свагда Бразіліанску терговину водіо. Насъ двоица едва штосмо еданъ другога познати могли; алисе онъ опетъ мене скоро опоменуо, кадсамъ я нѣму казао, ткосамъ я.

Послѣ нѣки сердечни поздравлѣнія нашега старога познанства извѣстіосамсе я скоро, како штосе лако мыслити може, о моему саду и моему ортаку. Овай стари мужь рекао э мени, да већь отъ 9. година скоро у Бразіліи ніе быо, него то може казати, да кадъ э онъ послѣдни кратъ отонудъ пошао, да э нѣга онде іоштъ у животу оставіо; но обадвоица мое части надзиратели, коюсамъ я ныма дао, есу умерли. Међу тимъ надасе онъ, даћу я опетъ врло добаръ гласъ о расплодѣнію и напредку мога сада чути. Ербо на обще разширени гласъ, дасамъ я кораблѣкрушеніе терпіо и удавлѣнъ быо, дасу онда отъ нѣга поставлѣни надзиратели хесапъ о приходу мое части у саду Кралѣвскому хесапћіи (численику) дали, и овай э у случаю, да ако я никада више натратъ небы дошао и право на то учиніо, едну трећу часть отъ таковога Кралю дати, а оне друге две части Аугустинскому манастиру, да бы за помоћь

ћъ сирота и за обращеніе Індіановъ у Каѳолічески законъ употребили. Али како бы я или ткогодъ отъ моихъ появіосе и право на то учиніо, то бы ове две части опетъ абіе попунѣне быле, само окромъ годишнихъ Інтересовъ, кои э на Богоугодный путь употреблѣнъ быо. Али э онъ мене увѣріо, дасу кралѣвски земни хесапћіа и монастирскій туторъ и хесапћіа преко цѣлога овога времена велику бригу носили; годишнѣ вѣрно и правый хесапъ о приходу мое части издавати морали, отъ чегасу такожде готовъ новацъ свагда исправно исплаћено пріимали. Запитаосамъ нѣга, незнали онъ мени казати, коликосе већь садъ мой умножити могао, и мыслили онъ, ели то труда заслужава затимъ мотрити, и нећули я, ако онамо отидемъ, какова препятствія къ притяжанію мога правилнога наслѣдія о половици нати?

Колико э много, предначео э онъ далѣ, садъ преуспѣо, то онъ башъ истино сказати не можетъ, али толико добро знаде, да э мой содружникъ отъ оне друге половине, кою э онъ самъ у живао, сасвимъ и чрезвичайно богатъ поспао, и да э онъ, коликосе опоменути можетъ, чуо, како э она трећа часть кралѣва отъ мога уча-

стія,

стія, коя э опетъ другому монастиру дата, на 200 годишнихъ Мідоровъ износила. Н могули я мирно къ притажанію мое части доћи, то не бы никакови вопросъ ни быо, єрбо э ортакъ мой іоштъ живіо, кои бы правилно наслѣдіе мое освѣдочити могао, а и кромѣ тога морало э име мое у земному регістру записано быти. Казаоми э такожде и то, дасу наслѣдници моихъ обадвоице бывшихъ надзирателя врло честни и богати люди, и онъ мысли, да не само штоћеду они спомогателни быти мене у притяжаніе увести, него даћу я іоштъ и обылну сумму новаца за мой хесапъ у руку ныни наћи, како годъ и приходъ отъ кирїе, кои є, доклесу іоштъ родителн ныни живи были, ныма преће 12 година, колико се онъ опоминѣ, преданъ быо.

Ясамъ себе о овомъ удивителна и неудоволна показао, и запитаосамъ старога Капетана, како э то быти могло, дасу надзирателн съ моимъ добромъ тако играписе могли, на коесамъ я, како што онъ знаде, тестаментъ уредіо, и нѣга самога португиского Капетана за мога главнога наслѣдника поставіо?

То есть истина, рекао э онъ; али да моя смерть извѣсна нїе была, то дакле нїе

нїе ни онъ могао съ тестаментомъ као властникъ поступити, доклесе годъ башъ извѣстно небы дазнало, да я више у животу нисамъ. Онъ э такожде тестаментъ мой написати дао, и на нѣга право учинїо, и кадбы онъ быо извѣстни гласъ о животу или смерти моей добити могао, то бы онъ Інженію (тако називаю Португалцы и Шпанїери шећерну воденицу) чрезъ полномощнике у притяжаніе узео, и нѣговому садъ у Бразїлїи живущему сыну то учинити заповѣсть дао.

Али предначео э овай стари мужъ, іоштъ едну новину имамъ вамъ казати, коя вамъ можетъ быти неће тако угодна быти, као што э проче было. Вашъ ортакъ и ваши надзирателн наймено вѣруюћи као и савъ прочи свѣтъ, дасте вы већ мертви, предложилису мени у име ваше приходъ 6. или 8. первн година прорачунити, и есу мени исплатили; и будући да э дѣло онда велике расходе изискивало (ербо э валяло шећерну воденицу созидати и робове купити) што дакле нїе задуго онако велики быти могао, као што э послѣ быо. Но међу тимъ хоћу я вамъ о свему, штосамъ годъ прїимїо и на штосамъ прїимлѣно употребїо, хесапъ дати.

Послѣ

Послѣ нѣколико дана донесао э мени овай честни пріятель исчисленіе о приходу перви 6. година отъ мога сада моега ортака и сонадзирателей подписанъ. Издатокъ земни быо э свагда у добру и хеспапу, то есть дуванъ у балама, шећеръ у сандуцы, слатка ракія, сирупъ и прочая: као полза и користь шећернихъ садовъ, и видіосамъ изъ овога хесапа, да э приходъ сваке године обилно приращавао. Али како што э Капетанъ казао, да э расходъ съ почетка великъ быо, то э дакле и приходъ доста маленъ быти морао. Но преко свега казао э мени мои добри стараць, да э онъ мени іоштъ 470 Мідора дужанъ, и іоштъ кромѣ тога бо: сандука шећера и 15 сугубы бала дувана, кое э съ нѣговомъ лаћомъ пропало, кадъ э онъ около 11. година моіа отсутствія при нѣговомъ дома возвращенію у Лізабони кораблѣкрушеніе терпіо.

Затимъ извадіо э едну стару кесу, и дао э мени 200 Португиски Мідора у злату равно съ писменимъ изясненіемъ аки соучасника на нѣговомъ и нѣговога у Бразіліи находящагося сына лаћеному участію, аки полно увѣреніе ради оставшега, штоми іоштъ дужанъ остае.

Ясамъ

Ясамъ доиста о честности и дружеству овога нищега мужа верло и возбудително сожалѣнъ быо, нежели да бы то отерпѣти могао. И кадсамсе опоменуо, шта э овай человѣкъ за мене учиніо, и како э онъ мене милостиво и искрено у сви способи предсрѣтао, а особито каковъ э онъ честни и пріятни другъ и садъ спроћу мене быо, едвасамъ себе о томъ, што э онъ мени исказао, отъ плача удержати могао. Запитаосамъ нѣга найпре, ели садашнѣ станѣ нѣгово дозволява толико наваца безъ какове нѣгове теготе издати? Нѣчто мало теготно, рекао э онъ, морамъ истину сказати; но међутимъ туђису новци, и яћу ны можетъ быти іоштъ нуждніе требовати, нежели онъ самъ.

Све што э годъ овай честни стараць говоріо, было э крайнѣ сожалително, и едвасамъ нѣга безъ плача слушати могао, кадъ э онъ говоріо. Кратко, узеосамъ 100 Мідоровъ, и заискаосамъ мастило и перо нѣму квіту о томъ дати. Затимъ даосамъ нѣму остало напраћъ и рекаосамъ, ако я икада у притіжаніе моега сада и добра дођемъ, тоћу я нѣму доиспа и ово све опетъ возвратити, како штосамъ послѣ башъ и дѣиствително учиніо. А преписку

ради

ради участїя нѣговога сына на лаћи ни-коимъ начиномъ узети нисамъ хтео. Ако я новаца потребовати будемъ, рекаосамъ я, то знамъ, даће онъ толико честанъ быти и мене исплатити, аколи неузтребуемъ и тако срећанъ будемъ, до онога, о чему онъ мени надежду даетъ, доћи, то я отъ нѣга никада више ни еднога грошића прїимити нећу.

Кадъ э то већь прошло было, запитао э мене добри стараць, смѣли онъ мени казати, што я чинити имамъ, да бы наслѣдіе и право на моему саду одержао? рекаосамъ нѣму, да бы найболѣ средство было, да я самъ онамо отидемъ. То я учинити могу ако хоћу, рекао э онъ; аколи нећу, то имаде и кромѣ тога средстви доволно моя права удержати, и себи приходъ непосредствено приобщити и на мою ползу употребити. И будући дасу башъ лаће предъ Лїсабономъ у Бразїлїю пловити готове лежале, дао э онъ име мое у явни Регїстеръ увести съ своимъ присягнутимъ свидѣтелствомъ, да я їошть у живопу и оно исто лице есмь, кое э за уреждение реченога сада найпре Кралѣвске землѣ купило.

Послѣ

После како э све ово отъ еднога Нотарїуса потверждено и къ тому їошть полномощїе приложено было, рекао э онъ мени, све ово їошть съ еднимъ отъ нѣгове руке писмомъ на нѣкога купца у мѣсту, кога э онъ познавао, послати, и учинїо э мени затимъ понућенѣ кодъ нѣга толико дуго остати, докле годъ о томъ извѣстїе напрагъ не доће.

Ништо честнїе помыслитисе нїе могло, нежели цѣли поступокъ на ово полномощїе. Ербо преће нежели што э 7. мѣсеци прошло, добїосамъ я отъ наслѣдниковъ моихъ сонадзирателей, то есть онога терговца, на коегосамъ трошакъ я на море отишао, велику свезку, у коейсамъ слѣдующа писма и папїре нашао.

Перво: цѣли и полни хесапъ о приходу Кїрїе мога сада отъ онога лѣта, кадсу отцеви ныни съ моимъ старимъ Португискимъ Капетаномъ на 6. година уговоръ заключили; и послѣ овога хесапа остало э за мене 1174. Мїдоровъ.

Второ: Хесапъ отъ 4 године, доклесу їошть ствари у свои руку держали, преће нежели што э власть управлѣнїе аки отъ добра еднога изгубльнога человѣка на себе прїимила, и будући дасе сумма о моему

му участїю отъ онихъ мѣшутимъ умноженихъ приходовъ отъ сада на 3241 Мїдоровъ относила.

Трећe: Хесапъ отъ Пріора (Игумена) Августинскога Монастира, кои э користъ и ползу већь 14. година уживао; а будући да онъ нїе у состоянїю быо хесапъ учинити, колико э на болницу (шпїталъ) употребїо, себе опетъ честно изяснїо, да э їоштъ 872 Мїдоровъ пріимїо, кое їоштъ нїе раздѣлїо, и кое э онъ за мой хесапъ оставїо: штосе э обаче Кралѣвскога участія дотицало, отъ тога нїе ништа повраћено.

Была э такожде една посланица отъ мога ортака приложена, кои э мени сердечно щастїе желїо, дасамъ я їоштъ у животу; и мени извѣстїе дао, какосе добро поправило и колико э годишнѣ доносило, їоштъ и съ особнимъ назначеніемъ свакога юутра землѣ, кое э къ тому принадлежало; како э раћено, и колико э робова о томъ пословало и проч. И послѣ како э 22 креста назначїо, явїо э мени, да э равно толико и Богородицедѣво очитао, да бы пречистой дѣви благодарїо, штo э она мени животъ сачувала, такожде и позваоме врло молително, дабысамъ онамо дошао, и мое добро у мою власть узео, и мѣшутимъ нѣму зановѣ-

повѣсть послао, да бы онъ добра моя преуговорити могао, ако я скоро доћи небы могао, и заключїо э съ сердечнимъ своимъ и нѣгове цѣле фамїлїе почитаніемъ писмо. Ово э писмо такожде съ даромъ отъ 7 Леопардскихъ кожа украшено было, кое э онъ, какосамъ я мыслїо, изъ Афрїке преко друге онамо послате лађе, коя э срећніе путешествїе имала, нежели я, добїо. Послаомїе такожде 5. сандука пуне израднога конфекта и 100. комада у цѣлости и нѣчто манѣ отъ Мїдоровъ.

Съ овомъ истомъ флоттомъ послалису такожде и они обадвоица купци мои уреждени надзиратели 1200 сандука шећера, 800 бала дувана, и проче отъ цѣлога хесапа у злату.

Садсамъ башъ истинито казати могао, да э послѣдокъ Іова быо боли, нежели почетакъ. Неможесе описати, како э мени при прочитанїи овога писма сердце играло, а особито кадсамъ я сва моя богатства тако окрестъ себе видѣо. Ербо дасу Бразїлске лађе тако све у дружству дошле, тосамъ я дакле чрезъ ове исте лађе, коесу мени писма донеле, такожде и добра моя добїо, и овесу већь невредиме преће у Тагусъ дошле, нежели штосамъ я посланице

у

у руке добїо. Кратко побледїосамъ и скоро да у несвестицу паднемъ, и кадъ не бы овай добри человѣкъ спѣшећи съ сердечнимъ средствомъ укрѣплѣнїя мени на помоћь дошао быо, мыслїосамъ, ова изненада пришедша радостъ былабы естество мое надвладала, и я бы на мѣсту мертавъ остати морао.

Но іоштъ и послѣ тога нѣколико сати было э мени врло зло, доклесу по лѣкара послали, кои, кадъ э праву причину мое болести разумѣо, мени абїе кровь пустїо, закоимсамъ я облегчанїя осѣтїо и болѣ было; али доиста кадъ мени овимъ начиномъ не бы штогодъ помогнуто было, то бы я башъ и послѣ скоро умрети морао.

Ясамъ садъ већь Господинъ отъ 50000 фунти штерлинговъ постао у злату, и имаосамъ велико добро, како штосамъ нѣга и назвати могао, у Бразїлїи, кое э 1000 фунти на годину доносило, и тако стално и безбѣдно было, како годъ и каковъ спаилукъ гди годъ у Англїи, съ еднимъ словомъ, ясамъ себе садъ у онаковому стаю видѣо, кое и самъ постигнути нисамъ могао, какосамъ у нѣга дошао, или какобысе у уживаню таковога наћи могао.

Перво

Перво штосамъ учинїо, было э награжденїе мога благодѣтеля, комесамъ отъ почетка за све благодарити имао, мога доброга старога Капетана, коисе у моей великой нужди спроћу мене сожалилеланъ, и благъ у почетку, и честанъ и искренъ на концу показао; рекаосамъ нѣму, да я съ провидѣнїемъ Божїимъ, кое сасвими вещми управля, за мое цѣлое щастїе никому другому нежели нѣму самому благодарити имамъ, и да я садъ, како штосамъ отдавно желїо, у моей власти имамъ нѣму спократно све возвратити, кое и учинити хоћу. Найпре даосамъ нѣму они 100 Мїдора, коесамъ отъ нѣга прїимїо; затимъ послаосамъ по Нотарїуса и даосамъ нѣму главно отпущенїе или Квїту отъ они 470 Мїдоровъ, коихъ э онъ мени дужанъ быти признао, на совершени и крѣпки начинъ написати; пакъ послѣ даосамъ полномоћїе сочинити, коимсамъ я нѣга за Господина и и прїемника моихъ годишнихъ приходовъ отъ мога сада наименовао, и моему орпаку даосамъ на знанѣ нѣму хесапъ отдавати и приходъ на обикновенной флоти у мое име на нѣга пошиляти, іоштъ съ придатомъ клаузуломъ, (вмѣстителномъ) да онъ, докле э годъ живъ, отъ мога добра 100

Мї-

Мїдоровъ и послѣ нѣга сынъ нѣговъ такожде 50; пріимати имаде: и такосамъ квїтірао мога незаборавлѣнаго и любезнаго старца о свему.

Садсамъ мыслити имао, кудаћу путь мой предузети, и штоћу съ овимъ добромъ, кога э мени провидѣніе Божїе оваковимъ начиномъ у руке дало, започети? и доиста то э мени више бриге учинило, нежели штосамъ у моему самоћному животу на острову имао, гди ништа више нисамъ потребовао, нежели штосамъ имао, и ништа више имао, нежели штосамъ потребовао: али садсамъ већъ тако велико бреме на себи имао, и мораосамъ затимъ мыслити, какоћу то у безбѣдность донести. Садъ нисамъ имао яму, у коюбы новце мое сакрїо, или каково друго мѣсто, гди бы оны безъ браве и ключа лежати, захрћати и поплеснивити могли, нежели дабысе ткогодъ о томъ побринуо: садъ доиста знао иисамъ, гдићу ихъ метнути, или кому ихъ вовѣрити имамъ; едно прибѣжище, коесамъ іошть имао, быо э стари Капетанъ, о коегосамъ честности я башъ полно увѣренъ быо.

Абїе затимъ учинимисе, да полза моя мене у Бразїлїю поћи позива, али я о томъ іошть

іошть мыслити нисамъ могао тамо поћи, докле годъ дѣла моя несовершимъ и добро мое у безбѣдности неоставимъ. Съ почетка мысліосамъ на мою стару удову пріятелицу, на коея честность и искренность спроћу мене, као штосамъ знао, ослонитибысе могао: али э она была већъ врло стара и тако сиротна, и коликосамъ я знао, дугомъ обтерећена; съ еднимъ словомъ нїе никаково друго средство за мене остало, нежели башъ самъ у Англїю натрагъ поћи и добро мое сасобомъ понести.

Но међу тимъ прошло э опетъ нѣколико мѣсеци, доклесамъ себе къ тому преволѣти могао. И међу тимъ стаосамъ такожде, кадсамъ већъ мога первога благодѣтеля Капетана полно къ нѣговому удовольствїю наградїо, о томъ мыслити мою бѣдну удовицу такожде съ награжденїемъ помоћи, коея мужь мой перви благодѣтель, и она, докле э годъ у власти нѣзиной было, моя вѣрна управителница и учителница была. Перво штосамъ затимъ учинїо, было э, дасамъ я на еднога Лїзабонскога терговца нѣговога содружника писати дао, нїози несамо векслу исплатити, него ню іошть и потражити, ей у име мое у гомову новцу 100. фунти штерлинговъ да-

ти, и съ нїомъ самомъ башъ говорити, и у нѣзиной бѣди и нищети ню съ тимъ утѣшити, да я, ако живъ будемъ, за ню такожде и у напредакъ старатисе хоћу. У то исто време послаосамъ моимъ обадвема сестрама, кое истина да нису никакове нужде терпиле, али нису башъ ни у найболѣму станю быле, свакой по 100. фунти шперлинговъ. Една отъ ови была э удовица, а друга имала э мужа, кои ню нїе башъ найлепше предсрѣтао.

Изъ међу свїю мои сродника и познаника нисамъ могао ни еднога изнаћи, коему бысе усудїо капїталъ мой вовѣрити, дабы у Бразїлїю поћи, и такови безъ бриге оставити могао: кое э мени много немира проузроковало.

Добїосамъ волю у Бразїлїю отићи и себе, будићи дасамъ и безъ тога тамо окуђенъ быо, онде утемелити, али нѣке препоне ради закона, коесу у мени быле и о коимаћу я їошть выше говорити, удержалесу мене примѣтително отъ овога намѣренїя. Засадъ башъ нїе законъ быо, кои э мене отъ тога удержавао онамо поћи, ербо како што я изъ тога никаковога размышлѣнїя чинїо нисамъ отъ закона землѣ оне яванъ быти, коликосамъ дуго онде быо, то дакле нисадъ ни-

нисамъ отъ тога ништа мыслїо, но међу тимъ мыслїосамъ отъ нѣкоего времена честно о томъ; као и пређе, и кадсамъ на то помыслїо, да я међу ныма живити и умрети имамъ, ондасамсе почео раскаяваши, дасамъ себе за Римо Каѳоліка издао, и мыслїосамъ, да то нїе башъ найболи законъ, у коему умрети валя.

Али засадъ башъ да рекнемъ, нїе то главни узрокъ быо, кои э мене удержавяо, да я у Бразїлїю небы отишао, него да я башъ дѣйствително знао нисамъ, кому я мой Капїталъ вовѣрити имамъ. И тако э дакле при заключенїю остало у Англїю поћи, гдисамъ я о пришествїю моему мое какове годъ сроднике наћи надаосе, коибысу мени вѣрни были, дакле приправїосамъ себе съ цѣлимъ моимъ добромъ къ путешествїю у Англїю готова.

Дабы обаче све їошть на предъ у пристойность довео, заключїосамъ, ербо Бразилїанска флота опетъ онамо ићи хотяше, правилна и вѣрна извѣстїя и хесапе, коясамъ отонуду добїо, пристойно отговорити. Писаосамъ наипре Игумену Августїнскога Монастира писмо полно сердечне благодарности за нѣгово праведно поступлѣнїе и за издатокъ отъ 872 мїдоровъ,

кое онъ іоштъ ніе издао быо, и отъ коихсамъ нѣга замоліо 500 Монастиру и 372 по нѣговому мнѣнію нищимъ и убогимъ раздѣлити, при чему равно и себе молитви добрыхъ отцевъ препоручити нисамъ заборавіо.

За тимъ писаосамъ такожде и моимъ сонадзирателемъ благодарствену посланицу тако обвязателно, коликое годъ она почитанія пристойности и честности изискивала. Дарова никакови, ербо такови ни требовали нису, нисамъ ныма послао.

Напослѣдокъ писаосамъ такожде и моему ортаку, учиніосамъ нѣму благодарность за нѣгово прилѣжаніе, съ коимъ э садове поправіо и нѣгову честность о умноженію главнога добра, даосамъ нѣму такожде извѣстіе ради далшега управлѣнія на моему талу по указу моему старому Капетану даннаго полномощія, и на нѣга све, што годъ принадлежи, пошиляти, докле годъ онъ отъ мене далю наредбу нечуетъ, и увѣріосамъ нѣга при томъ, да намѣреніе мое ніе само онамо доћи, него іоштъ и на цѣли остатокъ мога живота тамо окућитисе. Овой посланицы приложіосамъ еданъ честни даръ отъ нѣколико комада Таліанскога свиленога матеріяла за нѣгову Госпожу и дщери, ербо

(ербо да э онъ девояка имао, чуосамъ отъ Капетановога сына) съ двима комади найлепше Англійске чое, коесамъ у Лізабони добити могао, 5 комада церне кадіфе и нѣколико драгоцѣне брабантске златне чипке.

Кадсамъ већь овимъ начиномъ све вещи мое у исправность ставіо, товаръ мой платіо, и савъ мой хесапъ у добре измѣне посланице премѣніо, быо э дакле вопросъ, кои я путь у Англію предузети имамъ? и коликосамъ врло къ морю привикнуо быо, то садашни кратъ имаосамъ особно омерзѣніе водомъ у Англію неићи, башъ ако отъ тога и причину никакову доказати могу, но оно э тако велико было, да я, акосамъ већь ствари мое на лаћу и донео быо, опетъ намѣреніе мое и два и три кратъ премѣніо.

Можетъ быти, да э то къ тому причина была, штосамъ я већь доволно на морю несрећанъ быо, но я опетъ повторавамъ, штосамъ горе рекао, нитко да не презираетъ крѣпко побужденіе своихъ собственихъ мнѣніяхъ у падежахъ овакове важности. Две отъ они лаћи, коесамъ я избрао быо, наймено выше, нежели друге, у едну вещи мое натоварити, а у другой съ лаћаромъ мое персоне ради погодбу учинити,

нити, све обадве лаће былесу несрећне, ербо э една отъ Англійски морски харамія отята и обладана, а друга разбиласе на тако называему мѣсту Штартъ, или сакривенима седрама кодъ Торбаїа, и сви люди подавилисе, тако дакле, дабы я на свакой овой лаћи (на коей већма, тешкосе можетъ сказати) крайнѣ нещастанъ быо.

Овако себе собственима мыслима мучећи наваліо э мой стари Капетанъ, коемусамъ све повѣріо, башъ озбилски на мене водомъ у Англію неићи, него или сувимъ у Гроїну савитка отъ Бічкаїе до Рошела, откуда э послѣ врло лако путешествіе у Галаисъ и Доверъ, или Мадрідъ узети и тако цѣли путь преко Француске сувимъ учинити.

И будући да я и безъ тога противо свакога воденога пута кромѣ: отъ Галайса у Доверъ: преволѣнъ быосамъ, заключіосамъ дакле твердо цѣли путь преко сува учинити, и я неспѣшећи и трошкова не штедећи при томсамъ остао, и овай путь быо э врло пріятанъ и угоданъ. Дабы мени овай путь іоштъ краснїи и угоднїи учинѣнъ быо, довео э мени мой стари Капетанъ еднога младога Англеза сына нѣкоего у Лізабони живущега Англійскога купца, кои э радъ быо са-

самномъ путовати. И кромѣ овога прибавилисмо мы іоштъ двоицу Англійски терговаца и два Португійска млада Господина (отъ коихъ э еданъ само до Парїза съ нами путоваши хотѣо) тако да насъ у дружству 6 и 5 служителя бяше, ербо она обадвоица терговцы, и обадвоица Португизи послуживалисусе паръ и паръ съ еднимъ служителѣмъ, дабысу штогодъ трошка уштедили, ясамъ обаче іоштъ еднога Англійскаго Галіяша покрай мога Петка за служителя пріимїо, ербо э Петко отъ выше странъ быо, него дабы онъ мѣсто и службу еднога служителя на овому путешествію чинити могао.

Овимъ начиномъ дакле отишаосамъ я изъ Лізабоне на путь, и будући да э цѣло содружество наше на коны и добро вооружено было, тосмо мы дакле нѣку малу чету чинили, надъ коїомсу они мени честь показали, и мене Капетаномъ своимъ наименовали, ербосамъ я мећу ныма найстаріи быо, и два служителя имао, и башъ главни поводъ овога цѣлога путешествія быо.

Онако, као што я читателю досадъ съ никаковимъ моимъ морскимъ повседневнимъ описиванѣмъ нисамъ тяготанъ быо, то дакле ненамѣравамъ и никаковимъ сувимъ пу-

путующи быти, али опетъ нѣка приключенія, коясу насъ на овому досадному и тешкому путу предсрѣла, неваля да изоставимъ.

Кадсмо у Мадрїдъ дошли, хотѣлисмо, ербосмо сви страни были, нѣкое време овде задержатисе, дабысмо дворъ Шпанскїй и друго, што бы видѣнія достойно было, видѣли; али будући да э лѣто већь при концу было, моралисмо далѣ поспѣшити, и оставилисмо Мадрїдъ у полакъ Октомврїа, али кадсмо на границу отъ Наваре дошли, былисмо на многихъ мѣстахъ съ тимъ гласомъ уплашени, да э на Француской страни толико много снѣга пало, дасу многи путницы принуждени были у Помпелону натрагъ возвратитисе послѣ крайнѣ погибели и суетнога труда далѣ поступати моћи.

Кадсмо башъ у саму Помпелену дошли, видѣлисмо, да э то башъ истино тако, и мени, коисамъ я топлу клїму и у земля онакови живити навикао быо: гди доиста едва и халина на тѣлу терпитисе можетъ, была э зима ова зѣло несносна, и равно тако нагла, како годъ и вредителна за мене, коисамъ само преће 10 дана изъ старе Кастеліе дошао, гди э погода, не само што э топла, него

іошшъ

їошшъ врло жестока была, и тако у кратко време затимъ вѣтаръ отъ пиренейскихъ планинъ чувствителанъ дуао, кои э тако остро лютъ и хладанъ быо, да человѣкъ нѣга сносити ни э могао, и быосамъ у погибели премрзнути и можетъ быти и ручне и ножне персте изгубити.

Моему сиромаху Петку было э їошшъ и горе, кадъ э планине сасвимъ великимъ снѣгомъ покривене видѣо, и хладно време чувствовао, каковога онъ їошшъ никада у своему животу нити э видѣо, нити э чувствовао.

У време нашега бытїя у Помпелони почело э їошшъ къ тому тако нагло и тако дуго снѣжити, дасу люди почели говорити, зима э преће времена дошла, и путови, коису и предъ тимъ доста зли были, дасу већь сасвимъ непроходими. Снѣгъ э на нѣки мѣсти толико высокъ лежао, да мы башъ проћи нисмо могли, и да онъ и кромѣ тога нїе онако, као у сѣвернимъ земляма твердо смерзнутъ быо, то дакле нїесе могло ни корачай поћи, да не бы погибели подлежали живи погребени быти. Моралисмо дакле найманѣ 20 дана у Помпелони остати. Садъ обаче кадъ э већь зима сасвимъ наступила, и никакове надежде къ болѣму времену ни э

было,

было, (ербо э садъ иайлюћа зима у цѣлой Европи была, коясе отъ много година приключила ніе:) учиніосамъ я предлогъ, да мы сви у Фонтарабію и оттуду на лаћи у Бордуксъ идемо, кое э едно врло мало путешествіе было.

Доклесмо мы то тако совокупно 'совѣщавали, д шлису двоица Французске Господе, коису на Французкой страни при уходамъ тако исто задержани были, како годъ и мы на Шпанской, коису обаче путевожда нашли были, кои э ны напречацъ преко землѣ до близу верха отъ Ланжедока чрезъ онакове путове преко планине водіо, да они отъ снѣга многога препятствія нису имали, а гдису и нашли у множеству снѣга быо э онъ, реклису они, доволно твердо смерзнутъ, да э онъ ны и ныне конѣ одержати могао.

Мысмо дакле абіе по овога путевожда послали, кои э намъ казао, да хоће то на себе пріимити насъ онимъ истимъ путемъ провести, дасе небы отъ снѣга никакове погибели страшити имали, само да морамо обилно вооружени быти себе отъ дивихъ звѣровъ хранити моћи; ербо у време овога великога снѣга даюсе често множество куряковъ при отези планина видѣти, и коису

коису изъ недостатка хране и глада, ербо э земля сва снѣгомъ покривена, сасвимъ люти и помамни. Напротивъ овакови созданія, као штосу ови, реклисмо мы, дасмо доволно и оправно вооружени, ако онъ насъ само противо нѣкоего вида отъ двоеножни курякова увѣрити можетъ, о коимасу намъ казали, дасе мы особито при отези планинъ на Француской страни врло много страшити морамо.

Онъ э насъ увѣріо, дасе мы на оному путу, коимъ поћи имадемо, ни за едну таковихъ погибелей бринути неимамо; мысмосе дакле абіе согласили овому путевожду слѣдоваши, то исто учинилису такожде и они 12 Господара съ своима служители, коису, како штосамъ казао, іошть преће отићи хотѣли, алисусе опетъ вратити морали.

Мы дакле сви заедно изъ Помпелоне съ нашимъ путевождомъ 5 Ноемврїа на путь отидосмо, и доиста доволно нисамсе начудити могао, кадъ э онъ намѣсто, штобы у напредакъ управо путемъ, коимсмо мы изъ Мадріда дошли были, съ нама преко 20: міля опетъ натрагъ пошао, закоимъ, кадсмо већь преко две рѣке прешли, и на равну и чисту землю дошли были, опетъ у нѣкой топлой клїми, гдіе предѣлъ красанъ

и

и никакова снѣга видѣти нïе было, себе нашли. Али на еданъ кратъ окренуосе онъ къ лѣвой страни, и приближïосе нѣкимъ другимъ путемъ къ планини, и колико э страшна гудура и пропасть видѣти была, то э онъ опетъ толико заметница, странпутица и савïяня учинïо, дасмо мы башъ да рекнемъ непримѣтително преко верха планине прешли, да нама нïе снѣгъ отъ выше тяготанъ быо, и на еданъ кратъ показао э онъ намъ прекрасне и плодоносне предѣле отъ Ланжедока, и Гасконе сасвимъ зелене цвѣтуще, акосу они їошт̀ъ и доста предъ нама далеко удалѣни были, и мы до ны їошт̀ъ много тешкога пута предъ собомъ имали.

Но међу тимъ было э намъ опетъ мало тешко, кадъ э еданъ кратъ цѣли еданъ данъ и цѣлу ноћь снѣжило, да мы башъ ни кренуписе нисмо могли, но путевождъ нашъ рекао э намъ, да мы тога ради свободно весели будемо, и да неће дуго трајати, пакћемо мы већь онде быти. И доиста видѣлисмо, да мы сваки данъ выше доле и далѣ къ сѣверу долазимо, нежели прећe, мысмо насъ на нашега путевожда ослонили и пошлисмо далѣ.

Было

Было э рецы 2 сата предъ вечеръ, нашъ вождъ быо э нѣчто предъ нама, и намъ не башъ у очïю, кадъ на еданъ кратъ три страшна куряка, и за ныма еданъ медведъ изъ нѣкога просѣлнога пута искочише, кои э до нѣке густе шуме досязавао. Два отъ куряковъ скочилису за вождомъ, и кадбы онъ само еданъ четверть сата отъ насъ удалѣнъ быо, тобы они нѣга безъ сумнѣ растергали и изѣли были, и то прећe, нежели штобы мы нѣму на помоћь доћи могли. Еданъ отъ овихъ обѣсïосе о нѣговому коню, а другïй напао э башъ на самога нѣга съ таковомъ яростïю, да онъ нïе времена или присутствïя душевнога доволно имао, ни пиштоль свой извући, него само што э започео храбро выкати, и насъ звати. Ясамъ фришко Петку заповѣдïо, кои э до мене найближе быо, онамо отрчати, да видитъ, штосе случило. Како э Петко вожда усмотрïо, почео э выкати изъ гласа, како годъ и онай, о Господине! о Господине! но преко свега онъ аки дерзновени юноша, као што э и быо, потерчао э управо онамо къ вожду и пробïо э куряку, кои э на нѣга ограисао быо, танетомъ главу!

Срећа э тога бѣднога человѣка была, што э то мой храбрый и неустрашими

Петко

Петко бьо, ербо овай, кои э оваковимѣ звѣровомъ у земли нѣговой навыкао бьо, нїесе отъ ны ни найманѣ страшїо, него э юначки на звѣра пошао и нѣга, како штосмо сви видѣли, абїе къ земли поразїо; коебы кои другїй у оваковому одолѣнїю пуцаюћи или куряка незгодїо, или человѣка танетомъ потрефїо.

Али дерзновенїега человѣка, као мене, моралобы то зла и опака учинити, и доиста пало э све цѣло наше дружство у немирѣ и усмутню, кадсмо мы на гласъ Петковога пиштоля отъ свїю страна страшнѣйше урликанѣ куряковъ, и то отъ отзива (*exo*) планинъ тако укрѣплѣна чули, данамсе учинило, кхо дабы овде излишно множество куряковъ было, и доиста морало э ихъ быти много, да мы небы узрока имали отъ ныхъ плашитисе.

Међу тимъ кадъ э Петко већь еднога куряка убїо, оставїо э онай другїй коня, на кога э бьо напао абїе, и побѣгао э у шуму. Срећомъ да э овай другїй коня кодъ главе щепао бьо, гдїе нѣга гвожће у зубе бьо-ло, да онъ коню нїе великога вреда учинїо. Али вождъ нашъ бьо э већма повређенъ, ербо э нѣга овай яростни звѣрь два кратъ угризао; еданъ кратъ из руцы, а другїй

мало

мало выше отъ колѣна, и онъ э башъ у оному смущенїю съ коня опровергнутисе хотео, кадъ э Петко онамо дотрчао и куряка утукао.

Тосе лако помыслити може, дасмо мы сви на гласъ Петковога пиштоля, штосмо скорѣе могли, поспѣшили и тако хитро яшећи терчали, колико э годъ намъ іоштъ врло хрћави путь дозволїо, дабысмо видѣли, што э было. Какосмо крозъ дрвета, коясу намъ іоштъ видѣнїе усмотрити воспятствовала, яшећи протерчали были, видѣлисмо башъ ясно, што э было, и како э храбри Петко нашега бѣднога вожда витески освободїо, колико мы башъ ома раззнати нисмо могли, какови э то звѣрь бьо, кога э онъ убїо.

Али іоштъ никада нїе битка тако витиски, и на овакови чудадостойни начинъ вождена была, као ова, коя э међу Петкомъ и медведомъ ислѣдовала; и коя э намъ свима (акосмосе башъ съ почетка и уплашили были) велику радость учинила, коясе и кадъ помыслити може. Онако као што э медведъ тешки и незграпни звѣрь, и не онако као курякъ на ногахъ берзъ, кои э лакъ и скорь, то онъ опетъ два особна свойства имать, по коймасе онъ обыкновено

кодъ

кодъ свїю свои дѣла и движенїя управля. Перво человѣкъ ніе нѣговъ порядочни залогай или похищеніе, окромъ мораобы нѣга сасвимъ какови необыкновени гладъ къ тому принудити, и како э садъ случай, гдїе снѣгъ сасвимъ сву землю покрїо био. Пакъ їошть и онда неће онъ на человѣка тако лако ограйсати, ако человѣкъ на нѣга преће не нападне. Срепнели нѣга тко годъ у шуми, тоће онъ нѣга и онда съ миромъ отпустити, ако тко у нѣга недирне, али опетъ мора человѣкъ спроћу нѣга врло любезанъ быти и нѣму съ пута изступити; ербо э онъ врло тугаливи Господинъ, и неће башъ и никакову прїнцу ны едну стопу съ пута скренути. И башъ акосе тко годъ отъ нѣга дѣиствително страшитъ, есть найболѣ средство кудъ годъ на другу страну гледати и своимъ путемъ управо иѣи; аколи стане и почне на нѣга живо гледати, то онъ многократно за нѣко поруганіе держитъ, дакле болѣ манигасе! Бацилисе ткогодъ за нымъ и потрефига, башъ акобы то и само съ перста дебело парче штапића было, то онъ себе онда за крайнѣ поругана держи, и све оставитъ, пакъ отмщенію своему слѣдуетъ; ербо ако честь нѣгова увреждена будетъ, то

то онъ всячески хоће удовлетвореніе да имять, и то есть перво нѣгово свойство. А друго у томъ состоитъ, да онъ онога, кои нѣга веѣь еданъ кратъ увреди, никада данъ и ноѣь неоставля, докле годъ отмщеніе свое неугаси, и нѣга непреривно тера, доклега годъ не стигне.

Кадъ э веѣь мой храбри Петко вожда нашега освободїо, и нѣму башъ съ коня съ яшипи помоћи хотѣо, ондасмо мы дошли онамо; ербо э человѣкъ како уплашенъ, тако и угризенъ, али опетъ веѣма уплашенъ, нежели повређенъ био. Али на еданъ кратъ видѣлисмо, да медведъ опетъ изъ шуме идетъ. Овай био э доиста врло страшни звѣръ и тако велики, каковога я їошть никада у моему животу видѣо нисамъ. Свисмо доста у страху были, кадсмога видѣли: али кадъ э нѣга мой витизъ Петко усмотрїо, могласе башъ явно радость и храбрость у лицу нѣговому видѣти. О! о! о! повикао э онъ три кратъ едно за другимъ показуюћи на звѣра, Sie geben mir die Erlaubniß, ich mit ihm anbinden, ich sie gut was zu lachen mach, допуститеми, дасе я съ ныме счепамъ, яћу вамъ штогодъ смѣя учинити.

Чудїосамсе овога юношу тако весела видѣти, и рекаосамъ, будало! та медведѣе тебе съ кашомъ и съ кикомъ! — прогутати. Mich auffreſſen? mich auffreſſen? мене прогутати? мене прождрети? рекао э Петко два кратъ. Ich ihn aufeſſen, ich ihnen was gutes machen will zu lachen. Яћу нѣга прождрети и вамъ штогодъ смѣха учинити. И тай часъ сѣо э на землю, и свукао ципеле съ ногу. Фришко затитъ навукао э еданъ паръ шлїопара или лаки ципела, кое э у жепу имао, дао э моему другому служителю свога коня, пакъ э онда као вѣтаръ съ своїомъ пушкомъ онамо отлетїо.

Медведъ ишао э сасвимъ полагано, и ніе захтевао ни съ кимъ ништа имати, докле годъ Петко, кадъ э већь близу нѣга было, као дабы нѣга медведъ разумѣти могао, викати стао: Hör doch! Hör doch! ich mit dir ſpreche! — чуешъ! чуешъ та я съ тобомъ говоримъ! — мысмо слѣдовали у нѣкоему отдалѣнїю, ербосмо већь на Гасконской страни планине доле были, и у едну густу шуму дошли, гдїе земля равна и доста простпрана была, акосу башъ древета сѣмо и овамо разсѣяна стояла.

Петко, кои э медведу све устопце слѣдовао (како што э речено) быога э већь

ћь скоро стигао, и бацїосе за нимъ съ еднимъ доста повеликимъ каменомъ, и трефїога э башъ у главу: али съ тимъ онъ нѣму ніе веће никакове штете учинїо, него толико, као да бысе башъ и на зидъ .акови бацїо; но преко свега онъ э съ тимъ опетъ намѣренїе свое постигао; ербо э Петко тако отъ страха свободанъ быо, да э онъ то само изъ намѣренїя учинїо, да бы медведъ къ нѣму пошао, или нѣга потерао, и онъ ами смѣя начинити могао, као што э обѣщао.

Како э медведъ каменъ ощутїо и Петка видѣо, окренуосе и абїе съ ћаволскима корачаи за нимъ терчати почео, и тако хитро ишао, да бы конь каковїй у среднѣму терчаню доволно посла имао съ ниме сравнитисе. Садъ э почео и Петко терчати, што э годъ болѣ могао, и летїо э у право къ нами, као да бы помоћи кодъ насъ тражїо; чега ради мы сви, да бы нѣга избавили, вапру на медведа бацити хтедосмо. Међутимъ быосамъ я врло сердитъ, да э онъ звѣра, кои э преће съ миромъ путемъ своимъ ишао нечинећи намъ никакову обиду, садъ нама свима на вратъ довукао, а особито разсердїосамсе на то, да э онъ садъ што э онъ предъ звѣромъ бѣжати почео,

Ты псето! ели то она забава, коюсу ты нами учинити хтео? таки да идешъ овамо, и узми твога коня, да мы звѣра на хрпу стровалимо. — Nein nit schießen! Не, немойтега убити! повикао э онъ, кадъ э мене говорећа чуо. Still stehen ich za lachen machen. Мирно стойте, садћу я смѣхъ начинити, и потерчао э обикновеною хитростїю своїомъ свагда два корачая далѣ и преће, него што э медведъ ишао. Затимъ окренуосе фришко къ нами, и кадъ э еданъ велики растъ, кои э къ нѣговому намѣренїю способанъ быо, усмотрїо, мануо э рукомъ на насъ, да бысмо за нымъ слѣдовали, ускорїо э корачае свое, оставїо э пушку реци 5 корачаи отъ дрвета на земли лежащу, и попеосе, што э скорїе могао, на дрво.

Медведъ є абїе къ дрвету дошао, а мысмо у нѣкоему отдалѣнїю за нымъ ишли. Перво э было, што э онъ учинїо, да э онъ кодъ пушке стоећи остао, онюшїо э пушку, пакъ опетъ ю онде оставїо, пакъ несматраюћи на свою излишну тегоћу, попеосе као мачка горе на дрво. Ясамъ доиста о лудости (ербомисе тако чинило) мога Петка съ почетка сасвимъ занешенъ быо, и свагда їоштъ нисамъ могао, кадбы башъ животъ на томъ стояо быо, кодъ цѣле

вещи

вещи ни найманѣ што годъ смѣя достойно наћи, докле нисмо медведа на дрво пенятисе видѣли, кадсмо ближе онамо дояшили были.

Кадсмо већь къ дрвету дошли были, видѣлисмо Петка на найкрайнѣй части едне велике гране сѣдяща, и медведа рецы на половицу за нымъ. Како э медведъ далѣ онамо дошао, гдїе грана слабїя бывати почела, повикао э Петко къ нами: Ha! nu soll sie seh, wie ich will lehrn den Bär tanzen! Ха! садћете видѣти, какоћу я медведа играти учити! затимъ стао э онъ граномъ нихати и трести. Медведъ затимъ быо э у магадїо, стао э обаче малко мирно, освратїосе э, да види, какоће опетъ натрагъ умакнути моћи. Садъ башъ моралисмосе доиста громко смѣяти. Петко обаче їоштъ за дуго нїе могао съ нымъ готовъ быти. Кадъ э Петко нѣга мирна стоећи видѣо, повикао э їоштъ еданъ кратъ къ медведу; мыслећи да медведъ Англїйски говорити знаде; Was? willst nit weiter kommen? bitte dich doch, komm näher! Шта? нећешъ далѣ доћи? та доћи баремъ ближе! затимъ престао э онъ гибати и замаивати граномъ, и медведъ, башъ као да бы нѣга разумѣвао быо, пошао э малко далѣ; затимъ почео э

онъ

онъ опетъ нихати граномъ, и медведъ морао э опетъ стати.

Мыслилисмо ето, да э садъ башъ право време было нѣму обикновенну ћушку дати, и повикалисмо къ Петку, дасе онъ мирно содержава, мы хоћемо, да убіемо медведа; но онъ э сердечно молити почео, да мы то неучинимо. O bitte! bitte! повикао э онъ, nicht ſchießen, ich ſelber ſchießen gleich. О молимъ васъ! молимъ! немоите пуцати, яћу самъ садъ абіе пуцати. Кратко да рекнемъ, Петко э играо толико, и медведъ стояо э тако готовъ на скокъ, дасмо мы доиста смѣха доволно имали; али себе іоштъ сасвимъ представити нисмо могли, штаће напослѣдокъ изъ тога да буде. Најпре мыслилисмо, даће онъ медведа као крушку съ гране да стресе, алисмо видѣли, да е медведъ о томъ опетъ паметанъ было; ербо онъ ніе никада толико далеко ишао, да бы онъ съ гране баченъ быти могао, негосе іоштъ свагда више съ своима широкима ногама и канћама за грану тверће хватао. Мы іоштъ нисмо могли себи представити, какоћесе најпослѣ ова Петкова играчка съ медведомъ окончати.

Али э Петко фришко отъ насъ сумню отузео. Ербо кадъ э видѣо, дасе медведъ врло

врло яко за грану щепао, и ніесе преволети дао далѣ доћи; рекао э онъ, Gut, gut! du nicht weiter kommſt; ich gehen, ich gehen! du nicht kommſt zu mich, ich komm zu dich. Добро, добро! Ты нећешъ далѣ да идешъ, яћу ићи, ићи! кадъ ты къ мени нећешъ, ето мене дакле къ теби. И затимъ отишао э на најкрайніи и таны край гране, коясе савити дала, и спустіосе врло мудро и полагано преко нѣ доле и толико, докле э доста сниско быо, да э съ дервета на землю иа ноге скочити могао, узео э затимъ пушку, истао э мирно подъ дерветомъ

Добро Петко, рекаосамъ, штоћешъ садъ чинити? та зашто не пуцашъ и нѣга већь еданъ кратъ доле несвалишъ? Nicht ſchießen рекао э онъ, ich ſchießen; ich nit Tod ſchießen; ich warten noch zu lachen mach. Неваля пуцати, яћу пуцати, нећуга убити; яћу чекати, да іоштъ выше смѣха начинимъ. То э онъ доиста и учиніо, како штоћемо абіе видѣти. Ербо кадъ э медведъ видѣо, да э нѣговъ непріятель отишао, пошао э и онъ съ оне гране, на коіой э онъ стояо, натрагъ, али э и времена къ тому узео, и при свакомъ далѣму поступку или корачаю моштріо э около себе добро. И тако э најпослѣ

послѣ къ деблу дервета дошао, и затимъ све далѣ натрашке по деблу доле, за коесе онъ папцима добро фатао, и тако полагано свагда едномъ ногомъ движенїе чинећи. У овому станю и башъ преће, нежели што э онъ стражнима ногама на землю стао, притерчао э Петко къ нѣму онамо, наслонїо нѣму наустїе отъ пушке у ухо и убїо э медведа на мѣсту.

Садсе Петко окренуо, да види, смѣемолисе мы, и када э изъ лица нашега видѣо, да э то нами поволно, почеосе и самъ изъ гласа смѣяти, и рекао: овако мы убїямо медведе у нашой земли. Тако убїяте вы медведе, рекаосамъ я нѣму, та вы неймате никакови пушака. Истина неимамо пушака, рекао э онъ, али имамо много велики стрѣла.

Истина да э ово за насъ лѣпа забава была, алисмо мы їоштъ ссагда у дивячному предѣлу были, и нашъ вождъ быо э врло уязвлѣнъ тако, дасмо едва знали, штаћемо започети, такожде и урликанѣ куряковъ мутилосе по моей глави врло крѣпко, и доиста шумъ, когасамъ я кадъ годъ при брегахъ Афрїканскихъ чуо, и о чемусамъ већь што годъ казао, нїесе съ овимъ ни сравнити могао.

Ово

Ово дакле и приближенїе ноћи позвало э насъ поћи, иначе бысмо морали, као што э Петко хтео, кожу овога великога звѣра съ собомъ узети, коя э и доста вредна была сохранѣна быти. Но мы ималисмо їоштъ три мїлѣ пута, и нашъ вождъ навалїо э быо на насъ, да идемо: мысмо дакле то оставили тако, и предузелисмо нашъ путь далѣ.

Земля э їоштъ свагда снѣгомъ покривена была, ако и нїе башъ онако високо и погибелно, као у планинама, и скитающися звѣри былису, како штосмо послѣ чули, доле у шуме на равнину дошли, да бысу отъ глада принуждени што годъ хране нашли, и многосу несреће у сели и мѣсти учинили, гдису они жителѣ напали, много ныни оваца и коня и такожде и сами люди подавали.

Моралисмо їоштъ еданъ врло погибелни предѣлъ проћи, како што намъ э нашъ вождъ казао, и ако їоштъ курякова у земли имаде, то мы ны доиста наћи морамо. Ово э была една мала съ обадве стране съ горама окружена равница, и дугачки уски продоръ, крозъ коисмо мы проћи морали, кадбысмо крозъ шуму ићи хтели, пакъ

онда

онда текарѣ дошли бысмо у село, гди бысмо ноћити морали.

Было э около полѣ часа предѣ заходомѣ солнца, кадсмо у перву шуму и мало послѣ захожденія, кадсмо на равнину дошли. У первой шуми ништа нисмо видѣли, окромѣ на едной малой равнини у средѣ шуме, коя ніе отѣ 200 корачаи дужа была; и курякова преко друма у полной спѣшности еданѣ за другимѣ, као да бы какови добитакѣ усмотрили были, и за нимѣ терчали, онамо идуще видѣли. Они насѣ нису усмотрили и у нѣколико мінута умакнулису изѣ лица нашега.

На то рекао э нами нашѣ вождѣ, кои э мимогредѣ говорећи главни лумповѣ было, дасе у доброму станю содержавамо, ербо онѣ мысли, даће іоштѣ више курякова предѣ насѣ на путь изићи.

Держалисмо дакле оружіе наше готово и очи отворене; нисмо обаче никакови куряка више видѣли, докле нисмо крозѣ шуму, коя э около полѣ мілѣ дугачка была, на равнину дошли. Какосмо овде дошли, ималисмо узрока довслно приправни быти. Перви предмѣтѣ, когасмо овде нашли, была э една мерцина коньска, коюсу куряци удавили; ербо э ны реци читаво тесте іощтѣ

кодѣ

кодѣ дртине было, сказати немогу, дабысу ели, ербосу месо іоштѣ преће све изѣли были, но много више моралису башѣ саме кости глодати.

Дакле нисмо за паметно держали ны кодѣ нынога ручка узнемирити, а и они на насѣ нисусе особно осврћали. Петко э радѣ быо на ны ватру бацити, али я никоимѣ начиномѣ то допустити нисамѣ хтео; ербосамѣ я добро примѣтіо, дћемо мы скоро іоштѣ више посла добити, него штосмо садѣ мыслили. Мы нисмо были іоштѣ ни половицу равнине прошли, кадсмо сѣ лѣве стране отѣ насѣ куряке у шуми страшно урликаюће чули; и абіе видѣлисмо ихѣ и 100 управо на насѣ идуће и сви у полку, а боля часть у правой лініи тако правилно, аки нѣка войска, коябы отѣ искусни Офіцїровѣ поведена была. Я доиста едвасамѣ знао, каковимѣ начиномѣ мы ны дочекати имамо; видѣосамѣ, да овде никаковога другога средства нейма, него да мы сви себе у едну заключену Лінію ставимо. И тосмо абіе тако учинили; да бысмо обаче што скорїе и свагда еданѣ за другимѣ пуцати могли, заповѣдіосамѣ, да свагда еданѣ точію на еданѣ кратѣ опаливати и ватру давати имать, а другіи, кои опалили нису,

сваг-

свагда у готовости стояти имуть курякомъ втору ватру дати, ако бысу їоштъ далѣ на насъ пошли. Они, коису найпре вечь пушке избацили были, нису морали абїе опетъ пушке набїяти, него э сваки съ пиштолѣмъ своимъ у приправности стаяти морао; ербо э свакїй отъ насъ съ едномъ пушкомъ и двема пиштоли вооруженъ био. На овай начинъ дакле могла э свагда половица отъ насъ 6. ударцовъ у едно време учити. Но међу тимъ мы ово за садашни кратъ отъ потребе нисмо имали. Ербо на перви ударацъ отъ пушака стао э непрїятель, како годъ отъ звука тако и отъ ватре уплашенъ стоећи, четири отъ ны, коису танети башъ у главу потрефлѣни были, осталису мертви, и многи други былису ранѣни и отишлису, како штосмо мы по трагу познати могли, крваво отовудъ. Примѣтїосамъ, дасу они стали и себе нису абїе у бѣгство дали. Садми э на умъ пало, дасамъ кадъ годъ чуо, како и найдивїи звѣрови точїю отъ гласа человѣческога себе у бѣгство ставляю. Заповѣдїосамъ дакле, да цѣло наше дружство изъ свега гласа, како годъ можетъ, викати почнетъ, и видїосамъ абїе, да э ово мнѣнїе башъ истино было. Ербо они на нашу вику почелисусе абїе

абїе осврћати и натрагъ вући. Даосамъ затимъ їоштъ едну салву за ныма опалити, на кою они у полному бѣгству у шуму побѣгоше.

Затимъ добилисмо мы времена наше пушке опетъ набити, и да небысмо съ тимъ времена губили, набїялисмо пушке путујући. Али едва штосмо пушке набили и себе у приправность ставили, кадсмо съ лѣве стране у той истой шуми страшни звукъ и урликанѣ чули; само да э то нѣчто малко далѣ отъ онога пута было, коимсмо мы ићи морали.

Садъ э већь ноћь наступила и почело доста мрачно бывати, кое э вещь за насъ їоштъ горе учинило. И будући да э вика све већа бывати почела, тосмо дакле лако знати могли, да э то урликанѣ и лаянѣ ови пакленски звѣрова было, и на еданъ кратъ видѣлисмо два три чопора корякова, еданъ съ лѣве стране, еданъ отстрагу за нами, и еданъ предъ нами идућїй тако, дасмо сасвимъ отъ ны окрожени были. И будући да они на насъ ограисали нису, тосмо и мы дакле путешествїе наше тако скоро предузели, како годъ штосу кони наши ходити могли, кое мы, ербо э путь врло херћавъ био, ни мало далѣ, нежели

еданъ

еданъ по добаръ касъ учинити могосмо. Овимъ начиномъ добилисмо дакле найпослѣ просѣкъ шуме предъ собомъ, крозъ коисмо при послѣднѣмъ краю равнине проћи морали. Алисмосе врло уплашили, кадсмо башъ при уходу тѣснога просѣка, и кадсмо башъ у нѣга ући хтели, велико множество курякова стоеће видѣли.

И на еданъ кратъ кодъ другога просѣка шуме чулисмо звукъ отъ пушке, и кадсмо онамо погледали, видѣлисмо еднога коня съ седломъ и уздомъ, кои э као вѣтаръ оттудъ бѣжећи истерчао, и отъ 6 и до 7 корякова у полной спѣшности теранъ био. Истина конь э далеко напредъ био: али да мы вѣровати нисмо могли, даће онъ то тако дуго одержати моћи, то дакле и сумнялисе нисмо, да они нѣга стигнути неће̂ду, као штосе э и случило.

Овдесмо доиста ужасну сцену (позориште) видѣли. Ербо кадсмо мы у уходъ поялшили, откуду э конь онай изишао био, видѣлисмо мерцыну другога коня, и двоицу отъ ови бѣснуеми звѣрова разстергани люди, отъ коихъ э еданъ по прилики онай бытти могао, когасмо мы пуцаюћи чули, ербо э избачена пушка башъ близу нѣга лежала,

ла, глава нѣгова обаче и горняя частъ тѣла была э већъ сасвимъ изѣдена!

Ово э доиста насъ страха и ужаса тако напунило, да мы већъ садъ незнадосмо, куда поћи имамо. Но звѣрови довелису насъ фришко на заключеніе, ербо у надежди добитка и похищенія скупилисусе они сви около насъ, и мыслїосамъ, да э ны до 300 было. На нашу велику срећу лежалису сасвимъ близу ухода у шуми нѣка велика дрвета, коясу прошедшега лѣта посечена и свалѣна была, и само на отвозъ чекала. Међу ова дрвета увеосамъ я мой мали полкъ унутра, и овде ставилисмосе сви за едно дугачко лежаще стабло у редъ, за коимсамъ заповѣдїо свима съ коня сяшити и дерво аки заклонъ предъ собомъ удержати, и у едному троеуголїу или фронту (конѣ унутра) приправни стояти.

Тосмо дакле тако учинили и врло э добро за насъ было, дасмо то тако учинили: ербо никаково бѣснуемїе и жешће нападеніе неможесе помыслити, нежели штосу овде куряцы на насъ учинили. Онису съ страшнимъ шумомъ на насъ ударили, и скочилису на дрвета, коясу, како штосамъ казао, наша обрана и заклонъ была горе, као дабы башъ на похищеніе свое скочити хотѣли.

тѣли. Ову ярость моглису, како штосе э намъ учинило, наши коны, коесу они за нами стоеће видѣли, проузроковати, ербосу ови добитакъ похищенія были, за коимсу они мыслили. Заповѣдіосамъ дакле нашимъ людма, као и преће, то есть свагда трећій человѣкъ пушку да опали, и онису доиста тако добро нишанили, дасу абіе на первый ударацъ (салву) нѣколико курякова убили. Али э садъ већь нужда была непреривну ватру содержавати, ербосу они башъ аки дяволи навалили были, заштосу свагда они стражни перве съ силомъ напредъ турали.

Послѣ вторе салве наши пушака учинисе намъ, да они мало престадоше, и надаосамсе већь, даћедусе они отовудъ отвући: али э то само едно тренуће ока траяло, ербо они затимъ опетъ на насъ ударише. Опалилисмо такожде и све наше пиштолѣ, и овомъ четверогубомъ ватромъ убилисмо ихъ рецы 17: и до 18: и іоштъ два кратъ толико смертно ранили, но несматраюћи на то дошлису и ударилису они опетъ на насъ.

Я нисамъ радъ быо мой послѣдни набой тако фришко избацыти. Повыкаосамъ дакле мога служителя (ніе мога Петка, ербо э онъ у већему дѣлу быо, зашто э онъ съ найве-

найвећомъ хитлености у средъ ватре сраженія и мою и свою пушку набіяо.) Зовнуосамъ дакле мога другога служителя и рекаосамъ даюћи нѣму мой рогъ съ барутомъ, да иде на дерво, и колико э годъ оно дугачко, по нѣму потезу барута да поспетъ, и ню, колико годъ можетъ, широку да начини. Онъ э то учиніо, и само што э толико времена имао себе оттудъ уклонити, кадсу куряцы онамо дошли, и већь нѣкои горе скочили. Затимъ узеосамъ я еданъ праздни пиштоль, донеосамга на барутъ, отдапео тетикъ и тако барутъ упаліо, изъ чегае тако называеми текущій огнь произишао. Они куряцы, коисусе већь на дрво попели были, былису оттудъ опровержени, и 6 или 7 палису, или скочили, или много выше силомъ ватреномъ забунѣни међу насъ. Овы у едному магновенію ока былису поражени овде, а они други тако верло и нагло отъ свѣтлости огня уплашени, кои э ноћь (ербо э већь сасвимъ скоро мрачно было:) іоштъ страшнію чиніо, натрагъ поступили.

Затимъ заповѣдіосамъ наше послѣднѣ пиштолѣ у едной салви избацыти, и затимъ сталисмо сви, штосмо годъ гласніе могли, выкати; абіе окренушесе куряцы на-

 трагъ,

прагъ и мысмо абїе искочили на полѣ и напалисмо рецы едно 20 уязвлѣни, коисусе по земли вукли, и почелисмо ихъ сабляма сѣћи. Ово э дакле намѣренію нашему полно соотвѣтствовало. Ербо э якъ и урликанѣ овихъ было отъ ныни содружника болѣ разумлѣнъ тако, дасу они найпослѣ сви побѣгли и насъ оставили.

Мысмо рецы бо курякова убили, и кадбы данъ было, шо бысмо мы ны їошть выше утукли были. Послѣ како э сраженія полѣ отъ наши непріятеля очищено было, предузелисмо мы нашъ путь далѣ, ербосмо їошть скоро едну мїлю ићи морали.

Путуюћи чулисмо мы ови похитителни звѣрова често у шумахъ лаюће, и кадъ кадъ мыслилисмо, дањемо башъ и видѣти кое, али да э снѣгъ очи наше засѣнявао, шо дакле и извѣстно знати ниемо могли. Текаръ послѣ еднога сата дошлисмо у варошъ, гдисмо преко ноћи остати хотѣли, гдисмо све у крайнѣму страху и све воружено заспали; ербо былису куряцы и нѣколико медведовъ на ово мѣсто напали, и жителѣмъ таковїй страхъ задали; како што-

су

су себе и принуждене видѣли данъ и ноћь а особито ноћомъ стражу держати, дабы како марву свою, тако и сами себе сачувати могли.

Слѣдующи данъ нашаосе нашъ вождъ врло зло, и нѣгови удови отъ теготе рана тако отечени, да онъ далѣ поћи ніе могао. Мысмо дакле принуждени были овде новога вожда узети и у Тулосе поћи, гдисмо мы шопли воздухъ, плодоносни и угодни предѣлъ, и нити снѣга, нити куряковъ или иначе штогодъ таково нашли. кадсмо обаче нашу повѣсть у Тулосу исказали, казалису намъ, да э то у оной великой шуми при отези планинъ особито обаче, када снѣгъ на земли лежитъ, зѣло обикновена вещь. Али особито радису были знати, каковъ э то путевождъ быти морао, коисе усудити могао насъ у оваковой зими онимъ путемъ повести, и увѣрилису насъ, да мы за велику срећу казати можемо, што мы сви нисмо истергани и изѣдени были. Али кадсмо мы казали, какосмосе мы уредили были, и наше конѣ у среду узели, то

имъ отнюдъ нïе поволно было, и реклису, да-смо мы оваковимъ начиномъ їошть верло добро прошли, ербо конысу башъ онай предмѣтъ, кои куряке тако желателно бѣснуеме чинитъ, зашто они у коньма залогай свой видятъ, а иначе онисе башъ дѣйствително отъ пушке плаше; и будући дасу они чрезвичайно гладни, и башъ изъ тога узрока тако яростни были, то э дакле желя нына къ коньма доћи ны противо сваке погибели нечувствене учинила. И кадъ мы небы оваковомъ непрерывномъ ватромъ, и съ преваромъ текућега огня ны надвладали были, то бысмо мы башъ необходимо сви на комаде рестергани были. А кадбысмо свагда мирно на наши коны сѣдећи остали были, онда они люде, кадъ на коньма сѣдятъ, не сасвимъ онако за похищенïе свое разсмотраваю, као иначе, кадбысмо мы найманѣ, реклису они далѣ, сви заедно стали и наше конѣ изоставили, то бы они онда тако желателни были конѣ изѣсти, да бысмо мы сасвимъ безбѣдно оттуду побѣћи могли,

и

и їошть кадсмо пушке сасобомъ имали, и насъ толико много заедно было.

Я найманѣ отъ мое стране нисамъ никада овако дуго у погибели био, као овай кратъ. Ербо кадсамъ я до 300 такови дявола урликаюће и съ явнимъ отмщенїемъ насъ прогутати къ намъ идуће видѣо, и нигдисе сакрити или побѣћи знао, мыслїосамъ самога себе већь сасвимъ изгубљѣна быти. Мога живота нисамъ радъ више никада преко они планина путовати, и волеобы тысящу мїля водомъ учинити, башъ акобы и извѣстно знао, дабы сваке недѣлѣ по едну бурю претерпѣти морао.

На овой страни преко Французске нïесе ништа особно случило, и небысамъ знао ништа особно о томъ сказати, што други путници већь 10 крати сказали нису. Изъ Тулоса отишаосамъ у Парїзъ, и себе онде особно дуго незадержаваюћи у Галаїзъ, и дошаосамъ найпослѣ 14 Іануарїа благощастно у Доверъ.

Садсамъ већь намѣренïе мога путешествїя сасвимъ достигао, и у кратко време

ви-

видѣосамъ сва моя нова откривена богатства щастно кодъ себе, ербо премѣне посланице, коесамъ сасобомъ донесао, былесу абіе све готово и полно исплаћене.

Моя главна совѣтница тайна, по] коіомсамсе я садъ найвыше управляо, была э моя добра стара удовица, коей изъ благодарности за ону помоћь, коюсамъ я ей послао, никакови трудъ, никаково попеченіе мене ради шешко ніе было, и асамъ себе у свему и свачему на ню сасвимъ ослоніо тако, дасамъ садъ већь ради безбѣдности мога имѣнія совершено миранъ быо, и доиста быосамъ отъ почетка башъ до самога конца сасвимъ чрезвичайно благополучанъ, едну жену овакове искренне и неложне честности за пріятелицу имати.

Садсамъ заключіо мое имѣніе у руке ове честне Госпоже предати и опетъ у Ліза-бону и оттуду у Бразілію поћи. Али э садъ мени опетъ друга препречка на путь стала, и ово э была законъ. Спроћу Каѳолїческога закона имаосамъ іошт у време мога странствованія и особито у моему са-

самоћному животу нѣко сумнѣніе; и тосамъ знао, да садъ неваля ни мыслити у Бразілію поћи, и іошт манѣ себе тамо окућити, ако явно законъ овай пріимити не бы хотео, онда бысамъ дакле волю имао жертва мое науке и просвѣщенія, и мученикъ за законъ быти, и у рукахъ святыя Інквізіціи умрети. Заключіосамъ болѣ кодъ куће остати и мой садъ, како перву прилику добіемъ, абіе продати.

Къ овому намѣренія концу писаосамъ моему старому пріятелю у Лізабону, кои э мени на то отговоріо, да онъ такови онде врло лако продати можетъ. Хоћули я нѣму дозволѣти такови у име мое онимъ двоици купцемъ [наслѣдникомъ мога бывшега надзирателя у Бразіліи, кои башъ у мѣсту самому живутъ, и вредность сада совершено знаютъ, такожде како што самъ я знао, былису и врло богати, и коиће-ду садъ, како што онъ мысли, врло радо купити, ны понудити, и онъ нимало несумнясе, дaћу я 4. и до 5. тысяща талира више нежели иначе изъ тога пріимити.

Съ

Съ тимсамъ я врло радо удоволянъ быо, и замолїосамъ нѣга садъ мой ныма понудити, кое э онъ и учинїо; и у времену 8. мѣсеци, кадъ э лаћа оттуду натрагъ дошла, добїосамъ я отъ нѣга извѣстіе, дасу ови понуду нѣгову пріимили, и 33000 талїра на еднога ниныхъ споразумѣниковъ у Лизабони мене исплатити послали.

Ясамъ подписао ону на мене изъ Лїзабоне послату купеческу посланицу и послаосамъ ю моему честному спарцу, отъ когасамъ я спроћу мога 32800 талїра пріимїо, при чемусамъ я такожде учинїо, да нѣму на цѣло време нѣговога живота 100 Мїдоровъ, и равно нѣговому сыну 50 такожде, докле годъ живи, отъ сада мога плаћано имати да будетъ.

* * *

Дакле садсамъ већь перву часть повѣсти мое издао, живота полногъ премѣни случаевъ и приключенїяхъ, и полна такови многосправни нападенїя, коясе рѣдко у свѣту

ту наћи могутъ, и кои э, хотясе онъ безразсудно започео, опетъ много щастнїе окончао, нежели штосамъ я икада надатисе могао.

Сватко э садъ мыслити морао, даћу я кодъ оволико великога щастїя богатства коесамъ садъ имао, свега белая оканутисе, и себе никаковимъ новимъ погибелемъ подвергавати; и у другима обстоятелствы моралобы то тако башъ и быти, али ясамъ већь еданъ кратъ немирному животу навикао, нисамъ никакове фамїлїе имао, или много сродника, и акосамъ башъ и богатъ быо, нисамъ опетъ многога познанства учинїо. Истина дасамъ већь имѣнїе мое у Бразїлїи продао быо, но я опетъ ову землю изъ главе мое избацити нисамъ могао, и имаосамъ велику волю усудитисе їоштъ еданъ скокъ онамо учинити. И особито нисамъ могао крѣпкому побужденїю противо стати острова мой їоштъ еданъ кратъ видѣти и чути, ели Шпанїери онде живутъ и какосу они бездѣлницы, коесамъ онде оставїо, ны предсрѣтали.

Моя

Моя вѣрна пріятелица удовица, истина да э мене отъ тога пута живо отвраћала, и до тога э и тако далеко издѣйствовала, дасамъ я скоро пунихъ 7. година мирно когъ куће остао. У траяню овога времена пріимїосамъ обадвоицу мое сыновце, дѣцу еднога отъ мое браће, подъ свою руку и надзирателство. Старїега, кои э самъ нѣчто мало добра имао, воспитаосамга нѣговому стаю сходно, и опредѣлїосамъ нѣму іошть еданъ прилогъ или шалъ послѣ мое смерти. Онога другога учинїосамъ Капетаномъ отъ лађе; и будући дасамъ нѣга іошть у нѣговомъ 5 годишнѣмъ возрасту аки еднога храброга, ватренога, и дерзновенога юношу видѣо, даосамъ дакле нѣму едну добру лађу и послаосамга на море. И овай юноша развратїо э мене послѣ, колико-самъ я већь старъ быо, самога опетъ на нова чудивища усудитисе изићи.

Но мећутимъ ясамъ себе опетъ овде удомїо. И преће свїю други вещи оженїосамсе, и то нити на мою штету, нити на досаду или неудоволствіе каково. Имаосамъ

съ

съ ньомъ трое дѣце, два сына и едну дщерь. Али кадъ э жена моя умерла, и сыноваць мой съ полнимъ щастїемъ съ пута изъ Шпаніе кући дошао, даосамсе опетъ отъ мое склонности скитатисе, и нѣговога непреривнога прошенія превариши, дасамъ я као приватни купецъ у восточну Індію на нѣговой лађи отишао. Ово э было у лѣту 1694-му.

На овому путешествїю посѣтїосамъ мое ново поселѣніе на острову, надгледаосамъ мое наслѣднике Шпанїере, чуосамъ цѣлу повѣсть нынога живота, и онихъ бездѣлниковъ, коесамъ онде оставїо; какосу они зло съ почетка Шпанїере предсрѣтали; какосу они послѣ часъ согласни, часъ несогласни были; за часъ соединилисе, а за часъ опетъ расталисе, и какосу найпослѣ Шпанїери принуждени были, силу и власть противо ны употребити; какосу ны Шпанїери покорили; и какосу опетъ человѣчески ны предсрѣтали. Да рекнемъ една повѣсть, кадбысе я у то упустити хтео, коя бы тако о многоставностехъ и

чуде-

чудесних пруключенїяхъ, како годъ и моя собствена богата была. Особито о нынихъ сраженїяхъ съ дивяцы, коису много кратн на островъ дошли были, и о поправлѣнїю, коесу Шпанїери на острову самому уредили, и какосу 5. отъ ныхъ усудилисе онамо къ сталной земли прећи, и 11. Люди и 5. жена аки робове съ собомъ довели, отъ коихсамъ я при моему пришествїю 20 дѣце на острову застао.

Овдесамъ реци до 20. дана изостао, снабдѣосамъ ны са свима потребностми, особито оружїемъ, барутомъ, оловомъ, халинама, халапомъ, и съ двима рукодѣлцы, коесамъ изъ Англїе съ собомъ довео, то есть съ еднимъ дунћериномъ и съ еднимъ ковачемъ.

Послѣ раздѣлїосамъ землю међу ныма, при чемусамъ я свойствено право отъ цѣлога острова за себе самога удержао; и ныма обаче по содержанїю тако умѣрене части дао, дасу они съ тимъ доволни были; и послѣ кадсамъ међу нима све у порядокъ ставїо, и отъ ны обѣщанїе добїо ово мѣсто

сто никада оставити; отишаосамъ отъ овуда опетъ на путь.

Путуюћи нисамъ ни Бразїлїю мимоишао, и послаосамъ отовуда едну по велику лађу (Schallupe) коюсамъ овде купїо, іошть съ више люди на островъ онамо, међу овима было э 7. жена, коесу како за дѣло тако и за супружества етанѣ за онакове, кои бы ихъ узети хтели, способне были. Англезомъ обѣщаосамъ нѣколико жена изъ Англїе, и іошть съ еднимъ товаромъ другихъ потребностехъ, акоћедусе они съ прилѣжанїемъ къ землѣдѣлїю и домостроенїю склонити, за коесе я у слѣдству више старати немогу, послати. Ови люди поступилису такожде врло честно и прилѣжно, послѣ какосу обладани и покорени были, и већь сваки за себе особну землю и притяжанїе имао. Послаосамъ ны ма такожде 5 крава, отъ коихсу три стеоне были, изъ Бразїлїе съ нѣколико оваца и свиня, коесусе послѣ, кадсамъ я опетъ онамо дошао, чрезвычайно умножиле были.

Све

Р 564

Све ово и съ извѣстїемъ, какосу 300 дивяковъ на островъ дошли были, на ны напали, и ныне садове и ныве разрушили; и какосу они два кратъ съ цѣлимъ овимъ множествомъ сраженїе имали, найпре избіени и единъ отъ ныхъ погинуо; какосу они опетъ послѣ, кадъ э буря чунове ныни непрїятеля на морю сокрушила, скоро сви оставши отъ глада истаяли, или иначе истреблѣни были, и они садове свое опетъ обновили и у притяжанїе узели, и їошть свагда на острову живутъ; све ово говорим я, и їошть съ другима чудеснима приключенїяма, коясу мене самога їошть у послѣдни 10. лѣта предсрѣла, можетъ быти, даћу я у будуща їошть единъ кратъ свѣту позната учинити.

Конецъ перве части.

